

Санкт-Петербургский научно-культурный центр по исследованию
истории и культуры скандинавских стран и Финляндии
Кафедра истории Нового и Новейшего времени
Исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета
Русская христианская гуманитарная академия

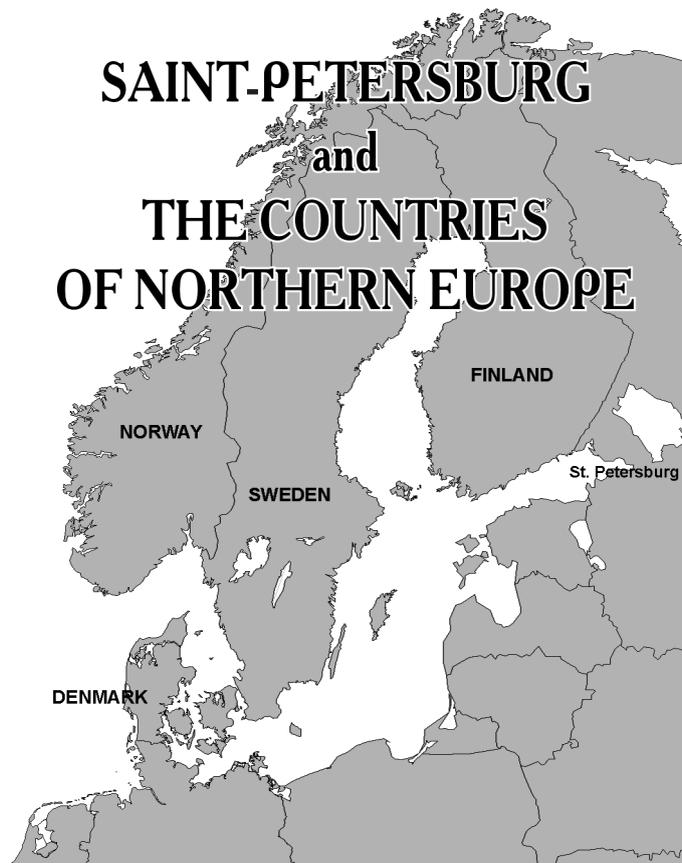
*Материалы Десятой ежегодной
международной научной конференции*

Санкт-Петербург
2009

St. Petersburg Scandinavian Center
Saint Petersburg State University,
Department of History
The Russian Christian Academy for the Humanities

SAINT-PETERSBURG and THE COUNTRIES OF NORTHERN EUROPE

*Proceedings of the 10th Annual International
Conference*

Saint-Petersburg
2009

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, профессор *В. Н. Барышников*
(ответственный редактор);
д-р ист. наук, профессор *Н. И. Барышников*;
Т. Н. Гордецкая;
д-р ист. наук, профессор *А. П. Кротов*;
канд. ист. наук *К. Е. Нетужилов*;
д-р филос. наук *Д. В. Шмонин*;
канд. филос. наук *Т. Ф. Фадеева*

Рецензенты:

канд. ист. наук, доцент *А. В. Лихоманов*
(Российская Национальная библиотека);
канд. ист. наук *А. И. Терюков*
(Музей антропологии и этнографии РАН)

Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Десятой ежегодной международной научной конференции (16–17 апреля 2008 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб.: РХГА, 2009. — 448 с.

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов Десятой ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Книга рассчитана на всех, кто интересуется проблемами отношений Санкт-Петербурга со странами Северной Европы.

На обложке:

Вид арки Главного штаба. 1822. Фрагмент.
Литография К. П. Беггрова.

ISBN 978-5-88812-385-0

- © Коллектив авторов, 2009
- © В. Н. Барышников, П. А. Кротов, составление, 2009
- © Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов Десятой юбилейной ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Конференция была организована под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию истории и культуры скандинавских стран и Финляндии, кафедры истории Нового и Новейшего времени Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Русской христианской гуманитарной академии (РХГА), а также Историко-этнографического музея-заповедника «Ялкала».

Конференция проходила с 16 по 17 апреля 2008 г. с участием историков, филологов, этнографов, искусствоведов, музееведов и культурологов, которые ведут исследования в рамках изучения Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона. Материалы предыдущих конференций были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98–99», а также в последующих изданиях, вышедших под названием «Санкт-Петербург и страны

Северной Европы»¹. Традиционно в конференции принимали активное участие ученые РХГА, члены профессорско-преподавательского состава исторического факультета и факультета международных отношений СПбГУ, а также научные сотрудники Российской академии наук, ряда музеев и архивов. Зарубежными участниками конференции были историки из Финляндии, Швеции и Великобритании.

¹ Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98–99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб., 1999. С. 431–490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Четвертой ежегодной научной конференции. СПб., 2003; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Пятой ежегодной научной конференции. СПб., 2004; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Шестой ежегодной научной конференции. СПб., 2005; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Седьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2006; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Восьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2007; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Девятой ежегодной научной конференции. СПб., 2008.

PREFACE

The collection contains scientific articles prepared on the base of reports' materials of the Tenth annual International conference "Saint Petersburg and Northern European countries".

The conference was organized by St. Petersburg Center for Research History and Culture Of Scandinavia and Finland, the Modern history department of the Historical faculty of the St. Petersburg State University, Russian Christian Academy for Humanities (RCHGA) and the Historical – ethnographic museum – reserve "Yalkala" took part in organizing the conference too.

The conference was held 16–17 April 2008. Historians, philologists, ethnographers, researchers of art and museums, culturologists, who make their research work in studying Petersburg and North-West region, participated in it. The materials of previous conferences were published in volume "Petersburg readings 98–99" and further editions called "Saint Petersburg and Northern European countries"¹.

According to tradition scientists from RCHGA, many teachers and professors from historical, philological faculties of the State University, also research

workers of the Academy of Science, some museums and archives took part in the conference. Foreign participants of the conference were historians from Sweden, Finland and Great Britain.

¹ Petersburg and North European countries // Petersburg readings 98–99. The Proceedings of Enciclopedia's library "Saint Petersburg – 2003". SPb., 1999. P. 431–490; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the annual Scientific Conference. SPb., 2001; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the annual Scientific Conference. SPb., 2002; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the fourth annual Scientific Conference. SPb., 2003; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the fifth annual Scientific Conference. SPb., 2004; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the fifth annual Scientific Conference. SPb., 2005. The Proceedings of the sixth annual Scientific Conference. SPb., 2005; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the seventh annual Scientific Conference. SPb., 2006; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the eighth annual Scientific Conference. SPb., 2007; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the ninth annual Scientific Conference. SPb., 2008.

**ЛЮДИ И СОБЫТИЯ
СКВОЗЬ
ПРИЗМУ ИСТОРИИ**

Д. Б Трубникова

**«КУЛЬТУРНОЕ ГНЕЗДО»
НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ В НАЧАЛЕ XX в.**

В начале 20-х гг. XX столетия Н.К. Пиксанов, филолог, автор работ по литературному краеведению, показал, что русская культура обогащалась и развивалась благодаря разно-стороннему вкладу областных «гнезд». В работе «Областные культурные гнезда», основываясь на многочисленных при-мерах, Н.К. Пиксанов обосновал необходимость нового под-хода к изучению культурной жизни страны. Действительно, происходящий на протяжении многих веков в стране процесс централизации имел тенденцию к уничтожению или погло-щению особых автономных миров. Собираение земли русской, подчинение ее сначала одной, а потом другой столице не мог-ло не вызвать этого процесса. Поэтому мы вправе говорить о централизации, «подчиняющей по возможности все одной политической и полицейской форме и стирающей безжалостно местные особенности»¹. Исследуя тенденцию изучения куль-турной истории страны, можно заметить, что эта централиза-ция свойственна не только общественной жизни, хозяйствен-ным мерам и т. д., но и культуре.

В России XVIII в. уже нет столько культурных центров, сколько было их прежде: все поглощает собой новая столица, строящаяся на европейский лад. И теперь чаще всего выде-ляют лишь два центра: московский и петербургский. Хотя это не значит, что остальные центры вымирают, теряют свою самобытность. Введенное Н.К. Пиксановым понятие

«культурного гнезда» является не только термином, но еще и методом в культурном краеведении, который должен помочь в изучении этих центров.

Как пишет Н. К. Пиксанов, «культурные гнезда — отдельные миры, художественные организмы, живущие особой, автономной жизнью и создающие своеобразные центры и движения»². «Культурное гнездо» должно обладать тремя постоянными признаками: «определенным кругом деятелей»; «постоянной деятельностью» и «выдвижением питомцев»³.

Опираясь на это понятие, познакомимся с одним из таких «культурных гнезд», возникшим в начале XX в. на Карельском перешейке — в поселках Келломяки (Комарово), Куоккала (Репино) и др., а также попытаемся доказать, что данный очаг культуры не являлся периферийным по отношению к Санкт-Петербургу, а представлял собой самостоятельный центр культуры, который развивался параллельно с другими культурными центрами страны.

Исследование этого «культурного гнезда» воссоздает ту особую атмосферу жизни, творчества, сотворчества, события, атмосферу, хранившую традиции, культуру, где важную роль играли воспитание детей, семейный очаг, соседская дружба, вечерние многочасовые беседы за чаем, общие праздники, спектакли, игры. Так, И. Е. Репин назвал жизнь в Куоккала до 1917 г. «со-куоккальством»⁴. И именно поэтому многие, в том числе Д. С. Лихачев, К. И. Чуковский, называли Куоккала своим детством, домом. «Куоккала — моя родина, мое детство...» — писал К. И. Чуковский И. Е. Репину в одном из своих писем⁵. Дачи, усадьбы Куоккала, Келломяк, Оллила были очагами культуры, творчества, здесь на Карельском перешейке были «Пенаты» И. Е. Репина, дачи Анненковых, Шкловских, Лихачевых, Чуковских, Андреевых, Пуни, Кони, Горького и многих других.

Особенностью рассматриваемого нами «культурного гнезда» является то, что оно было «сезонным». Многие деятели культуры не жили постоянно на Карельском перешейке, они приезжали сюда летом или зимой, снимали на некоторое время небольшие дачи. Так, например, в Куоккале у Ильи Ефимовича Репина летом гостили друзья и знакомые: А. К. Глазунов, В. В. Стасов, М. Горький, В. В. Маяковский,

Ф.И. Шаляпин и др. В Келломяках и других поселках Карельского перешейка летний сезон проводили на своих дачах артисты, врачи, архитекторы, писатели, многие из них приезжали из Санкт-Петербурга, некоторые из Москвы и других городов России, а также из-за границы. Однако здесь были и постоянные обитатели: Л. Андреев жил в Ваммельсуу на своей «Вилле Аванс»; на даче «Чукоккала» — К.И. Чуковский, в «Пенатах» — И.Е. Репин.

Другое важное отличие нашего «культурного гнезда» от «культурного гнезда», о котором пишет Н.К. Пиксанов, — это то, что если Н.К. Пиксанов видел в «культурном гнезде» в большинстве случаев продолжение местных исконных традиций, то рассматриваемый нами культурный район сложился лишь в начале XX в. и существовал в отрыве от традиций и культуры местного финно-угорского населения. Хотя данное утверждение не может быть столь однозначным. Так или иначе, но между местным населением, финнами и осевшими русскими, приехавшими из столицы, происходил процесс взаимовлияния: писатели «впускали» на страницы своих книг знакомых им рыбаков, молочниц, включали карельские пейзажи; появилось особое словообразование — объединение финского корня с русским. Так, например, дача Корнея Ивановича, как и одноименный знаменитый альбом, получила название от финского поселка Куоккала и начала фамилии писателя; имя писательницы Марии Крестовской на Черной речке — Марийоки образовано от названия поселка Терийоки и собственного имени; финны дали свои названия ряду домов дачников (например, дому Леонида Андреева — «Пирулинна», что значит «Замок дьявола»). Одновременно нельзя не отметить ту близость, которая существовала между простыми местными, коренными обитателями перешейка и переселявшейся сюда российской интеллигенцией. Чопорности не было. На сцене местного театра играют как деревенские мальчишки, так и художник И.Е. Репин. Объединял быт, условия жизни в провинции, общие нужды.

Относительно такого «гнездообразования» Н.К. Пиксанов пишет: «Бывает, что в город дотоле незаметный собираются отовсюду готовые, зрелые деятели культуры и здесь наново налаживают бодрую общественную деятельность»⁶. В качестве

примера для таких «гнезд» Н. К. Пиксанов называет Иркутск: «Расцвет иркутской общественности середины века обусловлен деятельностью лиц не местного происхождения»⁷. В Иркутск были сосланы члены кружка петрашевцев: М. В. Буташевич-Петрашевский, Н. А. Спешнев, Ф. Н. Львов и другие, здесь ими была продолжена их деятельность.

Таким образом, для «культурного гнезда» Келломяки и Куоккала подходит как раз определение «приселение со стороны», поскольку его возникновение было связано не столько с внутренним развитием, сколько с тем, что оно стало центром объединения деятелей культуры, т. е. отнюдь не уроженцами рассматриваемых поселков.

Обязательное условие для существования «культурного гнезда» — «постоянная деятельность», по Пиксанову, выполняется здесь даже несмотря на то, что можно отметить некоторую сезонность этого «гнезда». Но тем больший интерес представляет изучаемый культурный центр. Его жизнь была тесно связана с жизнью столицы, где в течение всего года проживали многие дачники. Таким образом, мы наблюдаем процесс взаимодействия нескольких «культурных гнезд». Причем вполне можно усомниться в том, что одни и те же деятели культуры создавали одновременно «культурные гнезда» в Петербурге и на Карельском перешейке.

Однако следует отметить, что работа творческой интеллигенции на берегах Финского залива представляла собой единое «органическое слияние»⁹. В связи с этим хотелось бы особое внимание уделить рассмотрению Финляндии в качестве своеобразного «порто-франко», которое свободомыслящая, бунтарская интеллигенция выбрала для своего пребывания, где можно было безбоязненно творить и думать. Часть населения столицы, творческая интеллигенция, диссиденты, устремились в начале XX в. именно в Финляндию.

Пригороды, дачные места вокруг Петербурга отличались друг от друга, так же разнородной была и публика, их населявшая. Известно, что во многих старых городах можно выделить особые районы, которые отличались по социальному или этническому составу: в одних районах жили рабочие, в других — аристократия, также обособлялись районы по национальному признаку. Д. С. Лихачев в своем исследовании подобной топо-

графической дифференциации отмечает ее особый вид — районы «различной творческой активности» (например, правый и левый берега Невы), а также пишет о том, что и дачные места обладали своей спецификой¹⁰.

Действительно, публика, приезжавшая, например, в Павловск, Петергоф, селившаяся в тени императорских резиденций, была чаще всего лояльна или на стороне проводимой политики, на южном берегу Финского залива селились «художники с ретроспективными устремлениями»: вся семья Бенуа, семья Кавос, семья Лансере, К. А. Сомов¹¹.

Иначе дело обстояло с Карельским перешейком, северным берегом: сюда приезжали несогласные, склонные к бунтарству, новаторы, те, кто хотел скрыться от столичного шума, преследования как почти постоянно, так и наездом К. И. Чуковский, М. Горький, Л. Н. Андреев, В. В. Маяковский, В. Б. Шкловский, Ю. П. Анненков, В. Э. Мейерхольд. Все это реформаторы, первооткрыватели, будь то в литературе, живописи или режиссуре.

Д. С. Лихачев обратил внимание на появление таких особых «мест деятельности», но в отличие от Н. К. Пиксанова назвал их иначе — «кустами», однако суть остается той же¹². Такие «кусты» объединяют в себе самых разных представителей творческих профессий, деятелей науки, сюда «тянет собираться, обсуждать работы, беседовать... обстановка располагает к творческой откровенности, где можно быть “без галстука”, быть во всех отношениях расторможенным и в своей среде»¹³.

«Гнезду», появившемуся на Карельском перешейке на рубеже веков, как уже отмечалось, было свойственно новаторство, отход от старых форм. Во многом это было обусловлено именно объединением, возможностью проживания рядом и сотрудничеством «группы людей потенциальных или действительных единомышленников»¹⁴. Именно среди таких же «революционеров» в искусстве, творчестве часто становилось возможным создание чего-то нового. Среда людей понимающих, готовых поддержать помогла на пути становления личности художника. Д. С. Лихачев писал: «Новаторство требует коллективности, сближений и даже признания, хотя бы в небольшом кружке людей близкого интеллектуального уровня»¹⁵. Так

было на Карельском перешейке со многими талантливыми молодыми людьми, которые обрели в лице старшего, более опытного поколения опору, нашли понимание: под сенью репинских Пенат раскрылся талант художника Ю. П. Анненкова; появлялись творческие союзы И. Е. Репин — К. И. Чуковский (работа над мемуарами «Далекое близкое»); устраивались летние сезоны театра В. Э. Мейерхольда, ставившего здесь пьесы Л. Н. Андреева; многие произведения впервые прочитывались писателями перед своими коллегами на вечерах в Чуоккале, Пенатах; сюда в ожидании «приговора» приезжали начинавшие поэты, в том числе С. А. Есенин; наполненное работой лето провел В. В. Маяковский; именно Куоккала способствовала становлению К. И. Чуковского, Т. А. Богданович в качестве детских писателей.

В Куоккала К. И. Чуковским задумывается следующий проект: «обратиться к самым замечательным людям России, чьи имена авторитетны для всего человечества, с просьбой, чтобы каждый из них написал хоть несколько строк, гневно протестующих против кровавого террора властей»¹⁶. Это было лето 1910 г. Привлек К. И. Чуковский к этому проекту четырех человек: И. Е. Репина, Л. Н. Андреева, В. Г. Короленко и Л. Н. Толстого. Любопытно заметить, что все эти статьи написаны людьми, жившими не в столице, а в провинции, в изгнании или «самоизгнании», причем трое были с Карельского перешейка.

Кроме того, финские земли становились настоящим убежищем для известных писателей, художников: здесь они могли укрыться от навязчивых журналистов и фотографов, желтой прессы, которая расцвела в России в начале века. Вся жизнь знаменитостей была под прицелом фотокамер в столице — это не могло нравиться, от такого внимания страдали и скрывались, как прятался в своем огромном доме на Черной речке Л. Н. Андреев. Хотя и сюда газетчики порой добирались, желтая пресса «ради дешевой сенсации публиковала интимнейшие фотоснимки с известных и полуизвестных писателей, изображавшие их то на пляже, то в дачном гамаке... Под снимками были игриво-развязные, вульгарные подписи»¹⁷.

Финляндия всегда была особым местом для русского человека, с ней много связано: детство, семья и ощущение свободы... Вот как писал о стране Суоми Осип Мандельштам: «Финляндией

дышал дореволюционный Петербург, от Владимира Соловьева до Блока, пересыпая в ладонях ее песок и растирая на гранитном лбу легкий финский снежок. <...> Я смутно чувствовал особенное значение Финляндии для петербуржца, и что сюда ездили додумать то, чего нельзя было додумать в Петербурге»¹⁸.

Традиции «культурного гнезда» на Карельском перешейке будут продолжены в XX в., своеобразным расцветом станут 50–70-е гг., когда в Домах творчества театральных деятелей, композиторов, писателей, журналистов, в литфондовских дачах поселятся А. А. Ахматова, Ф. А. Абрамов, В. Л. Бианки, А. А. Галич, В. С. Шефнер, Д. Д. Шостакович, В. П. Соловьев-Седой, Д. А. Гранин, братья А. Н. и Б. Н. Стругацкие, В. Ф. Панова, В. Г. Попов, А. Г. Битов, Г. Я. Горбовский, Г. А. Горышин, А. Н. Житинский, Е. Г. Эткинд, Б. Б. Пиотровский, В. А. Соснора, Д. С. Лихачев и многие другие.

¹ Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. М.; Л., 1928. С. 14.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 62–63.

⁴ Чуковская Л. К. Памяти детства. СПб., 2001. С. 203.

⁵ Репин И. Е., Чуковский К. И. Переписка. 1906–1929. М., 2006. С. 167.

⁶ Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. С. 30.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 60.

¹⁰ Лихачев Д. С. Избранные работы. Т. 3. Л., 1987. С. 352.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 353.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 411.

¹⁷ Там же. С. 402.

¹⁸ Мандельштам О. Э. Шум времени. Л., 1925. С. 102.

Е. Ю. Дубровская

**КАРЕЛЬСКО-ФИНЛЯНДСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИКИ НАЧАЛА XX в.)**

Изучение роли финского фактора в истории края на основе опубликованных источников и документальных материалов из фондов Национального архива Финляндии, Национального архива Республики Карелия и периодических изданий, выходящих в начале XX в., позволяет проследить, как в этот период действовали механизмы сохранения, передачи, актуализации памяти населения карельско-финляндского приграничья о событиях прошлого¹.

Прежде всего важно выяснить, как складывались такие представления у читательской аудитории епархиальных журналов начала XX в. — «Православного Финляндского сборника» (1910–1911) и «Карельских известий» (Салми — Выборг, 1913–1917)².

В середине декабря 1914 г. архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей сообщил финляндскому генерал-губернатору Ф. А. Зейну об утвержденном им постановлении Главного совета Карельского православного братства. В соответствии с этим постановлением журнал «Карельские известия», издававшийся под редакцией настоятеля Крестовоздвиженской церкви на острове Мантсинсаари Петра Шмарина, с 1 января 1915 г. должен был выходить под тем же названием при Главном совете братства в г. Выборге и стать еженедельным епархиальным органом на русском языке.

Журнал увидел свет в 1913 г. первоначально как издание православного кружка в Салми Выборгской губернии (Северное Приладожье), издавался на квартире одного из священнослужителей А. Михайлова машинописным способом и уже тогда редактировался о. Петром Шмариним. С началом Первой мировой войны в августе 1914 г. выпуск журнала взяло на себя Главное (Финляндское) отделение Карельского православного братства³.

Как писал архиепископ Сергей А.Ф. Зейну, в «Карельских известиях» «в исключительных и потребных случаях будут помещаться статьи на карельском языке, печатаемые русским шрифтом. Журнал станет уделять «особое внимание церковной общественной жизни Финляндской епархии», публикуя наиболее важные распоряжения епархиального начальства и помещая «сведения из жизни карельских приходов Олонецкой и Архангельской епархий».

Считалось, что подписка на это издание должна быть обязательной для приходов Финляндской епархии, а к А. Ф. Зейну архиепископ Сергей обратился с просьбой рекомендовать журнал «для выписки во все школы министерства народного просвещения в пределах Финляндии».

Месяц спустя, 26 января 1915 г., финляндский генерал-губернатор уведомил архиепископа Финляндского и Выборгского, что он, «глубоко сочувствуя цели издаваемых при Главном совете Карельского православного братства "Карельских известий" и желая блестящего успеха и широкого распространения этому изданию», распорядился, чтобы журнал был выписан «во всех русских начальных школах Карелии»⁴.

С началом военных действий на фронте возникла необходимость внести коррективы в историческую память населения приграничья. Актуализировались представления о «священных местах» родного края, столетиями сохранявшиеся в коллективной памяти жителей западных уездов Олонецкой и Архангельской губерний.

Одним из способов актуализации коллективной памяти стало обращение авторов «Карельских известий» к теме всеобщего народного отпора общему врагу, поднимавшейся в каждом номере журнала. Так, из публикаций в «Карельских известиях» читатель узнавал, что после начала войны Валаамская обитель

«послала на фронт рать подвижников» из 88 человек, и это были не случайные добровольцы: многие из них прожили на Валааме по 8–12 лет. Более половины (49 человек) выехали с острова в Сердоболь (Сортавала) на монастырском пароходе «Сергий» уже 21 июля 1914 г. (ст. ст.), сразу же после 19 июля, даты объявления мобилизации.

Тогда же обитель пожертвовала на нужды войны единовременно 10 тыс. руб., решив ежемесячно вносить по 500 руб. в пользу больных и раненых. В декабре 1915 г. на страницах журнала сообщалось, что за два минувшие года войны из обители было призвано в действующую армию 150 человек⁵. В приказах по окружному управлению сердобольского воинского начальника есть сведения о призыве 20 ратников 1-го и 2-го разряда, прибывших в управление из Валаамского и Коневецкого монастырей в конце сентября 1916 г. и отправленных в распоряжение Петроградского уездного воинского начальника для зачисления на службу⁶.

Видимо, коллективная память кристаллизуется в «местах памяти». Такими «местами», не обязательно понимаемыми буквально, могут быть не только реальные объекты (монументы, здания или ландшафты), но, прежде всего, «фиксированные точки в прошлом, которые превратились в символические фигуры» (символы, песни, ритуалы и т. д.)⁷.

Своеобразным местом памяти для читателей «Карельских известий» должен был стать созданный на пожертвования работников российских школ санитарный Отряд имени Русского учительства. Журнал регулярно печатал списки жертвователей из Карелии, главным образом учителей. В 1916 г. управляющий делами развернутого на собранные средства лазарета А. Н. Русанов рассказал в письме редактору «Карельских известий» о том, что в первые февральские недели 1916 г. через Отряд прошло две тысячи раненых и что ежедневно в нем получали питание до полутора тысяч человек. А. Н. Русанов выразил благодарность редактору журнала и жертвователям⁸.

Постоянной рубрикой в журнале были публикации разделов «Дневник войны», «Письма из действующей армии» и т. п. Востребованным становился не только растиражированный всеми пропагандистскими изданиями лубочный образ беспощадного к неприятелю казака Козьмы Крючкова⁹. Для

жителей приграничья более впечатляющей оказалась информация о судьбе знакомого им священника 5-го Финляндского стрелкового полка о. Михаила.

Осенью 1912 г. он принимал участие в проходивших в с. Салми торжествах Карельского православного братства, тогда еще в чине артиллерийского офицера, выпускника артиллерийского Михайловского училища. И позже, будучи в сане священника, о. Михаил не раз посещал Карелию. Когда же его полк перевели на передовую, он все время находился под огнем на поле боя, перевязывал, причащал, выносил тяжелораненых, после боя погребал с отпеванием убитых, был контужен. Рассказ, озаглавленный «Герой-священник», должен был особенно воздействовать на читателя, узнавшего, что о. Михаил личным примером остановил отступавших солдат и вынес неразорвавшуюся немецкую бомбу¹⁰.

Устоявшаяся традиция репрезентации истории малых населенных пунктов предполагает «удревнение» прошлого своего поселения, поскольку культурная память наделяет «старинность» особой ценностью. Такая традиция «сложилась на пересечении и при взаимопроникновении» официальной истории региона, написанной авторитетными специалистами, «живого предания», включенного в коммуникативную память поколений и историко-топографического фольклора¹¹.

Подобное заключение, актуальное для современных исследований, оказывается правомерным и при характеристике «мест памяти» в ретроспективе. Подтверждением этому служит рассуждение катехизатора Василия Толстохнова, служившего в церкви деревни Киделя неподалеку от Питкяранта: «И теперь, когда узнают старики-карелы, что подвиги и страдания их предков не только сохраняются в их народной памяти, но и на страницах истории, то плачут они от радости, что люди читают и слушают об этих гонениях и страданиях, что не забываются скорби праведных»¹².

По словам В. Толстохнова, «видно было, как глубоко тронул слушателей этот рассказ, у многих стариков на глазах блестили слезы, да и не дивно: быть может, они еще помнят живые рассказы своих дедов, передававших им про мучения отцов своих, запечатлевших истинность святого православия

своею кровью. И эти рассказы неизгладимы в памяти народной. Они передаются из рода в род. Я сам слышал подобный рассказ от одного главы семейства, старца-карела, о своем родном предке-священнике, как он скрывался от своих гонителей в воде, лишь голова его была видна над водой, и ту он старался прятать под корни дерева, стоявшего у берега на обрыве». Фольклорный мотив «чудесного спасения» героя предания привлечен православным миссионером для усиления пафоса своего повествования о «многострадальной истории карел, перенесших на своих плечах все скорби и гонения от неистовых шведов и несмотря на это сохранивших в чистоте бесценный бисер — веру православную»¹³.

Рассказ о «священном месте» родной земли содержит фольклорный мотив «чудесного спасения» героя предания. Отношение карелов к знаковым местам такого рода было повышено семиотизированным. Православному миссионеру показывали древнее кладбище павших от шведского меча вблизи Ильинского погоста под Олонцом, которое находилось «под еловой рощей на северном берегу реки» и в течение столетий свято оберегалось как земля, в буквальном смысле «освоенная» предками. Сохранились мифы и о «нечистых» местах ландшафта, связанные с присвоением противником пространства через ритуально инвертированное поведение. Поскольку ритуальное осквернение входит в кодекс поведения захватчика на занятой территории, недобрая память об этих событиях закрепилась и в топонимах. Карельское название одного из локусов в устье реки Олонки переводится как «разворот корабля». Олончане указывали путешественнику место, до которого поднимался шведский флот во время нашествия: «В подтверждение достоверности факта памятником служит в том месте расширение реки, т. к. суда пиратов были настолько длинные»¹⁴, что шведам потребовалось «разворотить» берег ради сохранения возможности вернуть флот обратно.

Исследователи приводят и другую легенду о набеге шведов на Олонец. «Отголоски исторических событий, имевших место на Олонецкой земле, легли в основу названия “Laivankienälmus” (“поворот корабля”). Так зовется одно место на реке Олонке неподалеку от Олонца. Объясняет его проис-

хождение легенда, согласно которой по реке поднимался вражеский корабль, враги, приняв темнеющий на горизонте лес за войско олончан, с перепугу повернули обратно, разворотив при этом берег реки»¹⁵. Еловая роща, которую расположившиеся в устье реки Олонки шведы приняли за величайшее войско, находится в д. Горка Ильинского погоста.

Часто «шведами»/«руоччи» (от финского ruotsi – швед) карелы называли финнов как бывших подданных шведского государства. Этот нейтральный этноним дополнительно приобрел пренебрежительный оттенок, став синонимом иноверца или язычника. Карелы-старообрядцы Кемского уезда Архангельской губернии называли «шведами» мирских карелов, принадлежавших к христианской вере¹⁶.

Историко-этнографические источники отразили как этническую мозаичность населения пограничных территорий, так и представления людей о носителях «своей» и «чужой» культуры¹⁷. При этом исследователь не всегда имеет дело с иноконфессиональными образами, формирование которых было предопределено столкновениями сторонников противоборствующих православия и лютеранства.

Рассматриваемые тексты журнальных публикаций позволяют увидеть, какие личности и события из имперской истории удаивались коммеморации и сообщения об этом в официальных православных изданиях накануне и во время Первой мировой войны. Так, построенная на средства Валаамского монастыря школа Карельского православного братства в деревне Салми с Высочайшего позволения получила название Алексеевской в честь Наследника цесаревича, другая братская школа в деревне Карку Салминского прихода именовалась Софийской, поскольку строилась на средства финляндского генерал-губернатора Ф. А. Зейна и призвана была увековечить имя его супруги Софии Ивановны Зейн.

Рассказывая о своей поездке по Приладожской Карелии в 1916 г., помощник Выборгского синодального миссионера иеромонах Исаакий обратил внимание читателей на «историческое значение двух зданий» в деревне Минала Салминского прихода, составляющих особую заботу местного купца Ивана Федоровича Хозяинова: «Часовня построена на братской могиле карел, избитых во время шведских нашествий в эти края»,

а Николаевская школа — в память финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрíkова, «безвременно погибшего от руки убийцы шведа Шаумана»¹⁸.

Во время православной миссионерской поездки по Приладожской Карелии в декабре 1915 г. путешественники посетили Орусъярви, находившееся в семи верстах от деревни Салми. В опубликованных «Путевых впечатлениях» о нем сообщалось как о «месте историческом»: «глубокое предание говорит, что когда-то, в минувшие времена» здесь находился женский монастырь», в обители особо почитался чудотворный образ Святителя Николая. «Во время набегов полчищ "Шишая" на Карелию Орусъярвская обитель была предана огню и мечу, с тех пор монастырь прекратил свое существование»¹⁹.

Автор «Путевых впечатлений» приводит легенду о происхождении названия о. Орусъярви — «Оружейное озеро»: «Как объяснили карелы, оно происходит от того, что во время войны в озере было потоплено много оружия, в нем также погружены монастырские колокола»²⁰. Вне зависимости от достоверности такого объяснения происхождения топонима следует отметить, что карельское слово *ogozu* действительно означает «ружье»²¹.

Сходное объяснение получило в путевых заметках и название стоящей на берегу Ладожского озера деревни Карку Салминского прихода, где наряду с русской школой Карельского православного братства действовала и финская, находившаяся в ведении «школьно-просветительного общества и возведенная здесь печальной памяти инспектором финских школ Садовниковым»²².

По свидетельству владевшего карельским языком иеромонаха Исаакия, топоним связан с со словом «каргу» — убежище (*kargu*²³ — уход, бегство.— *Е.Д.*). «По преданию, здесь недалеко от селения было убежище карел во время шведских нашествий», — пишет автор, а с находящимся вблизи селения местом «*Kalmiston rinne*» («Кладбищенский выступ») связаны услышанные им рассказы старожилов «о зверском набеге шведов». В путевых заметках о посещении насчитывавшей 50 домов деревни, жители которой «все православные», миссионер приводит следующее высказывание: «Теперь, слава Богу, не то время. Живем под могущественным крылом

Российского Орла», — так заканчивают свой грустный рассказ каркульские старики-карелы²⁴.

Весной 1915 г. журнал опубликовал отрывки «Из военного дневника учителя Н. Т. Рыжкова»²⁵. В том же номере сообщалось, что относившаяся к ведомству Министерства народного просвещения школа в деревни Пелдожа на острове Мантсинсаари понесла тяжелую утрату. 11 марта в варшавском военном госпитале в возрасте 33 лет умер заведующий школой Никита Тарасович Рыжков.

Проработав 12 лет учителем в Тамбовской губернии, он успел потрудиться в Пелдоже только год, был призван на войну, в окопах близ Сохачева на реке Бзуре простудился и был похоронен в Варшаве, в братской могиле.

В 1913 г. по инициативе главы карельской миссии епископа Сердобольского Киприана в деревне Орусъярви был образован комитет по сооружению надгробного памятника недавно скончавшемуся учителю русской школы в Тулеме Салминского прихода П. Ф. Печорину. Предполагалось увековечить память человека, хорошо знакомого жителям Северного Приладожья, организатора церковного хорового пения в Салми²⁶.

По окончании Петрозаводской учительской семинарии П. Ф. Печорин почти десять лет проработал в школах Олонецкой губернии и столько же в Финляндской Карелии: в Питкяранта, в Уусикюля, в Салми, где «его трудами устроен прекрасный церковный хор». В некрологе, опубликованном «Карельскими известиями», упоминается о бедственном положении вдовы учителя, оставшейся с пятью малолетними детьми без средств к существованию и «без теплого угла». Издатели газеты с глубоким уважением и благодарностью отметили великодушие сердобольского хирурга — доктора Густава Винтера, «который из чувства христианского сострадания к бедной осиротевшей семье отказался от всякого вознаграждения за произведенную операцию»²⁷.

Однако проекту сооружения такого памятника не суждено было осуществиться. Как свидетельствует появившаяся в «Карельских известиях» весной 1915 г. заметка «Скоро ли?», по подписному листу в деревне Орусъярви была собрана «порядочная сумма денег», жертвователями стали преимущественно священники и учителя. Собирали не только в одном

Салминском приходе: осенью 1913 г. на миссионерских выборгских курсах на памятник поступило около 60 финских марок. «Таким образом, — резюмировал автор заметки, — сумма должна образоваться вполне достаточная на скромный надмогильный памятник, но до сих пор почему-то нет ни слуху, ни духу ни о собранных деньгах, ни о памятнике. Желательно было бы узнать, существует ли все еще означенный комитет, и если существует, то долго ли он намерен хранить без всякого движения пожертвованную сумму и будет ли, наконец, когда-либо поставлен желаемый, хотя и недоорогой, памятник на могиле народного труженика учителя П. Ф. Печорина»²⁸.

Начавшаяся мировая война и последующие революционные события 1917–1918 гг. актуализировали совсем другие «места памяти» как в России, так и в Финляндии. На основе публикаций в епархиальных изданиях начала XX столетия можно проследить, как шло формирование представлений русских читателей о жителях карельского приграничья. Источники свидетельствуют и о том, каким виделось карелам пространство «чужого», какие образы и символы зафиксировались в исторической памяти народа.

¹ «Финнизаторы» и «обрусители». Документы по истории борьбы за влияние в Карелии (конец XIX — начало XX в.) // *Нестор*. № 10. Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. С. 47–71; Документы периода подъема национально-демократического движения в Беломорской Карелии (1905–1922 гг.) // Там же. С. 17–46.

² Об исследовании периодики предшествующего периода см. также: *Яковлев О. А.* Периодические издания о Финляндии в Санкт-Петербурге (1845–1910 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Матер. VI ежегод. междунар. науч. конф. СПб., 2005. С. 247–254; *Он же.* Финляндия глазами русских путешественников и туристов (XIX — начало XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Матер. ежегод. междунар. науч. конф. СПб., 2003. С. 74–80.

³ Подробнее см.: *Дубровская Е. Ю.* Миссионерская деятельность православного духовенства в Карелии в начале XX в. // *Христианство в регионах мира*. СПб., 2002. С. 58–70.

⁴ *Kansallisarkisto*. Fb 1084 («О выпуске издающихся при Главном совете Карельского православного братства в Выборге “Карельских известий”»).

- ⁵ Война и монастыри // Карельские известия. 1915. № 22. С. 2.
- ⁶ Национальный архив Республики Карелия. Ф.763. Оп. 1. Д.4. Приказ № 166 от 28 сент. 1915.
- ⁷ *Хонне Б.* Борьба против вражеского прошлого: Кёнигсберг / Калининград как место памяти в послевоенном СССР // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 237–268.
- ⁸ Перечень денежных пожертвований см., в частности: На лазарет имени «Русского учительства» // Карельские известия. 1915. № 18. С. 6.
- ⁹ В издании, появившемся в Москве в 1914 г. и озаглавленном «Геройский подвиг донского казака Кузьмы Федоровича Крючкова», повествовалось о том, как простой казак уничтожил вместе с четырьмя товарищами неприятельский разъезд из 27 драгун, причем 11 из них были убиты самим Крючковым, который сам 16 раз был ранен пикой (см. об этом: *Купцова И. В.* «Наш солдат — это солдат удивительной, прямо-таки железной стойкости»: массовая культура шла в окопы, в народ // Военно-исторический журнал. 2004. № 10. С. 54–59; *Хеллман Б.* Первая мировая война в лубочной литературе. Россия и Первая мировая война. СПб., 1999).
- ¹⁰ Герой-священник // Карельские известия. 1915. № 1. С. 1–2.
- ¹¹ *Разумова И. А.* Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 201. С. 274–319.
- ¹² Из дневника катихизатора // Православный Финляндский сборник. 1910. № 3. С. 39.
- ¹³ Там же. См. также: *Pomäki Henni.* Narratives on Ethnicity. Karelian War Legends // *Myth and Mentality. Studia Fennica Folkloristica* 8. Helsinki, 2002. S. 207–221.
- ¹⁴ См. об этом: *Дубровская Е. Ю.* Образы и символы освоения пространства в исторической памяти населения карельского приграничья // Поморские чтения по семиотике культуры. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов европейского севера. Архангельск, 2006. С. 242–249.
- ¹⁵ *Мамонтова Н. Н.* Топонимия Олонецкого края // Древний Олонец. Петрозаводск, 1996. С. 125.
- ¹⁶ *Разумова И. А., Дубровская Е. Ю.* Межэтнические контакты на Европейском Севере на материале фольклора // Первые Скандинавские чтения. СПб., 1997. С. 204.
- ¹⁷ *Pulkin M.* The Finlandization of Karelia and the Russification of Finlandia as reflected in the Russian Press at the Beginning of the 20 th century // *Narva and the Baltic Sea Region*. Narva, 2004. P. 217–223.
- ¹⁸ Путевые впечатления: поездка по Карелии // Карельские известия. 1916. № 14. С. 4–5.
- ¹⁹ Путевые впечатления // Там же. 1916. № 17. С. 5.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990. С. 245.

²² *Иеромонах Исаакий*. Из истории деревни Карку Салминского прихода // Карельские известия. 1916. № 22. С. 6–7.

²³ Словарь карельского языка. С. 125.

²⁴ *Иеромонах Исаакий*. Из истории деревни Карку Салминского прихода. С. 7.

²⁵ Из военного дневника учителя Н. Т. Рыжкова // Карельские известия. 1915. № 9. С. 6–7.

²⁶ Скоро ли? // Карельские известия. 1915. № 7. С. 12

²⁷ П. Ф. Печорин (некролог) // Карельские известия. 1913. № 5. С. 7.

²⁸ Скоро ли? // Карельские известия. 1915. № 14. С. 12

Д. А. Журавлев

ЭПИЗОДЫ БОЯ В «ДОЛИНЕ СМЕРТИ» ГЛАЗАМИ МЕДИКОВ

События, произошедшие в апреле 1918 г. неподалеку от населенного пункта Рауту (Сосново), стоят особняком в истории гражданской войны в Финляндии, в первую очередь вследствие значительных потерь со стороны красных отрядов. Недаром с тех времен это место и поныне зовется «Долиной смерти».

Вкратце останавливаясь на событиях того времени под Рауту, следует сказать следующее. Принимая во внимание реальную опасность вторжения финских войск на территорию Советской России, а также желая помочь финским красногвардейцам, командование Петроградского военного округа решило нанести превентивный удар, направив в данный район дополнительные силы¹. В конце февраля 1918 г. отряд под командованием Ф.П. Грядинского, состоявший из русских солдат и рабочих, а также финских красногвардейцев численностью в 600 штыков захватил станцию Рауту, однако продвинуться дальше не удалось. Одной из целей этой операции было отодвинуть линию фронта, которая с юга проходила через Гатчину, а с севера через Парголовские высоты и (Раасули) Орехово². Через несколько дней прибыли свежие силы, среди которых — сводный отряд в количестве 800 чел., небольшой отряд рабочей молодежи, партизанский отряд «Волчья стая». Несколько месяцев велись упорные бои вокруг станции с белыми отрядами. Красные были

хорошо вооружены и имели 15 пушек и бронепоезд, регулярно получали подкрепление и снаряжение из Петрограда. В марте численность красных в Рауту составляла около двух тысяч человек. Командующим отрядами был бывший поручик царской армии и комендант Таврического дворца М. В. Пригоровский.

В марте 1918 г. финские подразделения на данном участке возглавил бывший подполковник русской армии Юрье Эльфенгрэн, который и провел успешную операцию по освобождению Рауты от красногвардейцев. Белые сдерживали наступление и копили силы. Когда весной 1918 г. белофинны получили серьёзное подкрепление, то сразу же перешли от обороны к наступлению³.

25 марта началось наступление, в ходе которого один отряд выдвинулся из Раасули, другой — перекрыл железнодорожные пути, взорвал мост через реку Виисйоки (Вьюн) и разгромил станцию Лемболово, перерезав тем самым сообщение красных со своими тылами. Белофинны под командованием егерского майора Оша вели ожесточенные лобовые атаки на территории Рауты. К 4 апреля сопротивление оборонявшихся было сломлено, и красногвардейцы с семьями начали отходить к границе. Ночью красные готовились к прорыву, уничтожали артиллерийские боеприпасы, собирали подводы. Прорвавшись через посты боевого охранения белых, они двинулись двумя дорогами, ведущими от станции через глубокую долину на юг, располагавшуюся между станцией и деревней Маанселькя (Иваново). Здесь отряд попал в «котел» из которого не было выхода. Окруженные подняли белый флаг, однако он не был сразу замечен, и белые продолжали стрельбу еще какое-то время. Данные как о численности войск, принимавших участие с обеих сторон в бое, так и о потерях серьезно разнятся. По одним сведениям, в плен было взято от 1200 до 2200 измощенных красногвардейцев и мирных жителей, под пулями белых погибло 850 чел.⁴ Трупы красногвардейцев, женщин и детей закопали в общей могиле здесь же в долине. Спасаться удалось только тем, кто лесом обогнул деревню Маанселькя, что позволило им уйти в Советскую Россию, но их было только 160 чел.⁵ В работах советских историков называется цифра 600–700 чел., вышедших из окружения⁶.

К. Г. Маннергейм придавал большое значение этой победе: «Доблестные карелы захватили отличные военные трофеи — 15 орудий, 49 пулеметов, 2000 винтовок и огромное количество боеприпасов. Потери шюцкоровцев в этих боях были велики, и тем не менее победа в Рауту позволила укрепить исходные позиции для предстоящего наступления на Карельском перешейке»⁷.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют по-новому интерпретировать указанные события, вместе с тем они передают особенности происходившего глазами людей, находившихся в гуще событий, медицинских работников, оказывавших помощь раненым и больным, количество которых было довольно значительным.

В Военно-медицинском музее Министерства обороны Российской Федерации хранится ряд воспоминаний медицинских работников, непосредственных участников боя в «Долине смерти». Мемуары были написаны во второй половине 1950-х гг. по предложению музея, который проводил поиск документов, отражавших революционные события и ход Гражданской войны 1917–1920-х гг.

В нашем распоряжении находятся воспоминания четырех участников боя в «Долине смерти» в апреле 1918 г.: военного врача Сергея Федоровича Баронова «Девять дней в рядах финской красной гвардии»⁸, а также трех медсестер Лины Андреевны Куркиной (1899 —?) «Участие в забастовках на заводе Новый Леснер»⁹, Марии Васильевны Маркиной-Ефремовой (1895 —?) «На ст. Рауту с отрядами Кр. Гвардии и красными партизанами “Волчья стая”»¹⁰, Анны Яновны Тилтынь (1896 —?) «14 дней на финском фронте под ст. Рауту в 1918 г.»¹¹. Особый интерес представляют воспоминания С. Ф. Баронова, наиболее информативные и компетентные из всего числа названных мемуаристов.

Воспоминания медицинских работников эмоционально насыщены. В первую очередь, мемуаристы останавливаются на сложностях того времени, опасностях и страхах, определявших близким дыханием смерти. Даже в лаконичном и сухом замечании А. Я. Тилтынь, сделанном спустя 40 лет после произошедшего, сквозит горечь утрат: «Этот фронт был одним из самых трудных и жестоких и где мы много потеряли людей,

часть попала в плен, много сложили свои головы, самое малое количество людей выбрались живыми»¹². Свидетельства зверств и жестоких расправ встречали петроградцев еще до прибытия на станцию назначения. Смерть представляла перед медиками не как «обычная» кончина больного в лечебном учреждении, а в самом неприглядном и пугающем виде. В очерке Д. Щеглова, опубликованном в тридцатые годы прошлого века и основанном во многом на сведениях медиков, выживших во время боя в «Долине смерти», воспроизведена и вовсе ужасающая картина: «Между деревьев лежали обнаженные трупы. Мороз натянул кожу, и они походили на восковые фигуры. Почти у всех были выколоты глаза. В открытых ртах виднелись вырезанные языки, из вспоротых грудей торчали белые ребра. Кой-кого уже запорошил свежий снежок и нежность белого покрова на обнаженных истерзанных телах страшнее подчеркивала смерть»¹³.

Все медицинские работники, находившиеся на станции Рауту, входили в состав 18-го передового медицинского отряда, которым руководил С. Ф. Баронов. Медсестры были переброшены в Финляндию после боев на других направлениях, на юго-западе, под Псковом. Лишь С. Ф. Баронов добровольно отправился на фронт, когда резко обозначился недостаток врачей в частях, отправляемых на фронт в Финляндию. Отряды (часто их называли отрядами Красного Креста, хотя к данной организации они не имели отношения) формировались Комитетом революционной обороны Петрограда в Смольном. Для отдельных отрядов сборным пунктом являлся Финляндский вокзал. Формирование и отправка отрядов, состоявших в большинстве своем из петроградских рабочих, велись очень спешно. Говорить в данных условиях о планомерной подготовке и обучении будущих защитников Рауту не приходилось, они должны были уповать только на собственный энтузиазм. Последние отряды прибывали не только неподготовленными, но и необеспеченными материально. Один из последних эшелонов, прибывший в конце марта, доставил рабочих завода Леснера, которые не успели в Петрограде получить ни обмундирования, ни боевого снаряжения.

Сообщение с Советской Россией весной 1918 г. ухудшалось с каждым днем. Единственным каналом снабжения, обеспечивавшим жизнедеятельность красных войск в районе Рауту, являлась железнодорожная магистраль. И если прибывший в первых числах марта 1918 г. вместе с отрядом красных партизан «Волчья стая» С. Ф. Баронов хотя и потратил целые сутки для того, чтобы добраться до пункта назначения, однако ему не пришлось испытать тех трудностей, которые выпали на долю его подчиненных, которые прибыли позднее. Медсестра А. Я. Тилтынь, отправившаяся из Петрограда 26 марта, вынуждена была проходить многокилометровые участки разрушенных путей, перенося на себе все необходимое вплоть до боеприпасов.

Из-за постоянных обстрелов эшелонов со стороны белых на последних километрах пути до Рауту красногвардейцы несли значительные потери еще не вступив в бой. Все мемуаристы отмечают непрерывный обстрел станции Рауту, причем железнодорожные пути простреливались в большей степени, что вело к большим потерям среди железнодорожников, а также вновь прибывавших с эшелонами. Л. С. Куркина прибыла с одним из последних поездов, и ей и ее товарищам пришлось сразу же окунуться в начавшееся сражение за станцию Рауту. Подобное вступление в бой «с ходу» было частым явлением, так как находившиеся на месте часто были изрядно вымотаны. Вместе с тем неоправданный ввод неподготовленных частей приводил к значительным потерям.

Как следует из воспоминаний С. Ф. Баронова, в Петрограде перед отправлявшимися частями не было поставлено конкретной задачи, все выяснялось на месте: «По прибытии на станцию Рауту (так в тексте. — Д. Ж.), узнал, что мы приехали для оказания военной и медицинской помощи отрядам финской красной гвардии, с боями отступавшим под натиском превосходящих сил белых по направлению к железнодорожной ветке, идущей вдоль западного побережья Ладожского озера от Сердоболя к Петрограду... В нашу задачу входило также удержание в течение возможно длительного периода времени в наших руках станции Рауту»¹⁴.

Во всех рассмотренных нами воспоминаниях, публикациях того времени, а также в более поздних работах советских

историков подчеркивается тот факт, что белые изначально во много раз превосходили по численности оборонявшихся в Рауту, тем самым объяснялась сложность боевой обстановки и относительная пассивность красных.

Медицинская часть красных была расположена крайне неудачно — в непосредственной близости от позиций белых. Это отмечает М. В. Ефремова (Маркина): «Наш медпункт размещался в двух зданиях железнодорожного поселка, стоявших на возвышенном открытом месте, доступном для обозрения белофиннов и для оружейного, пулеметного огня»¹⁵. Об этом же свидетельствует и С. Ф. Баронов: «Большим неудобством, однако, было то, что оба эти дома... стояли у самого верхнего края, открытого со всех сторон и открытого белоснежной пеленой снега, — склона, холма, спускавшегося к полотну железной дороги, за которым в непосредственной близости находились окопы и др. укрытия белогвардейцев»¹⁶. Работа и жизнь в лазарете были связаны с ежеминутной угрозой для жизни. Даже поход за водой часто становился последним в жизни медицинского персонала. Не спасали и деревянные срубы, финские пули сеяли смерть в самом лазарете. Одна из медсестер была смертельно ранена в перевязочной-операционной во время наложения гипсовой повязки, так же был убит раненый на перевязке. Учитывая столь большое число смертельных ранений, С. Ф. Баронов распорядился для защиты личного состава и больных обложить все стены лазарета кирпичами высотой в человеческий рост. Однако и эта защита вскоре была разрушена, так как кирпичная кладка была пробита, а вскоре белые подтянули артиллерию, лишив оборонявшихся всякой защиты.

Климатические условия также были против оборонявшихся. В сильные морозы было много обмороженных, кроме того, в подобной обстановке становилось практически невозможно вырыть окопы, в результате возводились насыпи из снега, которые позволяли в определенной степени произвести защиту от огня противника на передовой¹⁷.

Медики трудились на круглые сутки, объем их работы были чрезвычайно велик, они оказывали медицинскую помощь как в лазарете, так и на передовой: «Непрерывным потоком поступали раненые: кто на ногах, кого приносили на носилках,

русская речь чередовалась с финской»¹⁸. Последнее обстоятельство необходимо особо отметить. Мемуаристы подчеркивают, что никаких конфликтов на национальной почве в данное время не наблюдалось. «Русские и финны понимали друг друга без переводчиков»¹⁹. Языковой барьер преодолевался за счет использования языка жестов, мимики. Лишь однажды в лазарете произошел инцидент, ставший скорее результатом политического противостояния, нежели национального. В лазарет были помещены два белофинна. Между ними и остальными больными произошло выяснение отношений, закончившееся стрельбой. Чрезвычайно пассивно вело себя командование красных, так как лишь после улаживания возникшей критической ситуации Баронов впервые допросил белых, от которых узнал важную информацию о сосредоточении противником сил для последующего перехода в наступление.

По отзывам медицинских работников, напряженная обстановка на передовой накладывала отпечаток и на психологический климат в лазарете — не было жалоб на тяжелое состояние, требований срочной эвакуации в тыл. Чаше больные и раненые высказывали предложение о помощи медикам.

Значительную часть медсестер составляли молодые девушки 16–17 лет, среди них немало было финок, в том числе местных жителей. Зная местные особенности, они использовали лыжные сани для доставки раненых в лазарет. Для указанных целей применялись также крестьянские сани, в отдельных случаях санитарки доставляли раненых волоком на шинелях.

С. Ф. Баронов, обладавший опытом работы на передовой во время Первой мировой войны, с первого дня грамотно организовал деятельность медицинской службы. Он показывал пример профессионализма, производил сложные операции в крайне сложных условиях. Во многом работа хирурга напоминала иллюстрации первой половины XIX в., когда хирурги производили операции при отсутствии наркоза, в антисептических условиях. С. Ф. Баронов не имел необходимых препаратов, из-за чего большая часть операций производилась без наркоза, используя шоковое состояние раненых. Вся работа проходила при скудном ламповом керосиновом освещении. Баронов отдыхал здесь же, в операционной, на полу. Он установил четкий порядок работы, устраивая ежедневно утром

и вечером обход и смену повязок у раненых. Помешать этому не могли не вражеские пули, ни отсутствие кадров. Кроме того, врач часто спускался и на станцию, где в изрешеченных пулями вагонах и полуразрушенных холодных постройках находились тяжелораненые, которых нельзя было доставить в расположение медпункта вследствие их тяжести, а также опасности финских пуль. Судьба их в большинстве случаев была предрешена. Раненые лежали здесь на полу и нарах вперемешку со своими мертвыми товарищами. Сам Баронов так описывает увиденное им на станции: «При обходах среди еще живых людей, я каждый раз находил уже умерших, часто лежавших бок о бок под общим одеялом иногда в течение нескольких дней, так как убрать умерших часто было некому»²⁰.

Смерть была частым явлением в Рауту, отсюда и значительное число незахороненных трупов. Рядом с лазаретом, в большом дровяном сарае, располагался импровизированный морг, в котором «складывались умершие, как дрова»²¹.

Не все медицинские работники были подготовлены в должной степени, что и определяло значительную нагрузку на трудившихся в медицинской части. Кроме того, были и те, кто вследствие разных причин нарушал дисциплину. Даже в условиях кадрового голода Баронов принимает решение легально избавиться от нежелательных лиц. Он отправляет их вместе с ранеными и больными, которых эвакуировали в Петроград, рассчитывая на то, что те не вернуться. В считанных случаях его надежды не оправдывались.

Во время пожара в здании штаба и ранения командира М.В. Пригоровского, С.Ф. Баронов на короткое время взял на себя командование войсками, располагавшимися в районе Рауту, отдавая приказы по телефону.

Характеризуя противника, мемуаристы выделяют хорошее владение лыжами и отличную экипировку белых — наличие зимней одежды (заячьи шапки, белые фуфайки), а также маскхалатов, которые позволяли незаметно подходить к позициям красных и сеять страх в их рядах («шевелиющийся снег»). В зимних условиях враг, скрывавшийся в окружавших снегах, казался повсюду, что приводило к ухудшению психологического состояния красных. Зная, что белые использовали маскхалаты, медицинским работникам категорически за-

прещалось появляться на открытом воздухе в белых халатах, а кроме того, всему персоналу было выдано оружие. Раненые также, как правило, оставляли при себе оружие.

В первое время обеспечение оборонявшихся было довольно неплохим, так как сообщение с Советской Россией еще не было прервано. По сообщению М. В. Маркиной-Ефремовой, «для прибывающих раненых доктором была организована выдача горячей пищи, чая, кофе и коньяка, а также выдача сухой теплой одежды»²².

После того как 9 марта Рауту оказалось в окружении, положение со снабжением стало заметно ухудшаться. В полевой книжке главкома войсками Петроградского военного округа К. С. Еремеева, лично отправившегося руководить операцией по вызволению защитников Рауту из окружения, была сделана следующая запись: «Рауту еще держится, но внутреннее состояние там ужасное, масса раненых и неубранных трупов. Голодают»²³. В результате защитники стали питаться мукой, растворенной в холодной воде. Катастрофическим было положение также с медикаментами и перевязочным материалом. В отсутствии боеприпасов, продовольствия и медицинского имущества велика была надежда у окруженных на помощь извне. Свои пожелания и требования они доводили до руководства в Петрограде различными путями, в том числе при посредничестве корреспондента газеты «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот». Иногда в сторону Раасули высылался «блиндированный кирпичами» поезд, который доставлял продукты в Рауту²⁴.

В этих условиях все зависело от способности отдельного человека действовать в чрезвычайной ситуации. С. Ф. Баронов, рискуя жизнью, под пулями финнов, обследовал вагоны, стоявшие на станции и, обнаружив перевязочный материал, самостоятельно перенес содержимое вагона в лазарет, что позволило спасти жизни многим раненым. Однако вскоре и эти запасы были исчерпаны. В качестве перевязочного материала стали использовать нательное белье самих раненых, постельное белье²⁵. Всеми возможными способами медики старались обеспечить раненых и больных табаком, который позволял снять психологическое напряжение среди бойцов в лазарете,

а также в отдельных случаях помогал при ампутациях и перевязках²⁶.

Центральным эпизодом в воспоминаниях медицинских работников является отступление из Рауту. Мемуаристы отмечают, что накануне отступления в штабной землянке состоялось небольшое совещание, на котором обсуждался вопрос о сроках выдвижения с занимаемых позиций. Первоначально рассматривалась возможность отступления вечером, однако, принимая во внимание плохое знание местности и сложности с ориентированием ночью, было решено выступать утром. Обреченность царил в рядах красных, отсутствовал и четкий план действий при движении колонны, однако иного пути не было.

Рано утром, в сумерках, красные стали готовиться к отступлению. Медицинская служба испытывала, возможно, наибольшие проблемы. Число больных и раненых было настолько велико, что для их эвакуации требовалось значительное число подвод, которых не было в наличии. И здесь проявился весь жесткий характер происходивших событий, основным содержанием которого являлось стремление выжить, и данный шанс давался только тому, кто был сильнее. Учитывая ситуацию с транспортом, решено было оставить всех тяжелораненых на месте, взяв в обоз только тех, кто мог держать в руках оружие²⁷. Но даже им не находилось места в перегруженных подводах, и тогда больные выходили из этой сложной ситуации различными путями: «Не найдя места в санях, привязывали себя и друг друга веревками к саням и уцепившись за нее руками скрывались в лесу, волочась по дороге»²⁸.

Вместе с тем тяжелораненые были не единственными оставшимися в Рауту. По сообщению С. Ф. Баронова, «уезжало и уходило немного людей. Очень многие должны были остаться в поселке»²⁹.

Медицинские работники, включая медсестер, взяли в руки оружие, в санитарные сумки положили патроны³⁰. Было организовано три цепи. Используя внезапность, отступавшие довольно легко миновали первые посты белых, вступили в лес и вышли на дорогу, которая шла в гору. В этой ложбине красных и настигли первые пули противника. Белые окружили

растянувшихся по дороге «красных», чьи командиры были сосредоточены, по-видимому, на наиболее важной для них цели — любыми средствами, как можно скорее достичь территории, контролируемой Советской Россией. Под огненным давлением цепи стали распадаться, об организации обороны не могло быть и речи. Участники событий чувствовали свою полную незащищенность: «Пули свистели (жужжали) и щелкали по деревьям непрерывно, прочесывая весь молодой лес, через который мы торопливо пробирались»³¹.

Огонь противника был настолько плотным, что общие потери красных были катастрофическими — из выживших лишь единицы не были ранены, либо получили отдельные легкие повреждения. С.Ф. Баронов вскоре после начала боя был ранен шальной пулей, которая прошла через левую руку, задела по пути живот и вышла через правую руку. Кроме того, он был ранен в правую ногу, плечо и лишь благодаря случаю не был убит. Учитывая хаос, царивший вокруг, а также ранения, медицинские работники оказались не в состоянии оказывать помощь пострадавшим.

Красные сбивались в отдельные мелкие группы и пытались отступить, что, возможно, сохранило им жизни. Кто-то делал попытки вырваться самостоятельно, надеясь на удачу, так как четкое направление движения не было известно. Замешательство, в котором многие находились, было для них фатальным. С.Ф. Баронов, спасаясь от пуль противника, вспоминал: «Пройдя еще несколько шагов, я наткнулся на группу товарищей, успевших раньше пройти оказавшуюся столь опасной ложину и укрывшихся в небольшом овраге. Они в растерянности стояли около неподвижных саней и лежавшей впереди лошади»³². Спасение для окруженных было за пределами долины, которая хорошо простреливалась. А.Я. Гилтынь шла в третьей цепи и подошла ко входу в «Долину смерти», когда предыдущие были практически полностью «перемолоты» огнем противника: «...выходя на дорогу и поглядев вниз в ложбину, то увидела, валялись убитые лошади, которые загородили дорогу, и убитые люди... копошились раненые и здоровые, хотящие выбраться...»³³ Именно в этой ложбине отчаявшись и подавленными защищавшимися был поднят белый

флаг. Подошедшему к этой группе С. Ф. Баронову пояснили, что к белым был направлен парламентар. Таким образом, С. Ф. Баронов, раненый несколько раз и терявший сознание, не мог быть причастен к поднятию белого флага, в то время как в литературе закрепилось мнение о том, что это сделал именно военный врач. У медиков, вспоминая о событиях прошлого, данное событие особенно четко запечатлелось в памяти. А. Я. Тилтын так передает свои чувства в данный момент: «...среди этой массы увидела поднятый белый флаг о том, что сдаются в плен, это был ужасный момент, меня захватил такой страх остаться в плену, в этот момент крикнула вперед и мы все, кто остался еще в цепи бросились через гору с криком ура, и мы пробились через фронт»³⁴. Таким образом, небольшой группе удалось вырваться из окружения. Столкнувшись с белыми на своем пути, красногвардейцы легко и жестоко расправились с противником, тем самым освободив себе путь из окружения. За пределами кольца их встретили части красных, шедших на помощь. Последним были высказаны обвинения в медлительности и неоказании помощи.

Командиры подразделений погибли в бою. Д. Щеглов описывает ранение и последующее самоубийство М. В. Пригоровского в ореоле славы и мужества, украшая описание последних минут красного командира политической риторикой: «Из лесу на лыжах выбегали чужие люди, и в тишине поскрипывал снег. Необычайная была тишина. Смерть приближалась не беззубой старухой, а в виде красивых ловких, обозленных собственников своих маленьких клочков земли, своих мыз, своего маленького капитала»³⁵. Как видно, и здесь отражается то же сильное эмоциональное переживание участников событий, в чьей памяти запечатлелись белые лыжники, несущие смерть. А. Я. Тилтын также упоминает данный эпизод, однако сообщает о нем лаконично: «...в это время убил сам себя наш начальник Пригоровский»³⁶.

Если А. Я. Тилтын удалось спастись, невероятными усилиями прорвавшись через все цепи противника, то С. Ф. Баронов и Л. С. Куркина попали в плен. Если исключить угрозу расстрела со стороны «белых», то случаев жесткого обращения с военнопленными мемуаристы не приводят. С. Ф. Баронов

вспоминает и вовсе курьезный эпизод. После того как белые изъяли у него ценные вещи, он был оставлен без всякого надзора и мог бы сбежать, однако устремился вслед за колонной пленных, руководствуясь соображениями долга, и, по сути, добровольно пришел в лагерь белых. Пленные были направлены по железной дороге в Сердоболь (Сортавалу), где были помещены в тюрьму, располагавшуюся в подворье Валаамского монастыря. Интересно то обстоятельство, что после возвращения Л. С. Куркиной из плена через Выборг, Гельсингфорс и Кронштадт в Петроград ей была оказана материальная помощь (2000 рублей) «из Финского Красного штаба, который находился при гостинице Астория». Кроме того, Л. С. Куркиной, в числе других медицинских сестер, была объявлена благодарность «за самоотверженную работу в пользу общего дела пролетариата»³⁷.

Мемуаристы не обвиняют открыто кого-либо, за исключением белых, в этой кровавой расправе. Вместе с тем чувствуется и молчаливый укор в адрес командования, которое не обеспечило должное руководство и безопасность отступавшим. В прессе в тот период сражавшихся под Рауту называли «защитниками Фермопил», однако больше к ним подходило определение «мертвецы Рауту» — так назвал всех жертв прошедшего боя К. Еремеев, бывший корреспондентом газеты «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот». Он же завершает свою статью резонным вопросом: «На развалинах Рауту осталась гора трупов. И эти мертвецы Рауту, эти павшие с честью борцы революции спрашивают: “Почему пали мы безрезультатно? Почему не пришла товарищам поддержка? Есть ли еще порох в пороховницах? Не ослабела ли рабочая сила?”»³⁸

Указанные выше данные о потерях среди отступавших, по видимому, составлены по расспросам участников этих событий, оставшихся в живых, вследствие чего стоит признать их приблизительными и требующими уточнения. Значительная часть медиков была признана убитыми, в то время как они либо находились в плену, либо в лечебных учреждениях³⁹.

Подводя предварительный итог, необходимо отметить, что тема еще ждет своего исследователя, в архивах и музеях хранятся воспоминания участников тех событий, кто был

на стороне красных. Возможно, существуют и в Финляндии свидетельства об этих кровавых событиях, непростых для наших народов, вместе с тем являющихся неотъемлемой частью общей истории, изучение которых даст возможность преодолеть проблемы во взаимоотношениях.

¹ Интервенция на Северо-Западе России 1917–1920 гг. СПб., 1995. С. 166.

² *Шитов Д. И.* Карельский перешеек — земля неизведанная. Часть 4. Восточный сектор: Раута — Сосново, Саккола — Громово. СПб., 2000. С. 28.

³ *Пюккенен А.* Полковник Эльвенгрэн // Звезда. 2004. № 3. С. 166.

⁴ *Шитов Д. И.* Карельский перешеек — земля неизведанная. С. 30.

⁵ *Пюккенен А.* Полковник Эльвенгрэн С. 166.

⁶ *Фрайман А. Л.* Революционная защита Петрограда в феврале — марте 1918 г. М.; Л., 1964. С. 243.

⁷ *Маннергейм К. Г.* Мемуары. СПб., 1999. С. 119.

⁸ Фонды Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации (ВММ МО РФ). ОФ 54546.

⁹ Там же. ВФ 56613/1–2.

¹⁰ Там же. ОФ 56303.

¹¹ Там же. ОФ 57351.

¹² Там же. С. 2.

¹³ *Щеглов Д.* Бой под Раута. Л., 1937. С. 174.

¹⁴ ВММ МО РФ. ОФ 54546. С. 3.

¹⁵ Там же. ОФ 56303. С. 4.

¹⁶ Там же. ОФ 54546. С. 4.

¹⁷ *Фрайман А. Л.* Революционная защита Петрограда в феврале — марте 1918 г. С. 241.

¹⁸ ВММ МО РФ. ОФ 56303. С. 5.

¹⁹ Там же. С. 5.

²⁰ Там же. ОФ 54546. С. 7.

²¹ Там же. ОФ 56303. С. 10.

²² Там же. С. 14.

²³ *Шитов Д. И.* Карельский перешеек — земля неизведанная. С. 31.

²⁴ Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот. 14 апреля 1918 г. № 61 (106). С. 1.

²⁵ ВММ МО РФ. ОФ 56303. С. 18.

²⁶ Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот. № 61 (106). С. 1.

²⁷ *Щеглов Д.* Бой под Раута. С. 177.

²⁸ ВММ МО РФ. ОФ 54546. С. 12.

²⁹ Там же. С. 14.

³⁰ Щеглов Д. Бой под Раута. С. 177.

³¹ ВММ МО РФ. ОФ 54546. С. 14.

³² Там же. С. 16.

³³ Там же. ОФ 57351. С. 9.

³⁴ Там же. С. 10.

³⁵ Щеглов Д. Бой под Раута. С. 181.

³⁶ ВММ МО РФ. ОФ 57351. С. 8.

³⁷ Фрайман А.Л. Революционная защита Петрограда в феврале — марте 1918 г. С. 243.

³⁸ Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот. 14 апреля 1918 г. № 61 (106). С. 1.

³⁹ Так, в газете «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» в № 67 от 21 апреля 1918 г. приведен некролог С.Ф. Баронову, убитому в «Долине смерти», в то время как он находился в данное время в финском плену. А.Я. Тилтынь также была занесена в списки убитых, хотя проходила лечение в одном из петроградских госпиталей.

А. Таубе

РОД ТАУБЕ СКВОЗЬ ВЕКА И СОБЫТИЯ СКАНДИНАВИИ, ПРИБАЛТИКИ И РОССИИ *

Историческое исследование предполагает не только изучение конкретных фактов и событий, связанных с тем или иным важным событием в истории. Не менее актуальным представляется также рассмотрение биографий тех или иных государственных деятелей. Из истории их рода можно многое понять в мотивах поведения отдельных политических или военных деятелей в определенной ситуации, возможно, повлиявшей на дальнейший ход развития истории.

Важным также является продолжение изучения истории и отдельных известных фамилий, поскольку через события, связанные с деятельностью данного рода, можно проследить историю не одного государства. В этом отношении в истории взаимосвязей стран Северной Европы и России имеются сведения о деятельности представителей отдельных родов Скандинавии. Среди них пока еще мало известно о роде Таубе, хотя, если заглянуть в адресно-телефонные справочники крупных городов мира, всегда можно обнаружить фамилию Таубе. И в Лондоне, и в Нью-Йорке, и в Хараре найдется несколько таких имён. Трудно сказать, что все эти люди имеют общее происхождение, но, возможно, большая часть из них принадлежит к той самой фамилии Таубе, история которой началась сотни лет назад в Эстонии.

* Перевод статьи с английского языка выполнен Л. В. Шведовой.

До сих пор многих из представителей этой фамилии можно еще встретить в странах Балтии, а также в Хельсинки, Стокгольме и в других городах Скандинавии. Четыре ветви семьи обнаружены в Швеции, и мы можем проследить их историю, начиная со времени их проживания в Эстонии. Более того, недавно в городе Упсала вышла книга, в которой представлены некоторые подробности из жизни этого рода¹.

Любопытным является само происхождение названия этого рода. Можно предположить, что фамилия Таубе происходит от слова «голубь»². Но это не так. На самом деле Таубе означает «пень, обломок дерева»³, и на фамильном гербе семьи изображен именно «пень», а не «голубь». Существует также несколько теорий о том, что в действительности семейство первоначально проживало в Дании и связано с датской фамилией Due. Однако трудно сказать, какая из этих версий верна.

Тем не менее в середине XVII в., когда обнаруживаются первые упоминания этой фамилии, Швеция была великой державой, а Эстония, где, собственно, уже обнаружился этот род, являлась лишь её частью. Известно, что тогда в районе Раппеле (юг Таллина) жил дворянин по имени Эверт Фредрик Таубе фон Оденкат. Он был шведом и считался весьма мужественным солдатом. При этом Таубе прежде (с 1671 г.) служил в голландском флоте, а затем уже в шведском, плавая на корабле, которым командовал шведский адмирал Ганс Вахтмейстер. Именно этому адмиралу было в свое время поручено проведение реформ шведского флота, находившемуся в плачевном состоянии. Эверт Фредрик также был вовлечен в работу по восстановлению и укреплению шведского флота. Таким образом он попал в Стокгольм, где размещался флот, и окончательно связал себя с военной карьерой, став в 1691 г. адмиралом. В 1692 г. шведский король даровал ему титул барона.

Стокгольм того времени был неподходящим местом для размещения шведского флота, так как большую часть года его гавань была покрыта льдом, который препятствовал движению кораблей. Именно поэтому на юге Швеции в графстве Блекинге был создан новый морской порт. Вместе с ним был основан и город Карлскрона, куда переселился Таубе и где проживал до конца своей жизни (1703 г.). Таким образом, он стал

первым бароном Таубе аф Оденкат в Швеции, а его род связал судьбу с армией.

Тем временем в политике Швеции настала новая эра. В 1697 г. воинственный король Карл XII унаследовал трон. Вслед за этим последовал девятнадцатилетний период политических осложнений и разразилась Великая Северная война, начавшаяся с победы шведов под Нарвой и закончившаяся поражением в Полтавской битве. Находясь в ссылке в городе Фредрикшалът, в 1718 г. Карл XII умирает.

В списках офицерского состава шведской армии времён правления Карла XII можно найти более шестидесяти фамилий Таубе. При этом, просматривая генеалогическое древо, очевидно, что до середины XIX в. практически все мужчины этого рода были военными. В существующих справочниках их званиях не отмечены, но дано определение: «воин».

У тех из рода Таубе, кто достиг зрелого возраста, были большие семьи. Ярким примером в этом отношении является родословная одного из представителей Таубе — Эверта Фредрика. У него было шестнадцать детей, четверо из которых стали офицерами, а один погиб в бою. Самый старший из троих сыновей, Эдвард Дидрик (1680 г.), был прославленным солдатом. Он поступил на службу в морской флот в 1697 г. и участвовал в многочисленных сражениях. В 1719 г. Дидрик стал адмиралом и сделал не только военную, но и политическую карьеру. Среди девяти детей Эдварда Дидрика необходимо упомянуть его дочь Хедвиг. Она была красавицей, и король Фредрик пожелал видеть её своей фавориткой. Это произошло против её воли, но было выгодно её отцу. У короля и Хедвиг родилось несколько детей, которым дали имя фон Гессенштайн. Отец Хедвиг получил титул графа и стал родоначальником семейства Таубе. Среди других потомков Эдварда Дидрика имеется большое количество морских офицеров высокого ранга (большая часть из них переселилась в США).

Второй сын, Вильгельм Людвиг (1690 г.), будучи солдатом, участвовал в войнах при Карле XII. Король очень ценил своего приближенного, поскольку он в 1708 г. в Смоленске спас его от плена. Однако, участвуя в Полтавской битве 1709 г., он попал в плен. Шесть лет Вильгельм провел в Вологде, но в 1715 г.

ему удалось бежать в Архангельск, а затем в Голландию и наконец в Швецию. Здесь Вильгельм продолжил продвижение по службе, став губернатором и государственным королевским советником.

Третий сын, Карл Дидрик (1692 г.), тоже был офицером и почти все свои военные годы провел в Финляндии. История семьи Карла Дидрика Таубе дает очень хорошее представление о семье шведского военного XVIII в. Род Таубе продолжался в его детях и внуках, которые добивались необычайно больших успехов при королевском дворе.

Так, родившийся в 1737 г. внук Карла Дидрика, Эверт Вильгельм, впоследствии оказался очень близким другом шведского короля Густава III, который назначил его накануне своей смерти (1792 г.) министром иностранных дел. Карл Эдвард (1746 г.) получил от короля приказ изучать теологию, чтобы затем занять пост капеллана, позднее даже дослужился до сана епископа. Третьей внук, Фредерик Эверт, родился в 1769 г. и к двадцати трем годам был уже в звании капитана шведской кавалерии. Таубе являлись «августинцами», т. е. приближенными к королю людьми.

Положение рода Таубе резко изменилось после убийства Густава III в 1792 г. В Швеции власть была захвачена бароном Рейтерхольмом, который установил в стране диктатуру. С этого момента род Таубе потерял своё прежнее влияние и привилегии. В частности, Эверту Вильгельму так и не пришлось вступить в должность министра иностранных дел. Что же касается Фредерика Эверта, то в 1793 г. он покинул страну, поступив на службу в русскую армию в звании майора. В России Фредерик Эверт спустя два года, в 1795 г., дослужился до чина подполковника и был награждён орденом Святого Георгия четвёртой степени. Вскоре он вернулся в Швецию, надеясь, видимо, как и прежде, послужить своей родине. Фредерик Эверт был направлен в войска, получив тот же офицерский чин, что и в России. Жизнь в Стокгольме, казалось, складывалась неплохо. У него была семья и работа. Однако повышения по службе не происходило, и стало ясно, что в Швеции он не сможет сделать серьезную карьеру военного. Поэтому в 1805 г. он покинул свой полк и отправился в Россию вместе с семьей.

В России он занял достаточно высокую воинскую должность. Но жизнь его оборвалась в Крыму во время очередной русско-турецкой войны. Там, на юге России, он и был похоронен. Так один из представителей рода Таубе связал себя с Россией.

Все сыновья Ф. Таубе, которые вернулись на родину, стали офицерами. Причем старший из них, Карл Фредерик, остался в Швеции, а двое других поступили на службу в королевскую армию Бразилии. Он обосновался на юге Швеции и стал землевладельцем.

Дети Карла Фредерика оказались далеки от армейской службы. Старший сын, Готфрид, прослужил в армии только три года, а затем поступил на службу в министерство финансов. Два других вовсе не служили. Один из них посвятил свою жизнь земледелию, второй работал в Шведском национальном архиве в Стокгольме. Не призывали в армию и внука Ф. Таубе, Нильса Эверта, ставшего университетским библиотекарем. Только младший брат Нильса Эверта, следуя прежней семейной традиции, посвятил себя военной службе и прожил в Китае 35 лет, получив звание полковника китайской армии.

Но современные наследники семьи Таубе аф Оденкат и Раппеля окончательно отошли от военного ремесла. Адам, сын Нильса Эверта, пройдя в 1952 г. военную подготовку, получил звание капрала (шифровальное дело), но посвятил себя, однако, преподаванию статистики, став университетским профессором, а его сын Дидрик, получив степень бакалавра теологических наук, решительно отказался от военной службы, поставив, таким образом, точку на многовековой военной традиции.

¹ *Taube A. Mest medvind. Uppsala, 2006.*

² «Taube» в переводе с немецкого языка — «голубь».

³ «Stubbe» или «truva» в переводе со шведского языка — «пень, обломок дерева»; так же можно перевести с датского языка слово «due».

В. И. Мусаев

ФИНЛЯНДСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ И «ДЕРУСИФИКАЦИЯ» ФИНЛЯНДИИ

В декабре 1917 г. Финляндия обрела государственный суверенитет. При этом властные структуры нового государства считали необходимым, помимо политического обособления от России, добиться устранения следов русского влияния во всех сферах общественной жизни. Был начат процесс, который известный исследователь М. Энгман характеризовал как «избавление от всего русского».

Антирусские настроения, которые все более усиливались в Финляндии, в значительной степени насаждались и подогревались сверху. С одной стороны, они проявлялись в виде реакции в отношении бывшей метрополии, ущемлявшей прежде финляндские права и свободы. В противовес политике русификации, которую имперские власти пытались проводить в Великом Княжестве Финляндском в начале XX в., теперь в независимой Финляндии был запущен механизм «дерусификации». С другой стороны, негативное отношение к русским большевикам, помогавшим «красным финнам» во время гражданской войны, проецировалось на всех русских, независимо от их социального положения и политического настроения. Генерал К. Г. Маннергейм, бывший офицер русской императорской армии, будучи командующим финской армии, не проявлял никакого стремления смягчить антирусские тенденции в политике нового финского руководства. Глава финского кабинета П. Э. Свинхувуд был известен негативным отноше-

нием к России и русским. Проводниками антирусской политики продолжали служить и выходцы из сформированного в Германии егерского батальона, многие из которых заняли командные посты в финских войсках.

Уже в 1918 г. во время гражданской войны в финских городах, занятых белыми, прилагались усилия для того, чтобы ликвидировать внешние признаки русского влияния. В Хельсинки вскоре после занятия города вывески с названиями улиц на русском языке были сняты «по распоряжению немецкого главного начальника»¹ (вероятно, имеется в виду командующий немецким экспедиционным корпусом генерал Р. фон дер Гольц). Такие же меры были предприняты в Лаппеенранте². Газета «Ууси Суометар», утверждая, что «пора вымести следы русских», требовала поменять печати с русскими государственными символами, а в одном из номеров газеты «Ууси Пяйвя» содержалось требование убрать русский текст в кинематографах³. «Процесс избавления от всего русского» приобрел особенно последовательный и систематический характер после гражданской войны с мая 1918 г. Летом 1918 г. были ликвидированы должности переводчиков с русского языка в губернских правлениях и других учреждениях. Появился ряд указов, которые отменяли постановления об использовании русского языка в ведомствах⁴.

Государственный университет также стремился избавиться от всего русского. В сентябре 1918 г. автор статьи в шведскоязычной газете «Свенска Тиднинген» под заголовком «Русскую профессию долой» требовал ликвидации старой профессуры русского языка и литературы и двух других профессур. В декабре 1918 г. консистория университета ходатайствовала перед правительством об упразднении всех русских кафедр в университете, связывая их деятельность с ненавистной всем финнам политикой русификации⁵. 4 февраля 1919 г. правительство Финляндии приняло решение о ликвидации с 1 марта кафедр русского языка и словесности, русского права и русской статистики⁶. Наконец, указом Государственного совета в начале апреля 1919 г. были отменены «все постановления и распоряжения относительно знания русского языка как обязательного условия или привилегии при назначении на известные судебные или демонстративные должности»⁷.

Финские власти приняли меры и к тому, чтобы прибрать к рукам недвижимую собственность российских подданных на Карельском перешейке. Дачный бум на Перешейке, в первую очередь на так называемой Северной Ривьере, начался в 1870-х гг. В 1901 г. в Выборгской губернии российские подданные владели 1438 дачными участками. А согласно данным, сообщенным в 1909 г. Выборгским губернским правлением, по губернии числилось 2273 владельца недвижимости, не принадлежавших к числу финляндских граждан⁸. 21 марта 1918 г., когда гражданская война еще не закончилась, сенат уже обратил внимание на русские дачи на Перешейке и сформировал комитет для рассмотрения вопроса о принудительном отчуждении недвижимости, принадлежавшей российским подданным, в пользу Финляндского государства. Осенью того же года был образован Комитет общин Карельского перешейка, члены которого считали своей главной задачей ликвидацию «чужого поселения на Карельском перешейке». Указом правительства от 22 октября 1918 г. были отменены постановления 1891 и 1893 гг., предоставлявшие российским подданным право свободного приобретения недвижимости в Финляндии и владения ею. Наконец, 24 октября 1919 г. в парламенте, после дебатов, был одобрен закон, согласно которому иностранным гражданам и организациям запрещалось приобретать недвижимость на территории Выборгского лена без особого согласования с Финляндским государством⁹. Все эти меры вели к постепенному исчезновению русских дачных поселений на Перешейке. К тому же многие владельцы дач, испытывая материальные лишения, вынуждены были сами продавать свою собственность и в поисках средств к существованию перебираться в другие районы страны или вообще уезжать из Финляндии.

Более того, новые финляндские власти стремились максимально избавиться от физического присутствия русского элемента на территории страны. Русские жители Хельсинки и других финских городов, в первую очередь те, кто не имел финляндского гражданства, оказались после окончания гражданской войны в крайне тяжелом положении. Они были лишены каких-либо источников существования и всякой правовой защиты. «Старший морской начальник русских морских сил

в Финляндии» А. П. Зеленой отмечал, что русские люди, даже прожившие в Финляндии много лет и уплатившие по местному закону крупный подоходный налог, были лишены карточек на продовольствие и предметы первой необходимости¹⁰. 16 апреля 1918 г. губернатор лена Уусимаа Бруно Яландер подписал приказ, который на следующий день был опубликован в газетах. В приказе сообщалось о сенатском предписании всем находившимся в Хельсинки российским гражданам выехать из Финляндии до исхода 20 апреля, остаться в городе могли лишь лица, имевшие выданное губернатором свидетельство¹¹. 15 мая было издано новое постановление Сената о высылке из страны «всех российских граждан и жителей Прибалтийских провинций, за исключением подданных Польской и Украинской держав»¹². Всего до конца августа, главным образом на судах русского флота, из Хельсинки было вывезено около 10 000 российских граждан¹³. Некоторые пересекали сухопутную границу в районе Раяйоки — Белоостров. В Финляндии осталось не менее 5000 русских. По сообщению газеты «Хувудстадсбладет», выслано было до 90% российских подданных, не имевших финляндского гражданства¹⁴. Оставшиеся в стране русские или были финскими гражданами, или получили украинское подданство в украинском представительстве в Финляндии. Однако и российские подданные были вывезены не все, в полном объеме запланированная эвакуация осуществлена не была. С осени 1918 г., напротив, усилился приток в Финляндию беженцев из России. С конца 1918 — начала 1919 г., после отставки прогерманского правительства П. Э. Свинхувуда, правительственная политика по отношению к беженцам из России и к русскому меньшинству в целом несколько смягчилась. Впрочем, и в последующие годы финские власти относились к выходцам из России с изрядной долей подозрительности и старались ограничить их пребывание в пограничных районах и в центральной губернии Уусимаа.

В сложном положении в независимой Финляндии оказались русские школы. Принудительно они не подвергались закрытию, однако они были лишены централизованного финансирования. В имперский период большинство русских учебных заведений в Финляндии находились под полным или

частичным управлением Министерства просвещения, их финансирование производилось через совещательный комитет при финляндском генерал-губернаторе. После 1917 г. прекращение финансирования и конфискация бывшей имперской собственности в пользу Финляндского государства вызвали закрытие части русских учебных заведений. Некоторые старые учебные заведения в тех местах, где имелось многочисленное русское население (прежде всего в Хельсинки, Выборге и на Карельском перешейке), удалось временно сохранить. Школы существовали на средства православных приходов и частные пожертвования, значительную помощь оказывал Земско-Городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор). К началу 1930-х гг. дальнейшее существование русских школ в Финляндии оказалось под вопросом. И без того скудные средства Земгора начали иссякать, его финансовая помощь прекращалась или сводилась к минимуму. Кроме того, не хватало учебных материалов, ощущался недостаток квалифицированных учительских кадров. Проблема также заключалась в том, что выпускники русскоязычных школ испытывали сложности при поступлении в финляндские высшие учебные заведения из-за слабого владения финским и шведским языками. Уже в 1920-е гг. некоторые русские дети посещали финские и шведские школы. В 1930-е гг. обучение на русском языке в Финляндии постепенно сворачивалось, и к концу десятилетия действующим оставался только реальный лицей в Выборге¹⁵. Также в связи с прекращением финансирования в Хельсинки еще в 1918 г. закрылся Русский Александровский театр. В его помещении в дальнейшем разместились Финская Национальная опера.

Преобразованиями была затронута Финляндская Православная церковь (далее — ФПЦ). К 1917 г. в Финляндии действовали 29 православных приходов, которые объединяли около 65 000 чел. С 1892 г. Финляндская церковь существовала на правах отдельной епархии под управлением собственного архиепископа. Еще до 1917 г. внутри ФПЦ сформировалась группа иерархов, которая старалась добиться того, чтобы Православная церковь перестала служить проводником русского влияния и была как можно более полно интегрирована в финское общество. 26 ноября 1918 г. на основе предложений,

разработанных комитетом под руководством М. Казанского, финляндский Сенат утвердил «Положение о Финляндской православной церкви». Согласно положению, управление делами было отнесено к компетенции правительства страны и утверждаемого им Церковного управления, которое вступало в свои полномочия с 1 декабря. Выборгская духовная консистория была упразднена. Высшим церковным органом власти был провозглашен Собор, прерогативой которого было решение внутренних, сугубо вероисповедных вопросов. В компетенцию правительства входили образование епархий и приходов, утверждение в должностях епископов, определение обязанностей духовенства, открытие и закрытие монастырей. Процесс установления контроля светских властей над жизнью Православной церкви, начавшийся еще до провозглашения финляндской независимости, таким образом, был продолжен: деятельность церкви оказывалась в полной политической, административной и финансовой зависимости от государства. В Церковном управлении, начавшем функционировать с конца 1918 г. в городе Сортавала, преобладали сторонники выхода из-под юрисдикции Московской патриархии и финнизации ФПЦ. На Церковном Соборе, созванном в июне 1919 г., была высказана идея автокефалии ФПЦ и объединения православных церквей Финляндии, Эстонии и Карелии (возможно, именно с этими замыслами было связано избрание в 1922 г. эстонского священника Германа Аава на должность викарного епископа Карельского). Последнее намерение не могло быть реализовано в силу политических обстоятельств. Однако до разрыва канонических связей с Московской патриархией Церковное управление, пользуясь поддержкой светских властей, сумело довести дело (в качестве предлога был использован арест патриарха Тихона в 1922 г.). Оно обратилось к Вселенскому патриарху Константинопольскому с ходатайством о принятии ФПЦ в его каноническое правление. В июле 1923 г. Константинопольский патриарх Мелетий объявил о согласии удовлетворить это ходатайство¹⁶.

Процесс финнизации православной конфессии, наметившийся еще в имперский период, в независимой Финляндии был продолжен. Помимо установления государственного контроля над Православной церковью, это выражалось в получении

православным духовенством и прихожанами финляндского гражданства, в увеличении числа этнических финнов среди священников и монахов, более активном использовании финского языка в богослужении и переводе священных книг на финский язык¹⁷. В соответствии с постановлением Государственного совета от 13 октября 1921 г., государственные учреждения не должны были работать во время важнейших православных праздников в тех общинах, где проживало много православных. 3 марта 1923 г. Государственный совет издал еще одно постановление — о переводе службы в православных церквях в течение года на финский или шведский языки. Всем православным священникам предписывалось в шестимесячный срок сдать экзамен по финскому языку и в девятимесячный — по шведскому языку. В октябре 1921 г. Церковный Собор в Сортавале принял решение о переходе ФПЦ на новое летоисчисление (григорианский календарь действовал и в автономной Финляндии до 1917 г., однако в ФПЦ, как и во всей Русской Православной церкви, был принят юлианский календарь). Архиепископ Финляндский Серафим, сопротивлявшийся нововведениям в ФПЦ, в декабре 1923 г. был указом президента страны отстранен от должности. Сопротивление введению нового летоисчисления, принявшее особенно упорный характер в Валаамском и Коневском монастырях, также привело к репрессиям против противников преобразований, поддержанным светской властью: в 1926 г. некоторые особо стойкие «старостильники» в обоих монастырях были преданы суду и подверглись различным наказаниям, вплоть до высылки из Финляндии (в Коневском монастыре даже был отрешен от должности его настоятель игумен Амфилохий)¹⁸. К концу 1920-х гг. православные приходы в Финляндии окончательно размежевались по национальному признаку, разделившись на финско-карельские, в которых богослужение велось на финском языке и было принято новое летоисчисление, и русские, в которых языками богослужения оставались церковнославянский и русский и частично использовался юлианский календарь.

Таким образом, после 1917 г. в Финляндии элементы русского влияния в повседневной жизни и культурной сфере, и прежде не столь заметные (в частности, по сравнению со шведским влиянием), были в значительной степени ликвидированы.

Однако нельзя сказать, что они были уничтожены полностью. В Финляндии сохранилась небольшая русская диаспора, состоявшая частично из потомков выходцев из России, переселившихся в Финляндию до 1917 г., частично из эмигрантов и беженцев послереволюционного периода. В стране действовали русские общественные объединения, издавались, хотя и нерегулярно, русские газеты и журналы, создавались русские библиотеки. С 1925 г., как и в других странах рассеяния, отмечался День русской культуры. Русско-финские культурные контакты, хоть и весьма ограниченные, все же имели место. Продолжалась начавшаяся еще в XIX в. практика перевода произведений русских писателей на финский и шведский языки (к примеру, на шведском языке был издан цикл рассказов А. И. Куприна под общим названием «Granatarmbandet» «Гранатовый браслет»). Славянский отдел библиотеки Хельсинкского университета, несмотря на упразднение кафедры русской литературы, сохранился и продолжал пополняться. Русское культурное влияние в Финляндии было особенно заметным в тех сферах, которые не были связаны с языком, в первую очередь, в области музыки. В частности, финский балет фактически был создан выходцами из России. Режиссер Валентин Ваала, выходец из русской купеческой семьи (настоящая фамилия — Иванов), сыграл ключевую роль в развитии финского кинематографа.

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 663. Л. 5.

² *Raavolainen J.* Poliittiset väkivaltaisuudet Suomessa 1918. II. Valkoinen terrori. Helsinki, 1967. S. 131.

³ *Uusi Suometar.* 1918. 17. huhtikuuta; *Uusi Päivä.* 1918. 11. toukokuuta.

⁴ *Энгман М.* После России // Север. 1992. № 11–12. С. 132.

⁵ Там же.

⁶ *Исаков С. Г.* Профессор Хельсинкского университета К. И. Арабажин. Очерк жизни и деятельности. Очерк жизни и деятельности // *Studia Slavica Finlandensia.* Т. IV. 1985. С. 96–97.

⁷ *Русская жизнь (Хельсинки).* 1919. 5 апреля.

⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 42.

⁹ *Hämäläinen V.* Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus ja sen vaikutus Suomen ja Venäjän suhteiden kehitykseen autonomian ajan lopulla. Tampere, 1974. S. 210.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 4. Л. 29.

¹¹ Там же. Д. 21. Л. 48.

¹² *Suomela J.* Venäläisiä kauppiaita ja lehtimiehiä itsenäistyvässä Suomessa (1918–1919) // *Venäläiset kauppiaat Helsingin historiassa.* Helsinki, 2002. S. 105.

¹³ РГА ВМФ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 4. Л. 30 об.

¹⁴ *Hufvudstadsbladet.* 1918. 19 september.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 11. Л. 239–240; Д. 14. Л. 135–138, 295.

¹⁶ Подробнее см.: *Мусаев В.И.* Православная Церковь в независимой Финляндии (1918–1930-е гг.) // *Вестник церковной истории.* 2007. № 2 (6). С. 194–198.

¹⁷ В частности, в Валаамском монастыре с начала 1930-х гг. в трех монастырских церквях богослужения велись на финском языке, который стал также преобладающим языком обучения в школе-приюте при монастыре. Из почти 300 монахов и послушников монастыря в 1937 г. около половины имели финляндское гражданство.

¹⁸ *Мусаев В.И.* Православная Церковь в независимой Финляндии. С. 199–205.

Э. Вуориярви

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО ИЗ ФИНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА БЕРЕГУ ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА *

Период миграции 1809–1917 гг. из России и Финляндии был оживленным, особенно на Карельском перешейке. Финны отправлялись в Петербург и искали здесь работу, а также средства к существованию. Богатые русские приобретали земельные участки на берегу Финского залива, строили там дачи, проводя в них лето и свободное время.

Однако миграция через границу происходила и в других местах, но, естественно, в более меньших размерах. Почти не обращалось внимания исследователей на миграцию финнов у побережья Ледовитого океана между северной Норвегией и Кольским полуостровом¹. В Финляндии этот район называли Мурманским побережьем или Русским берегом. Не менее важно осветить миграцию финских переселенцев, которая осуществлялась через район Урагубу. Этапы развития миграции проходили в рамках тогдашней российской государственной политики. Но возникает вопрос о том, что заставляло финнов покидать свою родину и почему миграция прекратилась, когда по Тартускому мирному договору 1920 г. Финляндия получила район Печенги, но Урагуба осталась в пределах советской России? Также необходимо ответить на

* Перевод с финского языка выполнен к. фил. н., доцентом РХГА С. Г. Халиповым.

вопрос о том, как в конце концов сложилась судьба финских жителей Урагуба.

Поселок Урагуба, который финны называли Уура, расположен в пятидесяти километрах к западу от Кольского залива. Он появился в результате двух событий, одно из которых касалось в первую очередь России, а другое — Великого Княжества Финляндского. В период 1853–1856 гг., когда Россия вела Крымскую войну, ее боевые действия охватывали пространства от Черного моря до Ледовитого океана. Тогда противники России, англичане, произвели обстрел города Колы, однако захватить его они так и не смогли.

Когда война закончилась, Александр II решил для укрепления обороны побережья Ледовитого океана заселить его. В 1860 г. он издал указ, по которому иностранцы, включая финнов, а также норвежцев, могли поселиться на берегу Ледовитого океана, причем иммигрантам даже предоставили налоговые и таможенные льготы при условии, что они согласятся принять российское гражданство.

Некоторые финны до указа уже переехали из Финляндии в северную Норвегию. Но в Норвегии тогда отношение к финнам было негативным, поскольку считалось, что финны захватывают более лучшие, чем норвежцы, места для своего проживания и рыбной ловли и жилья. Поэтому миграция финнов в северную Норвегию стала уменьшаться и сместилась на российское побережье Ледовитого океана, где еще было много свободной территории и куда сам царь приглашал иммигрантов.

Побережье залива Ура-Губа стало новым местом переселения финнов. Подтверждением этого является визит пастора из Саллы Таувона в Урагубу в 1870 г. Таувона, а также Пекку Марьяваару из Соданкюля, Томаса Терменена из Куусамо и Юхани Арпалу, родившегося в северной Норвегии, принято считать основателями этого поселения, поскольку они переехали туда еще в 1860 г.

В свою очередь, проживавший в российской деревне Юля-Тууро писатель Свен Локка сообщает, что первыми жителями были братья из Куусамо Тапели и Хейкки Келлинсалми, оставшиеся навсегда в Урагубе после участия в летнем рыбном промысле на Ледовитом океане в 1864 г. Дело в том, что жи-

тели Куусамо летом обычно ловили рыбу на Ледовитом океане и возвращались затем домой с рублями и кронами. Согласно финскому журналисту А. В. Эрвасту, побывавшему в Урагубе в 1882 г., из 2000 взрослых куусамосцев 200 (или каждый десятый) участвовали в летней рыбной ловле на Ледовитом океане, хотя в то время было непросто преодолеть путь до океана в 500 километров.

По-видимому, первые финские переселенцы появились в Урагубе в начале 60-х гг. XIX в. Однако настоящий «налет» на Океан и Урагубу произошел в 1866–1868. Тогда Финляндия переживала неурожайные годы, в результате чего десятки тысяч людей погибли от голода и болезней. Зная, что океан даст хотя бы рыбу, многие из северных уездов Финляндии отправились на мурманское побережье. Люди прибывали не только из Куусамо и Соданкюля, но и из района реки Торнионйоки. Таким образом, миграция была прежде всего вызвана голодом, а указы царя давали возможность переселяться именно к Ледовитому океану.

Побережье Ледовитого океана входило тогда в Александровский уезд Архангельской губернии. Естественно, чиновники хотели как-то наладить миграцию в этот район, поэтому губернатор специально отправил туда своего представителя для определения наиболее подходящего места для возможного проживания людей. В результате был признан наиболее удобным район побережья залива Урагуба. Поэтому большинство переселявшихся направлялись именно туда, хотя, возможно, это было связано еще и с тем, что там уже проживало небольшое количество финнов.

Когда «голодные годы» в Финляндии прошли, миграция не закончилась. Наоборот, здесь возник и начал активно расширяться поселок Урагуба. Он сложился как двухкилометровый район по обоим берегам реки Уурайоки. При этом никакой администрации там практически не было. Родившийся в Печенге писатель Эрно Паасилинна так описывает сложившуюся ситуацию: «Связь жителей и администрации была слабой, почти несуществующей». Администрация «разрешила жителям почти полную свободу», но «не гарантировала правовой защиты и не осуществляла социальных услуг»².

Первый чиновник, посетивший поселок в 1870 г., был пастор из Саллы Таувон. По его подсчетам, здесь уже насчитывалось 160 жителей, которые жили рыболовством, но также занимались земледелием и скотоводством, чему способствовали пологие берега реки Уурайоки. Сам же поселок, фактически, жил изолированной жизнью. Некоторая связь с Финляндией осуществлялась лишь в момент посещения его пастором, который в 70-е гг. XIX в. приезжал для проведения церковных обрядов почти каждый год.

Заезжие пасторы планировали построить в Урагубе церковь. Как об этом сообщает приезжавший туда финский журналист А. В. Эрvasti, церковь была заложена при пасторе Таувоном, и к 1874 г. остов здания уже стоял на фундаменте. Но на этом строительство остановилось³.

Согласно Эрvasti, в 1882 г. в деревне было всего 18 жилых домов, в которых проживало 184 чел. Жители поселка имели 571 корову, 16 телят и 150 овец⁴. Фактически, скот стал основой для выживания. Но главным промыслом жителей все же оставалось рыболовство. Добытый улов продавали в Норвегию или русским, которые также его перепродавали. Важнейшей частью улова являлась треска. «Море — наша нива» — так передавал Эрvasti поговорку местных жителей⁵.

В то время в Урагубе не было ни школы, ни больницы. Поскольку ближайшая больница и врач находились на расстоянии сложного переезда по берегу или опасного плавания по морю в Александровское, в поселке скорее всего проживали лекари, повивальные бабки и «кровопускатели», по финской деревенской традиции. Однако детская смертность была высокой, и лишь половина детей достигала возраста пяти лет. В целом состояние здоровья населения поселка находилось на весьма низком уровне. Суровый климат, сильные северные ветра и однообразное питание вызывали различные заболевания. Обычным в поселке была цинга, ревматизм, болезни желудка и туберкулез. Естественно, что средний возраст населения был невысоким.

Однако в середине 80-х гг. XIX в. поток переселенцев на Ледовитый океан и Урагубу стал снижаться. На это явление влияли, так же как и в начале миграции, два фактора: один,

связанный с финнами, другой — с деятельностью российской власти.

Желанию финнов переселяться на побережье Ледовитого океана мешало то, что дорога туда была длинной и трудной, а на месте их ждало лишь скудное и однообразное, требующее большого труда в добыче пропитания. В это время уже началась иммиграция финнов в Америку, и переехавшие туда рассказывали чудеса о том, что в Америке можно не слишком много трудясь легко жить, и даже разбогатеть. Иммиграция финнов повернула к Атлантике. Однако переселение на побережье Ледовитого океана сокращалось еще и потому, что сама Россия заинтересовалась этим районом и уже не поощряла переезд туда финнов. По некоторым сведениям, упомянутая поездка А. В. Эрваста вызвала недоверие у российских властей. Они боялись, что Эрваст побывав в этих краях с целью разведки и что он, возможно, пробудит у жителей желание присоединить этот край к Финляндии.

Действительно, этот вопрос был поднят в финском сенате, и в 1885 г. императору было подано прошение с просьбой дать возможность присоединить Петсамо к Финляндии. Эта просьба финнов основывалась на обещании императора 1864 г., когда он был согласен часть побережья Ледовитого океана обменять на территорию у сестрорецкого оружейного завода, которая была присоединена к России. Но Министерство внутренних дел России заняло отрицательную позицию по данному вопросу, и император отклонил прошение.

Россия еще более усилила свое влияние на побережье Ледовитого океана. С 1886 г. в Петсамо (Печенге) стал возрождаться православный монастырь, который был основан еще в XVI в. Вскоре было запрещено посещать этот край финским пасторам, поскольку у русских властей возникло подозрение, что визиты имели не только религиозные цели. Исполнение церковных обрядов в крае было доверено лишь живущему в Александровском лютеранскому пастору-инженмарландцу.

Поселение жило обособленной жизнью. Если число жителей и не увеличивалось за счет миграции из Финляндии, прирост продолжал происходить естественным путем, т. е. через рождаемость. В Урагубу теперь переезжали и русские

переселенцы. Показательно, что на рубеже века из 56 хозяйств в поселении 10 принадлежали русским. Однако из 300 жителей поселка подавляющим большинством были финны.

Тем не менее ход событий мировой политики и начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война нарушили мирную жизнь в Урагубе. Многие мужчины были мобилизованы в армию и оказались далеко от дома.

Однако самым существенным стала смена политического режима в России в 1917 г. К власти революционным путем пришли Советы рабочих и крестьян. В Финляндии тоже была попытка осуществить революцию, но она оказалась неудачной. Здесь в гражданской войне потерпели поражение красные, которые были вытеснены на территорию Советской России. Некоторые из них оказались в Урагубе. В результате число финнов в поселке выросло.

Впоследствии, уже в 30-е гг., в Урагубе создали рыболовный колхоз «Тармо». Вступление в него было добровольным, финны вступали в него единодушно, принося туда все свое нехитрое рыболовное оборудование и снасти. В целом финны с энтузиазмом восприняли новые преобразования и, как отметил С. Локке, колхоз «Тармо» в начале 30-х гг. был одним из самых прибыльных колхозов страны⁶. Кроме того, в поселке построили собственный клуб, где местные жители выступали с концертными программами, организовывались танцы.

Заметим, однако, что репрессии в Советском Союзе 30-х гг. коснулись и Урагубу. Около сотни «врагов народа» финского происхождения за период 1937–1938 гг. было репрессировано. Конец же финского поселения Урагуба пришелся на время Второй мировой войны. Летом 1940 г. в СССР началось полное выселение людей «иностранный происхождения» из приграничных районов побережья Ледовитого океана. Поэтому финны, жители поселка Урагуба, также вынуждены были оставить свои дома, все свое имущество и отправиться в Советскую Карелию, где создавалась новая Карело-Финская республика. Шедший из Мурманска в Карелию поезд увозил финнов из поселка Урагуба, которые потеряли не только свое состояние, но и лишились веры в будущее. В Урагубу не осталось ни одного финна.

¹ CM.: *Ervasti A. V. Suomalaiset Jäämerellä*. Oulu, 1884; *Lokka S. Missä on muuttolinnun kotimaa*. Hämeenlinna, 1999; *Onnela S. Turjanmeren maa, Petsamon historia 1920–1944*. Rovaniemi, 1999; *Paasilinna E. Kaukana maailmasta // Historiaa ja Muistoja Petsamosta*. Keuruu 1980.

² *Paasilinna E. Kaukana maailmasta // Historiaa ja Muistoja Petsamosta*.

³ CM.: *Ervasti A. V. Suomalaiset Jäämerellä*.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ CM.: *Lokka S. Missä on muuttolinnun kotimaa*.

К.-Ф. Геуст

**К ВОПРОСУ О ПОТЕРЯХ СОВЕТСКОЙ АВИАЦИИ
В БОЯХ С ФИНЛЯНДИЕЙ
И ПОКАЗАНИЯХ ПЛЕННЫХ ЛЕТЧИКОВ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ***

В годы Второй мировой войны в ходе военных действий в противостоянии между СССР и Финляндией советская авиация имела существенные потери. Попадали в плен и летчики ряда сбитых в воздушных боях зенитной артиллерией самолетов. Так, уже на второй день «зимней войны», 1 декабря 1939 г., в плену в Юго-Восточной Финляндии оказалось девять советских летчиков. Часть из них катапультировались, используя парашюты, но некоторые, будучи тяжело ранеными, находились в самолете до последнего момента, осуществляя посадку самолета на финской территории. Финские тыловые отряды, как правило, быстро задерживали летчиков. Однако взять в плен советских летчиков было далеко не безопасным делом. В деревне Лемпияля, например, увидев, как снижаются два парашютиста из сбитого зенитными орудиями бомбардировщика, финны предприняли попытку их задержания. Но летчики открыли огонь по финскому отряду, смертельно ранив лейтенанта резерва Йорма Гален-Каллела (сына известного художника Акселя Гален-Каллелы). Командир отряда, будущий известный финский генерал А. Эрнрут, выстрелом из винтовки убил одного из советских летчиков, другого же, тяжело раненого, взяли в плен, который скончался в военном госпитале.

* Перевод с финского языка выполнен к. фил. н., доцентом РХГА С.Г. Халиповым.

В момент задержания советские летчики, имея сведения, что финны пытаются или расстреливают пленных, часто кончали свою жизнь самоубийством. Пленных летчиков после оказания им первой помощи или лечения отправляли в ближайшую воинскую часть или в полицию. Допросы начинались только тогда, когда находили переводчика. Примечательно, что даже будущий крупный ученый – профессор славянского языкознания, а тогда фельдфебель резерва Валентин Кипарский участвовал в предварительных допросах двух летчиков сбитого бомбардировщика в штабе армии «Перешеек» в Иматре¹.

Тем не менее финское военное командование пыталось получить максимально разносторонние сведения от советских военнопленных. Поэтому для возможных допросов пленных уже в первые дни войны были розданы так называемые «карточки фронтовых допросов». 6 декабря 1939 г. приняли соответствующие меры и для организации допросов пленных летчиков. Был разработан перечень из 87 вопросов, с помощью которых пытались получить максимальное количество сведений у пленённых².

В непродолжительной «зимней войне» у небольшого числа офицеров разведки, знающих русский язык, не было ни времени, ни возможностей совершенствовать работу с пленными летчиками. Большинство протоколов допросов составлялось в Выборгском отделе статистического управления Главного штаба. Здесь концентрировались последние данные о Красной Армии. В отдел также доставлялись со сбитых самолетов документы, которые были необходимы для анализа тактико-стратегических целей советских ВВС.

За период «зимней войны» в Финляндии было всего около 6000 советских военнопленных, из которых летчиков – свыше 110. Обнаружены протоколы допросов большинства пленных летчиков. Эти протоколы свидетельствуют, что среди пленных летчиков были офицеры, из которых двое являлись командирами эскадрильи. Один из пленных имел звание майора, десять были в звании капитана. После подписания Московского мирного договора пленных следовало передать советской стороне. Однако в Финляндии осталось по собственной воле 99 чел. Согласно картотеке Красного Креста,

в Советский Союз переправили 92 пленных летчика. По крайней мере, семеро пилотов умерли в плену, а более 10-ти, вероятно, погибли прежде, чем на них была заведена карточка пленного финского Красного Креста³.

Потери советских ВВС в «зимней войне» составили около 1000 самолетов, из которых в воздушных боях было сбито свыше 600. Остальные самолеты выходили из строя в результате аварий, происходивших часто из-за погодных условий, а также «потери курса» самолета. С помощью финской противовоздушной обороны было сбито 404 самолета противника, а ВВС уничтожили еще 281 самолет (из них потеря советской авиации 85 самолетов еще требует уточнения)⁴. При этом, как правило, сбитые самолеты финны чаще всего находили. В целом около 1000 советских летчиков погибли, причем половина из них — в ходе боевых действий.

Заметим для сравнения, что после окончания «зимней войны» приблизительно из 1000 бывших финских военнопленных вернулось 847 чел. Финские ВВС потеряли в «зимнюю войну» 50 машин (из которых $\frac{2}{3}$ — в ходе боевых действий) и 70 летчиков⁵. Из пилотов попали в плен и затем были возвращены в Финляндию весной 1940 г. 5 чел. (из них двое были шведскими добровольцами)⁶.

В войне 1941–1944 гг. в Финляндии в плену оказалось около 64 000 чел., из которых около 180 были летчики. В числе пленных пилотов было также, по крайней мере, четверо старших офицеров, из которых двое являлись командирами авиационных полков. В целом советская авиация в этой войне потеряла, по финским данным, 2813 самолета, из них 1621 — в воздушных боях. Зенитная артиллерия сбила 1106 советских самолетов. Имеются сведения о том, что 12 самолетов потерпели аварию прямо на аэродромах, а 74 — разбились при падении⁷. В результате можно считать, что в боях с Финляндией в двух войнах СССР потерял около 2000 самолетов. Число погибших и пропавших без вести советских летчиков (включая попавших в плен) было, соответственно, около 3000 чел.

Судьбы же пленных пилотов в период так называемой «войны-продолжения» оказались очень разными. Около десятка пленных летчиков погибло в плену, от ран или болезней. Одного пленного летчика казнили как шпиона, а, по край-

ней мере, четверем пленным удалось бежать. В Германию передали около 20 пилотов (из них 5 были захвачены в плен самими же немцами в Северной Финляндии). По картотеке пленных финского Красного Креста, с 15 октября по 20 ноября 1944 г. в СССР передали 119 бывших летчиков⁸.

Финских солдат попало в плен в «войне-продолжении» около 3500. Больше половины из них затем были возвращены в Финляндию. Также в «войне-продолжении» финские ВВС потеряли 327 летчиков и 272 самолета. Из пилотов в плен попало 26 чел. Из них четверо погибли в плену, а остальные были возвращены после перемирия на родину. Почти все финские пленные пилоты были рядовыми. Лишь один пленный финский летчик являлся старшим офицером. Это был командир 34-й истребительной эскадрильи капитан Лаури Пеккури.

Хотя на допросах пленных советских летчиков финны пытались использовать офицеров разведки авиационных частей, их протоколы были пестрыми и иногда весьма низкого качества, содержа целый ряд переводческих и терминологических ошибок.

Анализируя обнаруженные в самолетах и конфискованные у летчиков документы, стремились выяснить организацию, дислокацию, а также фамилии командиров и объекты бомбардировки. Кроме того, финскую разведку интересовали позывные летчиков и техническое сопровождение полета (формирование полетов, рамки прибытия и отлета, прикрытие полета истребителями, если этот полет выполнялся бомбардировщиками и т. д.). Иногда трофеем становилась даже техническая документация самолетов, которая была очень полезна, поскольку чуть ли не каждый сбитый советский самолет становился также трофеем. После ремонта эти самолеты вставляли на вооружение Финляндии. Трофейными оказывались и книги радиокодов, ценные для радиоразведки.

Протоколы допросов советских пленных периода «зимней войны», по-видимому, уничтожались лишь от случая к случаю. Однако поиск в архивах этих протоколов требует большой исследовательской работы, поскольку документы не систематизировались в какую-то отдельную серию. С другой стороны, протоколы допросов пленных периода «войны-продолжения»

целенаправленно уничтожили или были вывезены 23 сентября 1944 г. в Швецию (так называемая операция «Стела Поларис»). Тогда из-за опасности возможной советской оккупации эвакуировали практически весь архив финской военной разведки. Переехал в Швецию и основной персонал разведывательной службы Финляндии. Так что всех протоколов, вероятно, уже не обнаружить. Но копии протоколов все же можно найти в Военном архиве Финляндии, а иногда даже в весьма неожиданных местах⁹.

Из обнаруженных документов становится ясно, что полученная во время допросов пленных советских пилотов информация, скажем, о подготовке наступления или о новых авиационных подразделениях, была чрезвычайно важной, поскольку, как правило, значительные оперативные сведения советского командования сразу же передавались летным частям. С начала «войны-продолжения» происходил также обмен протоколами допросов пленных советских летчиков с немецким командованием. С этой целью в Финляндии в штабе ВВС находился офицер связи люфтваффе майор Франц-Фридрих Нурденшельд. Информация также поступала в штаб 1-го (Прибалтика) и 5-го (Лапландия) воздушных флотов Германии, а также в так называемое «Бюро Целлариус» (представительство немецкой контрразведки Абвера в Финляндии).

Например, когда 12 декабря 1943 г. был сбит курьерский самолет «ЛИ-2» советской авиации дальнего действия, информация о нем сразу же пошла к майору Нурденшельду. Составленный через несколько дней протокол допроса был передан затем в представительство Абвера в Финляндии, а также офицерам связи 1-го и 5-го германских воздушных флотов¹⁰. Хотя в протоколах обычно не указывалось имени пленного, который давал на допросе соответствующую информацию, часто можно было его распознать на основании дат и названий летных частей.

В начале «войны-продолжения» в городе Йоеенсуу появился специальный отдел под руководством капитана Рейно Раски для допроса пленных. Представители отдела направлялись в части наступающих войск и там занимались организацией допросов советских военнопленных¹¹. Однако отдел

разведки скоро взял на себя задачу проведения допросов пленных летчиков¹². Этим непосредственно занимался лейтенант (в 1944 г. — капитан) Георг-Эрик Стрёмберг, ставший в 1942 г. специалистом по ВВС 1-го разведывательного управления. Он приобрел соответствующий опыт по разным видам разведки, составляя регулярные обзоры дислокаций советских ВВС и конкретизируя вопросы пилотам, штурманам, а также стрелкам и радистам.

В результате более продуманного составления вопросов удалось получать информацию о новых видах советских самолетов и вооружения. Иногда получали оперативно важную информацию о радиообменах советских ВВС и о маркировке самолетов, о зенитной обороне, о радарных установках и о методике ведения боя. Среди предметов, которые обнаруживались в сбитых самолетах, были даже сверхсекретные кодовые книги, приказы и карты. Хотя противник регулярно менял маркировку и радиокоды, особенно после потерь самолетов, все же с помощью информации, полученной от пленных и из захваченных у них документов, можно было разобраться в структуре шифров и радиопередач. Пленные летчики сообщали также о своих потерях (самолетов и летчиков); давали оценку противнику, отмечая то, что «у Финляндии мало ВВС и летчики избегают боя, но они воюют лучше, чем немцы»; указывали, что финские истребители не нападают, если у советских бомбардировщиков есть сопровождение¹³; получали информацию о сбитых финских самолетах и о взятых в плен финских летчиках.

В июле 1943 г. среди войск распространили общий справочник с вопросами для пленных. Он предназначался «как справочник по допросам пленных, а также по сохранению и обработке документально-трофейного материала»¹⁴. Несколько позже в части действующей армии передали переведенную на финский язык «Книжку красноармейца», в которой содержалась информация о военном и специальном образовании в СССР, а также об участии Красной Армии в боях и другие важные для финских войск сведения¹⁵.

7 ноября 1943 г. при разведывательном отделе Ставки Маннергейма создали особый центр по допросам пленных.

Он находился в районе Выборга в селении Пюхякаллио и отвечал за допросы пленных, взятых финскими войсками на Карельском перешейке. Размещение центра было очень выгодно с точки зрения организации этих допросов, поскольку в Сууляярви (50 км юго-восточнее Выборга) находились штаб 3-го авиаполка и 1-й батальон радиороты ВВС, штаб которой размещался прямо на выборгском аэродроме в Суурмерьюкки. При необходимости там могли легко вызвать специалистов, чтобы провести допросы. Кроме того, с 21 мая по 6 июня 1944 г. в Выборге были организованы курсы по подготовке соответствующих специалистов в организации допросов и проведению переводов. Специальным преподавателем техники допроса был военный чиновник С. Беляев¹⁶.

Однако, несмотря на столь серьезную работу, связанную со сбором информации о противнике, наступление советских войск на Карельском перешейке летом 1944 г. стало для финского командования неожиданным. Наступление началось 9 июня с очень сильной бомбардировки передовой, за которой последовала мощная артподготовка. Но в финской Ставке так и не поняли, идет ли действительно речь о наступлении, или это локальная проба сил. В течение дня финны взяли в плен 6 летчиков, по которым обнаружено четыре протокола допросов.

Так, пленный летчик, пилот штурмовика «ИЛ-2», сообщил С. Беляеву, что уже 6 июня 1944 г. стали распространяться слухи о скором начале наступления с тем, чтобы заставить Финляндию любой ценой выйти из войны и разорвать связи с Германией, поскольку финский фронт связывает слишком много русских войск. По его словам, к фронту новые войска перебрасывались ночами. Пленный советский летчик утверждал, что все подготовительные к наступлению действия уже закончились. Более того, на допросе он сказал, что советская авиация дальнего действия, «вероятно, будет бомбить стратегические объекты и, возможно, также приморские города»¹⁷.

Другой военнопленный, Егор Быховцев, служивший до этого в 132-м бомбардировочном авиаполку, сообщил, что «по крайней мере, 180 двухмоторных самолетов были переброшены на Карельский перешеек, и, согласно слухам,

наступление должно было начаться на Карельском перешейке в 10 часов утра 9 июня 1944 г.». Два других летчика со сбитого бомбардировщика сообщили, что на Карельском перешейке действует 113-я бомбардировочная авиационная дивизия, оснащенная тяжелыми бомбардировщиками «ИЛ-4». Эта дивизия была переведена в район Ленинграда 4–8 июня из резерва Высшего командования. «9 июня 1944 г.,— сообщили пленные,— задачей дивизии было бомбить южную часть фронта на Карельском перешейке (район Райайоки, Оллила и побережье Финского залива), и в качестве объектов бомбардировки были артиллерийские и полевые укрепления». Далее на допросе было сказано: «Бомбардировка проводилась эскадрильями... силами всей дивизии, и начало операции должно было проводиться всеми самолетами одновременно». Худшее, однако, финские войска ожидало еще впереди, поскольку пленные летчики со сбитого бомбардировщика подтверждали информацию о переброске главных сил авиации дальнего действия, которая должна была «бомбить тыловые объекты, порты и крупные населенные пункты».

Прежде не обращали особого внимания на показания военнопленных как одной из форм разведывательной деятельности. В частности, в основном труде по военной разведке Финляндии допросы пленных отмечены лишь вскользь¹⁸. Опубликованные мемуарные материалы также содержали нередко ошибочные представления. В воспоминаниях Ю. Л. Мякеля¹⁹, в частности, сообщается об авиаконструкторе Леоновиче, взятom в плен осенью 1941 г., когда его самолет был вынужден приземлиться в юго-западной Финляндии. Леонович был казнен как шпион, причем, как утверждает автор мемуаров, «специалисты не успели допросить его». В действительности же представители так называемых «компетентных органов» и контрольного отдела Ставки, а также штаб ВМС провели обстоятельные допросы.

Ю. Л. Мякеля делает также ошибочные выводы о четырехмоторном бомбардировщике, совершившем вынужденную посадку в ночь на 12 августа 1941 г. в Лапинярви. Речь идет не об «обычном десантно-транспортном самолете», как он

утверждает, а о самолете, который по приказу Сталина наносил ответный удар по Берлину. Две недели до этого люфтваффе бомбили Москву, после чего советский руководитель отдал приказ об ответной бомбардировке.

На ответный удар вынуждены были отправить крупные самолеты «ТБ-7», находившиеся еще на стадии экспериментальных испытаний. Тяжелый бомбардировщик, включавший экипаж из одиннадцати человек, был единственным советским самолетом, способным долететь из района Ленинграда до Берлина и вернуться обратно. Одиннадцать полностью загруженных «ТБ-7» взлетели вечером 10 августа 1941 г. с аэродрома в Пушкине и взяли курс на немецкую столицу. Однако один самолет из-за перегрузки взорвался прямо на старте. Еще один был сбит своим же истребителем «И-16», поскольку тогда еще советские летчики не знали о существовании в СССР такого класса самолетов. Лишь пять самолетов после полета вернулись в Пушкин, остальные же совершили вынужденные посадки в разных районах СССР, а один из них приземлился у Лапинярви. Тем не менее до сих пор не известно, сбросил ли хоть один самолет «ТБ-7» свои бомбы и листовки на Берлин.

Что же касается самолета «ТБ-7», который оказался в Финляндии, то, согласно П. М. Стефановскому, его экипаж в течение четырех суток до последнего героически оборонялся²⁰. Однако эти сведения на самом деле едва ли достоверны. Дело в том, что шестеро сидевших в передней части самолета пилотов погибли в момент столкновения лайнера с землей. Более того, крупный самолет сразу же загорелся, а четверо травмированных при падении стрелков, сидевших в хвостовой части машины, были захвачены без единого выстрела. Чуть позже был взят в плен второй пилот, лейтенант М. И. Антипов, который еще до падения смог катапультироваться. Погибший командир экипажа лейтенант А. И. Панфилов был одним из пилотов-ветеранов советского аэрофлота и «пилот-миллионер» (т. е. он налетал на пассажирских самолетах свыше 1 000 000 км).

Ночью 11 августа 1941 г. был замечен и второй крупный самолет, летевший по маршруту Хювелья-Лахти-Хейнола-Миккели. Он, по первоначальным сведениям, сбросил десантную группу из пяти парашютистов в районе Рюттюля. Однако

эта информация была затем дезавуирована в вечерних сообщениях того же дня. Ю. Л. Мякеля в своих воспоминаниях, скорее всего, перепутал эти два случая и, как выясняется, даже не знал о дезавуировании информации о десанте.

Лаппинярвинский случай получил затем интересный поворот в 1982–1985 гг. Тогда журналист «Правды» Алексей Горохов заинтересовался героической легендой и решил подготовить об этом большой репортаж. Он связался с московским корреспондентом газеты «Тиедонантая» (орган левой фракции Коммунистической партии Финляндии) Матти Пюкаля, после чего в ноябре 1982 г. была опубликована статья с биографией членов экипажа. Указывалось также, что четверо пленных летчиков (второй пилот лейтенант Михаил Антипов, стрелки сержанты Георгий Кириллов, Константин Шарлыков и Михаил Крысин) были якобы казнены в лагере для военнопленных № 1 в Настола. Лишь стрелок лейтенант Станислав Кизилев был возвращен в СССР после заключения соглашения о перемирии.

Действительно, 11 августа 1941 г. лейтенанта С. Кизилова взяли в плен вместе с другими стрелками. Через два дня, 13 августа, их допросили, и лейтенант Кизилев сообщил значительно более подробную информацию, чем сержанты его экипажа. Затем 12–17 мая 1942 г. Кизилова опять допрашивали уже одного в Миккели. Тогда он, в частности, сообщил об «особой авиагруппе» Сталина (которая состояла из опытных летчиков, так называемых «полярных летчиков», а также из опытных пилотов Аэрофлота, из которой позднее сформировали авиацию дальнего действия). Кроме того, опираясь на карты, сообщил об организации воздушной обороны Ленинграда. Кизилев составил также структурные схемы известных ему подразделений авиации. В Миккели ему дали ряд особых заданий, касающихся выяснения подробностей относительно авиационных заводов в Казани и Москве, а также его характеристики руководящих лиц Советского Союза²¹.

В заключение отметим, что в Финляндии после появления статьи Горохова и Пюкаля начали издаваться соответствующие материалы об этом. Но их рассмотрение уже выходит за рамки данной темы. Очевидно, что этому следует дать осо-

бое освещение, так же как и другим ошибочным сведениям, встречающимся в литературе.

¹ Sota-arkisto (далее: SArk). P725/11.

² Ibid. P4433/1.

³ Ibid. Pk 2713 (Ba 1... Ba 7). См. также: *Кривошеев Г.Ф.* Россия и СССР в войнах XX века. М., 2001. С. 195; *Галицкий В.П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД М., 1997. С. 191.

⁴ *Lappi A.* Ilmatorjunta ilmasodassa 1794–1945. Vaasa, 2000. S. 171; *Keskinen K., Stenman K.* Ilmavoitot. Osa 1. // Suomen Ilmavoimien Historia. Osa 26. Loviisa, 2006. S. 3.

⁵ Suomen Ilmavoimien Historia-kirjasarja; *Hyvönen J.* Kohtalokkaat lennot 1939–1945. Vaasa, 1982.

⁶ См.: *Björkman P.* Det svenska vinterkriget 1939–1940. Högberg 2007; *Sterner P.* Erfarenhet av rysk krigsfångenskap under Stalintiden // Aktuellt och Historiskt. 1966; *Jung A.* Hjärntvätt och fångenskap // Förbundet Svenska Finlandsvrilligas tidning. 1992. № 4; *Svensk Flyghistorisk Tidskrift.* 1993. № 3.

⁷ *Lappi A.* Ilmatorjunta ilmasodassa 1794–1945. S. 469; *Keskinen K., Stenman K.* Ilmavoitot. S. 3.

⁸ См.: *Alava T., Frolov D., Nikkilä R.* Rukiver! Hels., 2002. S. 25; SArk Pk 2713, Bc 1... Bc 43.

⁹ Sark. T2060/24.

¹⁰ Ibid. T4941/9.

¹¹ *Heiskanen R.* Saadun tiedon mukaan... Keuruu 1989. S. 171–172.

¹² Sark. T15726/1–6 b.

¹³ Ibid. T5973/9; T4949/7; T19279/35 b.

¹⁴ Ibid. T4941/7; T19282/83.

¹⁵ Ibid. T4941/7.

¹⁶ Ibid. T17788/24.

¹⁷ Ibid. T18030/11.

¹⁸ *Heiskanen R.* Saadun tiedon mukaan.

¹⁹ *Mäkelä J.L.* Salainen palapeli. Porvoo, 1964; *Mäkelä J.L.* Salaisen sodan saatosta. Porvoo, 1965.

²⁰ *Стефановский П.М.* 300 неизвестных. М., 1968. С. 202–203.

²¹ Sark. T19279/35 b; T15727/6; T23958/3.

**ЭКОНОМИКА,
ВОЙНА И ПОЛИТИКА**

Н. Р. Славнитский

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
СО СТОРОНЫ ФИНЛЯНДИИ:
УКРЕПЛЕНИЯ ВЫБОРГА И КЕКСГОЛЬМА
В ГОДЫ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ**

Важную роль в военном отношении в период Северной войны играли укрепления, бывшие на Карельском перешейке. Фактически, они превратились в своеобразный оборонительный щит, который должен был обеспечить безопасность Санкт-Петербурга со стороны Финляндии. В данном отношении особое значение придавалось прежде всего Выборгским укреплениям.

К моменту захвата русской армией Выборга в 1710 г. ее так называемая «Главная крепость» состояла из пяти бастионных фронтов: бастионов Гольц, Ньюпорт (Нипорт), Клейн-Платформ, Вассерпорт и Элеонора, соединенных каменной стеной. Другая часть крепости, соединявшаяся с главной, состояла из трех земляных бастионных фронтов (Вальпорт, Панцерлак и Эвроп). Перед куртиной, соединявшей два последних бастиона, располагался рavelин Крон и два капонира, а перед куртиной, соединявшей бастионы Эвроп и Элеонора, — рavelин Клейн. Оба рavelина, по-видимому, были земляными. Внутри главной крепости все строения были каменные, а внутри второй части крепости — деревянные, за исключением каменной круглой башни, называвшейся Петербургской. Отдельно от этих укреплений на острове располагался каменный замок Шлосс, соединявшийся с главной крепостью при помощи моста¹.

Следует заметить, что к тому времени Выборгские укрепления пришли уже в упадок, так как шведское командование вообще довольно мало внимания уделяло этим территориям, и средства на их ремонт отпускались очень незначительные. При этом укрепления Нотебурга и Ниеншанца считались достаточными для охраны границ, поэтому Выборгу доставались лишь жалкие крохи. Однако в 1702 г. в нем были произведены небольшие ремонтные работы под руководством капитана Л. Х. Стобекса².

Гарнизон Выборга в 1710 г. насчитывал 6000 чел.³ (по данным Б. Адамовича и А. И. Дубравина — 4000 чел.⁴), а комендантом крепости с 1702 г. являлся З. Аминоф, однако он был немолод и слаб здоровьем. Поэтому в феврале 1710 г. на должность командира второго пехотного губернского полка был назначен полковник М. Шернстролле, который и руководил обороной города⁵. Крепость имела на вооружении 151 орудие⁶.

В конце марта 1710 г. Выборг был осажден русскими войсками под командованием Ф. М. Апраксина. Однако на первом этапе ограничились тем, что сделали апроши, а также начали обстрел из 10 пушек 12-фунтового калибра (первоначально их было 12, но 2 орудия очень быстро вышли из строя, а взять больше было невозможно, так как войско подошло к городу по льду). Лишь в начале мая к Ф. М. Апраксину морем было доставлено 80 пушек и 18 мортир (а также провиант, в котором осадный корпус очень нуждался), и 1 июня начался второй обстрел крепости. Обстрел укреплений и бомбардировка продолжались до 6 июня, в результате чего «сделался великий брешь, что по сдаче города два батальона на нем строем стали»⁷. За эти 6 дней по крепости было сделано 2975 выстрелов из мортир и 1539 — из пушек. Шведы отвели 7464 выстрелами из пушек и 394 — из мортир⁸.

6 июня было принято решение брать крепость штурмом. Следующие два дня прошли в подготовке к нему. Уже были назначены люди, командированные на штурм⁹, но 9 июня комендант осажденной крепости выслал парламентаря, который сообщил, что он готов сдаться. 13 июня гарнизон Выборга сдался¹⁰, не дожидаясь штурма, так как разрушения, сделанные огнем русской артиллерии, не оставляли коменданту никаких шансов отстоять крепость. Сдавшийся Выборгский гарнизон состоял из 3880 чел., в том числе 156 офицеров и чиновников и 3274 нижних чинов. Потери шведов убитыми составили около 2500 чел.¹¹

Как уже отмечалось, в результате деятельности русской артиллерии укрепления Выборга очень сильно пострадали. Поэтому сразу после взятия крепости приступили к ее спешной починке. Уже 22 июня Петром I была составлена инструкция «что сделать в сей короткий час для укрепления города Выборга»¹², которой предписывалось починить «разоренный» бастион и сделать два новых земляных бастиона. В июне-июле работные люди рубили тарасы в бастионах¹³. Кроме того, к строительным работам привлекались и солдаты гарнизона. За лето 1710 г. ими был вынесен кирпич, осыпавшийся в результате стрельбы ядрами, все бастионы были «выкладены» дерном, а брешь заложена фашинами и землей¹⁴. В конце октября работники-татары были отпущены из Выборга в Петербург¹⁵. Это, по-видимому, означало окончание ремонтных работ в 1710 г.

Возле Выборга были также установлены 3 артиллерийские батареи¹⁶, однако в конце сентября они были разоружены, а пушки перевезены в Выборг¹⁷.

Таким образом, русские войска получили и быстро привели в порядок достаточно мощное фортификационное укрепление, надежно прикрывшее всю российскую границу с севера (со стороны Финляндии). Кроме того, вскоре Выборг стал опорным пунктом для дальнейших наступательных операций русских войск на территории Финляндии.

В первые годы Выборг, являвшийся приморской крепостью, постоянно подвергался угрозе нападения шведского флота, да и сухопутные шведские войска находились летом 1710 г. под самым Выборгом¹⁸. В начале сентября майор Юшков в 4 милях от Выборга столкнулся с передовым шведским отрядом¹⁹ (надо сказать, что выборгский комендант постоянно посылал конные разъезды драгун и казаков для разведывания неприятельских сил²⁰).

28 сентября со шведских кораблей был высажен десант, напавший на русские караулы, но нападение было отбито²¹. А 1 октября Выборг был блокирован корпусом Г. Любеккера и шведским флотом. Однако активных действий шведы не предпринимали, и боевые действия ограничивались мелкими стычками. Блокада продолжалась до середины декабря — сухопутные войска шведов отступили 10 декабря, а флот — 15 декабря 1710 г²². В начале декабря, правда, блокада уже была не такой

опасной: три корабля стояли на взморье, а сухопутные полки находились у Лапеланда²³.

То же самое повторилось в следующем году: 22 мая 1711 г. И. Ф. Боцис сообщил А. Д. Меншикову, что в окрестностях Выборга появился шведский отряд численностью в 1500 чел., а остальное войско двигается из Финляндии²⁴. 19 июня возле Выборга появился шведский флот, состоящий из 7 кораблей и 7 шняв²⁵. Р. В. Брюс предложил сжечь их при помощи двух брандеров, но морские офицеры выступили против этого, хотя и вынуждены были подчиниться²⁶. Однако отправлять брандеры к шведскому флоту они наотрез отказались²⁷. По запискам тогдашнего коменданта Выборгской крепости Г. П. Чернышева, шведские войска блокировали крепость 4 сентября 1710 г. Однако деятельность неприятеля снова была пассивной и закончилась так же, как и в предыдущем году: сухопутные войска отступили 3 декабря, а корабельный флот — 8 декабря 1711 г.²⁸ Летом 1712 г. возле Выборга снова появились шведские корабли, но никаких активных действий не предпринимали²⁹. Когда же в 1712 г. русские войска сами перешли к наступательным действиям в Финляндии, которая в течение последующих кампаний 1713 и 1714 гг. оказалась занятой ими, угроза нападений на Выборг отпала.

Гарнизон Выборга первоначально состоял из 6 полков³⁰. Однако к концу августа 1710 г. их количество увеличилось до 13 (Гренадерский, Апраксин, Троицкий, Смоленский, Азовский, Зотов, Юрлов, Шкетов, Неклюдов, Козодавлев, Желтухин, Батурин)³¹ или до 15 полков (все указанные, а также Драгунский и Пермский), в которых насчитывалось 6344 чел.³² Однако Пермский полк в конце мая 1711 г. был отправлен в Петербург и прибыл туда 4 июня³³. Кроме того, летом 1713 г. часть солдат выборгского гарнизона была отправлена на работы по строительству оборонительных сооружений на рейде Гельсингфоргской гавани³⁴.

Артиллерийское вооружение Выборга в первые годы колебалось. По взятии крепости в ней находилось 167 «годных» и 55 «негодных» пушек, а также 12 мортир. Это же количество орудий состояло на вооружении выборгских укреплений и в конце ноября 1710 г.³⁵ Однако постепенно трофейные орудия стали забирать (в частности, уже в конце октября выборгский комендант получил приказание отправить медные пушки

из Выборга в Нарву³⁶, однако этот процесс растянулся до конца декабря³⁷). В 1712 г. там находилось 155 пушек, 15 мортир и 5 гаубиц³⁸. При этом орудия, захваченные у шведов, по-видимому, были увезены из Выборга. Относительно оснащения этой крепости орудиями в 1713 г. сохранились две ведомости. Одна из них, датированная 30 сентября того же года, была опубликована А. З. Мышлаевским³⁹. В ней указаны 150 пушек, а в неопубликованной (и недатированной) ведомости, которая, по-видимому, относится к тому же времени, сказано, что в крепости находилось 116 пушек и 6 мортир⁴⁰. Какая из двух указанных ведомостей более точная, сказать трудно, но не исключено, что вторая (неопубликованная) составлялась в конце года, после того как часть орудий из Выборга увезли.

Таблица 1

Артиллерийское вооружение Выборга в 1713 г.

Калибр	Пушки медные русские	Пушки чугунные русские	Пушки чугунные шведские	Ядра	Мортиры медные	Мортиры чугун.	Бомбы
24-фнт	5	0	4	5413			
18-фнт	10	0	12	15116			
12-фнт	0	8	12	0			
10-фнт	0	0	0	1693			
6-фнт	0	0	32	0			
4-фнт	0	0	9	0			
3-фнт	0	0	24	795			
79-фнт					2	0	0
74-фнт					2	0	0
45-фнт					0	2	0

Кроме того, возле Выборга еще в 1710–1711 гг. были сооружены батареи⁴¹, но сколько их было и каково было их вооружение, неизвестно.

При этом постоянно производились работы по укреплению стен Выборга. В 1710–1725 гг. ограда крепости от бастиона Виктория до ворот Рынка, состоявшая из каменной стены, была разобрана и заменена земляным валом, частично с каменными, частично с земляными эскарповыми стенами, причем вместо прежних выступов были сделаны бастионы с орильонами; кроме того, крепость со всех сторон была окружена палисадом. На фронте, обращенном к сухому пути, этот палисад был расположен у гребня прикрытого пути, а в остальных частях ограды, окруженных водами морского пролива и озера Соменовеси, был помещен в весьма близком расстоянии от подошвы эскарповых стен⁴².

Большой проблемой для русского командования являлось обеспечение Выборга провиантом. При этом уместно вспомнить, что из-за плохого обеспечения провиантом под угрозой срыва в 1710 г. оказалась осада данной крепости Ф.М. Апраксиным. Обеспечение Выборга различными припасами шло, по-видимому, несколькими путями: водой из Кексгольма в летнее время (в первые годы)⁴³, из Санкт-Петербурга (летом на судах, зимой по сухому пути)⁴⁴. В частности, после того как Санкт-Петербургский обер-комендант Р.В. Брюс отправил хлеб в сентябре из Кексгольма, следующая партия прибыла, по сообщению Г.П. Чернышева А.Д. Меншикову, только в начале декабря 1710 г.⁴⁵, хотя в его же записках указано, что провиант привезли на шкутах от Кроншлота 23 декабря⁴⁶. Та же картина повторилась и в следующем году (опять же по запискам Г.П. Чернышева), причем в обоих случаях продовольственных запасов в крепости оставалось очень мало (всего на несколько дней)⁴⁷.

Летом 1712 г. провиант в Выборг был отправлен на 22 судах, которые сопровождали несколько вооруженных скампавей (для охраны их от неприятельского флота)⁴⁸. Правда, точно неизвестно, предназначался ли он для выборгского гарнизона или для корпуса Ф.М. Апраксина, собиравшегося наступать в Финляндию, опираясь на Выборг. Вероятнее всего второй, по крайней мере, часть провианта Г.П. Чернышеву было приказано передать эскадре И.Ф. Боциса⁴⁹, прикрывавшей наступление со стороны финских шхер.

В целом Выборг, ставший русским форпостом в Финляндии, был неплохо оснащен артиллерией и мог в случае необходимости выдержать первый удар неприятельских войск.

Но наряду с выборгской крепостью на Карельском перешейке существовали другие достаточно сильные укрепления в устье реки Вуокса на берегу Ладожского озера, где располагался город Кексгольма.

Оборонительная ограда Кексгольма во время ее осады русской армией состояла из бастионных фронтов с весьма малыми бастионами «неправильной формы». Для фронтов крепости, обращенных к левому берегу Вуоксы, рукав реки служил рвом, а на берегу против южного фронта находился небольшой редан, являвшийся своеобразным рavelином и прикрывавший мост, при помощи которого крепость сообщалась с левым берегом. Северные фронты крепости по своему географическому расположению более других могли подвергаться разрушительному действию пушечных батарей и приступу, поэтому были снабжены временными ретрашаментами, расположенными в горже трех бастионов. Все верки крепости имели невысокий каменный эскарп; внутренняя отлогость вала на некоторую высоту была также поддержана каменной одеждой. Другой остров был занят отдельной крепостцой, которая составляла цитадель и соединялась с крепостью при помощи моста. Ограда цитадели состояла из каменной стены, имевшей по углам башни угловые выступы. Три совсем небольших острова были заняты люнетами; они, по-видимому, имели целью заграждать неприятелю доступ к обоим берегам и таким образом прикрывать сообщение по мосту между крепостью и цитаделью⁵⁰. Таким образом, укрепления Кексгольма представляли собой сочетание бастионных и башенных фронтов.

Осада крепости началась сразу после сдачи Выборга, когда петербургский обер-комендант Р. В. Брюс получил приказание идти осаждать Кексгольм с тремя драгунскими и двумя пехотными полками (позже к нему прибыли подкрепления), куда он отправился 30 июня 1710 г.⁵¹ Но крепость была хорошо укреплена географически, а помощи шведам ждать было неоткуда; поэтому ему было приказано не чинить формальной атаки, а ограничиться блокадой, чтобы зря не губить людей. 15 июля русские артиллеристы начали бомбардировать город из нескольких малых mortирцев, которые были при полках, но это не принесло никаких положительных результатов.

Действенная осада крепости началась лишь в августе, когда из Шлиссельбурга привезли осадную артиллерию, состоявшую

из 25 чугунных пушек (24-фунтовых – 5, 18-фунтовых – 14, 12-фунтовых – 6), 5 мортир (3-пудовых – 3, 2-пудовых – 1, пудовая – 1) и одной гаубицы, т. е. 31 орудия⁵². Правда, Н.Г. Устрялов считал, что при осаде было задействовано 8 пушек 24-фунтовых, 14 – 18-фунтовых, 6 – 12-фунтовых; 3 мортиры 3-пудовые, одна пудовая и 2 гаубицы⁵³.

7 августа началась бомбардировка, продолжавшаяся до 2 сентября, когда комендант выслал барабанщика. Седьмого⁵⁴ или восьмого⁵⁵ сентября эта крепость сдалась русским войскам. Количество снарядов, выпущенных по Кексгольму, неизвестно.

В результате бомбардировки укрепления Кексгольма, по-видимому, не пострадали, так как при обстреле главным образом были задействованы мортиры, и в известных нам источниках не отмечено серьезных восстановительных работ в крепости.

В 1712 г. в Кексгольме насчитывалось 56 пушек, 6 мортир и 15 гаубиц⁵⁶. В 1713 г. количество пушек увеличилось до 61 (однако ядра имелись не ко всем), количество мортир увеличилось до 22-х, а число гаубиц уменьшилось до 4-х⁵⁷.

Таблица 2

Артиллерийское вооружение Кексгольма в 1713 г.

Калибр	Пушки медные русские	Пушки медные шведские	Пушки чугунные шведские	Ядра	Мортиры медные	Мортиры чугунные	Бомбы
24-фнт	2	0	9	1590			
20-фнт	0	0	0	276			
18-фнт	0	0	25	2521			
16-фнт	0	0	0	16			
12-фнт	0	0	12	2932			
10-фнт	0	0	0	100			
6-фнт	0	0	2	550			
5-фнт	0	0	1	0			
4-фнт	0	0	3	0			
3-фнт	0	4	2	50			
2-фнт	0	1	0	0			

1	2	3	4	5	6	7	8
1-фнт	0	0	0	100			
79-фнт					2	2	320
74-фнт					2	0	249
64-фнт					1	0	0
8-фнт					0	15	0

Комендантом крепости был назначен полковник Лутковский⁵⁸. Но в 1713 г. после занятия русскими войсками при помощи флота южной части Финляндии Кексгольм оказался в глубоком тылу. Правда, летом 1714 г. под Кексгольмом появилась небольшая шведская партия, однако она не стала предпринимать никаких активных действий⁵⁹.

Таким образом, укрепления Выборга и Кексгольма, взятые русскими войсками, были приведены ими в порядок и стали надежным прикрытием столицы Российской империи с севера. В первую очередь это относится к Выборгу — более мощному фортификационному сооружению, которое в дальнейшем русские инженеры продолжали совершенствовать. Не случайно Петр I в письмах к своим приближенным отмечал, сообщая об успехе осады: «И тако чрез взятие сего города Санкт-Питербурху конечное безопасение получено»⁶⁰.

¹ Выборгская крепость. Летопись ее с 1710 по 1872 г. // ОР РНБ. Ф. 1000. СОП. Оп. 3. № 183. Л. 1.

² *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Петра Великого. СПб., 1910. С. 76.

³ *Мошник Ю. И.* Гарнизон и население Выборга весной — летом 1710 г. // От Нарвы к Ништадту. Петровская Россия в годы Северной войны. СПб., 2001. С. 68.

⁴ *Адамович Б.* Осада Выборга. 1710 год // Военный сборник. 1903. № 9. С. 26; *Дубравин А. И.* Взятие русскими войсками и флотом Выборга в 1710 г. // Русское военно-морское искусство. М., 1951. С. 62.

⁵ *Мошник Ю. И.* Гарнизон и население Выборга. С. 68.

⁶ *Васильев М. В.* Осада и взятие Выборга. М., 1953. С. 41.

- 7 Реляция о взятии Выборга. С. 120.
- 8 *Васильев М. В.* Осада и взятие Выборга. С. 81.
- 9 РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–4.
- 10 ПБИБВ. Т. X. М., 1956. С. 191–193.
- 11 *Мошник Ю. И.* Гарнизон и население Выборга. С. 70.
- 12 ПБИБВ. Т. X. № 3835. С. 206.
- 13 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3699. Л. 1.
- 14 Там же. Д. 3699. Л. 1–2; Д. 3758. Л. 1–3.
- 15 Там же. Д. 3916. Л. 1 об.
- 16 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 7. Л. 305.
- 17 Там же. Оп. 1. Д. 3873. Л. 1 об.
- 18 Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 255, 276.
- 19 Там же. Л. 304.
- 20 Там же. Л. 42, 58, 304–305.
- 21 Там же. Л. 299.
- 22 Записки графа Г. П. Чернышева // Русская старина. 1872. Июнь. С. 795.
- 23 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 7. Л. 53–54.
- 24 МИРФ. Ч. I. С. 241.
- 25 Там же. С. 245.
- 26 Там же. С. 251–253; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4613. Л. 1.
- 27 МИРФ. Ч. I. С. 254.
- 28 Записки графа Г. П. Чернышева... С. 795–796.
- 29 РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 78. Л. 39.
- 30 Записки П. Г. Чернышева // Русская старина. 1872. Июнь. С. 795.
- 31 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3793. Л. 2.
- 32 Там же. Д. 3755. Л. 1.
- 33 Там же. Д. 4492. Л. 1.
- 34 ПБИБВ. Т. 13. Вып. 2. М., 2003. С. 76, 383.
- 35 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3982. Л. 3–5.
- 36 РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 5. Л. 44.
- 37 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 7. Л. 291–292.
- 38 РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 33. Л. 167.
- 39 *Мышлаевский А. З.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах. Документы Гос. Архива. СПб., 1894. С. 401.
- 40 Архив ВИМАИВИВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 384.
- 41 МИРФ. Ч. I. СПб., 1865. С. 245.
- 42 *Ласковский Ф. Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. Опыт изучения инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. СПб., 1861. С. 449–450.
- 43 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 7. Л. 119. Для хранения провианта, привозимого из Кексгольма, был сооружен «транжамент» в мызе Муле, находившейся в 35 верстах от Выборга (Там же. Л. 59 об.). Подробнее об этом

см.: *Мошник Ю. И.* Выборг в 1710 г. // Страницы Выборгской истории. Кн. 2. Выборг, 2004. С. 217–218.

⁴⁴ В марте 1711 г. петербургский обер-комендант Р. В. Брюс доносил А. Д. Меншикову: «Отправлено от нас с Котлина острова и с Питербурха правянтну в разных числех муки, сухарей и круп на подводах 4167 кулей... А ныне сверх того еще отправлено от нас в Выборх правянтну ис Питербурха на 363 подводах с Котлина острова на 100 подводах всего онаго правянтну по нижеписанное число в Выборх послано на 1951 подводе» (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4245. Л. 1.).

⁴⁵ Там же. Л. 107, 109.

⁴⁶ Записки графа Г. П. Чернышева // Русская старина. 1872. Июнь. С. 795.

⁴⁷ Там же. С. 795–796.

⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 78. Л. 3.

⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 78. Л. 73.

⁵⁰ *Ласковский Ф. Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. С. 318.

⁵¹ *Мышлаевский А. З.* Реляция о взятии Кексгольма // А. З. Мышлаевский. Северная война на Ингермаландском и Финляндском театрах. 1708–1714 гг.: Документы Гос. Архива. СПб., 1894. С. 124–125.

⁵² *Мышлаевский А. З.* Реляция о взятии Кексгольма // Там же. С. 127.

⁵³ *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. V // ОР РНБ. Ф. 1000. СОП. Оп. 2. № 1441. Л. Л. 316.

⁵⁴ *Мышлаевский А. З.* Реляция о взятии Кексгольма // Мышлаевский А. З. Северная война... С. 125–126.

⁵⁵ Письмо Р. В. Брюса Я. В. Брюсу // Архив ВИМАИВИВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 485.

⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 33. Л. 167.

⁵⁷ Архив ВИМАИВИВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 384.

⁵⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4822. Л. 2.

⁵⁹ Донесения А. Инглиса А. Д. Меншиоку 23 июня и 20 августа 1714 г. // Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 47 об., 50.

⁶⁰ ПБИПВ. Т. 10. С. 190–194.

С. В. Гаврилов

ИНТЕНДАНТСКОЕ СНАБЖЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ В ФИНЛЯНДИИ В ПЕРИОД ВОЙНЫ 1808–1809 гг.

Русско-шведская война 1808–1809 гг. оказалась значительной с точки зрения оценок развития интендантского снабжения войск. Это война началась после соответствующей подготовки, заблаговременно осуществленной российским командованием. Уже в начале 1808 г. Россия сумела создать на границе со Швецией, между Фридрихсгамом и Нейшлотом, 24-тысячную группировку войск, которым, собственно, и предстояло решать задачу, связанную с ведением боевых действий в суровых условиях европейского севера.

Военные действия начались, когда 9 февраля 1808 г. российские войска без объявления войны перешли границу, и закончились в конечном счете победой русского оружия, заключением 5 сентября 1809 г. Фридрихсгамского мирного договора. Анализ хода боевых действий позволяет выделить четыре периода этой войны. Первый хронологически определяется с 9 февраля по 16 марта 1808 г. В этот отрезок времени началось наступление русской армии, осуществившей захват южной Финляндии, Аланских островов и острова Готланд. Второй — с 16 марта по 2 августа 1808 г. В это время началась активизация боевых действий шведской армии, а в Южной части Финляндии — партизан. Третий период — с 2 августа 1808 г. по 19 марта 1809 г. — характеризуется переломом в ходе войны в пользу русских и захватом всей Финляндии. Четвертый — с 19 марта по 5 сентября 1809 г. — стал заключительным периодом войны, когда

военные действия перешли на территорию Швеции, закончившийся заключением перемирия, а затем и мирного договора.

Очевидно, что успех в боевых операциях России в Финляндии мог напрямую зависеть от организации интендантского снабжения войск. В этом плане очень важно то, что снабжение русской армии осуществлялось главным образом непосредственно из России, за счет тех запасов приграничных и петербургских складов, которые заблаговременно были созданы провиантским департаментом военного министерства.

Так, уже к 6 февраля было доставлено к границе со Швецией до 10 тыс. четвертей овса, 85 тыс. пудов сена, десятидневная норма сухарей, фуража, мяса и вина. Далее, к 12 февраля объем запасов провианта уже удвоился¹. При этом подвоз, осуществившийся зимой, организовывался с помощью специальных подвижных «магазинов», которые состояли из 500 повозок, а также из полковых обозов и местного транспорта. За каждую версту с грузом платили по 4 копейки за лошадь и выдавали фураж натурой из государственных средств. Дневной переход с грузом при этом должен был быть по норме не менее 30 верст. Если же обоз шел без соответствующей кладки, то он должен был в сутки покрывать маршрут до 45 верст. Для погрузки и разгрузки полагался всего один день, за который отпущался еще овес и сено из провиантских «магазинов».

11 февраля российские войска заняли Свартгольм. Это позволило разместить в Ловизском заливе значительные силы гребного флота. Наличие флота и способность защитить морские коммуникации от противника позволили осуществлять поставки морем прямо из Выборга в Гельсингфорс. После выгрузки припасы перевозились гужевым транспортом. Однако эти перевозки по мере удаления войск от Гельсингфорса вглубь страны делались все более затрудненными. Причиной тому было отсутствие нужного числа подвод и, как следствие, изнурение конного состава. Сами переходы осуществлялись до 10–15 верст в сутки. Это было в три раза меньше того, что полагалось осуществлять по норме. Летом, кроме того, производились водные перевозки через Ладожское озеро и по рекам. Кроме того, практиковалась покупка продовольствия из местных ресурсов за наличный расчет. Однако местных запасов было крайне мало. В интересах

жителей территории, занятой русскими войсками, реквизиция и фуражировка у них были запрещены.

Для лучшей организации интендантского снабжения и успешного ведения боевых действий главнокомандующий в мае 1808 г. принял решение о создании дополнительных запасов в ряде районов Финляндии. Главные базы снабжения («магазины»), которые исходили из расчета обеспечения до 18 тыс. чел. и до 30 тыс. лошадей, располагались в Гельсингфорсе, Або, Лилькиро и Улеборге. Кроме того, создавались промежуточные «магазины». Они размещались в Тавастгусе (на 35 тыс. чел. и 8 тыс. лошадей), Куопио (на 25 тыс. чел. и 5 тыс. лошадей), а также в Ловизе, Экнесе, Ништадте, Биернеборге, Нернесе, Гамлекарлеби и Брагештадте. Там создавался запас для войск от 2 до 5 тыс. чел. и для 5 тыс. лошадей. Но наряду с этим образовывались еще так называемые этапные «магазины». Они размещались на главных военных дорогах для проходящих войск и содержали запасы на 500 чел. и на 100 лошадей².

В целом интендантское снабжение русских войск в войне со Швецией было организовано поставками со складов Петербургской губернии комбинированным способом. Созданная же в ходе войны система снабжения оказалась довольно эффективной и позволяла обеспечивать действующие войска, что в свою очередь существенно повлияло на ход боевых действий уже в 1809 г. и достижение целей войны. В результате снабжение войск в Финляндии оказалось лучше, чем в войнах русской армии с наполеоновской Францией в 1805 г. и в 1807 г. Главной его особенностью стало то, что оно основывалось на подвозе запасов из России. Это было возможно потому, что район боевых действий был незначительно удален от крупных складов. При этом количество войск было также не значительным — не более 34 тыс. чел. Естественно, что для такого количества солдат требовался сравнительно небольшой объем материальных ресурсов.

¹ Затлер Ф. К. Записки о продовольствии войск в военное время. Ч. 1. СПб., 1860. С. 71.

² Там же. С. 72.

А. Г. Шкваров

**О ПРОБЛЕМЕ
«ГЕНОЦИДА И ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ»
КАЗАЧЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ПРИБАЛТИЙСКИХ
ПРОВИНЦИЙ ШВЕЦИИ
В ХОДЕ РУССКО-ШВЕДСКИХ ВОЙН XVIII–XIX вв.**

Русское казачество в западных источниках издавна являлось синонимом насильников и грабителей, варваров и убийц. Уже в 1705 г. в Стокгольме вышла первая книга под названием «Правдивый отчет о нехристианском и жестоком отношении московитов по отношению к взятым в плен высшим и младшим офицерам, слуг и подданных Его Величества Короля Швеции, а также их жен и детей <...>». А через два года последовала другая, повествующая о физическом истреблении местного населения и разнообразных видах насилия над ним, озаглавленная: «Выдержка из письма, отправленного из Штенау 20 июля 1707 г., об ужасающих поступках московитских калмыков и казаков»¹.

В целом представление о России, о «Московском царстве», в Швеции и Финляндии было единообразным, формирующим образ врага, который «готов к употреблению» всегда, даже в мирное время². Подобное, «западное», заключение было преобладающим не только в Швеции и Финляндии, но и других европейских странах, втянутых в военное противостояние с Россией³.

Один из современных западных историков, анализируя социальную природу казачьих сообществ, эпохи позднего Средневековья, охарактеризовал их как «социальных бандитов», а сами сообщества, т.е. войска, представил как «social banditry»⁴. «Социальный бандитизм» трактуется словарями

как нарушение закона индивидом или группой, не оцениваемое общественным мнением как преступление⁵. Т. е. сами казаки свои действия (против тех, с кем им приходилось воевать) никогда преступными не считали. В самом деле, эта позиция не противоречила истине, ибо преступление есть социально опасное деяние, определяемое законом того общества, где он принят, и подлежащее наказанию. В войну они вступали или вынуждено — защищаясь, или по повелению своего руководства («круга»), т. е. в соответствии с собственным законом. Позднее же, когда казачество сделалось одним из сословий Российской империи, оно подчинялось Высочайшему указу, т. е. поступало опять-таки по закону.

В общем-то ничего нового в данном случае не обнаруживается. Историки С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов с позиции российской государственности смотрели на казачество позднего Средневековья как на силу, которая для России иногда была опаснее кочевых орд. В противостоянии казачества и государства последнее виделось Соловьеву носителем цивилизаторского начала: «Против призыва Петра к великому и тяжелому труду, чтоб посредством него войти в европейскую жизнь, овладеть европейской цивилизацией, поднять родную страну... против этого раздался призыв Булавина: “Кто хочет погулять, сладко попить, да поесть,— приезжайте к нам!”» И Соловьев, и Ключевский видели залог благополучного развития российской государственности в укрощении степной стихии⁶.

Еще до Петра I московское правительство с раздражением смотрело на непредсказуемое поведение казачьих сообществ, что часто шло вразрез с русскими внешнеполитическими интересами. Подобное отношение Москвы, а за ней и Петербурга было не беспочвенно — на протяжении XVII–XVIII столетий казачество шло в авангарде мощных антиправительственных выступлений — Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева, а также прямых измен — Ивана Мазепы и Игната Некрасова. Поэтому очень часто к слову «казаки» прибавлялось характерное прилагательное — «воровские».

Военные историки обычно не давали оценок действиям войск, в том числе и казачьих, с морально-этической или правовой точек зрения. Из документов той эпохи необходимо

отметить выступление лишь одного современника Петра I, православного патриарха Иерусалимского Досифея, который писал ему об этом: «...шведы, хотя и еретики, но как емлют их к Москве, бывают православными и скоро и помалу <...>. Но имеют поволность некия [купцы]⁷ вывезти их в землю турецкую <...>. Не грех ли перед Богом, но и на свете великое безчестие, понеже не из которого христианского государства не привозят сюды продавать христиан, а из святых стран, [что и] признать непристойно. Надобно там, аще изволите повелеть, чтобы не вывозили христиан больше, [а в наказание] предложить послушникам не ино, но смерть не отложную и будет великая честь и великая слава твоему царскому величеству»⁸.

Другим источником, который также приводится профессором В.Е. Возгриным, является «История государя Петра Великого», написанная Ф.И. Соймоновым. Касаясь разорения шведских берегов в конце Северной войны, Ф.И. Соймонов пишет о «страшных убийствах и кровопролитиях», а также других репрессиях, совершавшихся русской армией по отношению к мирному населению Швеции⁹.

Помимо литературных описаний зверств казачества по отношению не только к солдатам противника, но и к мирному населению, выпускались во множественном количестве гравюры XVIII–XIX вв., красноречиво демонстрирующие кроваждную сущность казаков. Это следует и напрямую из названий, например «Казак-грабитель», или из того, что изображено на картинах: горящие дома, разбегающиеся в панике жители, преимущественно женщины, и, как обязательный атрибут, — мешок с награбленным добром. Сами казаки изображены вооруженными, но одежда их — лохмотья. Прямо, как любил говорить знаменитый Тили, «оборванный солдат и блестящий мушкет!» — тем самым считая, что главное в том, как содержит солдат свое оружие, а не в том, как он одет¹⁰. В Хельсинки, в букинистическом магазине (на Fredrikenkatu), имелась английская гравюра 1813 г. «The portraits of the Different Tribes of Russian Cossacks in Marching Order»¹¹. Поражало в ее названии слово «Tribes» — племена, не меньше не больше. Англичане лучше других европейцев понимали, что есть казачество с их, «ци-

вильзованной» точки зрения. Английская армия располагала точно такими же, на их взгляд, «казаками» — сикхами и сипаями, на которых можно было списать любые зверства: это же не «цивилизованные» солдаты, а дикари. Они с ведома королевы могли истреблять целиком индейские племена в Северной Америке, или негритянские — в Африке.

Современная шведская и финская историография последнего десятилетия выработала единую точку зрения: Великое Лихолетье времен Северной войны, как и последующих конфликтов с Россией¹², не было столь уж тяжелым временем, как их представляло народное устное творчество и ранняя историография, хотя и не отрицалось то, что грабежи, разорение и насилие имели место¹³.

Российские историки иногда придерживаются, на мой взгляд, чересчур жесткой позиции в этом вопросе, стараясь события, происходившие в XVIII в., рассматривать через призму нравственно-этических понятий, свойственных современному человеку с его шкалой человеческих ценностей и пониманием гуманности, основываясь на международных правовых актах XX в. Действия русской армии в период Северной войны профессор В. Е. Возгрин называет не иначе как геноцидом по отношению к мирному населению, возлагая ответственность за это большей частью на казачество¹⁴. При этом он ссылается и на мнение известного психолога доктора исторических наук Е. С. Сенявской, утверждающей, что привлеченное к походам в Северную войну казачество, в отличие от регулярной армии, не обладало даже жалкими рудиментами средневековой рыцарственности и благородства¹⁵. Жаль, что в данном случае идеализируется понятие «рыцарственности». Оно, на самом деле, тождественно другому понятию — «воинской чести», которое в свою очередь находится в противоречии с нравственностью и моралью, ибо напрямую связано лишь с одним — с войной, самопожертвованием и убийством себе подобных. Современное общество по-другому воспринимает слово «честь», забыв об его изначальном значении и сделав его синонимом слова «благородство».

Отвечая на вопрос о том, что произошло реально в бывших шведских владениях во время войн с Россией в XVIII–XIX вв. и какую роль в этом играло казачество, дадим прежде всего

определения двух понятий. Одно из них касается определения того, что такое геноцид. Геноцид означает *истребление отдельных групп населения по расовым, национальным, этническим или религиозным признакам*, а также умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение этих групп, равно как и меры по предотвращению деторождения в их среде¹⁶. Другое относится к определению понятия «военные преступления». По международному праву, это исключительно серьезные нарушения *законов и обычаев войны*: убийства, истязания и увод в *рабство* или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; взятие и *убийство* заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение населенных пунктов; разорение, не оправданное военной необходимостью; нападение на установки или сооружения, содержащие опасные силы (атомные электростанции, плотины, гидроузлы); нападение на лиц, прекративших участие в военных действиях, и др.¹⁷

Профессор В. Е. Возгрин ссылается на то, что в конце XVII — начале XVIII в. уже существовали некие международные нормы и правила ведения боевых действий, основанные на принципах гуманности¹⁸.

Любая война между двумя соперничающими государствами завершалась подписанием мирного договора, выполнение которого было неким залогом мира в будущем, или, наоборот, несоблюдение становилось поводом к войне. Но чтобы перед началом военных действий стороны договаривались о том, как они будут воевать?!

Какими документами регламентировались в Европе *законы и обычаи войны* в позднем Средневековье и в XVIII в.? Вопросы правовых основ войны и мира исследовал крупный голландский ученый XVII в. — юрист Хуго Гроций (1583–1645). Его знаменитая работа — трактат «Три книги о праве войны и мира» увидела свет в 1625 г. Это была попытка исследовать правовые основы войны и мира. Для нас интересны те положения его научного труда, где ученый старается хоть как-то смягчить ужасы войны, ограничивая право убивать даже в справедливой войне¹⁹. Нельзя убивать,

пишет Хуго Гроций, «преследуемых роком, в частности примкнувшим к воюющей стороне вследствие принуждения»²⁰. «Всегда следует щадить детей, женщин, если они не повинны в тяжком преступлении, и стариков». Он приводит слова Александра Македонского в изложении Курция: «Я не имею обыкновения вести войну с пленными и женщинами; тот, кто возбуждает мою ненависть, должен быть вооружен»²¹. Следует щадить тех, кто посвятил свою жизнь исключительно священнослужению и наукам, а также земледельцев, торговцев, ремесленников. Нельзя убивать заложников, если они не совершили преступлений. Необходимо воздерживаться от всякого бесполезного сражения и от опустошений — уничтожения городов, сел, плодовых деревьев и т. п.²²

Почитателем Гуго Гроция был шведский король Густав II Адольф. Рассказывают, что его трактат о войне и мире король возил все время с собой под седлом. Он добился привлечения Гуго Гроция на шведскую службу и на долгие годы сделал его посланником в Париже. В Швеции в 1621 г. появился военно-судебный кодекс Густава-Адольфа («старошведский»), затем воинский артикул Карла XI 1683 г. («новошведский»). Оба документа разрабатывались, несомненно, под влиянием трудов Гуго Гроция²³.

Напомним, что Швеция была страной протестантской, а самый знаменитый трактат Гуго Гроция о войне и мире был запрещен римским папой в 1627 г.²⁴ Таким образом, влияние его идей могло распространяться лишь на протестантские государства Европы. Шведские солдаты времен Тридцатилетней войны действительно отличались строжайшей дисциплиной и поведением, нехарактерным для войск того времени²⁵. Однако это утверждение кажется довольно спорным, так как это касается в основном только шведских и финских полков, и то только в отношении внутренней дисциплины, большую же часть армии Густава Адольфа составляли немцы, англичане, шотландцы и французы²⁶. В качестве подтверждения этому, в Музее Армии в Стокгольме представлено несколько живописных реконструкций, посвященных армии Густава Адольфа, которые иллюстрируют основной источник дохода солдат — грабеж. Там же представлен и еще один, свидетельствующий об этом, документ — подлинный отрывок

из дневника солдата шведской армии с 1627 по 1633 г. Армия лишь на треть, в лучшем случае наполовину состояла из солдат. При ней в огромном количестве находились женщины и дети — семьи солдат, а также маркитанты и проститутки. И все это огромное количество людей требовало пропитания. В сутки было необходимо 17 кубометров пива (воду употреблять не рекомендовалось), 3 тонны мяса и 6 тонн хлеба. Держать армию на одном месте долгое время было невозможно. Основным источником пищи — грабеж²⁷. Примечательный факт: после смерти Густава Адольфа дисциплина в его армии резко упала. Шведские солдаты и наемники заслужили «дьявольскую репутацию за точно такую же жестокость по отношению к мирному населению, как и армии их противников»²⁸.

Что касается армий католических государств, то взгляды Гуго Гроция отнюдь не находили одобрения у другого военного теоретика позднего Средневековья австрийского фельдмаршала Монтекуколи (1608–1680), который считал, что в наступательной войне дозволены все способы — «притом стараться лагерь и амуницию у него (неприятеля. — *А. Ш.*) сжечь, всякий смрад и вонючий дым в лагерь к неприятелю бросать. Хлеб и сено на полях у него косить и топтать, мельницы и всякие заводы разорять, в реки и пресные воды всякую нечисть и погань бросать, заразные болезни в армию к нему вводить, а между неприятельскими солдатами всякими способами раздоры и несогласия делать»²⁹. Набеги, поиски, сожжение деревушек он называет «безделицами»³⁰. «Или ты его дави, или он тебя задавит. Ни милости, ни прощения в бою ему не давай, подлинно ведая, что от него в несчастьи своем ни того, ни другого не получишь»³¹.

Армии обычно содержались за счет контрибуций с захваченных городов и мародерства. Существовали целые корпорации наемников, которые кормились войной и которые составляли армии как протестантских, так и католических стран. Начало положили швейцарцы, а классический пример из этой области дали немецкие ландскнехты. Ни о каких моральных принципах в наемной армии этого периода речь даже не шла, война просто стала прибыльным ремеслом. Даже Н. Макиавелли (1469–1527), имя которого стало символом культа грубой силы, вероломства, изощренности и пре-

небрежения нормами морали, ради достижения и удержания власти, доказывал, что «люди... занимающиеся войной, как ремеслом, могут быть только дурными, так как в мирное время это ремесло их прокормить не может. Поэтому они вынуждены или стремиться к тому, чтобы мира не было, или так нажиться во время войны, чтобы они могли быть сыты, когда наступит мир. Ни та, ни другая мысль не может зародиться в душе достойного человека; ведь если хочешь жить войной, надо грабить, насильничать, убивать одинаково и друзей и врагов, как это и делают такого рода солдаты... Добровольцы из чужеземцев (наемники.— А.Ш.) никогда не принадлежат к числу лучших солдат, наоборот, это — подонки страны: буяны, ленивые, разнузданные, безбожники, убежавшие из дома, богохульники, игроки, — вот, что такое эти охотники»³².

В результате Тридцатилетней войны германские княжества, где развернулись основные события, потеряли около 25% населения³³.

Что касается России, то еще в 1606 г. царь Василий Шуйский приказал дьяку Онисиму Михайлову написать книгу о том, «как подобает служить». Русская смута не позволила закончить этот труд ранее 1621 г., т. е. уже в царствование Михаила Романова. Так появился «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки». Автор, изучив и обработав значительное количество иностранных источников, наряду с рассмотрением вопросов тактики, организации, описания оружия и правил его применения, включил и пункт о поведении войск во время ведения боевых действий: «Да в дружней или супостатной земле чинити пощада: родильницам, старым и юным, убогим людям, и их не раззоряти, не грабяти, ни крови их не пролитии, но смотря по достоянию дела»³⁴.

В военно-теоретическом сочинении неизвестного автора «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (издан в 1647 г.) указывается на необходимость русскому воинству иметь высокие нравственные качества. «Цесарское» же наемное войско представляет собой «угол всякого беззакония», и состоит оно из «таких бездельных людей, которым нигде места нет, и те все в войну бегут. И меж такими людьми услышишь всякое проклинание клятвы своры и брани, кражу и гра-

беж и всякие бездельные меры... И посмотри на иных людей при наших временах и ты такого бесчинства не сыщешь как в германских, сиречь, цесарских региментах»³⁵.

Однако на практике военные действия московских войск также сопровождались бесчинствами по отношению к местному населению, даже родственному по крови и вере, как это было в случае войны с Речью Посполитой за белорусские и украинские земли. Пытаясь вновь вернуть расположение местных жителей, Алексей Михайлович срочно издает в 1655 г. строгий указ: «И вам бы служить, не щадя голов своих; а деревень бы не жечь, а кто станет жечь, и тому быть во всяком разорении и ссылке, а холопу, который сожжет, быть казнену без всякой пощады»³⁶.

Окончательно же правила поведения войск с пленными, а также мирным населением, были закреплены Петром I лишь в 1715 г. «Артикулом воинским с кратким толкованием»³⁷. Этот законодательный документ вообрал в себя многое из предыдущих военно-теоретических трудов, в том числе и Онисима Михайлова, уложения Шереметева 1702 г., краткого артикула 1706 г., а также шведского и датского артикулов 1683 г., и действовал этот документ до издания в 1839 г. военно-уголовного устава³⁸. Отдельная глава Артикула посвящалась поведению солдат и офицеров при взятии крепостей и обращению с пленными:

«Глава XIV.

О взятии городов, крепостей, добычей и пленных.

Арт. 104. Когда город или крепость штурмом взяты будут, тогда никто да не дерзает, хотя вышняго или нижняго чина, церкви, школы или иные духовные дома, шпитали *без позволения и указу* грабить или разбивать, разве что гарнизоны или граждане в оном сдачею медлить и великий вред чинить будут. Кто против сего преступит, оный накажется яко разбойник, а именно: лишен будет живота.

Арт. 105. Також де имеет женский пол, младенцы, священники и старые люди пощажены быть, и отнюдь не убиты, ниже обижены (*разве что инако от фельдмаршала приказано будет*) под смертною казнию. <...> чести получить не можно оных убить, которые оборонитися не могут»³⁹.

«Арт. 115. Никто да не дерзает пленных, которым уже пощада обещана и дана, убити, *неже без ведома генерала и позволения* освобождать под потеряннем чести и живота»⁴⁰.

Понятия «геноцид» и «военное преступление», как уже отмечалось, относятся к международным правовым категориям, выработанным в XX–XXI в. Отличие их состоит лишь в том, что второе рассматривает более частные, не масштабные злодеяния, хотя, когда дело касается жизни и смерти безвинных людей, подобные выводы весьма условны. На мой взгляд, довольно цинично рассуждать о том, какое должно быть количество жертв, чтобы подобные деяния перешли из одной категории преступлений в другую. Но тем не менее при всей жестокости войн Средневековья и Нового времени, когда не существовало международного права как такового, к геноциду можно отнести лишь некоторые религиозные войны или эпизоды таких войн⁴¹, отличающиеся особой жестокостью, а также массовое истребление или обращение в рабов местного туземного населения при захвате колоний. В остальном все ужасы войны (а это и были *законы и обычаи* того времени.— А.Ш.) относятся к современной категории «военных преступлений», ответственность за которые определяется уголовным законодательством государства, солдаты которого совершили данные деяния, и лишь частично в наше время находится в ведении Международного трибунала⁴². При этом, как мы уже убедились, все государства Европы, в том числе и Россия, начиная с XVII в. имели в своих воинских артикулах, прообразах военно-уголовного законодательства, статьи об ответственности за преступления против мирных граждан и пленных. Но, с оговоркой: *«разве это инако приказано будет»*. Таким образом, при наличии приказа ответственность уже перекладывалась на плечи старших командиров, и чем выше был его ранг, тем она становилась все меньше. Только в Нюрнберге станет международной нормой то, что выполнение преступного приказа является преступлением. Хочется обратить внимание на один парадокс: в армии, где, казалось, все держится на одних лишь приказах и точности их исполнения, сама по себе сущность приказа иногда является очень расплывчатой. Это приводит, порой, к жесточенным

спорам историков, которые в качестве аргумента ссылаются на военные приказы. А они бывают письменные, да прочитать их можно по-разному, а большинство из них устные, особенно во время боевых действий, когда некогда фиксировать приказ на бумаге. Вот и возникает масса противоречий, иногда необъяснимых.

Причин, по которым страдали мирные жители, как правило, было три. Первая — военная добыча, ради которой отправлялась в поход армия (имеются в виду простые солдаты, мало интересовавшиеся другими целями похода). Даже если война была «справедливой» (по Гуго Гроцию), то целью ее было восстановить эту «справедливость», а затем «отмстить неразумным», естественно не забыв и о материальной компенсации. Вторая — это необходимость прокормить армию, как свою, так и чужую⁴³; и третья — «разорение» местности (принцип «выжженной земли»), опять же как своей, так и чужой, часто практиковавшееся в период Северной войны⁴⁴.

Таким образом, можно утверждать, что все европейские страны, включая и Россию, имели собственные военно-уголовные законы, провозглашающие на бумаге основные принципы гуманного отношения к мирному населению, пленным, раненым и т. д. Однако на практике подавляющее большинство полководцев легко ими пренебрегали, исходя из древнего постулата: «Победителей не судят!», а в заключаемых по окончании войны мирных договорах писали: «генеральная амнистия и вечное забвение, что во время... войны с одной и другой стороны... произведено и учинено, так чтоб о том упомянуто не было...»⁴⁵. И все концы в воду.

Подведем итог: вышеизложенное относилось к тому, что называется регулярной армией. А как быть с иррегулярными частями, к которым относились казаки? Переход казачества в иной разряд вооруженных сил России был очень длительным процессом. Здесь можно называть различные отправные даты — 1570 г., когда вольные донские казаки получили царскую грамоту о службе России, 1721 г., когда казацкие части были переведены в ведение казачьей экспедиции Военной коллегии, указ Павла I 1798 г. о приравнивании всех казачьих офицерских чинов к армейским, 1802 г. — разработка первого Положения для казачьих войск, 1835 г. — первая полевая ин-

струкция для донских полков, 1838 г. — первый строевой устав и так далее, вплоть до 1910 г., когда казачество было подчинено Казачьему отделу Главного штаба⁴⁶. На мой взгляд, главным шагом к переводу казачества из разряда иррегулярных войск в регулярные стало образование Лейб-гвардии Казачьего полка в 1775 г.⁴⁷ как признание за казаками «ревности и усердия в службе всего Войска Донского» (читай — доверия).

Финский историк Х. Кувая задает вопрос, насколько русские солдаты были более жестокими, чем солдаты других армий, упомянув польскую кампанию Карла XII, опустошение провинции Сконе датчанами в 1677 г., рейд английской и австрийской армий по деревням Баварии в 1704 г., и затрудняется с ответом. Это действительно так. Оценить подобное невозможно с точки зрения морали. Это было бы некорректно. Но «все-таки можно утверждать, — полагает Х. Кувая, — что казаки не относились к *цивилизованным* солдатам...»⁴⁸, что только они, как истинные дикари, могли творить то, что описывают предания о Великом Лихолятье в Финляндии. При этом Х. Кувая соглашается, что «нет каких-либо доказательств того, что русские отрезали женщинам груди и насаживали младенцев на изгороди» или пики⁴⁹, в отличие от того, что признают за «цивилизованными» солдатами и генералами каролинской армии, а также «благочестивым» Карлом XII сами шведы.

Невозможно согласиться с финским историком в вопросе *цивилизованности* казаков. Цивилизованность — это уровень, ступень общественного развития, материальной и духовной культуры. Некоторые историки, например Л. Г. Морган (1818–1881), считали ее той ступенью, которая следует за *варварством*⁵⁰. Т. е., если следовать теории Моргана, ее рамки определяются зарождением ремесел и завершаются появлением письменности⁵¹. Отказывая казачеству в цивилизованности из-за тех способов ведения военных действий, которые были выработаны ими на протяжении столетий, или из-за исполнения ими приказов русского командования, надо не забывать еще и о том, что в *цивилизованной* Швеции и Финляндии той же эпохи десятками отправляли людей на костер по обвинению в колдовстве⁵².

Солдаты любой армии имели и имеют собственные представления о *правилах ведения войны*. Поскольку войско — это механизм корпоративный, то эти правила, помимо существовавших уставов, определялись еще приказами воинских начальников, а также тем уровнем общественных отношений, включая понятия морали, нравственности и гуманизма, в том числе и в религиозном аспекте, которые господствовали в обществе и оказывали свое влияние на армию как часть этого общества. Общественные отношения формируются государством, и государство воздействует на свою армию, не позволяя, насколько это возможно, обособиться и жить исключительно по своим правилам. В противном случае это может стать опасным для самого государства. Поэтому Петр I так стремился искоренить любое вольнодумство и инакомыслие среди казачества, подчинив их одной государственной идее и функции — войны, право на которую имеет лишь высшая власть, т. е. царь, император и т. д.

Как всякая армия, — а казачество, бесспорно, было армией своих небольших, относительно других стран, но почти независимых от воли правителей Москвы, Варшавы или Стамбула, демократических сообществ-государств, — казаки имели и собственные законы, хоть и не сведенные в некий свод, и собственное общественное мнение. Понятия долга, чести, определенные нравственные и моральные нормы, основанные, прежде всего, на православии, им не были чужды, а напротив, строго соблюдались. Однако они не были тождественны тем законам, что применялись как в Европе, так и в Азии, ибо географически казачество находилось как раз посередине между теми и другими. Непрерывные войны, которые вели казаки, постоянное чувство опасности, в котором находилось казачье общество, наложили определенный отпечаток на их мировоззрение. Чем жестче внешние условия, тем жестче и ответ на них. Действие равно противодействию, и закон Ньютона абсолютно применим в нашем случае. Тем более что основными противниками казаков были Крым и Османская Порта, население которых являлось носителем совершенно иного мировоззрения, отличного от христианского. Набег татар или турок — ответный поход за «зипунами», и наоборот. Захват татарами или ногаями или турками пленных, продажа

их в рабство, убийство, насилие над стариками, женщинами, детьми — ответные действия казаков не уступали по жестокости. И это отвечало моральным принципам, ибо они подкреплялись Св. Писанием: «Око за око...», или принципом талиона, т. е. возмездия врагу причинением равного вреда, ущерба⁵³.

Попав на совершенно незнакомый театр военных действий, казаки руководствовались: во-первых, приказами русского командования, ибо они «крест целовали» и присягнули служить русскому царю; во-вторых, собственными представлениями о *правилах и способах ведения боевых действий*, которые не могли отличаться от тех, что они знали до этого только по той причине, что другие способы казакам были неведомы. «Если враг не сдастся — он должен быть уничтожен!» — и поджигались дома с засевшими там солдатами противника или вооруженными крестьянами. Для казаков разницы не было! Человек с оружием, воюющий против них, это был враг. Брать его в плен? А для чего? Чтобы продать в рабство, как они поступали с пленными мусульманами, было невозможно. Противник был хоть и не православный, но христианин, поэтому совершить подобное означало преступить собственный закон, оставить в живых, когда от его рук погиб или был ранен кто-то из товарищей, означало вновь преступить закон войскового братства — не отомстить. Третьего не дано. Тем более что с расширением масштабов Северной войны функции взятия в плен и угона населения взяли на себя драгунские полки, значит, на них и ложилась ответственность за тех людей, которых они полонили. Взять языков — иное дело. Армейское командование приказывало, казаки выполняли, а что с пленными, — казаков не интересовало. Исключение составляло запорожское казачество. Их отношение к христианским пленным было несколько другим, но также не было преобладающим в своей массе. В последующие шведские войны казаки продолжали по-прежнему во всем руководствоваться как приказами, так и собственными принципами ведения войны. Но с изменением общественного мнения в самой России менялось и отношение военного командования, оказывая влияние на действия как армейских частей, так и казаков, а иногда и попросту принуждая к гуманному отношению к сдавшимся в плен. Это же

касается и приписываемым казачеству убийствам детей и женщин. Они могли поступать так только в ответ на аналогичные действия в отношении их семей. Но Финляндия, Швеция, Лифляндия и прочие прибалтийские территории были настолько далеки от их городков, слобод и станиц, что не могло быть и речи о каком-либо мщении. Если такое и случалось, то, как и в любой социальной группе, в казачестве были люди, нарушавшие свои законы, они и воспринимались именно как нарушители. Но и сама война, заставляющая переступить через мораль и совершать насилие в отношении других, совершенно изменяет психику человека. Русский философ И. Ильин отмечал, что «как бы ни был добр и силен в самообладании человек, но если он вынужден к... участию в сражении, — то самый состав тех действий, к которым он готовится и которые совершает, легко будит его страсть, вводит в ожесточение, дает ему особое наслаждение азарта, наполняет его враждой, берedit в нем свирепые и кровожадные инстинкты...»⁵⁴.

Чтобы поставить окончательно точку в вопросе о «законности» грабежа, сошлемся на полевую инструкцию донских полков, которой определялись «правила военной добычи». Правительство санкционировало старое обычное право казаков на добычу и ее дележ, по которому всякая военная добыча составляла частное достояние добытчиков. Под «военной добычей» подразумевалась «всякая собственность вооруженного неприятеля, отнятая в бою». Таким образом, если хоть один крестьянин на вражеской территории оказал вооруженное сопротивление, под это определение могла попасть вся деревня или хутор. Добытое целым полком принадлежало всему полку, добытое отдельной партией — только этой партии, отбитое же отдельным лицом составляло собственность этого лица. Особенно отличившиеся в бою офицеры и нижние чины при дележе добычи должны были получать двойную часть по сравнению с остальными, а не участвовавшие — не пользовались и долей, за исключением командированных по службе.

К военной добыче были отнесены и отбитые от неприятеля лошади, поэтому для казаков денежный отпуск из казны за убитых в бою лошадей не производился, так как «по свойству казачьей службы приобретение лошадей от неприятеля

в добычу для донских полков всегда удобно и не подвержено ни малейшему сомнению»⁵⁵. По инструкции все лошади, отбитые (захваченные) у неприятеля, составляли собственность полка и шли прежде всего на пополнение убыли конского состава — строевых, вьючных и обозных лошадей, после чего выделялся запас по три на сотню и уже затем излишек мог быть продан, а вырученные деньги делились как добыча. Но при этом добытчикам лошадей не запрещалось по их собственному почину обменивать своих худших лошадей на отбитых лучших⁵⁶.

Русское командование, привлекая казаков к войне, было прекрасно осведомлено о той тактике, которой в совершенстве владели казаки, во многом схожей с тактикой кочевников. Для ведения «малой» войны, т. е. разорения и опустошения вражеских территорий, а именно этот способ боевых действий был признан Петром I самым действенным на начальном этапе, казаки подошли как никто другой. Однако использование больших масс казачества в 1701–1702 гг. вызвало недовольство и русского военного командования, и самих казаков. По этой причине их количество было резко сокращено, и в дальнейшем на северном театре не превышало 1–2 тыс. чел. При этом русское командование отметило поразительный психологический эффект от использования даже небольших отрядов казаков против регулярных шведских и финских войск, но еще больший — против мирного населения, которое панически боялось ночных рейдов казаков. И эта паника формировала как общественное мнение в Швеции и Финляндии, так и способствовала появлению мифа о зверствах русских казаков.

Регулярные войска, в первую очередь драгуны, довольно быстро перенявшие от казачества тактику просачивания в труднопроходимых местностях Финляндии, взяли на себя и главные функции разорения, конфискации и грабежа мирного населения. А смешение разнообразных казачьих отрядов с калмыками, башкирами, татарами и другими кочевыми народами, которые были неведомы жителям Лифляндии, Швеции, Финляндии, только добавляли ужаса и усиливали панику. Здесь играло роль все: необычный внешний вид, необычная тактика, ночное, как правило, время нападения, его неожиданность, бы-

строта, ошеломляющее звуковое сопровождение и отсутствие какой-либо жалости. Однако реальный ущерб от скоротечного набега был намного ниже, нежели организованный грабёж и насилие, осуществляемые регулярными частями⁵⁷, а вот психологический эффект превосходил все ожидания.

Российское командование не делало попыток изменить мнение Запада о казачестве, а, наоборот, всегда использовало этот психологический фактор, что прекрасно доказали все остальные войны, которые вела Россия против европейских стран — Швеции, Пруссии, Франции, Германии, используя казаков и в составе регулярной конницы, и в партизанских отрядах, включая войну 1914–1918 гг.

¹ Историография взята из статьи: *Возгрин В. Е.* Проблема геноцида в российской и скандинавской историографии Северной войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы VI ежегодной научной конференции. СПб., 2005.

² *Таркиайнен К.* Финляндия. Образ восточного соседа времен Московского царства // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. М., 2006. С. 57.

³ *Брикс Г.* Примечания к «Истории конницы» Денисона. М., 2001. С. 131; *Rawita-Gawronski.* Bohdan Chmielnicki. T. I. Lwow., 1906. S. 5; *Mahal G.* Rusland und Russen in Karikaturen deutscher Zeichner 1870–1917 // Russen und Rusland aus deutscher Sicht. В. 4. Muenchen. 2000. S. 381; *Вашик К.* Метаморфозы зла // Родина. 2002. № 10 и др.

⁴ «Социальный бандитизм». См.: *Hobsbawm E.* Social Banditry // Rural protest: Peasant Movements and Social Change. 1974. P. 142–157.

⁵ См.: Толковый англо-русский словарь. Экономика, социология, политология.

⁶ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М. 1959. Кн. 1. С. 61–62; *Его же.* Публичные чтения о Петре Великом. М. 1984. С. 113–114; *Его же.* Булавин // Чтения и рассказы по истории России. М. 1989. С. 592; *Клюевский В. О.* Курс русской истории. М. 1937. Ч. 1. С. 60.

⁷ Досифей не обвиняет напрямую в этом казаков.

⁸ Цит. по: *Возгрин В. Е.* Проблема геноцида в российской и скандинавской историографии Северной войны. См.: Иерусалимский патриарх Досифей в его сношениях с русским правительством (1669–1707)/Сообщил Н. Ф. Каптерев // Чтения в Императорском Обществе истории и древней России при Московском университете. 1891. К. 2. С. 59.

⁹ ОР РНБ, шифр Ф. IV. 736/1–5. Часть 5. Л. 30 об. (*Соймонов Ф. И.* История государства Петра Великого).

¹⁰ Тилли Иоанн (1559–1632) — граф, австр. полководец, в 1618 г. главнокомандующий войсками католической лиги (см.: *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. 3. М., 1994. С. 375–417).

¹¹ Портреты различных племен русских казаков на марше (пер. с англ.).

¹² Война 1741–1743 гг. называется «Малое Лихолетье» (См.: Jutikkalo E., Piriinen K. A History of Finland. Hels., 2003. S. 234).

¹³ Х. Кувая приводит довольно большой перечень историографии с новым взглядом на Великое Лихолетье. (См.: *Кувая Х.* Русские идут! Поведение русских войск в отношении мирного населения во время завоевания Финляндии в 1713–1715 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприимчивости. XVII–XX вв. М., 2006. С. 198.)

¹⁴ См.: *Возгрин В. Е.* Проблема геноцида в российской и скандинавской историографии Северной войны.

¹⁵ *Сенявская Е. С.* Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. С 7–15.

¹⁶ Международная конвенция «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» 1948 года // БЭС, М., СПб., 1998. С. 263; Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР. М., 1957. Вып. 15. С. 66–71.

¹⁷ Перечень военных преступлений дан в ст. 6 Устава Международного военного трибунала 1945 г., ст. 130 Конвенции об обращении с военнопленными 1949 г. и ряде других международных актов.

¹⁸ См.: *Возгрин В. Е.* Проблема геноцида в российской и скандинавской историографии Северной войны.

¹⁹ *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. III. СПб. 1994. С. 520–525.

²⁰ *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1956. С 694.

²¹ Там же. С. 702–703.

²² *Разин Е. А.* История военного искусства. С. 520–525.

²³ Военная энциклопедия. СПб. 1912. Т. VI. С. 550. Для нас еще интересен и воинский артикул 1683 г. Христиана V Датского. Считается, что все эти законодательные акты оказали особое влияние на русские военно-уголовные законы.

²⁴ Этот запрет был снят только в 1900 г. См.: *Разин Е. А.* История военного искусства. С. 520.

²⁵ *Дююю Р. Э., Дююю Т. Н.* Всемирная история войн. М.; СПб., 1997. Кн. 2. С. 459.

²⁶ *Рюстов.* История пехоты. СПб., 1876. Т. II. С. 4.

²⁷ Краткий путеводитель по Музею Армии. Stockholm. 2007. С. 4–5.

²⁸ *Lars O. Lagerqvist.* A History of Sweden. Odeshög, 2006. S. 64.

²⁹ Записки Раймонда графа Монтекуколи или главные правила военной науки. М., 1760. С. 83–84.

³⁰ Там же. С. 299.

³¹ Там же. С. 225.

³² *Макиавелли Н.* О военном искусстве. М., 1939. С. 30, 40.

- ³³ Краткий путеводитель по Музею Армии. С. 4.
- ³⁴ *Михайлов О.* став ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки... СПб., 1777. Ч. 2. С. 52.
- ³⁵ Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904. С. 29.
- ³⁶ Манжол А. П. Тысячелетие русской конницы. М.; Минск, 2006. С. 70.
- ³⁷ Опубликован вместе с Уставом воинским об экзерции, о приготовлении к маршу, о званиях и о должности полковых чинов. 30 марта 1716 года (П. С. З. Р. И. СПб., 1830. Т. V, № 3006).
- ³⁸ Военная Энциклопедия. СПб., 1912. Т. VI. С. 552.
- ³⁹ *Бескровный Л. Г.* Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947. С. 160.
- ⁴⁰ Там же. С. 161. Курсив автора.
- ⁴¹ Варфоломеевская ночь, т. е. религиозные войны во Франции, Уманская резня — еврейские погромы на Украине, истребление турками славянских народов и греков и т. д.
- ⁴² БЭС. М.; СПб, 1998. С. 217.
- ⁴³ Иногда особой разницы местное население не чувствовало. Вспомним потери германских княжеств во время Тридцатилетней войны — до 25% населения, крупное крестьянское восстание в Финляндии, «Дубинная война» (1596–1597), вызванная во многом грабительским солдатским постоем, и т. д.
- ⁴⁴ См. закон Петра I «О предосторожности на случай вторжения неприятельского...» П. С. З. Р. И. СПб., 1830. Т. IV. № 2155. С. 383–384.
- ⁴⁵ Параграф 2 Ништадтского мирного договора. (П. С. З. Р. И. Т. VI. № 3819).
- ⁴⁶ *Агафонов О.* На службе России // Родина. 2004. № 5. С. 17; *Безотосный В.* Кто такие казаки? // Родина. 2004. № 5 С. 10; *Марков О. Д.* Русская армия 1914–1917. СПб., 2001. С. 35; Расписание казачьих и иррегулярных войск. СПб., 1910.
- ⁴⁷ Сначала придворную Донскую казачью команду (см.: История Лейб-гвардии казачьего Его величества полка. СПб., 1876. С. I).
- ⁴⁸ *Кувая Х.* Русские идут!.. С. 198.
- ⁴⁹ Там же. С. 194.
- ⁵⁰ БЭС. М., СПб., 1998. С. 755, 1334.
- ⁵¹ Там же. С. 179.
- ⁵² *Lagerqvist L. O.* A History of Sweden. Ödeshög. 2006. S. 85.
- ⁵³ *Гуссейнов А. А., Апресян Р. Г.* Этика. М., 2000. С. 451.
- ⁵⁴ *Ильин И.* О сопротивлению злу силою // Путь к очевидности. М., 1993. С. 107.
- ⁵⁵ Это подтверждалось даже особым законодательным актом 7 октября 1851 г. (П. С. З. Р. И. Дополнения к Т. XXVI. Ст. 25621.); *Никольский А.* Главное Управление Казачьих войск. Исторические очерки // Столетие Военного министерства. 1906. Т. XI. Ч. 1. С. 312.

⁵⁶ *Катанаяев*. Краткий исторический обзор службе Сибирского казачьего войска. 1582–1908. СПб., 1908. С. 50–67.

⁵⁷ Все изъятое тщательно записывалось, и данные хранились в канцеляриях. См.: РГАВМФ. Ф. 233. Канцелярия графа Апраксина.; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Походная канцелярия Меншикова и др.

В. И. Мусаев

ФИНЛЯНДСКОЕ РЕЧНОЕ ПАРОХОДСТВО В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Бывшей столице Российской империи принадлежит интересный опыт организации речного пассажирского транспортного сообщения в городе, которое действовало в 1870 – 1900-х гг. Его функционирование имеет прямое отношение к контактам Петербурга со странами Северной Европы, так как его основателем выступил финляндский подданный Рафаэль фон Хаартман.

Водный транспорт имел для Петербурга большое значение с самого момента его основания. В первый период его истории, когда еще не были построены мосты через Неву и другие городские реки, перевозки на лодках и кораблях были единственным способом связи между многочисленными островами дельты Невы и между ними и материковой частью города. Когда началось строительство паровых судов, они быстро стали использоваться для нужд пассажирских перевозок. В 1815 г. шотландец Чарлз Бёрд, владелец чугунного и медного завода на Гутуевском острове, основал в Петербурге пароходную компанию. Построенный в том же году первый русский пароход «Екатерина» курсировал между Петербургом и Кронштадтом. Позднее компании Бёрда принадлежали около десятка паровых судов. После смерти Ч. Бёрда в 1843 г. его дело продолжил его сын Френсис. В 1830-х гг. около 5000 чел. ежегодно перевозились по воде из Петербурга в Петергоф.

Во второй половине XIX в., по мере увеличения городской территории Петербурга и значительного роста численности

его населения, организация транспортного сообщения в городе становилась все более актуальной. Водное пассажирское сообщение в «Северной Венеции», с ее обилием рек и каналов и большим количеством причалов, могло стать интересной альтернативой наземному транспорту. Идея создания пассажирского речного пароходства в столице принадлежала Выборгской фирме «Хакман и Ко» и советнику коммерции Федору Чечулину, имевшему свое дело в Гельсингфорсе. В 1870 г. в Петербурге было завершено строительство Финляндского железнодорожного вокзала. Поскольку вокзал находился рядом с набережной Невы, появился замысел связать его при помощи флотилии из десятка пассажирских пароходов с 16 пунктами вдоль реки в городской черте — от Горного института до Малой Охты. Этот проект не был реализован, однако его идея была использована Р. фон Хартманом, основателем Финляндского легкого пароходства в Петербурге.

Фридольф Рафаэль фон Хаартман (1839–1902), финляндский уроженец, в первой половине 1860-х гг. служил в Измайловском гвардейском полку, в 1863 г. принимал участие в подавлении польского восстания. В 1866–1867 гг. был адъютантом финляндского генерал-губернатора Н. В. Адлерберга. Вскоре он уволился из армии в чине майора и с правом ношения униформы. В 1871–1878 гг. Р. фон Хаартман возглавлял финляндскую таможенную экспедицию в Петербурге¹.

На рубеже 1872–1873 гг. фон Хаартман приобрел два парохода, которые начали курсировать по маршруту Васильевский остров — Сенатская (Петровская) площадь — Летний сад — Финляндский вокзал. При этом целенаправленно создавались удобства для пассажиров железной дороги: прямо на борту пароходов можно было приобрести билеты на поезда, отходящие от вокзала². Постепенно фон Хаартман расширял свою флотилию. Еще два парохода были специально заказаны в Швеции. В сезоне 1874 г. уже было перевезено 60 500 пассажиров. На следующий год фон Хаартман вместе со своим братом Микаэлем и несколькими другими компаньонами основал компанию, которая через два года была преобразована в акционерное общество «Финляндское легкое пароходство» («Finska Ångslups Depot» AB). Его уставной капитал составлял миллион финских марок и был разделен на тысячу акций.

Общество было зарегистрировано в Гельсингфорсе, имея контору в Петербурге³.

В 1877–1878 гг. у общества уже имелось 10 пароходов, которые курсировали по трем линиям. Помимо первой линии, между Васильевским островом и Финляндским вокзалом, эксплуатировались еще две: между Зимним дворцом и Петербургской стороной и между Сенатской площадью и Петровским островом. Наиболее загруженной была вторая из упомянутых линий, по которой курсировали три парохода; она приносила прибыли в среднем по 225 руб. в день. С 1882 г. движение по этой линии осуществлялось не только днем, но и в ночное время⁴.

С 1879 г. общество, наряду с пассажирскими перевозками по Неве, также взяло на себя обслуживание линии Петербург — Петергоф. Компания, занимавшаяся этим прежде, пришла к тому времени в упадок и не имела средств для ремонта или замены своих старых и обветшавших пароходов. «Финляндское легкое пароходство», получив концессию на эксплуатацию линии до Петергофа, задействовало на ней три парохода, еще два быстроходных корабля были заказаны в Швеции. Для удобства пассажиров в выходные и праздничные дни на пароходах, следовавших в Петергоф, играл оркестр. Линия, однако, оказалась не столь прибыльной, как ожидалось, поскольку она находилась в сильной зависимости от погодных условий. В ненастную погоду количество пассажиров резко сокращалось. В 1886 г. компания была вынуждена отказаться от петергофского направления⁵.

Наиболее важным оставалось движение по Неве. Вводились в действие новые маршруты: в 1881 г. началось движение по линии между Троицким мостом и 10-й линией Васильевского острова, в 1892 г. была открыта линия между Летним садом и Выборгской стороной. Одной из последних, с 1898 г., стала действовать линия от Летнего сада до Большой Охты. Еще до начала 1870-х гг. производились пассажирские перевозки на Каменный, Крестовский и Елагин острова и в Новую Деревню — в популярные места летнего отдыха. Движение шло по Большой Невке. Однако работа двух компаний, которые занимались этими перевозками, вызывала многочисленные нарекания со стороны пассажиров, их пароходы часто выходили

из строя. С 1888 г. «Финляндское легкое пароходство» взяло на себя также обслуживание маршрута на острова. Плата, взимаемая с пассажиров, на этой линии была снижена, что не могло не способствовать ее популярности. С 1894 г. вступила в строй линия до Новой Деревни⁶.

Общество, помимо прочего, занималось организацией движения по петербургским каналам и малым рекам. Движение по Екатерининскому каналу началось в 1880 г., по Фонтанке — в 1887 г. Планировалось организовать движение по Мойке, но эти планы удалось реализовать только в 1900-х гг. Навигация по каналам затруднялась тем, что значительную часть года уровень воды в них был слишком низок. В 1882 г., к примеру, движение по каналам за весь год производилось только 90 дней. Другие годы, впрочем, были более благоприятными. Общество предлагало взять на себя часть расходов по углублению петербургских каналов. В 1890 г. по 12 линиям «Финляндского легкого пароходства» по Неве, Фонтанке и петербургским каналам было перевезено в общей сложности 9928576 пассажиров⁷. В том же году начали рассматриваться проекты организации пассажирского движения по линии Петербург — Шлиссельбург, которое было начато через три года. В следующем году было открыто движение по линии между Терийоки и Кронштадтом⁸. На рубеже веков «Финляндскому легкому пароходству» принадлежало около двух третей всех пассажирских пароходов в Петербурге. В 1898 г., к 15-летию юбилею деятельности компании, общее количество пассажиров, перевезенных за этот период, достигло 187522436 чел., из которых около 10% были перевезены бесплатно (военные, почталыоны, учащиеся школ)⁹.

В 1890-е гг. деятельность общества распространилась за пределы российской столицы и ее окрестностей. В 1895 г. фон Хаартман добился разрешения на организацию движения по рекам Оке и Волге, на нижегородскую промышленную ярмарку. Примерно в это же время общество приступило к организации пароходного движения в Севастополе. К 1897 г., как сообщил фон Хаартман, общество располагало 76 пароходами в Петербурге, 14 судами и паровым паромом в Нижнем Новгороде, тремя судами и паровым паромом в Севастополе. У него имелись верфь и мастерская, на которых были заняты около тысячи человек¹⁰. Общество

не только строило пароходы, но и занималось строительством новых причалов и пристаней в Петербурге. Поскольку в зимнее время навигация в городе была невозможна, общество выступило с инициативой строительства временных трамвайных путей по льду Невы. В январе 1894 г. была построена трамвайная линия через реку от Сенатской площади до Румянцевского сада на Васильевском острове. Следующей зимой была построена линия от Зимнего дворца на Петербургскую сторону. Это потребовало немалых затрат, однако трамвайные линии пользовались популярностью благодаря скорости движения (к примеру, проезд через Неву от Сенатской площади до Румянцевского сада занимал всего 45 секунд) и, несмотря на дешевизну билетов (2 копейки), приносили неплохой доход. Стабильность зимней погоды в те годы позволяла поддерживать трамвайное движение по льду в течение 2–4 месяцев в году¹¹.

«Финляндское легкое пароходство» стало одним из крупнейших в России работодателей для финляндских подданных. Служащими компании были в основном шведскоязычные финляндцы. Команды на пароходах подавались на шведском языке. Служащие в то же время должны были владеть финским языком, высоко ценилось и умение говорить по-русски. К персоналу предъявлялись высокие требования и в профессиональном отношении¹².

Руководство «Финляндским легким пароходством» было основным, но не единственным занятием Р. фон Хаартмана. Он руководил железнодорожными и трамвайными компаниями, стоял во главе общества спальных вагонов на линии Гельсингфорс — Петербург, основал «Общество по устройству дачной жизни в Терийоки» («Sällskapet för villalifvets ordnande i Terijoki»), которое занималось строительством дач и особняков в поселке Терийоки на Карельском перешейке, ставшем популярным местом загородного отдыха¹³.

Пароходному пассажирскому движению в Петербурге приходилось выдерживать конкуренцию со стороны других видов транспорта. «Финляндское легкое пароходство», в частности, уже в начале 1880-х гг. несло определенные потери, по сравнению с предшествовавшими годами, на линии, ведущей к Финляндскому вокзалу, из-за конкуренции со стороны конки; основанная в 1876 г. компания организовала линию

трамваев на конной тяге до вокзала. В дальнейшем появились омнибусы и электрические трамваи, также составившие серьезную конкуренцию водному транспорту. За 1908 г. на линиях «Финляндского легкого пароходства» было перевезено лишь 4 636 459 чел.¹⁴ — вдвое меньше, чем в 1890 г. Тем не менее деятельность пароходства не была свернута. Пароходство продержалось в российской столице до революции 1917 г., добавляя в периоды судоходства интересные штрихи к картине городской жизни. Опыт организации пассажирского движения по водным маршрутам мог бы представлять определенный практический интерес и в наше время.

¹ *Engman M.* Finska ångslupbolaget i St Petersburg // *Historisk Tidskrift för Finland*. 1996. No 2. S. 151–152.

² *Pietarin Sanomat*. 1873. 19 tammikuuta.

³ *Schybergson P.* Aktiebolagformens genombrott i Finland. Utvecklingen före 1895 års lag // *Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk*. 1964. 109. S. 76.

⁴ *St. Petersburg Zeitung*. 1878. 21 September; *Pietarin Wiikkosanomat*. 1882. 16 heinäkuuta.

⁵ *Engman M.* Finska ångslupbolaget i S: t Petersburg. S. 164–165.

⁶ *Ibid.* S. 166–168.

⁷ Статистический ежегодник С.-Петербурга. СПб., 1890. С. 5.

⁸ *Engman M.* Finska ångslupbolaget i St Petersburg. S. 169–172.

⁹ *Ibid.* S. 179, 185.

¹⁰ *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 214–215.

¹¹ *Петров Н. Н.* Городское управление и городское хозяйство // *Очерки истории Ленинграда*. Т. 2. М.; Л., 1956. С. 908.

¹² *Engman M.* Sjömän från Finland i Ryssland // *Historisk Tidskrift för Finland*. 1988. No 3. S. 123.

¹³ *Hämäläinen V.* Die russische Sommerhausbesiedlung auf der Karelistischen Landenge // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Band 34. 1986. Heft 4. S. 527.

¹⁴ Предварительный свод статистических данных по С.-Петербургу. СПб., 1909. С. 42.

В. Н. Барышников

**ПЛАН «ПЕТСАМСКОЙ ОПЕРАЦИИ» 1940 г.
ЗАПАДНЫХ СОЮЗНИКОВ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ФИНЛЯНДИИ ***

План «петсамской операции», готовившийся в штабах Франции и Англии, заключался в высадке в начале Второй мировой войны экспедиционных сил западных стран на севере Европы. Этот план был связан с начавшейся советско-финляндской войной и формально предполагал попытку оказания Финляндии эффективной военной помощи.

В данной связи возникает вопрос, как, собственно, он выработывался и каковы были перспективы осуществления этой операции? В историографии, в той или иной степени, данная проблема уже затрагивалась¹. Однако открытым остается вопрос о том, что знали об операции в Хельсинки, как к ней относились и какова была, по данным финских дипломатов, реальность ее осуществления. Во многом сведения об этом содержатся в фондах Архива Министерства иностранных дел Финляндии, где по материалам донесений финских представителей, работавших в Париже и Лондоне, можно уже составить соответствующую достаточно ясную картину.

* Работа выполнена в рамках проекта Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.108. «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

Исходной точкой подготовки западными союзниками «петсамской операции» можно считать 19 декабря 1939 г., когда на заседании Высшего военного совета в Париже премьер-министр Франции Э. Даладье выступил с предложением направить в Финляндию англо-французские экспедиционные войска. Это заявление не вызвало особых возражений, и о достигнутых тогда в военных кругах союзников договоренностях сразу же был поставлен в известность финский посланник в Париже Х. Холма, который в свою очередь передал имеющуюся у него информацию в Хельсинки. В телеграмме указывалось, что «Высший совет Франции и Англии единодушно решил направить в помощь Финляндии французские и английские войска»². В ответ посланникам в Лондоне и Париже из Хельсинки 22 декабря последовало указание «выяснить, как далее будут развиваться упомянутые планы и в чем их важнейшее содержание»³.

Финские представители во Франции посланник Х. Холма и полковник А. Паасонен сразу же встретились с Э. Даладье и проинформировали его о желании получить более конкретные данные о предполагаемой поддержке Финляндии⁴. Как тогда они докладывали в Хельсинки, «хотели еще больше прежнего выжать сведений о помощи»⁵. Но Даладье лишь «доверительно сказал», что он только намеревается на следующий день выехать в Лондон «для нового обдумывания помощи морским путем». Более того, согласно телеграмме, направленной в Хельсинки, Даладье выразил надежду, что для проведения десантной операции будет достаточно использовать лишь ограниченные силы «польских, а возможно, и канадских альпийских егерей», а также испанских добровольцев⁶. Подобные заявления явно указывали на то, что окончательное решение союзников по данному вопросу еще не было принято.

Становилось понятным, что ближайшие перспективы получения военной поддержки от стран Запада были для Финляндии пока достаточно призрачными. Это, очевидно, вынудило финское руководство активно пытаться стимулировать процесс разработки Западом плана проведения военной операции против сил Красной Армии на финской территории. В данном направлении, как казалось для Хельсинки, более или менее определенным являлось деятельное участие прежде все-

го руководства Франции. Поэтому именно Парижу Финляндия решила представить свои конкретные предложения предполагаемого плана военных действий союзников против советских войск на финской территории.

Представитель ставки Маннергейма полковник А. Паасонен в канун Рождества вручил Э. Даладьё записку «Русско-финляндский конфликт — основные моменты», в которой изложил идею совместной операции союзников и финских войск с целью захвата района Петсамо на крайнем севере Финляндии с последующим переходом на советскую территорию в направлении мурманской железной дороги⁷. Как заметил Паасонен, «во Франции не думали над такой операцией, но теперь стали прислушиваться всерьез» к этой идее⁸.

Действительно, как докладывали 24 декабря в Хельсинки, Даладьё на заседании Совета министров дал «жесткие указания поспешить с помощью»⁹. Одновременно А. Паасонен встретился с командующим французским флотом адмиралом Ф. Дарланом и изложил ему подготовленные финской ставкой соображения о плане проведения «петсамской операции»¹⁰. План, в частности, предусматривал после захвата Петсамо осуществить совместное наступление экспедиционных сил Запада и финских войск на Кольском полуострове и в советской Карелии¹¹. Более того, Паасонен указал, что для осуществления «петсамской операции» потребуются 3–4 полнокровные дивизии союзников, способные вести боевые действия в зимних условиях. Он также подчеркнул о необходимости в момент наступления обладать значительными военно-воздушными силами, которые должны были непосредственно действовать на петсамском направлении¹².

В результате в конце декабря 1939 г. четко обозначилась идея осуществления на севере Финляндии высадки союзных войск, которые должны были совместно с финской армией начать наступление на территорию СССР. Инициаторам этого плана стало финское военное руководство, но, естественно, основные решения могли принимать только в Лондоне и Париже, а в Хельсинки должны были ожидать выработки их отношения к предполагаемой операции, хотя активная позиция Даладьё, по мнению финских дипломатов, «была весьма ценна»¹³.

Тем не менее уже тогда становилось очевидным, что по данному вопросу у французов не существовало согласованной линии с англичанами. Финские дипломаты могли это заметить при встрече с заместителем председателя Высшего военного совета, главнокомандующим союзными войсками во Франции М.Г. Гамеленом, который заявил, что союзники еще «не приняли никакого окончательного решения»¹⁴.

При такой постановке вопроса, естественно, Хельсинки трудно было рассчитывать на стремительную военную поддержку Запада. Единственное, что могло вселить некоторую уверенность в возможности получения военной помощи, было желание английского и французского руководства направить в это время в Финляндию военных экспертов, которые приступили бы к изучению вероятных перспектив военных операций на севере Европы.

Так, уже 23 декабря в ставку к Маннергейму с задачей «изучить обстановку» отправился представитель французских вооруженных сил подполковник Ж. Ганеваль¹⁵. Чуть позже, 27 декабря, стало известно о планируемом выезде из Великобритании генерала Генштаба, который также должен был решать аналогичные задачи в ставке Маннергейма¹⁶. Достоверность информации подкреплялась еще и запросом из Лондона относительно сведений «о новых местах базирования для самолетов и морских пристаней для высадки войск»¹⁷. Затем выяснилось, что английским посланцам был назначен генерал К. Линг, которому, как докладывал финский дипломат в Великобритании, нужно было «побеседовать с Маннергеймом не только о военных материалах и десантировании на кораблях у Мурманска, но также и о политическом давлении на Советы»¹⁸.

Тем временем, к концу декабря 1939 г., положение на советско-финляндском фронте окончательно стабилизировалось. Части Красной Армии приостановили наступление. Более того, на ряде направлений в северо-восточной и северной части Финляндии они вынуждены были отойти, неся весьма серьезные потери. Такая ситуация в ходе продолжающейся войны открывала для западных союзников более реальные перспективы для осуществления обозначенных ранее намерений.

Второго и третьего января 1940 г. заседания английского военного кабинета были посвящены обсуждению планов намечавшейся интервенции на север Европы. Эти же проблемы весьма бурно обсуждали и в Финляндии. Второго января на заседании Государственного совета вполне определенно говорилось уже даже не столько о «петсамской операции», сколько о перспективах масштабных боевых действий союзников против СССР. В частности, считалась целесообразной и необходимой «высадка англичан в Мурманске»¹⁹. Причем после заседания Государственного совета эта идея стала обсуждаться непосредственно с английским генералом К. Лингом, которому финской стороной было высказано мнение, что десантирование в Мурманске англо-французских войск (двух дивизий) могло бы существенно изменить обстановку в Европе.

Таким образом, в обсуждении идеи проведения «петсамской операции» был сделан шаг вперед, и в Финляндии приступили к рассмотрению с «западными партнерами» перспектив боевых действий непосредственно на советской территории.

Действительно, возвратившись в Лондон, генерал Линг доложил высшему военному и государственному руководству о финских предложениях. Он сообщил, что Маннергейм поставил вопрос о необходимости направить в Финляндию как минимум 30 тыс. чел. Подполковник Ж. Ганеваль, также вернувшийся в Париж, подтвердил, что маршал весьма серьезно озабочен недостатком войск. Он «дал мне понять, — сообщал Ганеваль, — что сопротивление финской армии начинает иссякать»²⁰. В результате полученные сведения подталкивали Англию и Францию к ускоренному принятию решения.

Наряду с информацией от своих военных представителей, вернувшихся из Финляндии, Запад мог еще почувствовать и нарастающую активность в деятельности финских дипломатов, которые явно стремились стимулировать принятие более четких решений относительно военной помощи. Так, в частности, 13 января посланник Холма и полковник Паасонен встречались с премьер-министром Франции и подробно докладывали «о военной обстановке», доказывая необ-

ходимость «парализовать российскую армию» в Финляндии, проведя «морскую операцию с северного пути (т.е. в районе Мурманска.— В.Б.)»²¹. Реакция Э. Даладьё финским дипломатам показалась весьма позитивной, хотя он подчеркнул, что данные действия должны быть скоординированы с англичанами и, как заметил французский премьер, «Лондон явно был склонен поддержать»²².

В целом результат предпринятых действий виделся финским представителям в Париже весьма обнадеживающим. Как они отмечали, дела, связанные с военным планированием союзников, явно ускорились. «Мы знаем,— сообщалось в Хельсинки 14 января,— что Д [аладьё] после нашего посещения пригласил к себе Гамелена, а также Дарлана и призвал их поспешить с морской операцией, изучив возможность отправки войск в виде международной бригады»²³.

Однако до непосредственного планирования боевых операций на севере Советского Союза дело не доходило. В Париже, опираясь на те предложения, которые финны сделали еще в конце декабря, продолжали рассматривать возможность осуществления только «петсамской операции». При этом, как отмечал посланник Х. Холма, командующий французским флотом адмирал Ф. Дарлан пребывал «в исключительном вдохновении от этой акции»²⁴. С учетом рекомендаций Паасонена он разрабатывал план доставки в район Петсамо 13–17-тысячный войсковой контингент, используя для этого кроме специальных десантных судов польские военные и торговые корабли, а также отчасти и финский транспорт. Французский адмирал считал, что десантные войска должны были также состоять из польских военнослужащих и других иностранных легионеров. Осуществление «петсамской операции» на данном этапе предполагалось достигнуть «чужими руками».

Тем не менее задачи, которые французское командование ставило экспедиционным войскам, казались масштабными и полностью соответствовали финским предложениям. Наступление союзников после захвата Петсамо предполагалось развивать на юг и юго-восток в направлении Кандалакши и Мурманской железной дороги. К тому же планировалось окружить там до четырех советских дивизий. Только после

этого союзное командование рассчитывало направить в Петсамо новые «добровольческие части»²⁵.

В целом разработка данного плана в Париже шла весьма интенсивно. Об этом свидетельствует факт запроса 21 января 1940 г. французами у Финляндии «для морской операции, направленной против России, данных об укреплениях в Северном Ледовитом океане, а также о метеорологической обстановке, состоянии аэродромов и возможностях наращивания авиационных сил»²⁶. Запрашиваемые сведения были необходимы как в Париже, так и в Лондоне²⁷.

Однако план «петсамской операции» находился все еще на стадии первоначальной разработки. Его контуры французское командование даже не согласовало с англичанами. Лишь 17 января Даладье направил французскому послу в Великобритании указание изложить суть предлагавшейся операции английскому руководству²⁸, учитывая, очевидно, что настал момент, когда в Лондоне должны были уделить больше внимания Северной Европе.

В политике Англии, как указывает финский историк профессор Ю. Невакиви, середину января можно было рассматривать как «поворотный» момент «зимней войны»²⁹. «Я чувствовал в эти дни, — вспоминает посланник Грипенберг, — как все более росло внимание официальных кругов к Финляндии»³⁰. 22 января в министерстве обороны Англии с ним уже вели детальные переговоры о перспективах направления экспедиционных войск в Финляндию³¹. То, что англичане все более задумывались о возможности проведения десантной операции в Лапландии, свидетельствует факт доставки из Финляндии 27 января морских карт района Петсамо³². Это свидетельствовало о начале разработки операции на финском северном побережье. Характерно, что 29 января на заседании кабинета министров Чемберлен довольно определенно заявил, что «события, видимо, ведут к тому, что союзники открыто вступят в боевые действия против России»³³. Иными словами, вероятность операции по высадке союзников на севере Европы активно обсуждалась в Париже и Лондоне. Тогда же началась и новая чередка обмена визитами военных экспертов. Так, в ставку Маннергейма прибыл английский генерал К. Линг³⁴. Туда же

поступил запрос о возможности приезда в Финляндию высокопоставленного французского маршала А. Ф. Петена³⁵. Кроме того, финское военное руководство направило в Париж генерала О. Энкеля³⁶, который, очевидно, должен был по поручению Маннергейма продолжить переговоры с высшим военным руководством о перспективах действий экспедиционных сил.

Пытаясь разобраться в хитросплетениях взаимоотношений союзников в вопросах оказания Финляндии военной помощи, финские дипломаты приходили к заключению, что ситуация складывалась достаточно благоприятно. По информации, которая на тот момент поступала в МИД Финляндии, в Великобритании уже начали комплектовать силы добровольцев, занимаясь их снаряжением и вооружением, а во Франции приступили к активной фазе подготовки международной бригады добровольцев³⁷. Более того, 29 января Холма и Паасонен получили сведения от Даладьё, что уже «запланировано» отправить «как можно быстрее» в Финляндию несколько дивизий в количестве 50–60 тыс. чел. и десантировать их транспортными кораблями непосредственно в район Петсамо³⁸. Однако, по сообщению финских дипломатов, получить более подробные сведения у французского премьера им не удалось. «Стало ясно, что Гамелен сам взялся составлять часть плана и этот план будет на столе у Даладьё»³⁹. Только через несколько дней из Парижа в финское Министерство иностранных дел ушла еще одна совершенно секретная телеграмма, в которой сообщалось, что, по мнению Даладьё, «подготовка к отправке сил завершится в течение месяца»⁴⁰.

Тем не менее попытка финнов со своей стороны выяснить детали плана союзников ни как не увенчалась успехом. В ходе беседы с Э. Даладьё Холма и Паасонен высказали французскому премьеру надежду, что экспедиционные силы могли бы «по возможности быстро осуществить морскую операцию в Петсамо», подчеркивая, что «освобождение Петсамо вплоть до Мурманского района» должно сопровождаться поддержкой авиационными соединениями, а также «свежими финскими частями, которые прибыли бы с южного направления как в северную Финляндию, так и в освобождаемую Северную

Карелию»⁴¹. Изложение этих соображений, которые фактически уже ранее были известны французскому руководству из разработок финского командования, очевидно, имели цель выяснить замыслы союзников и углубить обсуждение сюжетов, связанных с «петсамской операцией». Но Даладьё вновь не сообщил ничего конкретного. Более того, он заявил, что в отношении к десантированию войск на севере Европы выступает «против адмиралитет Англии и ее военное министерство», он же «пытается энергично влиять на них»⁴². Единственный итог, к которому пришли финские представители, заключался в том, что она проходила «при большом взаимопонимании и под знаком желания помочь»⁴³.

Тем не менее особая позиция Англии в данном вопросе находила свое подтверждение и на переговорах, которые состоялись с генералом Лингом в ставке Маннергейма. Линг сообщил финскому военному руководству, что «английскую операцию против Мурманска, вероятно, будет невозможно осуществить». Такое заявление делало проблематичным сам замысел проведения «петсамской операции» в целом. Доводы же финской стороны, что «операция стала бы более крупной и приобрела бы, вероятно, решающее значение, если ее планировать ближе к Архангельску», вообще не имели никакого отклика⁴⁴.

Естественно, что в Хельсинки подобным положением дел были явно озадачены и со своей стороны пытались повлиять на англичан. В частности, в финское представительство в Лондоне ушла телеграмма с конкретным заданием посланнику Г. Гипенбергу. Предписывалось довести до сведения английского руководства, что, «поскольку наша война показывает крепость общества, а готовящиеся планы могут вестись длительное время, мы надеемся, что... этот процесс в выгодный момент приведет англичан к их реализации»⁴⁵. Но одновременно с этим заявлением финское руководство считало, что бесконечно оттягивать проведение операции союзников на севере Европы невозможно. Потенциал финских войск, подчеркивали в Хельсинки, не беспредельен, и командованию необходимо немедленно высвободить 3–4 дивизии, чтобы начать осуществление «петсамской операции»⁴⁶.

В целом становилось очевидным, что на данном этапе в принятии окончательных решений многое зависело от позиции Лондона. Даже Франция активно пыталась влиять на англичан. Не только Даладье, но Гамелен энергично добивались реальной поддержки Лондоном проведения «петсамской операции». В частности, по его предложению, сделанному 31 января английскому командованию, следовало окончательно решить вопрос о высадке экспедиционных войск в Петсамо для развертывания активных боевых действий вместе с частями финской армии⁴⁷. В Великобритании, однако, в военном министерстве по этому вопросу не было единого мнения. Здесь в большей степени учитывались трудности в осуществлении «петсамской операции», предусматривавшей десантирование войск в крайне сложных географических условиях. Приводился довод: «Война будет заканчиваться, очевидно, не в Финляндии»⁴⁸.

В результате 5 февраля на заседании Высшего военного совета позиция Англии была выражена довольно сдержано. Когда Э. Даладье сообщил, что, по информации Маннергейма, финский фронт без подкреплений в количестве 20 тыс. чел. сможет продержаться лишь до весны⁴⁹, премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен изложил точку зрения английского правительства. Обратив внимание на «трудности высадки в Петсамо», он стал настаивать на необходимости проведения десантной операции на севере Норвегии⁵⁰. Главная цель, по его словам, заключалась не в широкомасштабной помощи Финляндии, а в вовлечении в войну против Германии скандинавских стран. Что же касалось Финляндии, заметил он, то в данном случае нельзя допустить ее разгрома⁵¹.

В конечном счете Даладье согласился с доводами Чемберлена, и вопрос об осуществлении «петсамской операции» отошел на второй план. Было решено главные десантные операции проводить в Северной Норвегии (в районе Нарвика), в центральной и южной частях этой страны, а также в Южной Швеции. При этом требовалось достигнуть согласия скандинавских стран на проведение указанных операций.

Кроме того, руководство по проведению данной операции переходило к англичанам, что вызвало раздражение у фран-

цузского генералитета, активно готовившего «петсамскую операцию». По крайней мере адмирал Ф. Дарлан, говоря о необходимости «ускорения помощи» Финляндии, после принятого решения неизменно встречал холодный ответ со стороны генерала М. Гамелена: «Скажите англичанам, ведь у них главнокомандование»⁵². Действительно, только незначительную часть десанта предполагалось направить в Северную Финляндию, в район Петсамо. И эти войска предполагалось направить туда только потому, что без подкрепления финский фронт просто не сможет продержаться дольше весны⁵³.

В итоге было решено осуществить две десантные операции: одна предполагала высадку экспедиционных сил в Норвегии (около 5 тыс. чел.) и наступления оттуда в направлении Северной Финляндии; другая — десантирование войск в Южной Швеции (свыше 100 тыс. чел.), причем непосредственно на финляндском направлении должен был действовать ограниченный контингент войск — не более 13 тыс. чел.⁵⁴

Финляндию, естественно, об этих решениях не проинформировали. Только 22 февраля в ставку Маннергейма прибыл английский генерал Линга, который «объяснил маршалу, что англичане не планируют продвижение дальше Северной Финляндии»⁵⁵. Таким образом, в Хельсинки стали осознавать, что высадка союзных войск в Петсамо едва ли осуществима.

В финском руководстве стали весьма скептически относиться к обсуждению военной поддержки со стороны Запада. Более того, оставалась очевидной неконкретность и противоречивость сведений относительно «крупной помощи войсками»⁵⁶. В результате в правительстве крепло убеждение, что «помощь западных держав является блефом». Все это в обстановке поражения финских войск на Карельском перешейке и прорыва Красной Армией «линии Маннергейма» подталкивало к принятию решения о срочном окончании войны и заключении мира.

¹ См.: *Носков А. М.* Северная Европа в военных планах империализма. М., 1987; Зимняя война 1939–1940. Политическая история. М., 1999; *Nevakivi J.* Ару jota ei pyydetty. Liittoutuneet ja Suomen talvisota 1939–1940. Hls., 1972 и др.

² *UM.* 109. С 2 е. Телеграмма в МИД, 19.12.1939.

³ *Ulkoasiainministeriön arkisto (UM).* 109. С 2 е. Телеграмма в Лондон и Париж из МИД'а, 22.12.1939; 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Телеграмма в Лондон из МИД'а, 22.12.1939.

⁴ *Paasonen A.* Marsalkan tiedustelupaallikkönä ja hallituksen asiamiehenä. Hls., 1974. S. 96.

⁵ *UM.* 109. С 2 а. Телеграмма Холма и Паасонена в МИД, 23.12.1939.

⁶ *Ibid.*

⁷ *Paasonen A.* Marsalkan tiedustelupaallikkönä ja hallituksen asiamiehenä. S. 89–90; *Тала Х.* Франция и «зимняя война» // *Ulkopoliittikka.* Vol. 2, 2005. N 2. С. 166.

⁸ Цит. по: *Тала Х.* Франция и «зимняя война». С. 166.

⁹ *UM.* 109. С 2 е. Телеграмма из Парижа в МИД, 24.12.1939; 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Телеграмма из Парижа в МИД, 24.12.1939.

¹⁰ *Nevakivi J.* Ару jota ei pyydetty. S. 135.

¹¹ *Ibid.* S. 135–136.

¹² *Ibid.*

¹³ *UM.* 109. С 2 е. Телеграмма из Парижа в МИД, 24.12.1939; 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Телеграмма из Парижа в МИД, 24.12.1939.

¹⁴ *Ibid.* С 2 а. Телеграмма Холма и Паасонена в МИД, 23.12.1939; Донесение Холма из Парижа министру иностранных дел В. Таннеру, 31.12.1939.

¹⁵ *Ibid.* С 2 е. Телеграмма из Парижа в МИД, 23.12.1939.

¹⁶ *Ibid.* С 2 с. Телеграмма из Лондона в МИД, 27.12.1939.

¹⁷ *Ibid.* Телеграмма из Стокгольма в МИД, 23.12.1939.

¹⁸ *Ibid.* Телеграмма из Лондона в МИД, 31.12.1939; 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Телеграмма из Лондона в МИД, 24.12.1939.

¹⁹ *Kansallisarkisto.* (КА) Tudeerin kokoelma. Pöytäkirjoja valtioneuvoston ja sen valiokuntien istunnoista 5.12.1939–21.03.1940.

²⁰ *Nevakivi J.* Ару jota ei pyydetty. S. 127.

²¹ 109. С 2 е. Донесение посланника Х. Холма из Парижа В. Таннеру, 14.01.1940; Aaro Pakaslahden kokoelma. Политическая информация МИД, 25.01.1940.

²² *Ibid.*

²³ *Ibid.* С 2 е. Телеграмма из Парижа в МИД, 14.01.1940. 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Телеграмма из Парижа в МИД, 14.01.1939.

²⁴ *Ibid.* 109.С 2 б. Донесение посланника Х. Холма из Парижа В. Таннеру, 18.01.1940.

²⁵ *Nevakivi J.* Ару jota ei pyydetty. S. 135–136.

²⁶ *UM.* 109.С 2 е. Телеграмма из Парижа в МИД, 21.01.1940; 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Политическая информация МИД, 25.01.1940. Видимо, таких сведений французскому командованию нужно было как

можно больше. Министр иностранных дел Финляндии В. Таннер в своих мемуарах отмечал, что в это время Холма «постоянно получал запросы об аэродромах, где могли совершать посадку самолеты, зимнем рационе наших солдат и прочем» (Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. М., 2003. С. 214).

²⁷ УМ. 109.С 2 е. Телеграмма из Парижа в МИД, 21.01.1940; 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Политическая информация МИД, 25.01.1940.

²⁸ *Gripenberg G.A.* Lontoo-Vatikaani-Tukholma. Porvoo; Hels., 1960. S. 112.

²⁹ *Nevakivi J.* Apu jota ei pyydetty. S. 128.

³⁰ *Gripenberg G.A.* Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 113.

³¹ *Ibid.* S. 98.

³² УМ. 109.С 2 е. МИД посольству в Лондоне (Доставка морских карт), 27.01.1940.

³³ Цит. по: *Носков А. М.* Северная Европа в военных планах империализма. С. 41.

³⁴ УМ. 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Телеграмма Таннера Маннергейму, 2.02.1940.

³⁵ *Ibid.* 109.С 2 с. Письмо В. Таннера в ставку, 30.01.1940.

³⁶ *Ibid.* С 2 b. Донесение Х. Холма из Парижа, 30.01.1940.

³⁷ *Ibid.* 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Политическая информация МИД, 25.01.1940.

³⁸ *Ibid.* С 2 b. Донесение Х. Холма из Парижа, 30.01.1940; 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Телеграмма из Парижа в МИД, 30.01.1940.

³⁹ *Ibid.* С 2 b. Донесение Х. Холма из Парижа В. Таннеру, 30.01.1940.

⁴⁰ *Ibid.* С 2 е. Телеграмма из Парижа в МИД, 4.2.1940; 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Телеграмма из Парижа в МИД, 4.02.1939.

⁴¹ *Ibid.* 109. С 2 b. Донесение Х. Холма из Парижа В. Таннеру, 30.01.1940.

⁴² *Ibid.* С 2 е. Телеграмма из Парижа в МИД, 30.01.1940.

⁴³ *Ibid.*

⁴⁴ *Ibid.* С 2 с. Сообщение из ставки министру иностранных дел, 6.02.1940.

⁴⁵ *Ibid.* С 2 е. Телеграмма из МИД, 3.02.1940.

⁴⁶ *Nevakivi J.* Ranskan Suomelle talvisodan 1939–1940 aikana tarjoamasta sotilasavusta // Taide ja Ase. 1979. N 34. S. 107.

⁴⁷ *Носков А. М.* Северная Европа в военных планах империализма. С. 40.

⁴⁸ *Gripenberg G.A.* Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 117.

⁴⁹ *Носков А. М.* Северная Европа в военных планах империализма. С. 41.

⁵⁰ *Liddel Hart B.H.* History of the Second World War. London, 1973. P. 55.

⁵¹ *Носков А. М.* Северная Европа в военных планах империализма. С. 42.

⁵² Цит. по: УМ. 109.С 2 b. Донесение посланника Х. Холма из Виши («Беда с адмиралом Дарланом»), 28.01.1941.

⁵³ *Churchill W.* The Second World War. London 1948. Vol. 1. P. 442–443.

⁵⁴ *Носков А. М.* Скандинавский плацдарм во второй мировой войне. С. 50–56.

⁵⁵ *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Os. II. Hels.; Keuruu, 1959. S. 156.

⁵⁶ *UM.* 109. С 2 е. Телеграмма Маннергейма в МИД, 3.03.1940.

С. А. Жуков

**ОБ ОЦЕНКЕ РАБОТЫ ТЫЛА СОВЕТСКИХ ВОЙСК
В ПЕРИОД «ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ» 1939–1940 гг.**

Вокруг событий советско-финляндской войны 1939–1940 гг. продолжается широкая полемика. Она охватывает в основном вопросы подготовки к войне, планы воюющих сторон, перипетии боевых действий. Но существуют вопросы вне этого проблемного поля, взгляд на которые не изменился, фактически, с периода ее завершения. Одним из них является оценка деятельности тыла в ходе войны, которая содержится в Акте о приеме Наркомата обороны маршалом С. К. Тимошенко. В этом документе указывается, что «в боевых операциях 1939–1940 гг. армейский и войсковой тыл работал неудовлетворительно»¹.

Эта точка зрения на деятельность тыла перекочевала и в работы историков. Доктор исторических наук А. М. Носков подтверждает данное представление мнением второго секретаря американского посольства в Москве, который пришел тогда к выводу, что «снабжение и питание [было в Красной Армии] из рук вон плохое...»². С этой оценкой согласен и другой автор — П. Чевела: «Войска испытывали острый недостаток не только в боеприпасах и горючем, но и в продовольствии»³. Эта точка зрения получает развитие в последующих исследованиях, где деятельность тыла негативно характеризуется вместе с раскрытием недостатков в управлении войсками в целом. В этом авторы, вышедших тогда исследований видели одну из главных причин, приведшую к затягиванию военных

действий⁴. Подобные утверждения заставляют внимательно изучить опыт работы в советско-финляндской войне тыла Красной Армии и осветить ключевые моменты организации снабжения войск основными видами довольствия: боеприпасами, горючим и продовольствием⁵.

Очевидно, что для вынесения объективного суждения о деятельности тыла в ходе войны, в первую очередь, следует привести сведения об обеспеченности объединений, соединений и частей материальными средствами (табл. 1, 2). Важным при этом является анализ обеспеченности войск в периоды наиболее интенсивных военных действий — в декабре 1939 г. и февралемарте 1940 г. Данные свидетельствуют: несмотря на то что уровень обеспеченности войск во многих случаях был ниже установленной «Уставом тыла» нормы запасов⁶, серьезных срывов в снабжении войск удалось избежать. Следовательно, с некоторыми оговорками, можно сделать вывод о том, что армия была обеспечена продовольствием, боеприпасами и горючим на всем протяжении военных действий.

Однако для исчерпывающей оценки работы тыла недостаточно знать степень обеспеченности войск снарядами и горючим. Необходимо сравнить реально накопленные запасы с нормами, установленными командованием для ведения боя (операции). Анализ документов показывает, что задача накопления запасов продовольствия, боеприпасов и горючего до установленного командованием уровня практически ни разу не была решена. В северных армиях (8, 9, 14 и 15-й), например, достичь установленных Генеральным штабом запасов горючего в размере 5–8 заправок до конца войны так и не удалось. Для этого требовалось поставлять не менее двух поездов ежедневно, что не было обеспечено. В результате многие емкости складов оставались незаполненными до конца операции, а снабжение армий шло, что называется, «с колес»: поступавшее горючее сразу расходовалось на текущее обеспечение⁷. Примерно такой же была ситуация и со снабжением продовольствием⁸. В феврале 1940 г. перечень предметов, наличие которых на станциях снабжения северных армий не было доведено до полной нормы, включал в себя 13–17 видов боеприпасов, 9–15 видов горючего, от 6 до 11 наименований продовольствия⁹.

Схожая ситуация с запасами продовольствия, боеприпасов и горючего была и в войсках Северо-Западного фронта (СЗФ). В директиве № 1 командующего фронтом определялись требуемые размеры создания запасов материальных средств к началу наступления: в войсках — по нормам подвижных запасов, установленных «Уставом тыла», боеприпасов — 1,5 боекомплекта, горючего — 3 заправки, продовольствия — 5 сутодач и дополнительно 3 комплекта боеприпасов. Кроме того, директивой предписывалось создать на грунте в районах распорядительных станций дополнительные запасы на случай срывов подвоза материальных средств¹⁰. Как показывают данные табл. 3, выполнить эти требования не удалось не только по созданию дополнительных запасов, но и по восполнению подвижных запасов в войсках. Несмотря на длительный период подготовки к операции, вместо требуемых 6,5 комплектов боеприпасов в наличии было 3–5, вместо 5–6 заправок горючего — лишь 4,1–4,4 заправки. С начала операции до конца военных действий тылу СЗФ не удавалось поддерживать запасы в войсках на уровне установленных подвижных запасов даже в 13-й армии, продвижение войск и расход материальных средств которой были сравнительно невелики.

В этом смысле работа тыла действительно предстает неудовлетворительной. Но только ли в ней дело? Очевидно, в большинстве случаев командование РККА, напуганное трудностями доставки материальных средств, выдвигало явно завышенные, зачастую просто не выполнимые в тех условиях требования по накоплению материальных средств, причем их реальный расход в итоге оказывался значительно ниже запланированного. Развитие событий показало, в частности, что за все время операции по прорыву линии Маннергейма (с 11 февраля) войска 7-й армии израсходовали 5 боекомплектов боеприпасов, войска 13-й армии — около 3,5 боекомплектов¹¹. Таким образом, согласно данным табл. 3, на ведение всей операции реально хватило бы боеприпасов, накопленных в войсках до начала наступления даже без организации подвоза. Такое положение вещей можно объяснить лишь низким уровнем планирования операции.

О завышении норм запасов при планировании снабжения войск говорят и другие факты. Например, заместитель начальника штаба СЗФ по тылу комдив Шимонаев при организации снабжения резервной группы (28-го стрелкового корпуса) поставил задачу накопить для нее 15 заправок горючего, что было невыполнимо как с точки зрения времени подготовки, так и с точки зрения возможности размещения и хранения такого количества топлива¹². Командир 19-го стрелкового корпуса определил расход боеприпасов на первый день наступления более трех боекомплектов (артподготовка – 0,75 боекомплектов, день боя – 2,5 боекомплекта), а фактически же расход составил около одного боекомплекта¹³.

В этих условиях решающим можно считать не критерий удовлетворения явно завышенных требований, а влияние фактического наличия запасов материальных средств на ведение боевых действий. В этом аспекте деятельность тыла по снабжению войск продовольствием, боеприпасами и горючим следует признать как минимум удовлетворительной, так как она не приводила к серьезному изменению планов командования. Исключением является случай с 28-м стрелковым корпусом, начало наступления которого было перенесено на сутки (с 3 на 4 марта) в связи с недостаточным уровнем обеспеченности войск (менее 50% от требуемого). Однако это был единственный случай за всю войну, когда низкая обеспеченность привела к корректировке планов военного руководства¹⁴.

Таким образом, деятельность тыла позволила организовать снабжение войск продовольствием, боеприпасами и горючим на должном уровне, который хоть и был ниже требуемого руководящими документами, но все же не являлся помехой для действий войск. Органы руководства, тыловые части и учреждения со своей задачей в области снабжения все же справились.

Об эффективности работы тыла свидетельствуют и сами участники боевых действий. Вот что пишет военком артиллерии 13-й армии И. С. Прочко о расходе боеприпасов в ходе войны. «Снаряды выпускаются без всякого учета... На каждый выстрел винтовки финна следует один или даже несколько выстрелов артиллерийских... Все считают, что снаряды... полугат всегда

в неограниженном виде... (курсив мой.— С.Ж.)»¹⁵. Откуда такая уверенность при якобы неудовлетворительной работе тыла? Да и откуда в таком случае брались эти снаряды в неограниченном количестве? А где брали топливо для питания автомобильных и танковых моторов, которые в условиях зимы работали фактически непрерывно, обогревая личный состав экипажей? И ведь при этом «случаев перебоя в обеспечении войск горючим не было»!¹⁶

Итак, оценивая результаты деятельности тыла по обеспечению войск основными видами довольствия в ходе войны, анализ архивных документов позволяет утверждать, что тыл в целом справился со своими обязанностями. Безусловно, ежедневная работа с таким объемом не могла обойтись без сбоев, самым крупным из которых можно считать перенос на сутки начала наступления 28-го стрелкового корпуса. Были и другие недостатки (в обеспечении горячим питанием, боеприпасами и горючим), которые следует отнести к деятельности конкретных командиров и начальников войскового звена. Однако эти недостатки в целом не оказали существенного негативного влияния на ход и исход боевых действий. Приведенные данные свидетельствуют, что причины неудач Красной Армии не следует относить к недостаточному снабжению продовольствием, горючим и боеприпасами.

Откуда же взялся миф о плохом обеспечении военных частей и соединений? Возможно, его породили требования по обстрелу леса и избышек в нем. И. В. Сталин на совещании (14–17 апреля 1940 г.) заявил: «Если бы наша артиллерия стреляла только по целям, до сих пор бы воевали. Если каждый двадцатый снаряд попадал в кого-либо, хотя бы в избышку, это большое дело, если из 99 каждый сотый снаряд попадал, это уже замечательно...»¹⁷ В этих условиях командиры, имея запасы боеприпасов в полтора раза превышающие уставные, жаловались на их ограниченное количество!¹⁸ Существовали трудности и в выполнении требования по подвозу горячего питания на передовые позиции прямо в полевых кухнях, что иногда приводило к срыву приемов пищи, но это, впрочем, не дает основания говорить о голода-нии красноармейцев.

Возможно, говоря о недостатках снабжения, имеют в виду обеспечение окруженных войск, которое протекало с вполне понятными осложнениями. Но и здесь необходимо отметить, что в случае организации командным составом блокированных соединений устойчивой обороны (54-й и 168-й стрелковых дивизий) их снабжение было удовлетворительным и позволяло вести оборонительные бои до конца военных действий даже в случае рассеяния района обороны на несколько частей. Разгром остальных окруженных соединений (18-й, 44-й стрелковых дивизий, 34-й легкой танковой бригады) вряд ли можно всерьез отнести на счет плохого снабжения: просчеты их командования просто не дали времени его организовать.

Так почему же в Акте о приеме Наркомата обороны СССР появилась эта строка о неудовлетворительной работе тыла? Здесь, вероятно, налицо конъюнктурный подход, когда критика конкретного руководителя вылилась в несправедливую оценку деятельности многих людей, которые занимались обеспечением войск в период «зимней войны».

Таблица 1

Обеспеченность войск по соединениям в декабре 1939 г.¹⁹

Наименование соединений	Боеприпасы, боекомплектов			Горючее, заправок			Продовольствие, сутодач		
	2911.39.	2012.39.	3112.39.	2911.39.	2012.39.	3112.39.	2911.39.	2012.39.	3112.39.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
14 А									
104 <i>сд</i>	2,0	0,5	2,0	1,5	0,3	2,0	48	1,0	4,0
14 <i>сд</i>	2,0	2,0	2,0	1,5	2,0	1,0–8,0	63	43,0	8,0*
52 <i>сд</i>	н/с	0,3	1,3	н/с	0,3	0,0	н/с	1,0	3,0

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
9 А									
122 <i>сд</i>	н/с	н/с	ВП-1,1 ав-1,3	н/с	н/с	3,0	н/с	н/с	4,0
163 <i>сд</i>	н/с	ВП-0,7 ав-0,5	ВП-0,8 ав-0,3	н/с	0,5	–	н/с	2,0	н/с
54 <i>сд</i>	н/с	ВП-1,0 ав-0,8	ВП-2,0 ав-1,3	н/с	ТМ-1,2 БМ-3,0	–	н/с	3,0	3,0
44 <i>сд</i>	н/с	ВП-1,0 ав-0,8	ВП-0,5 ав-1,0	н/с	2,0	0,5	н/с	2,0	2,0
88 <i>сд</i>			1,3			1,0			3,0

8 А

155 <i>сд</i>	1,5	н/с	1,0	0,3	н/с	2,0	2,0	н/с	3,0
139 <i>сд</i>	1,3	ВП-1,5 ав-0,5	ВП-1,7	0,5	0,5	1,0	1,0	1,0	2,0
56 <i>сд</i>	1,3	1,0	1,7	1,7	1,5	2,0	3,0	3,0	2,0
75 <i>сд</i>	1,3	ВП-0,5 ав-3,8	1,0	1,5	н/с	1,0	3,0	1,0	2,0
18 <i>сд</i>	1,3	ВП-5,8 ав-0,5	0,8	1,3	1,3	1,7	5,0	2,0	0,5
168 <i>сд</i>	1,3	н/с	0,9	0,8	1,0	0,5	3,0	1,0	1,0

7 и 13 А

142 <i>сд</i>	2,3	1,5	1,2	2,0	н/с	2,0	8,0	6,0	5,0
90 <i>сд</i>	2,3	1,5	1,8	2,5	2,5	3,0	8,0	1,0	4,0
49 <i>сд</i>	1,5	1,7	1,5	1,5	2,0	2,0	5,0	5,0	5,0
43 <i>сд</i>	2,3	1,3	1,0	2,0	2,0	1,3	8,0	2,0	3,3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
35 тбр	3,5	3,0	2,0	2,0	1,8	2,0	7,0	5,0	6,0
24 сд	2,3	1,5	1,3	2,6	3,0	3,0	8,0	5,0	5,0
70 сд	2,3	н/с	1,0	2,5	н/с	1,3	8,0	н/с	2,0
123 сд	1,3	н/с	1,3	1,5	н/с	2,0	6,0	н/с	7,0
138 сд	1,3	н/с	н/с	2,8	н/с	н/с	5,0	н/с	н/с
40 тбр	2,5	3,0	2,3	2,0	2,0	2,3	8,0	3,0	9,0
20 тбр	2,5	н/с	2,0	2,1	н/с	2,3	6,0	н/с	7,0
150 сд	1,3	1,3	2,2	2,0	н/с	2,0	5,0	5,0	4,0
4 сд		н/с	н/с		н/с	н/с		н/с	н/с
136 сд		1,0	1,3		1,3	1,3		1,0	2,0
100 сд		н/с	1,3		н/с	2,5		н/с	3,0
1 тбр		2,0	2,0		1,7	2,0		5,0	7,0
13 тбр		2,5	3,0		1,5	2,0		5,0	6,0
15 тбр		н/с	2,3		н/с	1,3		н/с	6,0
39 тбр			н/с			н/с			н/с

Примечания: 1. по некоторым видам продовольствия – значительно больше.
 2. н/с – органы руководства не имели сведений об обеспеченности соединения (части); $\frac{6}{м}$ – топливо для боевых машин, $\frac{7}{м}$ – топливо для транспортных машин; $\frac{8}{п}$ – наличие винтовочных патронов, $\frac{9}{в}$ – наличие артиллерийских выстрелов.

Таблица 2

**Обеспеченность войск Северо-Западного фронта
в период с 11 февраля по 10 марта 1940 г.²⁰**

Наименование материальных средств	Наличие на		
	11.02.	3.03	10.03
13 А			
Боеприпасы для стрелкового оружия, бк	2,7	3,3	3,0
в том числе: в войсках	2,3	2,0	2,1
на станциях снабжения	0,4	1,3	0,9
Боеприпасы для артиллерии, бк	3,8	3,7	4,3
в том числе: в войсках	2,8	2,1	1,8
на станциях снабжения	1,0	1,6	2,5
Продовольствие, с/д	8,5	14,7	12,0
в том числе: в войсках	4,0	3,7	4,0
на станциях снабжения	4,5	11	8,0
Горючее, заправки	4,1	2,2	4,0
в том числе: в войсках	2,1	2,0	1,7
на станциях снабжения	2,0	0,2	2,3
7 А			
Боеприпасы для стрелкового оружия, бк	3,1	2,7	2,2
в том числе: в войсках	1,9	1,6	1,0
на станциях снабжения	1,2	1,1	1,2
Боеприпасы для артиллерии, бк	4,7	3,0	3,8
в том числе: в войсках	3,3	1,2	1,8
на станциях снабжения	1,4	1,8	2,0
Продовольствие, с/д	12,1	8,0	10,0
в том числе: в войсках	4,6	4,0	4,0
на станциях снабжения	7,5	4,0	6,0
Горючее, заправки	4,4	2,8	2,7
в том числе: в войсках	2,3	1,9	1,7
на станциях снабжения	2,1	0,9	1,0

-
- ¹ Канун и начало войны: Документы и материалы. Л., 1991. С. 304.
- ² Цит. по: Носков А. М. Северный узел // Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С. 10.
- ³ Чевела П. П. Итоги и уроки советско-финляндской войны // Военная мысль. 1990. № 4. С. 51.
- ⁴ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 98.
- ⁵ Устав тыла Красной армии. Проект. Часть 2. Армейский тыл. М., 1941. С. 18.
- ⁶ Ср.: Устав тыла РККА (временный). Часть I. Войсковой тыл. М.; Л., 1934. С. 18; Устав тыла РККА (временный). Часть II. Армейский тыл. М.; Л., 1936. С. 25, 32.
- ⁷ Российский Государственный военный архив (РГВА). Ф. 34980. Оп. 2. Д. 4. Л. 28.
- ⁸ См., напр.: Там же. Д. 119. Л. 32. 38–39.
- ⁹ Данные приведены по: Там же. Д. 38. Л. 127.
- ¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 700. Л. 7.
- ¹¹ Там же. Л. 33.
- ¹² Там же. Д. 1266. Л. 293.
- ¹³ Там же. Д. 700. Л. 49.
- ¹⁴ Видимо, перенос сроков операции, предусматривавшей разгром 8-й армии Лоймолловской группировки противника, произошел главным образом из-за задержки сосредоточения войск.
- ¹⁵ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМА). Ф. 58 р. Оп. 1. Д. 11. Л. 10. *Прогко И. С.* (1903–1971) — генерал-лейтенант, заместитель командующего артиллерией Советской армии, кандидат исторический наук, видный историк отечественной артиллерии.
- ¹⁶ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1266. Л. 300, Д. 137. Л. 83.
- ¹⁷ Зимняя война, 1939–1940. Книга вторая. И. В. Сталин и финская кампания. М., 1999. С. 108. В свете этого по-другому воспринимается директива Главного военного совета № 0418 от 12 декабря 1939 г., требовавшая «обстреливать лес» из артиллерийских орудий (см.: Тайны и уроки зимней войны, 1939–1940. СПб., 2002. С. 182).
- ¹⁸ См., напр., выступление командира 122-й стрелковой дивизии полковника Шевченко (Зимняя война 1939–1940. Книга вторая. С. 119).
- ¹⁹ Составлено по документам: РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 103. Л. 19. Оп. 2. Д. 30. Л. 6, 14–15, 24–25.
- ²⁰ Составлено по документам: РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 700. Л. 42–47, 158–167, 179–182 (при заполнении таблицы вычисление обеспеченности производилось нахождением среднего арифметического из данных по обеспеченности стрелковых корпусов и отдельных дивизий).

Е. А. Богков

ТРАНСПОРТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ 1939–1940 гг.

Война между СССР и Финляндией 1939–1940 гг. долгое время была для советских людей «белым пятном» в отечественной истории. Это объясняется, с одной стороны, закрытостью архивных документов по данной теме, а с другой — нежеланием разбираться в причинах, ходе и уроках этой «непочетной» войны. Лишь в конце 1980 — начале 1990-х гг. советско-финляндская война стала объектом изучения российских историков. Коснемся того, насколько обоснованной была озабоченность советского военно-политического руководства в конце 1930-х гг. безопасностью северо-западных границ СССР и прежде всего Ленинграда? Необходимо иметь в виду, что государственная граница проходила всего лишь в 32 км от Ленинграда. И хотя в 1920 г. между Советской Россией и Финляндской республикой был заключен мирный договор, а в 1932 г. — договор о ненападении, по мнению Г. А. Куманева, во внешней политике Финляндии все же в 1930-е гг. преобладала антисоветская направленность¹. Территория Финляндии могла стать плацдармом для агрессии против СССР, как это произошло в 1918–1920 гг. «Ощущение опасности нарастало по мере того, как становились известными новые и новые свидетельства сближения Финляндии на антисоветской платформе, с одной стороны, с гитлеровской Германией, а с другой — с Англией, Францией и США», — отмечает Г. А. Куманев².

Настойчивое стремление Советского Союза обеспечить безопасность своих северо-западных границ в условиях начавшейся Второй мировой войны и неконструктивная позиция Финляндии на переговорах перевели разрешение этого конфликта из политической в военную сферу. Не доверяя друг другу, Советский Союз и Финляндия готовились к предстоящей войне. Военно-политическое руководство СССР уже во второй половине октября 1939 г. пришло к выводу, что переговоры с Финляндией закончатся безрезультатно, а потому стало склоняться к разрешению спора вооруженным путем. Командующим войсками Ленинградского военного округа (ЛенВО), Балтийским и Северным флотами было дано распоряжение о переходе на повышенную боевую готовность. 29 октября 1939 г. Военный совет ЛенВО представил «План операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии», который получил одобрение со стороны Генерального штаба РККА и был утвержден наркомом обороны СССР К. Е. Ворошиловым.

Уже изначально план операции имел ряд существенных недостатков. В соответствии с замыслом намечалось вести наступление одновременно на пяти операционных направлениях. Это неизбежно вело к распылению сил и средств на широком фронте. Не оправданным был и расчет на применение в условиях лесисто-болотистой местности со слабо развитой дорожной сетью крупных стрелковых соединений, танковых частей и тяжелой артиллерии. К тому же Ленинградский военный округ не располагал необходимыми силами для ведения наступления на довольно широком фронте. Это обстоятельство заставило принять меры по усилению боевого состава округа. 5 ноября 1939 г. последовал приказ о выдвижении четырех новых дивизий на границу с Финляндией.

К началу войны группировка советских войск выглядела следующим образом. На Карельском перешейке должна была наступать 7-я армия (командующий — командарм 2 ранга В. Ф. Яковлев). На мурманском направлении была развернута 14-я армия (командующий — комдив В. А. Фролов). На кандалакшском, ухтинском и ребельском направлениях должны были действовать соединения и части 9-й армии (командующий — комкор М. П. Духанов). На петрозаводском направле-

нии была сосредоточена 8-я армия (командующий — комдив И. П. Хабаров)³. Всего группировка советских войск насчитывала примерно 422,6 тыс. чел., около 2,5 тыс. орудий и минометов, почти 2 тыс. танков, 1863 самолета. Действия 14-й армии поддерживал Северный флот, 7-й армии — Балтийский флот и Ладожская военная флотилия. Всего для поддержки сухопутных войск привлекалось около 200 боевых кораблей⁴.

Советско-финляндская война явилась серьезным испытанием как для всей Красной Армии, так и для ее тыла. Тыловое обеспечение соединений и частей Красной Армии, развернутых вдоль государственной границы СССР от побережья Баренцева моря до Финского залива, было возложено на Ленинградский военный округ. Из архивных документов видно, что руководство Наркомата обороны СССР (НКО СССР) подошло к подготовке этой операции в тыловом отношении достаточно беспечно. Система тылового обеспечения войск не была переведена с мирного на военное положение. Промышленность, сельское хозяйство, транспорт работали в обычном режиме. Интендант первого ранга М. В. Захаров, выступая на научно-практической конференции в Военно-хозяйственной академии (23–25 июля 1940 г.), отмечал: «Учитывая, что наша промышленность не мобилизована, народное хозяйство не мобилизовано, мы не могли работать с поставщиками по-военному... Война велась лишь Ленинградским округом. Весь же Советский Союз жил мирной жизнью, ни одно предприятие промышленности не было переведено на военный лад, не было мобилизовано. А поскольку мы работали в мирной обстановке и по мирному графику, мы должны были работать и обеспечивать войска Ленинградского военного округа, исходя из этого положения»⁵. Вместе с тем объем работ по интендантскому снабжению войск был огромен. Суточная потребность только 7-й армии составляла: 344 т продовольствия, 231 т овса и 277 т сена⁶. Для подвоза такого количества продовольствия и фуража (852 т) ежедневно требовалось около 125 вагонов⁷. При подготовке операции эти обстоятельства были проигнорированы, что в дальнейшем отрицательно сказалось на деятельности органов тыла. Руководство НКО, командование

ЛенВО, руководители органов тыла при организации тылового обеспечения предстоящей операции не учли особенности театра военных действий, географические и климатические условия. Ставка делалась на проведение скоротечной операции. Органы тыла не готовились к обеспечению соединений и частей, действовавших в условиях бездорожья, глубокого снежного покрова и низких температур. В дальнейшем это привело к весьма трагическим последствиям для советских войск.

Советско-финляндская война потребовала колоссально-го количества материальных средств для действующей армии. Объем перевозок на транспортных коммуникациях северо-западного направления в 1940 г. увеличился в два раза по сравнению с 1939 г.⁸ Уже с первых дней подготовки к предстоящим боевым действиям органы тыла столкнулись с проблемой завоза материальных средств для войск. По предвоенным оценкам ежедневные потребности армии, действовавшей на направлении главного удара, в людском и конском пополнении, материальных средствах определялись: 21–22 снабженческих поезда, 9 поездов с железнодорожными и строительными материалами, 5–6 поездов с людским и конским составом. Общая потребность определялась в 36 поездов в сутки. Кроме того, для систематической эвакуации раненых и больных ежедневно требовалось в среднем еще три санитарных поезда⁹. В условиях зимы и бездорожья нормы неизбежно увеличивались. Необходимость подвоза такого большого количества материальных средств требовала на армию минимум одну железную дорогу с 6–7 станциями на выходном к фронту железнодорожном участке. Северо-Западный театр военных действий не имел в конце 1930-х гг. развитой инфраструктуры.

Два основных железнодорожных направления на Карельский перешеек соединялись одним железнодорожным мостом через Неву в черте Ленинграда. Его пропускная способность не превышала 21 поезда в сутки. Войска от Ленинграда следовали в район сосредоточения пешим маршем. Для передачи снабженческих грузов с левого на правый берег Невы, по предложению органов военных сообщений во главе с комбригом Е. В. Тулуповым, использовались трамвайные пути, пролежав-

шие по Литейному мосту. Одновременно через Литейный мост пропускалось около 20 вагонов с паровозом легкого типа¹⁰.

Плотность сети путей сообщения на Карельском перешейке и в Карелии, где в ноябре 1939 г. развернулись боевые действия, была неравномерной. На Карельском перешейке имелась достаточно развитая сеть грунтовых дорог с твердым покрытием и шириной проезжей части, допускающей двустороннее движение. На территории Карелии и Мурманской области дорожная сеть была развита слабо. Условия снежной и суровой зимы в Карелии затрудняли регулярное движение и требовали больших усилий для поддержания дорог в надлежащем состоянии. Наступившие морозы не позволили использовать для подвоза Беломорско-Балтийский канал и Мариинскую водную систему.

Северные армии (8, 9, 14 и 15-я) базировались на Кировской железной дороге, единственной в этом районе. Она соединяла Ленинград с Крайним Севером и проходила параллельно государственной границе на расстоянии 200–300 км от нее. Северная железная дорога, тянувшаяся параллельно Кировской, находилась значительно восточнее (в 400–500 км) и не могла использоваться для снабжения войск в районе боевых действий. На 1200-километровом участке Кировской железной дороги имелась всего одна ветка в направлении к государственной границы Лоухи — Кестеньга протяженностью 42 км¹¹. По своим техническим характеристикам Кировская дорога не в состоянии была обеспечить нормальное продвижение воинских эшелонов. Она имела однопутный путь, низкую ступенчатую пропускную способность и устаревшее техническое оборудование. Для обеспечения связи между станциями использовались еще телеграфные аппараты старой конструкции. Сложный профиль пути требовал на отдельных участках применения паровозов-толкачей. Станции были неразвиты в техническом отношении: для пропуска поездов имелось всего 3–4 пути, отсутствовали простейшие воинские выгрузочные приспособления, для хранения горючего не хватало оборудованных мест хранения, практически отсутствовали складские помещения. Станция Токари, расположенная на наиболее оживленном участке движения Волховстрой — Петрозаводск, имела большое количество технических ограничений, а набор воды одним

паровозом осуществлялся 20 и более минут при нормативе 8 минут. Кадры железнодорожников не были обучены работе в условиях массовых военных перевозок. Таким образом, автор приходит к выводу, что Кировская железная дорога в целом была не подготовлена к войне, тем более с базированием на нее крупных воинских соединений и частей.

Нагрузка на Кировскую железную дорогу одной армии с потребностью 10–12 поездов в сутки была вполне допустима. Но военная обстановка заставила развернуть здесь четыре армии. В результате вместо 6–8 поездов в сутки, предусмотренных графиком мирного времени, на железной дороге непрерывно находилось 26–28 и более поездов¹². Кроме базировавшихся здесь армий большое количество материальных средств потребляли: Северный морской флот (1 поезд в сутки); НКВД (свыше 60 тыс. арестованных, задействованных на строительстве дорог); строительство железнодорожных линий Петрозаводск — Суоярви, Кандалакша — западная граница; строительство вторых путей на участке Волховстрой — Петрозаводск; развитие станций и другое железнодорожное строительство¹³. В результате парк Кировской железной дороги увеличился по сравнению с мирными условиями почти в десять раз (с 4–5 тыс. вагонов до 37–40 тыс.)¹⁴. Это привело к тому, что железнодорожный участок Волховстрой — Лодейное поле оказался забитым подвижным составом. Железная дорога потеряла маневренность, так как все ветки и тупики оказались заняты «мертвым» парком. Эта ситуация сохранялась до конца войны.

Руководство работой по организации воинских перевозок и управлению ими в полосе действий войск Северо-Западного фронта (на Карельском перешейке) осуществлялось отделом военных сообщений фронта, отделами военных сообщений армий, входящих во фронт, и управлением военно-транспортной службы на Октябрьской железной дороге. Начальники военных сообщений армий, имея в своем подчинении начальников военных дорог и начальников восстановительных работ, осуществляли управление подвижным составом материальных средств железнодорожным транспортом, а также восстановлением железных дорог.

Снабжение действующих армий осуществлялось по схеме: центр — армия. При этом наряды на поставку материальных средств нередко давались по складам и заготовительным организациям всего Советского Союза. Отправка таких грузов осуществлялась отдельными видами транспорта и даже вагонами, что нарушало всю систему снабжения войск и создавало большие трудности в работе органов тыла и службы военных сообщений. По состоянию на 11 января 1940 г., в движении и на станциях по всей железнодорожной сети Советского Союза находилось 23 тыс. вагонов с различными снабженческими грузами¹⁵. Поезда поступали на фронт со смешанными воинскими грузами. В одном поезде находились материальные средства всех видов снабжения. Нередко вагоны с воинскими грузами отправлялись в составе поездов с грузами народно-хозяйственного назначения. Это приводило к тому, что органы тыла и военных сообщений не могли контролировать передвижение воинских грузов. Начальник ВОСО Севера полковник Михеев в своем докладе от 20 марта 1940 г. писал: «Все снабженческие грузы НКО двигались не сведенными в организованные воинские поезда, а перемешанные в поездах с народно-хозяйственными грузами. Количество народно-хозяйственных грузов достигало от 30 до 60% в поезде. Такое положение совершенно парализовало точный учет их продвижения со стороны линейных органов ВОСО на дорогах... В результате и на дороги Севера, и к потребителям прибывали грузы не те, которые требовались армиям на данный момент»¹⁶. Часто материальные средства, отправленные в адрес действующих армий, терялись в пути и приходилось принимать решительные меры по их розыску и доставке адресатам. Специальных снабженческих типовых поездов так и не сформировали в течение всей войны. Исключение составляли лишь отдельные поезда с боеприпасами и наливные, которые формировались по распоряжению центра.

Попытка представителей тыла на станциях «Ленинград-товарная» и «Вологда» осуществлять подборку вагонов по станциям назначения давала слабый эффект. Поезда по-прежнему прибывали на станции снабжения со смешанными грузами, и приходилось делать сложные маневры для сортировки вагонов. Это увеличивало время обработки грузов и перегружало

станции подвижным составом. Станции снабжения «Лодейное поле» и «Петрозаводск» проработали в таком режиме всю войну. Большие проблемы создавали и так называемые невос- требованные грузы. В феврале 1940 г. на железных дорогах фактически было брошено 15 поездов (821 вагон) со снабжен- ческими грузами, в том числе на Кировской железной доро- ге — 7 поездов (333 вагона), Северной — 4 поезда (234 вагона), Ярославской — 4 поезда (254 вагона), а также 4 оперативных и 1 воинский специальный поезд¹⁷. На выходных участках Сонково — Хвойная, Вологда — Тихвин и других стояли ваго- ны с грузами, которые не требовались войскам. Оба эти участ- ка были забиты поездами с сырьем.

С развертыванием военных действий потребность в люд- ских ресурсах и материальных средствах возрастала. Особенно непростое положение сложилось со снабжением 9-й и 14-й ар- мий. Кировская железная дорога не справлялась с возросшим объемом воинских перевозок. Железнодорожные участки Вологда — Тихвин и Волховстрой — Петрозаводск оказались забиты железнодорожными составами с личным составом, техникой и снабженческими грузами. Темп поступления опера- тивных эшелонов с Октябрьской, Ярославской и Горьковской железных дорог составлял 12–14 поездов в сутки, в то время как на Север ежесуточно могли отправлять только 6–8. Это было связано прежде всего с плохим планированием пере- адресовки оперативных эшелонов на Кировскую железную дорогу. В декабре 1939 г. Генеральным штабом РККА было принято решение о создании военно-автомобильной дороги параллельно действующей железной дороге Волховстрой — Мурманск. Это позволило часть воинских грузов, следовав- ших в адрес 8-й и 9-й армий, доставлять автомобильным транспортом. За период с 6 января по 15 февраля 1940 г. средствами управления этой военно-автомобильной дороги были перевезены: моторизованная кавалерийская дивизия; часть 11-й стрелковой дивизии; четыре маршевых батальона пополнения (в общей сложности свыше 18 тыс. чел.); около 14 тыс. различных воинских грузов. Одновременно было эва- куировано около 4 тыс. раненых и больных¹⁸.

Несмотря на принимаемые меры по увеличению объема перевозок для фронта, размеры подачи материальных средств

войскам оставались неудовлетворительными. В этих условиях был разработан еще один вариант перевозок — комбинированный. Предлагалось соединить военно-автомобильной дорогой станцию «Обозерская» Северной железной дороги со станцией «Сорокская» Кировской железной дороги. Этот вариант использовался в основном для оперативных перевозок. Личный состав доставлялся железнодорожным транспортом до станции «Обозерская», далее — автомобилями до станции «Сорокская», где вновь грузился на железнодорожный транспорт для доставки на Север. Отсутствие грунтовых дорог в этом районе и глубокий снег, не позволявший двигаться пешим ходом вдоль железной дороги, значительно осложняли переброску войск. Еще сложнее дело обстояло с перевозкой тяжелой техники. Танки, трактора и тяжелую артиллерию приходилось отправлять окружным путем по железной дороге, так как техника не могла двигаться 400 км по заснеженной дороге своим ходом. Такая схема перевозки войск и вооружения приводила к тому, что личный состав и техника прибывали в районы сосредоточения в различные сроки. Это снижало боевую готовность частей. Но в тех условиях другого варианта, по-видимому, не существовало.

С 29 февраля по 15 марта 1940 г. автомобильным транспортом этой дороги были перевезены две стрелковые дивизии, одиннадцать лыжных батальонов (всего около 32 тыс. чел.) и более 13 тыс. т снабженческих грузов¹⁹. Совместное использование двух видов транспорта потребовало совершенствования планирования транспортного обеспечения. План перевозок соединений и частей разрабатывался таким образом, чтобы эшелоны с легкой техникой, следовавшие по маршруту Вологда — Обозерская — Сорокская, прибывали под выгрузку раньше эшелонов с тяжелой техникой, следовавших по маршруту Вологда — Волховстрой — Сорокская²⁰.

Для организации материально-технического снабжения и эвакуации раненых и больных, поступавших из армий, действовавших севернее Ладожского озера, решением Ставки Главного командования был создан специальный аппарат тыла, который возглавил интендант 1 ранга М. В. Захаров²¹. С этой целью станция «Волховстрой» была организована как фронтальная распределительная станция с подчинением комен-

датуры военных сообщений начальнику управления военных сообщений Генерального штаба²². В задачу группы планирования входило составление плана работы станции на каждые сутки. По распоряжению Генерального штаба РККА была установлена норма формирования и пропуска поездов через станцию «Волховстрой»: 6 оперативных, 8 снабженческих, из них — 2 поезда с продовольствием и фуражом, 2 поезда с боеприпасами, 2 наливных поезда, 0,5 поезда с обозно-вещевым и другим имуществом, 0,5 поезда автобронетанкового имущества, 1 санитарный поезд, 1 смешанный поезд с грузами для НКВД и НКФлота²³.

Однако выдержать установленную норму не удавалось из-за слабой технической оснащённости станции и несвоевременного поступления запланированных грузов. В отдельные дни на станции «Волховстрой» скапливалось до 900 вагонов с военными грузами²⁴. Ее техническое состояние было явно недостаточным: один парк из 20 путей и несколько тупиков; ограниченные маневренные возможности; плохое водоснабжение и слабая ремонтно-деповская база. Ежедневно станция должна была обрабатывать около 1–1,5 тыс. вагонов различных грузов. Выделить специальный военный парк или отдельные пути не представлялось возможным. Это значительно осложняло работу по формированию воинских поездов. Кроме того, Волховстрой обслуживал и гражданские поезда. Ежедневно на Север проходили: 2 пассажирских поезда, 2–3 строительных, 1–2 с народнохозяйственными грузами; всего до 20 поездов (т. е. выше запланированной нормы)²⁵. Распоряжением начальника Генерального штаба РККА Ярославская, Северная и Кировская железные дороги были подчинены Управлению снабжения северных армий. Были усилены органы военных сообщений на железной дороге, созданы новые военные комендатуры на станциях «Рыбинск», «Сонково», «Хвойная», «Чудово», «Иваново» и др. Эти меры позволили улучшить работу по учету и передвижению воинских грузов к фронту.

Для увеличения объемов перевозок войск и воинских грузов в адрес 8, 9 и 14-й армий были задействованы и другие виды транспорта: организована 1-я военно-автомобильная дорога Волховстрой — Лодейное поле — Питкяранта; принято

решение производить выгрузку личного состава на станции «Волховстрой», далее своим ходом до Петрозаводска, там вновь погрузка на железнодорожный транспорт; подвоз грузов к войскам, прибывающим в адрес 8-й армии по железной дороге, производить автотранспортом непосредственно со станции «Волховстрой»; для доставки войск и грузов на участке Архангельск — Мурманск и Архангельск — Кемь (пристань) задействовали Северный морской путь.

Опыт транспортного обеспечения соединений и частей Красной Армии в ходе войны показывает, что до начала боевых действий многие вопросы не были решены: приграничные районы в транспортном отношении оказались не подготовленными; пропускная способность железных дорог была низкой, их техническое оснащение отсталым; с началом войны транспорт не удалось перевести на режим военного времени; система управления оперативными и снабженческими перевозками не была отработана; отсутствовало четкое взаимодействие между органами военных сообщений РККА и органами управления железных дорог.

¹ Куманев Г. А. Подвиг и подлог: страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2007. С. 53.

² Там же.

³ Советско-финская война. 1939–1940 гг. М. 1999. С. 65–66.

⁴ Отечественная военная история. Т. 2/3. М., 2003. С. 256.

⁵ Материалы военно-научной конференции по вопросам изучения опыта боевых действий Красной Армии в борьбе с белофиннами в 1939–1940 гг. (23–25 июля 1940 г.). Харьков, 1940. С. 84–85.

⁶ Там же. С. 11.

⁷ Там же.

⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 25. Д. 692. Л. 106–107.

⁹ Материалы военно-научной конференции... С. 48–49.

¹⁰ История тыла российских вооруженных сил (XVIII–XX вв.). Кн. 2. СПб., 2000. С. 238.

¹¹ Там же. С. 237.

¹² Материалы военно-научной конференции... С. 51.

¹³ Там же. С. 50.

¹⁴ Материалы военно-научной конференции... С. 51.

¹⁵ Там же. С. 56.

¹⁶ РГВА. Ф. 34980. Оп. 2. Д. 81. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ Автомобильный транспорт в Великой Отечественной войне, перспективы его развития и использования в современной войне. Л., 1960. С. 28.

¹⁹ Автомобильный транспорт в Великой Отечественной войне... Л., 1960. С. 28.

²⁰ История тыла российских вооруженных сил (XVIII–XX вв.). С. 239.

²¹ *Захаров М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 155.

²² История тыла российских вооруженных сил (XVIII–XX вв.). С. 239

²³ Материалы военно-научной конференции... С. 58.

²⁴ РГВА. Ф. 34980. Оп. 2. Д. 81. Л. 4.

²⁵ Материалы военно-научной конференции... С. 58.

Д. А. Журавлев

**МЕДИЦИНСКИЕ РАБОТНИКИ ЛЕНИНГРАДА
В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ
1939–1940 гг.**

Ленинград в 30-е гг. являлся крупным медицинским центром, где были сосредоточены не только научно-практические лечебные учреждения, но и учебные заведения, подготовившие врачей высокой квалификации, а также средний медицинский персонал. Учитывая этот факт, командование ЛВО признало целесообразным призывать в Красную Армию вышеуказанных категорий для заполнения штатной численности формируемых лечебных учреждений и подразделений военно-санитарной службы. Мобилизация врачебного и среднего медперсонала развернулась еще в начале сентября 1939 г.¹, во время проведения военных сборов. При недостатке медработников указанные мероприятия негативно повлияли на работу ленинградского здравоохранения. Однако и прежде отмечались серьезные проблемы, связанные с обеспечением горожан медицинской помощью, что было связано с ранее проведенной частичной мобилизацией медицинского работников. 25 августа 1939 г. на заседании Ленгорздравотдела, где присутствовал заместитель наркома здравоохранения СССР А. С. Колесников, подчеркивалось: «Принцип участковости нарушен — объективные условия, имеется большое количество врачей, отозванных на сборы в Армию, причем этот процент колеблется значительно и достигает 30–40%»². Хотя осенняя мобилизация значительно ослабила систему Ленгорздравотдела, призыву в данное

время подлежали только военнообязанные. В соответствии с мобилизационным планом Ленгорздравотдела было призвано 174 врача общей специальности из различных районов Ленинграда³. Уже на данной стадии обнаружилось отсутствие должного внимания к бронированию медицинского персонала в военное время. Как отмечалось по итогам проведенных в сентябре 1939 г. мобилизационных мероприятий, «плановой работы ввиду недоработанности ряда вопросов и отсутствия в некоторых случаях точной организации не было»⁴.

В период сентябрьской мобилизации стала очевидной низкая эффективность существовавшей системы приписки кадров, а также призыва военнообязанных. На призывные участки явились военнообязанные, составлявшие лишь 65% от планировавшегося состава эвакуогоспиталей⁵. Подобная ситуация складывалась с комплектованием формирований, направляемых для работы на театре военных действий⁶.

Явка приписного состава к моменту развертывания госпиталей проходила крайне неудовлетворительно ввиду отсутствия ряда подлежащих призыву категорий в городе (отпуск, командировка и пр.), место пребывания которых формирующим органам в большинстве случаев было неизвестно. Необходимо отметить, что на призывные участки явились также и те, кто не подлежал мобилизации.

По итогам частичной мобилизации, проведенной осенью 1939 г., было высказано мнение о целесообразности бронирования «необходимых лиц научными, учебными и лечебными учреждениями... в мирное время, т.к. освобождение в военное время ведет к дезорганизации формирований, откуда изымаются эти лица и бесконечные хождения, звонки, посетители, с просьбой освобождения»⁷. Однако соответствующие мероприятия не были проведены. В результате при проведении мобилизации в ноябре 1939 г., а также в ходе советско-финляндской войны процесс комплектования медицинских учреждений проходил крайне неудовлетворительно, на что влияло также отсутствие единой позиции со стороны руководящих органов относительно принципов и объема призыва медперсонала. Начальник Санитарного управления Красной Армии Е. И. Смирнов, характеризует кадровую ситуацию в период бое-

вых действий, отмечал: «В период мобилизации приписка медицинского состава по ЛВО была совершенно нарушена»⁸. В качестве иллюстраций данного тезиса он приводил следующие примеры: не был разрешен вызов медсестер, работавших в оборонной промышленности; указом Генерального штаба были освобождены от мобилизации женщины-врачи, имевшие детей до шестнадцатилетнего возраста, в то время как женщины, имевшие детей старше 8 лет, до этого приписывались к частям и учреждениям. Это негативно отразилось на процессе комплектования медицинских формирований.

Гораздо более ощутимой, прежде всего для городского здравоохранения, была мобилизация, проведенная уже в период боевых действий, когда в условиях недостаточной кадровой численности привлекались те категории медперсонала, которые на военное время были закреплены за гражданскими лечебными учреждениями и могли быть призваны лишь в случае крайней необходимости. По данным Горздравотдела, наравне с мобилизацией личного состава для работы в лечебных учреждениях города было направлено в действующую армию сверх штатного числа 1000 медсестер и 120 хирургов⁹.

Дефицит медицинского персонала в Ленинграде проявлялся также в том, что в мобилизационный период были задействованы кадры УИТЛК (Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний) УНКВД¹⁰, в то время как существовавшие в данной сети закрытые амбулатории не включались в коечный фонд Ленинграда для размещения раненых и больных.

Недостаток соответствующих кадров как в Ленинграде, так и в других районах Северо-Западного региона, а также низкий уровень мобилизационной работы в предвоенный период определили значительные объемы призыва медработников, вне зависимости от их профессионального уровня, специализации и стажа работы. При этом процент призываемых врачей был выше, чем в других категориях медработников, что было связано с тем, что в условиях фронтовой полосы заполнение лечебных учреждений средним медицинским персоналом проходило без особых затруднений. В отношении более квалифицированных кадров ситуация была благополучной только на направлениях, находившихся в зоне крупных городов (Ленинград, Мурманск, Петрозаводск). Отличительной чертой мобилизации, прове-

денной в период боевых действий¹¹, стало возрастание численности женщин, обусловленное привлечением в широких масштабах врачей и медсестер из ленинградских лечебных учреждений. Необходимо отметить, что женщины составляли большую часть врачебного состава, находившегося на учете. Об этом свидетельствуют данные проведенной в предвоенный период проверки — 34% от общего числа составляли мужчины и 66% женщины¹². В дальнейшем наблюдалось увеличение численности последних, чему способствовала существовавшая система подготовки кадров в высших учебных заведениях, а также комплектования лечебных учреждений на период военного времени.

Работу по отправке в действующую армию санитарных формирований и подразделений организовывали постоянные военные госпитали, прежде всего Военно-медицинская академия, направившая на фронт 678 чел.¹³ Активно действовал в данном направлении и Ленинградский Красноармейский военный госпиталь, сформировавший для медицинского обслуживания действующей армии за время боевых действий 225 санитарных учреждений¹⁴.

При развертывании эвакуационных госпиталей был выявлен ряд вопросов, требовавших скорейшего разрешения, в частности, связанных с припиской личного состава. Система комплектования медицинских формирований, вследствие изменившейся обстановки, подвергалась корректировке уже в период активной работы госпиталей. Эвакуационные госпитали, сформированные ленинградским и московским горздравотделами, не были полностью укомплектованы врачебным составом, приписанным через Санитарный отдел ЛВО. В целом ряде случаев отдельные специалисты не соответствовали назначению, так как значительную часть составляли лица, мобилизованные из гражданских учреждений. В то же время многие специалисты использовались не по назначению, те же врачи, которые обладали навыками хирургической работы, не попадали в стационары с данным профилем. При этом их место занимали специалисты другого профиля, не имевшие навыков соответствующей работы, — урологи, педиатры, эпидемиологи, ясельные врачи. Заведующий Ленгорздравотделом Д. А. Энтин так оценивал обстановку:

«Перед началом боевых действий Ленинград уже оказался обескровлен, а кадры очень квалифицированные оказались на местах, где они меньше всего нужны»¹⁵. Организация распределения медицинских кадров по лечебным учреждениям находилась на низком уровне и имела во многом хаотичный характер. Начальник Санитарного управления Северо-Западного фронта в обращении к Е. И. Смирнову, оценивая ситуацию в отношении укомплектования лечебных учреждений личным составом, отмечал, что она «до сих пор носит непланный случайный характер. Я не имею никаких результатов, а приходится проводить ряд формирований, укомплектовывать приходится на фронт части, пополнять боевую убыль»¹⁶. Проблемы в сфере бронирования кадров на военное время обнаружились также и в работе лечебных учреждений, предназначенных для развертывания в войсковом и армейском районах¹⁷. Приписка на административные должности врачей-специалистов, назначение хирургов высокой квалификации на должности начальников госпиталей и прочее было связано с недостаточной системой учета медсостава кадра и запаса в предвоенный период¹⁸.

П. А. Куприянов, являвшийся хирургом-консультантом ЛВО и СЗФ, выступая в Ленинграде в апреле 1940 г., отмечал: «Лечебные учреждения нуждались в срочном пополнении хирургами с практическим стажем самостоятельной работы... приписка хирургов к учреждениям и направление их при мобилизации было осуществлено в целом ряде случаев без учета квалификации и потребности того или иного учреждения в кадрах хирургов в количественном и качественном отношении»¹⁹.

Принимая во внимание ограниченные штаты эвакуационных госпиталей, установленные в соответствии с предвоенными расчетами (а именно 1 врач на 70 больных; 1 медсестра на 65 больных; 1 санитар на 25 больных), не предусматривалось и совершенно отсутствовало обеспечение операционных и перевязочных блоков, приемных покоев с обслуживающим персоналом, как-то: уборщиц, буфетчиц, сестер-хозяек, бельевиц и пр.²⁰, вследствие этого выполнение данных работ возлагалось на другие категории, что отрицательно сказывалось на уровне обслуживания раненых и больных.

Вместе с тем, наряду с недостаточным количеством врачей в медицинских учреждениях Ленинграда, остро ощущался также дефицит среднего и младшего медперсонала. Средний медицинский и обслуживающий персонал, согласно временным штатам НКО, должен был комплектоваться из числа вольнонаемных лиц, но при развертывании эвакуационных госпиталей это было невозможно. Поэтому Ленгорздравотдел прикомандировывал отдельных представителей среднего и обслуживающего персонала гражданских лечебных учреждений из других городов СССР.

11 марта 1940 г. нарком здравоохранения СССР Г. А. Митерев обратился с письмом к секретарю КО при СНК СССР И. А. Сафонову, где, в частности, говорилось: «Проверка развертывания госпиталей показала, что существующие временные типовые штаты НКО не обеспечивают надлежащего обслуживания больных и раненых (в особенности там, где под госпиталь отведено несколько зданий, отделенных друг от друга) и, являясь нежизненными, нуждаются в пересмотре в сторону их увеличения»²¹. Митерев также отмечал, что еще в сентябре 1939 г. измененный проект «Штатов военного времени госпиталей и спецкабинетов при них» был представлен в СУ РККА, однако никаких действий со стороны последнего не последовало. Это, по мнению Митерева, «вызывает на местах развертывания целый ряд затруднений и снижает нормальную работу госпиталей»²².

Существовавшее положение о временных штатах, предусматривавшее обеспечение личным составом исходя из количества коек, без учета профиля эвакуационных госпиталей, становилось причиной возрастания нагрузки на обслуживающий персонал. Только при привлечении ресурсов советских, партийных органов, общественных организаций, а также увеличения нагрузки на медперсонал ленинградских лечебных учреждений работа эвакуационных госпиталей, даже при отсутствии изменений в штатах, протекала удовлетворительно²³.

Сортировочно-эвакуационные госпитали, вследствие значительного объема работы, испытывали в вопросе комплектования кадрами особые сложности. В сортировочно-эвакуационном госпитале (СЭГ) 2307 за счет штатного финансирования содержались исключительно врачи, хирургические медсестры,

буфетчицы и все военнослужащие, остальной медперсонал комплектовался за счет дружинниц РОКК²⁴. Кроме того, за все время существования госпиталя не было разработано и установлено специальных штатов, а также не было выработано особого положения о его работе.

В развертываемых лечебных учреждениях отмечались серьезные трудности с организацией работы и размещения медицинского персонала. 23 декабря П. М. Журавлев направил телеграмму в СО ЛВО, в которой, в частности, говорилось о том, что врачебный персонал в ряде медицинских учреждений Ленинграда «работает с большим напряжением, при этом не обеспечен минимальными условиями. В отделениях нет комнат, кроватей, постельного белья, прочего... Считаю такое положение ненормальным. Предлагаю немедленно принять меры и дать указания начальникам госпиталей поднятых на территории Вашего округа по созданию медицинскому персоналу минимальных условий отдыха после работы»²⁵.

При отсутствии четких указаний со стороны вышестоящих органов, как гражданских, так и военных, городские структуры пытались самостоятельно найти выход из сложившейся ситуации. В одних случаях это достигалось откомандированием работников из других лечебных учреждений Ленинграда, прежде всего находившихся в ведении Ленгорздравотдела, а также групп усиления медперсонала, сформированных НКЗ СССР и РСФСР²⁶. В состав групп усиления входили различные категории лиц, в той или иной степени связанных с лечебным делом. Для работы в СЭГ активно привлекались слушатели 4-го курса ВМА, дежурившие группами по 20–30 чел. ночью, как правило, в период пребывания военно-санитарных поездов, а также в наиболее тяжелые моменты работы и в дневное время, не прекращая при этом учебного процесса²⁷. Активно привлекались для выполнения различных задач, связанных с обеспечением военнослужащих медицинской помощью в Ленинграде, дружинницы СОКК и КП, курсанты ОШ СИ и военно-медицинского училища²⁸.

Середина декабря стала во многом определяющим периодом для функционирования системы лечебных учреждений как в Ленинграде, так и в действующей армии. Именно с 19 дека-

бря отмечается массовый приток дружинниц Красного Креста во фронтовые и прифронтовые медицинские учреждения²⁹. Дружинницы работали практически во всех лечебных учреждениях Ленинграда. Это касалось как тех, кто прошел специальный курс подготовки, так и работавших без отрыва от производства.

В ряде случаев использовалась помощь жен начсостава. Данные меры предпринимались там, где привлечение дополнительных резервов было затруднено. Вместе с тем помощь госпиталям рассматривалась, судя по ряду свидетельств, как почетная обязанность со стороны целого ряда организаций Ленинграда. Для дежурств, которые проходили в клиническом госпитале ВМА, наравне с женами начсостава, сотрудниками управления академии, привлекались также работницы консерватории, Выборгского ДК, Академии оперы и балета, котлотурбинного института, университета им. Кирова, юридического института, управления НКВД, комитета ВЛКСМ при Дворце Труда, Комитета Красного Креста, военкоматов и пр. В общей сложности в указанную работу оказались вовлечены 850 чел.³⁰

При этом неоднократно акцентировалось внимание на добровольном характере указанной работы³¹. Однако есть основания полагать, что подобная инициатива была следствием влияния политических органов. В директиве Политического Управления КБФ об основных задачах политических органов при подготовке к боевым действиям против Финляндии, изданной 25 ноября 1939 г., в пункте, предусматривавшем проведение работы в отношении семей начальствующего состава, говорилось: «Основными задачами политработы с семьями начсостава должно являться разъяснение международной обстановки, хода военных действий, мобилизация жен начсостава на работу в госпиталях и мастерских, организация посылки писем, призывающих мужей к разгрому и уничтожению врага»³².

Замещение в первую очередь обслуживающего персонала лечебных учреждений обеспечивалось также за счет привлечения шефствующих организаций, которые работали в основном в вечернее и ночное время, что объяснялось их занятостью на месте непосредственной работы³³. Распространенной также

являлась практика увеличения нагрузки на работающий состав. В СЭГ 1170 было создано 2 смены, работавшие по 12 часов, частым явлением становилась работа по двое-трое суток и более. Как отмечалось со стороны руководства госпиталя, «вопрос о штатах ставился несколько раз, но не был разрешен полностью»³⁴. Схожая ситуация наблюдалась и в лечебных учреждениях, ранее входивших в подчинение гражданского здравоохранения. Как отмечалось в отчете о деятельности больницы им. С. Перовской, «персонал нес работу без ограничения времени, в целом ряде случаев не выходя из госпиталя по 2–3–е суток»³⁵.

Вместе с тем необходимо отметить, что в этих чрезвычайно трудных условиях, когда нагрузка на медперсонал значительно возрастала, отдельные учреждения сохраняли прежние принципы работы, что свидетельствовало об устойчивости ранее выработанной практики. Медицинский персонал больницы им. С. Перовской работал и в других лечебных учреждениях, «чтобы выработать свои ставки прожиточного минимума, так как ставка гражданского врача меньше ставки медсестры военных госпиталей»³⁶. Заведующий хирургическим отделением больницы им. 25 Октября совмещал свою непосредственную работу с руководством хирургическим сектором в эвакуационном госпитале³⁷. Этот факт интересен тем, что и в таких условиях появилась сама возможность для подобной практики, существовавшей и в предвоенный период, однако прежде вызывавшей осуждение ввиду ее незаконного характера. Совместительство было выгодно как для развертываемых госпиталей, так и для медицинских работников, у которых появлялся шанс для дополнительного заработка, лишь в том случае, если совместительство не было директивным прикреплением в порядке нагрузки к основной деятельности.

С началом развертывания госпиталей в ЛВО был издан приказ НКО СССР, согласно которому оклад для вольнонаемного санитара был установлен в размере 200–225 руб., тогда как оклад санитара по городской сети составлял 110 руб.; оклад медсестры по приказу НКО в зависимости от стажа работы был равен 400–450 руб., по ставкам гражданских лечебных учреждений – 200–225 руб. Такая же тенденция была

характерна и для других категорий медицинских работников⁴⁸. Сложившаяся ситуация являлась очевидным стимулом для вольнонаемного состава к совмещению либо полному переходу на работу в госпитали военного ведомства и, кроме того, стремления руководства лечебного учреждения, развернутого органами гражданского здравоохранения, перейти в подчинение военного ведомства. Данное обстоятельство, наравне с отдельными положительными моментами, как заполнение вакантных мест в развернутых медицинских учреждениях, являлось отрицательным для гражданского здравоохранения.

Таким образом, зачастую использовались не всегда эффективные методы решения возникших проблем, поскольку часть вышеназванных мероприятий можно было осуществить, не проводя кардинальных изменений в сложившейся системе. Более эффективным могло явиться перераспределение медперсонала между лечебными заведениями города, однако подобная мера не была осуществлена вследствие отсутствия точных данных относительно потребностей действующей армии, а также собственных ресурсов.

При рассмотрении вопроса, связанного с работой медицинского персонала Ленинграда, необходимо остановиться и на особенностях их профессиональной деятельности, так как это позволяет рассмотреть уровень подготовки к работе в условиях военного времени. Уровень подготовки, а также характер наличных знаний и навыков медицинских кадров, прежде всего гражданских врачей, практически не знакомых со спецификой работы в военных условиях, не отвечали требованиям, предъявляемым к медицинским работникам в сложившейся обстановке. На совещании начальствующего состава санитарной службы ЛВО в апреле 1940 г. Н. Н. Бурденко охарактеризовал ситуацию в данной сфере следующим образом: «Вопрос кадров в общесоюзном масштабе пока еще продолжает оставаться узким местом — мало врачей и мало у них знаний, а вернее практических навыков. Также стоит вопрос и с подготовкой среднего и низшего медперсонала»³⁹. Подготовку врачей, призванных в армию в период боевых действий, Бурденко оценивал следующим образом: «В отношении мобилизованных врачей из запаса нужно

большинство их признать слабо подготовленными, а иногда и абсолютно неподготовленными»⁴⁰. В итоге на примере работы ленинградских медицинских учреждений, а именно их личного состава удалось выявить отдельные особенности подготовки разных категорий медперсонала в перспективе будущих боевых действий. В докладе о состоянии готовности санитарной службы ЛВО отмечалось: «Существующая система пополнения и подготовки медсестер запаса в системе РОКК, медицинских техникумов, медвузов и ГИДУВ не обеспечивают задачи, которые будут поставлены перед этими работниками в военное время»⁴¹. Основными причинами сложившейся ситуации военно-санитарной службой округа признавались: отсутствие дифференцированного подхода к подготовке всех гражданских медицинских работников — «все они готовятся “вообще”, без учета места своей работы в военное время»; неудачный подбор большей части преподавательских кадров, «почти полностью совместителей, оторванных от жизни Красной Армии»; недостаток основного санитарного имущества; потеря теоретических знаний и практических навыков у окончивших курсы медсестер РОКК и специализации по сопредельным с Государственным институтом дополнительного усовершенствования врачей вследствие отсутствия у подавляющего большинства возможности работать по специальности.

Представить общий уровень подготовленности членов оборонных организаций к предстоящим боевым действиям позволяет также следующий факт. При подведении итогов работы СОКК и КП в мае 1940 г. одна из дружинниц отмечала: «Мы не знали, что собой представляют ранения и никогда не видели раненых, никогда не видели больших ран»⁴². Одна из санитарных дружинниц следующим образом описывала особенности работы в период боевых действий: «...мы практиковались лишь на совершенно здоровых людях. Практики в больнице мы не имели, и в первые дни в госпитале наши девушки боялись подходить к раненым»⁴³.

Мобилизация медработников привела к тому, что уже в декабре 1939 г. стал остро ощущаться дефицит как специалистов, так и неквалифицированных кадров в лечебных учреждениях Ленинграда. Кроме того, врачебный состав ленинградских

стационаров был привлечен для работы в призывных комиссиях. Мобилизация медперсонала часто проходила без ведома Ленгорздравотдела. Горвоенкомат, действуя согласно имевшимся предписаниям, призывал в действующую армию работников больниц и поликлиник, предварительно не уведомляя руководство городского здравоохранения. Это не могло не сказаться на уровне медицинской помощи, оказываемой в городе. Осложнилась ситуация с особо дефицитными специальностями (отоларингологами, окулистами, рентгенологами, хирургами). Вызовы к больным выполнялись несвоевременно, с опозданием на день и более, кроме того, часть вызовов обслуживалась средним медицинским персоналом. Недокомплект врачей по квартирной помощи составлял в среднем 50% в детской и взрослой сети. В Петроградском районе по 34-й поликлинике на 4 марта 1940 г. оставались невыполненными 60 вызовов. Такое же положение складывалось и в Октябрьском районе — невыполнение вызовов в среднем было от 50 до 60 ежедневно⁴⁴.

28 февраля 1940 г. А. С. Колесников сообщал П. С. Попкову: «Опыт показал, что для выполнения задачи полного обеспечения медкадрами всех проводимых оборонных мероприятий, а также обеспечения бесперебойной работы лечебно-санаторной сети, обслуживающей гражданское население, органы здравоохранения на местах оказались совершенно неподготовленными, в результате чего снижалось качество медицинского обслуживания гражданского населения, а в отдельных случаях лечебно-санитарные учреждения становились неработоспособными»⁴⁵. Колесников отмечал также, что довольно часто после мобилизации медперсонала «прямо на ходу» производилась замена, перераспределение и другие мероприятия, «носившие исключительно случайный характер и лишенные самой элементарной предварительной плановости»⁴⁶. Данное явление имело двойственное значение: с одной стороны, это негативно влияло на систему здравоохранения; с другой стороны, подобный механизм решения сложных вопросов был наиболее эффективным в данных условиях. Обстановка осложнялась также несоответствием реальной численности медперсонала штатной по всей системе здравоохранения в предвоенный период.

Мобилизация медицинских работников отрицательным образом отразилась на работе крупных гражданских стационаров. За 1940 г. в больнице им. Коняшина отмечалось большое число ошибочных диагнозов, которые приводили к негативным последствиям, что объяснялось сокращением прежде всего врачебного состава данного учреждения в связи с призывом в ряды РККА, а также увеличением нагрузки на оставшийся персонал⁴⁷.

Отмеченные выше проблемы во многом были предопределены предвоенным периодом, поскольку не были регламентированы основные механизмы деятельности гражданского здравоохранения в период военных действий, не была предусмотрена соответствующая система перехода к работе в новых условиях. В военное время эта тенденция привела к нарушению нормального функционирования города, вследствие чего были найдены новые механизмы регулирования численности медицинских работников, отличительной чертой которых являлось широкое использование труда вольнонаемного медицинского состава, дружинниц Красного Креста, а также горожан. Кроме того, более широкой стала практика увеличения нагрузки на персонал. Подобное явление следует рассматривать как экстенсивный способ решения проблемы, но вместе с тем он являлся наиболее простым в условиях больших нагрузок, требовавших адекватной реакции в короткие сроки, что в конечном итоге позволило совместными условиями военно-медицинской службы и гражданского здравоохранения выполнить важную задачу по оказанию медицинской помощи раненым и больным военнослужащим Красной Армии.

¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 9156. Оп. 4. Д. 933. Л. 37.

² Там же. Д. 43. Л. 6.

³ Архив Военно-медицинского музея (ВММ). Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 6. Л. 48.

⁴ Там же. Л. 50.

⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 44833. Д. 2. Л. 40.

⁶ Так, армейские санитарные учреждения были укомплектованы врачами всех специальностей на 73,1%, а средним медицинским персоналом — на 74,2%. (Там же. Л. 24).

⁷ Там же. Л. 43.

⁸ Там же. Оп. 35482. Д. 2. Л. 123.

- ⁹ ЦГА СПб, Ф. 7384. Оп. 4. Д. 35. Л. 152.
- ¹⁰ ВММ. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 5. Л. 438.
- ¹¹ ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп. 4. Д. 931. Лл. 63–64.
- ¹² Желиховский Е.Н., Черняк И.М. Система медицинского обеспечения войск Советской Армии, сложившаяся к началу Великой Отечественной войны. Б. г. С. 2.
- ¹³ Гонгаров П.П. Очерки истории Военно-медицинской академии в послеоктябрьский период. Л., 1968. С. 118.
- ¹⁴ Сборник научных трудов Ленинградского Окружного военного госпиталя. Л., 1946. С. 10.
- ¹⁵ ВММ. Ф. 5747. Оп. 13822. Д. 1. Л. 56.
- ¹⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 35482. Д. 13. Л. 1.
- ¹⁷ В своем письме в Санитарное управление РККА полковник М.А. Резцов 30 апреля 1940 г. следующим образом описывал наблюдаемую им картину в сфере комплектования медицинских учреждений действующей армии: «В полках нередко приходилось наблюдать по специальностям таких врачей, которые там совершенно не нужны, бесполезные и даже вредны. Чем могут быть полезны психиатры, невропатологи, эпидемиологи или даже гинекологи в полках?.. Между тем в госпиталях и вообще в стационарах не достает как раз психиатров, невропатологов, ушников и других узких специалистов» (Там же. Оп. 47450. Д. 11. Лл. 143–143 об.).
- ¹⁸ Желиховский Е.Н. Указ. соч. С. 9.
- ¹⁹ Архив ВММ. Ф. 1. Оп. 7401. Д. 1. Л. 182.
- ²⁰ Там же. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 3. Л. 59.
- ²¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8418. Оп. 24. Д. 1486. Л. 40.
- ²² Там же.
- ²³ Архив ВММ. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 3. Л. 60.
- ²⁴ Там же. Ф. 141. Оп. 2339. Д. 1. Л. 28.
- ²⁵ Там же. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 5. Л. 76.
- ²⁶ Архив ВММ. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 3. Л. 54.
- ²⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 7401. Д. 11. Л. 266.
- ²⁸ Там же. Д. 8. Л. 143.
- ²⁹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 12. Д. 9. Л. 19.
- ³⁰ Архив ВММ. Ф. 1. Оп. 7401. Д. 11. Л. 158.
- ³¹ Там же. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 5. Л. 137.
- ³² Тайны и уроки Зимней войны, 1939–1940. СПб., 2002. С. 96.
- ³³ Архив ВММ. Ф. 1. Оп. 7401. Д. 11. Л. 292.
- ³⁴ Там же. Д. 8. Л. 143.
- ³⁵ Там же. Ф. 141. Оп. 1680. Д. 15. Л. 26.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп. 4. Д. 286. Л. 153.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 24. Д. 1401. Л. 17.

- ³⁹ Архив ВММ. Ф. 1. Оп. 7401. Д. 1. Л. 13.
- ⁴⁰ Там же. Л. 14.
- ⁴¹ Там же. Оп. 7585. Д. 1. Л. 11.
- ⁴² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 12. Д. 33. Л. 10 об.
- ⁴³ Там же. Л. 25.
- ⁴⁴ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 4. Д. 35. Л. 157.
- ⁴⁵ Там же. Л. 143.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. Д. 290. Л. 140.

В. Г. Макуров

**КАРЕЛИЯ В ПЕРИОД ПОЗИЦИОННОЙ ВОЙНЫ
1942–1943 гг.**

Прошло 65 лет после карельских событий 1942–1943 гг. Этому периоду истории Карелии посвящен ряд научных, популярных, публицистических, журналистских и документальных публикаций.

В 1942 г. на всех фронтах ситуация изменилась, что потребовало разработки новых стратегических планов. Советское руководство оценило создавшуюся обстановку как благоприятную для проведения ряда наступательных операций. После жесткого отпора натиска немецких войск под Москвой Красная Армия развернула общее наступление силами нескольких фронтов. Не имея превосходства над противником, она добилась определенных успехов, «однако это достижение не стало решающим, ибо ни на одном из стратегических направлений советское командование не достигло поставленных целей»¹.

На Карельском фронте с 1942 г. наступил новый этап боевых действий — период стабильной позиционной обороны. В течение почти двух с половиной лет советские войска удерживали свои позиции от Баренцева моря до реки Свирь, не только сковывали здесь большие силы противника, но и предпринимали наступательные действия. Так, уже с 3 по 10 января 1942 г. Масельгская и Медвежьегорская оперативные группы провели Медвежьегорскую наступательную операцию с целью окружения и ликвидации крупной группировки финских войск, обладавших существенным военным превосходством. В связи

с тяжелой обстановкой под Ленинградом Ставка Верховного Главнокомандования (далее: ВГК) уменьшила сроки, предложенные фронтом для подготовки операции, с 15 до 4 дней. Это не могло не сказаться на осуществлении намеченных планов.

3 января части Масельгской оперативной группы перешли в наступление, однако оно шло не так успешно, как намечалось. Шестая стрелковая дивизия наступала около селения Великая Губа. Глубокий снежный покров местности и бездорожье затрудняли использование танков. Враг отчаянно сопротивлялся. К исходу первого дня наступления 298-й стрелковый полк смог овладеть населенным пунктом Великая Губа, причем бойцы и командиры полка проявили исключительное мужество и героизм. Тяжелые бои вела 289-я стрелковая дивизия. Успешнее действовал 1046-й стрелковый полк, которому удалось вклиниться в оборону противника более чем на километр. 367-я стрелковая дивизия продвинулась на 2–3 км. Однако, несмотря на отдельные прорывы, задачу первого дня наступления Масельгская оперативная группа не смогла выполнить полностью, поскольку не получила должной артиллерийской и авиационной поддержки.

Части Медвежьегорской оперативной группы в первый день вели разведку боем. Более успешно это сделали подразделения 1070-го стрелкового полка 313-й стрелковой дивизии. Они преодолели Беломорско-Балтийский канал и углубились в оборону противника до 6 км, выйдя на северо-восточную окраину города Повенца. Когда на одном из рубежей сильный пулеметный огонь остановил воинов, старшина Петр Швечиков приблизился к вражескому дзоту и гранатой уничтожил пулемет. Солдат погиб, но обеспечил продвижение войск вперед.

На второй день Масельгская оперативная группа продолжала наступление, а Медвежьегорская должна была овладеть Повенцом. Однако финское командование, подтянув в ночь на 4 января свои ближайшие резервы, предприняло ряд сильных контратак для захвата селения Великая Губа. Противнику удалось вклиниться в расположение советских войск и выйти в тыл 290-го стрелкового полка. Моряки пошли в рукопашную

схватку с противником, который не выдержал стремительного натиска и был отброшен от Великой Губы.

На следующий день Масельская оперативная группа продолжала вести упорные бои. Враг оказывал сильное сопротивление и войскам Междвежьегорской оперативной группы. 6 января 1942 г. основные события развернулись на подступах к Повенцу, где наступали 71-я и 313-я стрелковые дивизии. К исходу дня советские подразделения временно прекратили атаки и перешли к обороне. Наступление войск Масельской оперативной группы развивалось также медленно. Каждый метр отвоеванной у противника земли давался им ценой большого напряжения.

Несмотря на высокий наступательный порыв, советские части продолжали испытывать большие трудности. Сосредоточив крупные силы западнее Великой Губы, финские войска потеснили 186-ю стрелковую дивизию. Попытки Масельской оперативной группы продолжить наступление успеха не принесли. С подходом резервов противника соотношение сил еще больше изменилось в его пользу. Поэтому по просьбе командующего фронтом Ставка ВГК 10 января разрешила прекратить наступление². Тем не менее итоги наступления левого крыла войск Карельского фронта на Медвежьегорском направлении имели важное значение. Советские части продвинулись на запад от 2 до 5 км, освободили ряд населенных пунктов и улучшили свои позиции.

В марте военно-политическое руководство СССР разрабатывало решения, определившие советскую стратегию на 1942 г. Тогда же Ставка ВГК приняла решения о дальнейших действиях войск Карельского фронта, хотя наиболее оптимальным, вероятно, было бы укрепление обороны удерживаемых северных рубежей. Войскам следовало оправиться от понесенных в 1941 г. потерь, создать необходимые резервы и запасы, обучить новые пополнения умелым действиям не только в обороне, но и в наступлении. Однако Сталин, в целом поддерживая предложение Генштаба о переходе Красной Армии к стратегической обороне, одновременно отдал распоряжение о проведении весной 1942 г. по всему фронту, от Мурманска до Севастополя, серии наступательных операций. Окончательно такой план действий приняли Ставка ВГК и Государственный Комитет

Обороны (далее: ГКО) в конце марта 1942 г. Тогда же утвердили и сроки наступления на Карельском фронте — не позднее второй половины апреля.

Накануне упомянутого выше совместного заседания Ставки ВГК и ГКО командующий Карельским фронтом генерал-лейтенант В. А. Фролов был вызван для доклада в Ставку, где доложил о состоянии дел на фронте. В. А. Фролов в своих воспоминаниях писал: «И. В. Сталин, выслушав доклад и предложение наступать с целью освобождения Карелии, сказал, что, конечно, Петрозаводск и Карелию освобождать надо, но в настоящее время главным врагом являются немцы, и поэтому войскам Карельского фронта надо наступать на севере против группировки немецко-фашистских войск. Было решено, что наступление будет вестись на Мурманском и Кестеньгском направлениях, и при удачном развитии операции следующим этапом будет кандалакшское направление... В своем докладе о положении дел на фронте я обратил внимание на недостаток вооружения, на отсутствие резервов, другие нужды фронта»³.

Увеличение численности войск фронта позволило Ставке ВГК весной 1942 г. вместо оперативных групп сформировать три новые общевойсковые армии: 19, 26 и 32-ю. Планировалось проведение ряда наступательных операций. В частности, второй директивой Ставки ВГК от 27 марта 1942 г. командующему Карельским фронтом приказывалось: «С целью усиления обороны порта Мурманск, Мурманской и Обозерской железных дорог до наступления летнего периода нанести поражение немецким и финским войскам, действующим против Карельского фронта, и отбросить их на запад...»⁴

В соответствии с замыслом Ставки ВГК войска 14, 26 и 19-й армий должны были в результате операции полностью изгнать противника из Мурманской области и освободить часть Северной Карелии, отбросив немецко-финские части Кестеньгского направления на 70–80 км от Кировской железной дороги. Северная сухопутная граница Советского Союза была бы восстановлена на протяжении почти в 500 км. Как видно, операция в случае успеха принесла бы не только военные результаты частного характера, обеспечивающие усиление «обороны порта Мурманск, Мурманской и Обозерской железных дорог», но и могла иметь определенные итоги политиче-

ского значения, психологический и пропагандистский эффект: враг разгромлен и полностью изгнан в одном из районов СССР за пределы государственной границы.

Однако к назначенному сроку наступления (15 апреля) в распоряжение фронта из обещанных ВГК сил прибыли только стрелковые части. Поступление средств усиления и авиационных ударных групп задерживалось на неопределенное время. В силу названных причин сроки наступления пришлось переносить. В условиях весны это ставило наши войска перед серьезными проблемами, связанными с трудностями в передвижении и снабжении наступающих соединений. Так, на Мурманском направлении наблюдались большие климатические перепады, войскам следовало вести наступление в самый разгар весенней распутицы.

По плану командования, 14-я армия должна была перейти в наступление первой. Однако оказалось, что система обороны противника, расположение его огневых точек недостаточно разведаны. К тому же в этом районе отсутствовали дороги, необходимые для обеспечения наступающих частей снаряжением и вооружением. Несмотря на это, главный удар планировалось нанести именно на левом фланге армии. Поэтому в последующие дни подразделения армии проводили разведку боем и вместе с саперными частями прокладывали дорогу. Окончательный срок перехода в наступление под Мурманском был назначен на 28 апреля. Однако и к этой дате не удалось решить все вопросы с обеспечением войск. Имевшееся численное превосходство 14-й армии было недостаточным для наступательных действий. Кроме того, немцам стало известно о готовящемся наступлении Красной Армии под Мурманском, что позволило им принять соответствующие меры к его отражению⁵.

Двадцатьшестая армия должна была проводить операцию после начала наступления под Мурманском. Однако ее войска пошли вперед на 4 дня раньше. К 20 апреля была завершена перегруппировка сил, было построено 38 км гужевого дорог. Армия получила новые автоматы, в ее состав прибыли артиллерийские части усиления. Задерживалось поступление танков, а также пополнение в сухопутных и авиационных частях.

Таким образом, к началу наступления в обеих армиях не имелось достаточных предпосылок для успешного осуществления операции. Войска испытывали недостаток боеприпасов, боевые действия начинались в условиях весенней распутицы и бездорожья. При этом некоторое превосходство в силах имела только 26-я армия, 14-й армия имела незначительный перевес над противником.

Перед 26-й армией ставилась задача к исходу первого дня наступления сломить сопротивление противника и продвигнуться на глубину до 3–5 км, создав тем самым условия для окружения группировки врага и его уничтожения. На участке 23-й горно-стрелковой дивизии к исходу первых суток войска продвинулись вперед лишь на 1–2 км. 263-я стрелковая дивизия наткнулась на сильную оборону противника и не смогла пройти дальше проволочных ограждений. Ночью 25 апреля в расположение армии прибыло подкрепление. В бой было введено 3 танка «КВ» и 3 танка «Т-34», поскольку условия местности не позволяли использовать большее количество машин. На следующий день наступление на участке дивизии было приостановлено. В результате 5-дневных боев 26-я армия не смогла выполнить поставленной задачи. После перегруппировки и усиления войск основной удар решили нанести на правом фланге армии. Третьего мая ее части перешли в наступление, в течение трех дней пытались прорвать оборону противника и выйти на шоссе Лоухи–Кестеньга, однако все усилия оказались безуспешными, и после кровопролитных боев 6 мая атаки прекратились.

На правом фланге ударной группировки наши части двигались на юг западнее дороги Окунева Губа–Кестеньга с задачей овладеть поселком Кестеньга. Однако, совершая обходной маневр, они оставляли открытыми свои фланги. Противник воспользовался этим. С 5 мая сведения от советских частей перестали поступать. Только к исходу 6 мая из отрывочных радиограмм выяснилось, что они ведут бой в окружении в 4-х км северо-западнее Кестеньги. Мелкими группами, неся потери, они стали пробиваться из окружения, израсходовав к тому времени продукты и боеприпасы.

7 мая подразделения 298-го и 290-го СП продолжили безуспешно атаковать укрепленный район противника, через

который проходила дорога на Кестеньгу. В тот же день командующий фронтом В. А. Фролов прибыл в расположение 26-й армии. После того как ему доложили обстановку, он отдал распоряжение о переходе армии к обороне, чтобы после перегруппировки и усиления войск вновь возобновить операцию. Утром 10 мая наши войска вновь двинулись вперед, но в течение дня успеха не добились. Вечером пришло указание Ставки ВГК о приостановлении наступления, а 11 мая 1942 г. — дополнительная директива об этом.

Операция по разгрому войск противника на Севере не прекращалась, а только приостанавливалась. Однако весной и летом советские войска подверглись новым суровым испытаниям — поражение на Харьковском направлении, в Крыму и под Ленинградом. Выход врага в районы Воронежа, Сталинграда и предгорьям Кавказа, захват им районов Дона, Кубани, Нижней Волги. В результате советские фронты понесли большие потери. Эти события и начавшаяся битва за Сталинград надолго отвлекли внимание Ставки от операций на Карельском фронте.

Следует добавить, что по плану операции на Мурманском направлении войска 14-й армии должны были путем охвата обоих флангов противника окружить и уничтожить части 6-й немецкой дивизии, а затем развить удар в тыл противника на перешейке полуострова Средний и выйти на государственную границу от побережья губы Малая Волоковая до озера Чапр. Одновременно на правом фланге войскам предстояло высадиться на южном побережье Мотовского залива и при поддержке кораблей Северного флота наступать в полосе шириной до 6 км вдоль губы Западная Лица.

Двадцать восьмого апреля началось наступление 14-й армии. К исходу первого дня фланговые ударные группировки по плану должны были продвинуться на 5–6 км⁶. Эту задачу выполнил только десантировавшийся 12-й батальон механизированного полка. Наступавшая на левом фланге 10-я горно-стрелковая дивизия, встреченная плотным огнем обстрелом, не смогла полностью прорвать оборону противника, хотя обошла вражеский узел сопротивления и продвинулась на север до 3 км.

Таким образом, ситуация здесь складывалась подобно той, которая была пятью днями раньше на Кестеньгском направлении. Несмотря на то что на флангах армии было некоторое продвижение, оборону врага сломить не удалось. Тем временем противник спешно перебрасывал в район боевых действий свежие резервы. Наши войска в силу крайне плохих погодных условий утратили должную боеспособность и 7 мая отошли с передовой линии в район сосредоточения, где имелись землянки для размещения личного состава. Ситуация складывалась достаточно сложной. К 10 мая, ввиду бездорожья, движение транспорта почти полностью прекратилось. Передвигаться могли только олени и собачьи упряжки, но они имелись не во всех частях и не могли полностью обеспечить потребность войск. Десятого и одиннадцатого мая поступили директивы Ставки ВГК, в соответствии с которыми наступление приостанавливалось, армия должна была закрепиться на достигнутых рубежах.

Генштаб РККА, проанализировав ход и результаты весенних операций на Карельском фронте, направил информацию об этом в штабы всех фронтов и армий. В документе, в частности, сказано: «...в результате боев обе армии (14-я и 26-я) не добились выполнения поставленных перед ними боевых задач и после незначительных местных успехов приостановили наступление и закрепляются на достигнутых рубежах. Основной причиной малого успеха наступательных операций... нужно считать неподготовленность операций, особенно по вопросам материального обеспечения, в результате чего наступающие войска уже в начале операций оказались без боеприпасов»⁷.

Тем не менее надо отметить, что в результате этих операций срывались планы немецко-фашистского командования по захвату Мурманска и Кировской железной дороги и противнику был нанесен ощутимый урон на Севере.

Очевидно, планируя наступление войск Карельского фронта, Ставка ВГК предполагала, что немецкое командование повторит наступление в Карелии и Заполярье в предстоящей летней кампании 1942 г., и рассчитывала нанести превентивный удар. Такой план вписывался в общую схему действий большинства фронтов весной 1942 г.: перейдя к стратегической обороне, провести наступательные операции.

В то же время перспективы ведения войны на Севере немецкое верховное командование ставило в зависимость от развития обстановки на юге, и успешно начавшееся в конце июня немецкое наступление на южном направлении позволило Гитлеру поставить задачу войскам 20-й горной армии на севере Карельского фронта по проведению осенью 1942 г. операции по захвату Кировской железной дороги и Мурманска⁸. Однако, как известно, на юге немцам не удалось достичь намеченных целей, и планы по захвату Мурманска и Кировской железной дороги окончательно были перечеркнуты в результате решающей победы советских войск в битве за Сталинград.

Апрельско-майское наступление 14-й и 26-й армии Карельского фронта не привело к утрате противником боеспособности. В целом соотношение сил воюющих сторон не изменилось. Однако обе операции не остались безрезультатными. Они позволили выявить имеющиеся в наших войсках недостатки в организации и ведении наступления. Командование и бойцы получили необходимый опыт боев в условиях Заполярья и Карелии, который был проанализирован, как и причины невыполнения задач, поставленных перед 14-й и 26-й армиями.

Причины невыполнения боевых задач на Карельском фронте были названы в уже упомянутой ранее информации Генштаба РККА: «Основной причиной малого успеха наступательных действий, — констатировал начальник Оперативного управления Генштаба генерал А. М. Василевский, — нужно считать неподготовленность операции особенно по вопросам материального обеспечения, в результате чего наступающие войска уже в начале операции оказались без боеприпасов»⁹. Очевидно, решение, принятое на основе переоценки собственных сил и возможностей и недооценки потенциала противника в 1942 г., привело к логическому исходу наступления. Части Красной Армии на Карельском фронте встретили не «потуги разболтанной ржавой машины Гитлера», которая не в состоянии «сдержать напор Красной армии»¹⁰, как охарактеризовал немецкие войска И. В. Сталин в конце февраля 1942 г., а организованное сопротивление хорошо отлаженного механизма немецких и финских войск. От оши-

бочной оценки Верховным Главнокомандованием возможностей своей армии и противника логически потянулась нить к просчетам в планировании операций Карельского фронта. Войскам были поставлены задачи, не соответствующие их возможностям на весну 1942 г.

По результатам боев были сделаны выводы, переданные в штаб фронта. В частности, предлагалось иметь при прорыве укрепленной полосы противника не менее чем четырехкратное общее превосходство в силах. Для подавления огневых точек необходимо было увеличить норму расхода боеприпасов, а орудий на один километр фронта иметь не менее 70–80. Танки использовать и тяжелые, и легкие: легкие — для обхода противника, тяжелые — для прорыва его обороны. Особое внимание рекомендовалось уделить действиям авиации с использованием самолетов-корректировщиков. В качестве главного средства связи в войсках использовать радиосвязь. Особое внимание обращалось на одиночную подготовку бойцов и мелких подразделений¹¹.

Очевидно, основная причина неудач наших войск кроется в самой идее проведения наступательных операций, поскольку на тот период Красная Армия и, в частности, войска Карельского фронта не имели достаточной подготовки для выполнения широкомасштабных задач. Красная Армия, понеся тяжелые потери в оборонительных боях 1941 г., к апрелю 1942 г. не смогла полностью восполнить урон, не были накоплены достаточные запасы боеприпасов, вооружения, продовольствия. У командного состава и войск отсутствовал опыт ведения наступательных операций. Прибывавшие из тыла вновь сформированные воинские части (морские стрелковые бригады, лыжные батальоны) имели недостаточный уровень боевой и политической подготовки, вследствие чего требовалась большая работа по доведению их состояния до уровня, соответствующего требованиям войны в Заполярье и Карелии.

Тем не менее Кестеньгская и Мурманская наступательные операции сорвали планы противника по захвату Мурманска и станции Лоухи Кировской железной дороги, помогли обороне Ленинграда и улучшили позиции советских войск на отдельных участках Карельского фронта. Только на Кестеньгском

направлении отборные части немецкой дивизий СС «Север» потеряли до 5000 солдат и офицеров убитыми. Неизмеримо возросло боевое мастерство, техническая оснащенность наших частей, была проведена подготовка к решительному наступлению по освобождению Севера от немецких и финских захватчиков.

В условиях стабилизации обстановки на Карельском фронте велись не только крупные наступательные операции (Медвежьегорская, Кестеньгская, Мурманская), но и боевые действия частных масштабов. Так, 15 сентября 1942 г. две роты 289-й стрелковой дивизии 32-й армии захватили у противника две господствующие высоты в районе разъезда 14-й. В течение четырех дней советские воины держали оборону и смогли удержать захваченные позиции, несмотря на многочисленные контратаки превосходящих сил финнов. В ожесточенных боях здесь пали смертью храбрых политрук М. Т. Костенко и сержант С. Т. Тюрпека. Приказом командования Карельского фронта от 6 ноября 1942 г. эти высоты были названы именами героев.

Триста пятнадцатая стрелковая дивизия активными действиями разведывательных групп и снайперов, а также артиллерийско-минометным огнем за 1942 г. вывела из строя 3000, а за 1943 г. — 2500 вражеских солдат и офицеров. Двести восемьдесят третья стрелковая дивизия в 1942–1943 гг. вывела из строя около 10 000 солдат и офицеров противника. Тридцать третья отдельная бригада во второй половине 1943 г. успешно провела три частных операции, разгромив три гарнизона противника, провела три разведки боем и обезвредила 71 попытку проникновения через фронтную линию вражеских разведчиков¹².

Двадцать пятого июля 1943 г. совершил свой подвиг сержант Николай Варламов. С первых дней войны он, бывший рабочий Онежского завода, встал в ряды защитников Родины в составе 71-й стрелковой дивизии. Осенью 1941 г. был тяжело ранен под Медвежьегорском, после лечения в госпитале добился направления на передовую и стал командиром роты 27-й стрелковой дивизии, оборонявшей Ребольское направление. При штурме вражеского укрепленного опорного пункта у реки Онда его подразделение попало под пулеметный огонь

из вражеского дзота. В критический момент сержант Варламов своим телом закрыл амбразуру дзота, а его бойцы ворвались в опорный пункт и разгромили вражеский гарнизон. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1943 г. Н. Г. Варламову присвоено звание Героя Советского Союза¹³. Такие примеры героизма, проявленные в период стабильной обороны на Карельском фронте, были нередкими.

Высокую активность проявляли воины всех родов войск. Под руководством военных инженеров систематически укреплялись и совершенствовались оборонительные сооружения. Умелым организатором инженерного обеспечения боевых действий войск в ходе оборонительных сражений проявил себя Н. В. Огарков, позднее — первый заместитель министра обороны СССР, начальник Генерального штаба Вооруженных сил, маршал Советского Союза. Личное мужество и высокие организаторские способности в управлении бронетанковыми войсками проявил С. Л. Соколов, начальник штаба управления командующий бронетанковыми и механизированными войсками Карельского фронта, позднее — первый заместитель министра обороны СССР, маршал Советского Союза.

«Артиллеристы и минометчики, — пишет в своих воспоминаниях маршал артиллерии командующий ракетными войсками и артиллерией сухопутных войск Г. Е. Передельский, — систематически уничтожали живую силу противника, его боевую технику и огневые средства, разрушали оборонительные сооружения». Он отмечает, что в период позиционной войны на Карельском фронте для уничтожения вражеских целей широко применялись орудия для стрельбы прямой наводкой. Г. Е. Передельский в числе отличных артиллерийских снайперов называет командира орудия сержанта И. Кабанена, карела по национальности. Личный состав этого орудийного расчета под огнем противника прямой наводкой разрушил более десятка дзотов и уничтожил большое количество огневых средств и живой силы врага. Отважный командир орудия был награжден орденами Славы и Красной Звезды¹⁴.

Авиация Карельского фронта и Северного флота систематически наносила удары по объектам противника. Так, за годы войны летчик А. С. Хлобыстов совершил 266 боевых вылетов, провел 16 воздушных боев, в которых лично сбил 4 и в группе

6 вражеских самолетов. В одном из боев он совершил два тарана. Высокого звания Героя Советского Союза А. С. Хлобыстов был удостоен 6 июня 1942 г.

В небе Севера стал мастером воздушного боя летчик П. С. Кутахов. К осени 1943 г. число вражеских самолетов, сбитых с участием Героя Советского Союза П. С. Кутахова, достигло сорока машин. Полк, которым он командовал, воспитал 10 Героев Советского Союза, часть стала гвардейской. Позднее П. С. Кутахов стал главнокомандующим Военно-Воздушными Силами, заместителем министра обороны СССР, главным маршалом авиации страны.

Решающее влияние на ход всей войны, в том числе и на севере страны, оказала крупная победа советских войск в Сталинградской битве (19 ноября 1942 — 2 февраля 1943 гг.). Маршал Маннергейм, касаясь в своих воспоминаниях оценки высшим финским руководством влияния Сталинградской битвы на ход «большой» войны и политического курса Финляндии, писал: «...3 февраля или через день после того, как немцы капитулировали в Сталинграде, в Ставке Главнокомандующего собрались президент Рюти, премьер-министр Рангель и министры Валден и Таннер, чтобы узнать мое мнение об общей ситуации. В ходе беседы пришли к единодушному мнению, что большая война пришла к переломному моменту и что Финляндии при первой же подходящей ситуации следует найти способ для выхода из войны. Одновременно констатировали, что пока еще мощь Германии препятствует осуществлению этого решения»¹⁵.

Подводя некоторые итоги боевых действий войск Карельского фронта в 1942–1943 гг., следует подчеркнуть, что советские воины выполнили главную стратегическую задачу этого периода. Своими активными действиями они сдерживали крупные силы немецких и финских войск, не только не позволили возобновить врагу наступление, но и не дали возможности перебросить на другие участки советско-германского фронта ни одной дивизии. В этом заключалась неоценимая помощь Карельского фронта нашим войскам в сражениях под Ленинградом, Сталинградом и Курском, в освобождении советской земли от захватчиков.

-
- ¹ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно–исторические очерки в четырех книгах. Кн. 1. М., 1998. С. 315.
- ² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 214. Оп. 1437. Д. 57. Л. 138.
- ³ *Фролов В. А.* На защите северных рубежей // *Незабываемое: Воспоминания о Великой Отечественной войне.* Петрозаводск, 1974. С. 26.
- ⁴ ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 92. Л. 3.
- ⁵ Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 196. Л. 16 об.
- ⁶ Там же. Л. 18–20.
- ⁷ По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944. Документы и материалы, Петрозаводск, 1995. С. 231.
- ⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1961. Т. 2. С. 403.
- ⁹ По обе стороны Карельского фронта. С. 231.
- ¹⁰ *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 79.
- ¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 103. Л. 20, 24, 26.
- ¹² Там же. Д. 1126. Л. 103 об.
- ¹³ История Карелии в документах и материалах. Советский период. Петрозаводск. 1992. С. 242–243.
- ¹⁴ Карельский государственный архив новейшей истории. Ф. 5425. Оп. 1. Д. 234. Л. 12.
- ¹⁵ По обе стороны Карельского фронта. С. 312.

**БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ:
СОТРУДНИЧЕСТВО
И ПРОТИВОСТОЯНИЕ**

П. А. Кротов

ШВЕДЫ ПРОТИВ ШВЕДОВ: СЛУЖБА ШВЕДОВ ВО ФЛОТЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Укрепление России в эпоху Петра Великого в статусе одной из ведущих военно-морских держав Европы не могло произойти без формирования соответствующего требованиям времени личного состава флота и создания налаженного механизма его воспроизводства. Когда Петр I начал делать первые шаги в направлении заветной цели, военных моряков в стране не было. Царь вынужден был обратиться к освоению зарубежного опыта, привлечению в российский флот моряков-иностранцев. Особенность ситуации с привлечением шведов во флот России, находившийся в процессе бурного становления, придало вступление страны в Великую северную войну 1700–1721 гг., которая велась именно против Швеции. Этнические шведы, состоявшие на русской службе, оказались в сложнейшем, крайне двусмысленном положении. Переход же шведов из числа военнопленных на службу во флот государства, боровшегося с вооруженными силами родной страны, был актом прямого предательства. Возможна ли в данном случае другая оценка?

Массовый приток иностранных моряков в Россию начался в результате целенаправленной деятельности по их привлечению, проводившейся в ходе Великого посольства 1697–1698 гг. Острая потребность русского правительства в наиме большего количества моряков-иностранцев возникла в связи с необходимостью укомплектовать достраивавшиеся в Воронеже и на других верфях на реке Дон корабли Азово-Черноморского флота. Иначе сооружавшийся со столь большими издержками флот

оказался бы бессмысленной растратой государственных средств. Главными центрами вербовки стали Амстердам и Лондон.

Согласно хранящейся в Российском государственном архиве древних актов «Книге записной принятым в Амстердаме» с 1 сентября 1697 г. по 1 сентября 1698 г., во время деятельности там Великого посольства, были наняты 345 чел. с чинами от матроса до комендера — промежуточный чин между капитаном 4 ранга и капитан-поручиками. Более всего среди нанятых было именно шведов: 121 чел. (35,1%). Вторую по численности группу составляли датчане и норвежцы: 78 чел. (22,6%), третью — голландцы: 66 чел. (19,1%) и т.д.¹

Из этой группы моряков-шведов в России наиболее высоко по служебной лестнице сумел подняться «свеянин» Христиан (Кристиан, Крестьян) Отто. Он был принят штурманом в 1698 г. в Амстердаме. В архиве хранится заверенная его подписью так называемая «сказка», освещающая его предыдущий служебный путь: «Штюрман Крестьян Отто родом свейские земли города Карлскрона. На караблях свейских ходил волентером, а после ходил подштирманом, штюрманом лет з девять, а Галанским статом (Нидерландам. — П. К.) служил канстапельским матом (т. е. констапельматом. — П. К.) один год. И о том у него есть свидетелствованной лист от адмиралских советников амстрадамских и свейской проезжей лист, что он был штюрманом. А от свейского де короля дана ему воля: покамест войны нет, волно им служить, где похотят. Christian G. Ottoj»².

С началом в 1700 г. войны против Швеции Х.Г. Отто был поставлен в сложнейшую ситуацию: он должен был воевать со шведами под российскими военно-морскими флагами. Х.Г. Отто продолжил службу в России. В русском флоте он проделал очень успешную карьеру. Спустя некоторое время его стали именовать на русский лад Христианом Григорьевичем Отто. С 1700 г. он поручик, в 1705 г. числился комендером, в 1715 г. произведен в цейхмейстеры ранга капитан-командора. 22 октября 1721 г. в честь Ништадтского мира, завершившего столь долгую войну со Швецией, он был повышен в обер-цейхмейстеры контр-адмиральского ранга. В 1723 г. Х.Г. Отто назначили членом Адмиралтейской коллегии³.

Заслуги Х.Г. Отто в укреплении российского флота были подчеркнуты его участием в символической церемонии встре-

чи ботика «Св. Николай», «дедушки русского флота», могучим российским флотом. находка этого ботика в селе Измайлово под Москвой в 1688 г. дала юному царю Петру I новый толчок в увлечении водными потехами, идеей создания военно-морского флота. 11 августа 1723 г. на рейде острова Котлин в боевой линии выстроились 24 линейных корабля. Глава флотской артиллерии Х.Г. Отто находился в ботике вместе с генерал-адмиралом Ф.М. Апраксиным, адмиралом Петром Алексеевичем Михайловым — самим императором Петром Великим, который стоял у руля, вице-адмиралом А.Д. Меншиковым, бросавшим лот, вице-адмиралами П. Сиверсом и Т. Гордоном, шатбенахтами (чин, соответствовавший контр-адмиральскому) Н.А. Сенявиным и Т. Сандерсом. При прохождении ботика вдоль батальной линии Балтийского флота Х.Г. Отто отвечал на артиллерийские выстрелы-приветствия кораблей из маленьких пушечек ботика⁴.

Таким образом, служба шведа Х.Г. Отто, уроженца города Карлсруны — главной военно-морской базы Швеции, в российском флоте — крайне любопытный пример. Х.Г. Отто должен был с началом войны против Швеции в 1700 г. определиться: либо заявить об отказе служить в России и провести годы под стражей среди других шведских подданных, служивших по найму в России, либо продолжить службу. Х.Г. Отто сделал выбор, и если его можно осуждать, то только не россиянам. Достичь высоких чинов Х.Г. Отто сумел именно во флоте России, поступив в него лишь штурманом в 1698 г. Скончался он на своей второй родине в год смерти Петра Великого.

Потребность в опытном личном составе флота была столь велика, что в первую половину Великой северной войны в русский флот принимали моряков-шведов из военнопленных, которые соглашались поступить на службу к бывшему неприятелю. На 1 января 1708 г. в Дерпте (Юрьеве) несла службу целая группа таких моряков. Это были поручик Андреас Роселиус, штурман Ганс Торсен, шкипер Петер Пил, боцман Свен Эриксен, парусный мастер Расмус Расмусен и корабельный плотник Алоф Герман. Они получали значительное денежное жалованье: поручик ежемесячно 10 руб., парусный мастер — 6, штурман и шкипер — по 5, боцман и корабельный плотник — по 4 руб. Семь служивших в Дерпте матросов

из шведов имели оклады по 2 руб. 25 коп. ежемесячно⁵. Для сравнения у русских матросов 1-й статьи оклады жалования составляли тогда в месяц по 2 руб., 2-й статьи — по 1,5 руб., 3-й статьи — по 1 руб.⁶ Ещё 16 матросов, «шведских полоняников», получали в год по 3,5 руб. и продовольственное содержание: хлеб «против салдацкой дачи» и на неделю по 7 фунтов мяса, по 3 фунта сливочного масла и по 7 сельдей каждому⁷.

Эти 23 матроса, взятых на службу из пленных шведов, составляли на 1 января 1708 г. 33% всех матросов-иноземцев Балтийского флота. Примечательно, что проходили службу эти шведы все-таки в одной из тыловых баз, в относительном удалении от театра боевых действий на море. На 31 декабря 1715 г. из 130 иноземцев, служивших в рядовых чинах Балтийского флота, 8 чел. (6%) являлись матросами «из шведских арестантов»⁸.

Некоторым из названных выше моряков-шведов удалось в дальнейшем продвинуться выше по служебной лестнице. Так, А. Роселиус (подпись: Andreas Roselius⁹), взятый в плен россиянами в 1703 г. в чине лейтенанта шведской эскадры на Чудском озере, прослужил в российском флоте вплоть до своей смерти в ноябре 1743 г., т. е. 40 лет. На русскую военно-морскую службу он был принят в июне 1704 г. тем же чином лейтенанта (поручика). До 1708 г. он служил в Дерпте на захваченных россиянами судах шведской озерно-речной эскадры. В том же году после разорения Дерпта в ожидании шведского нашествия он был переведен Ф.М. Апраксиным в Азовскую губернию (подалее от искушения близостью к шведским границам?), где и служил до июня 1743 г., когда его назначили капитаном над Архангельским портом. После завершения Великой северной войны в 1723 г. он был получил чин капитан-лейтенанта, а в 1729 г. — капитана 3 ранга. Ему неоднократно поручалось заведовать Тавровским адмиралтейством на Дону, с 1733 г. — местным портом. В 1736 г. он командовал прагом «Близко не подходи» при осаде Азова. Согласно заверенной его подписью «сказке» о службе в русском флоте 1724 г., он с 1709 г. наравне с вольнонаемными офицерами-иностранцами ежегодно получал по 13-му дополнительному окладу жалования. В той же «сказке» А. Роселиус из карьерных соображений фальсифицировал собственное прошлое. Он утверждал, что попал в Россию не в итоге пленения в 1703 г. Согласно его жлесвидетельству, он «прошлаго 704-го году в мае месяце вышел из города

Юрья Ливонского в сторону Его Императорского Величества лейтенантом без контракту и в том же году в июне месяце... принят в службу Его Величества лейтенантом». Показательно, что в «сказке» 1724 г. Андреас Роселиус называет себя на русский лад Андреем Андреевичем¹⁰.

Как и А. Роселиус, штурман Ганс Торсен попал в русский плен в 1703 г. В качестве штурмана он вскоре поступил на русскую службу, в 1711 г. получил чин подпоручика, в 1715 г. — поручика, в 1720 г. — капитан-поручика, а завершил служебный рост производством в 1726 г. в чин капитана 3 ранга. Скончался он в 1727 г., состоя на службе в российском флоте¹¹.

Швед Яган Берхман, взятый в плен в 1703 г. на Чудском озере, поступил на русскую службу в 1705 г.¹² Как видно, продолжительность его раздумий составляла более двух лет. На 1 января 1708 г. он числился матросом, служившим в Дерпте при судах Чудской эскадры¹³. В 1708 г. он был отправлен служить в Астрахань. Произведен в унтер-лейтенанты в апреле 1721 г. Показательно, что Я. Берхман оставался на русской службе и по завершении Великой северной войны. В феврале 1722 г. его послали в Астрахань в команде другого выходца из шведского флота — голландца Карла ван Вердена¹⁴.

Военнопленных моряков-шведов стремились привлечь на службу даже в последние годы войны. Из 387 шведов, плененных 24 мая 1719 г. в Эзельском сражении, 21 чел., пожелавших «своею охотою добровольно в службе Его царского Величества быть... в морском флоте до состояния мира», в августе того же 1719 г. были распределены по различным боевым кораблям Балтийского флота, включая и флагманский корабль Петра I «Ингерманланд». Все принятые на русскую службу шведы дали в Ревельской портовой конторе «присягу в такой силе, чтоб служить им верно и честно». Среди присягнувших и определенных на службу были штурманы Юрьен Балтинсон, Пер Гендерсон, Ян Геритман, Андрис Гольм, Мартъен Мартынсен, Бен Питерсон, Корнелис Солберх, Ирик Юман (Эмант), подштурманы Клаус Ланге, Ганс Эдман, подшкипер Юрья Бинкен, лоцманы Питер Андрисен, Ян Симансен, лекарь Виктор Медор, матросы Лагерстром, Андрис Люстих и Андрис Сунд¹⁵. В кампанию 1720 г. на «Ингерманланде», флагманском корабле Петра I, снова служили три матроса «шведской нации»: Нильс Гекер, Ларс Микетсен и Нильс Эквист¹⁶.

Сохранились «сказки» 1724 г. пятерых шведов, взятых в плен в 1704 г. со шведских торговых судов при Нарве. В том же году у Нарвы же адмирал Ф. А. Головин зачислил их матросами в российский флот. В 1711 г. все они были пожалованы генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным в боцманматы. Трое из них тогда находились в Таврове, один в Воронеже, один в Таганроге. В 1721 г. Юхана Ловина (подпись: Johan Lowien) произвели в чин боцмана¹⁷.

Ещё одна архивная «сказка» 1724 г. принадлежит плотничному подмастерью Рулеву Герману (подпись: Roll Herman). Он был пленен в 1704 г. в Дерпте. С 1711 г. он пребывал в упомянутом звании при Тавровском адмиралтействе, получая оклад 5 руб. ежемесячно¹⁸.

После подписания мирного договора со Швецией в том же 1721 г. состоялся указ императора Петра Великого об отпуске со службы иноземных моряков нижних чинов, в том числе и шведов. Шведские моряки нижних чинов из пленников стали подавать прошения об отъезде на родину. Любопытно привести выдержку из одного прошения такого рода. В декабре 1722 г. служивший в Астрахани матрос-швед Ян Питерсон подал на имя императора такое прошение: «В прошлом, государь, 705-м году взят я в полон и волею своею в том 705 году бил челом я служить Вашему Величеству в матрозы, и с того числа по се число служу и всякую работу работаю при морском флоте». Суть прошения сводилась к повышению оклада или же отпуске «в швецкую землю». Первоначально Я. Питерсону, по его свидетельству, давалось жалованье по три рубля ежемесячно. Затем оно было урезано до рубля. С такого оклада матрос, как он писал, не мог «прокормитца з женою своею и з детьми»¹⁹. 22 декабря 1722 г. в морском комиссариате в Астрахани Я. Питерсон уточнил свои показания. Оказалось, что в плен он попал не в 1705 г., но ранее — в мае 1703 г. («взят... под Санкт-Питербурхом в Канцах в полон»). После этого Я. Питерсон приблизительно в течение двух лет размышлял о превратностях судьбы и в конце концов сделал решительный шаг. В 1705 г. его, естественно, по изъясленному им желанию, определили в матросы. Затем он был послан служить в Воронеж, где «обретался при флоте» с высоким окладом жалованья. Сослуживцы подтвердили факт получения

им первоначально трехрублевого оклада²⁰. Как отреагировали власти на прошение Я. Питерсона, в архивном деле не сказано.

Из шведов, принятых во флот Петра I во флагманском чине, можно указать только на Даниэля Вильстера, зачисленного еще до завершения войны со Швецией в июле 1721 г. в звании вице-адмирала. В декабре 1721 г. в русский флот были приняты его сыновья: Яган Гендрик капитаном 3 ранга и Ульдрик Кристьян — капитан-лейтенантом. Все трое Вильстеров прослужили в российском флоте вплоть до своей кончины.

По всей видимости, прием вице-адмирала Д. Вильстера был связан с замыслом отправления русской эскадры для утверждения на мировых океанских торговых путях — в экспедицию к острову Мадагаскар. Предложение об этом сделал Петру I именно Д. Вильстер. Он же в ноябре 1723 г. был назначен командовать отряженными в этот сверхдальний поход (не состоявшийся в конечном счете) фрегатами «Амстердам-Галей» и «Кронделивде».

Д. Вильстер командовал эскадрой в походах в Финском заливе в 1724 и 1725 гг.; участвовал в заседаниях Адмиралтейств-коллегии; в 1727–1729 гг. исполнял должность директора Морской академии и московской Математико-навигационной школы. С июня 1729 г. он являлся главным командиром Кронштадтского порта. Закат его карьеры начался в сентябре 1729 г., когда Вильстер оказал непочтение к Адмиралтейств-коллегии и ее президенту адмиралу П. Сиверсу, произнес некие «неприличные выражения, оскорбительные для российской нации». В январе 1730 г. он «за показанные им уставам и регламентам противности и неисполнения» был смещен с должности главного командира Кронштадтского порта и вытребован в Петербург для следствия; 21 марта был отдан военно-морской суд, а ровно через четыре месяца скончался²¹.

Его сын капитан 3 ранга Яган Генрик прослужил в русском флоте менее двух лет, скончавшись в сентябре 1723 г.; другой его сын Ульдрик Кристьян состоял на русской службе до 1738 г., когда его настигла смерть. Он прошел путь до капитана 2 ранга (1732), командовал боевыми кораблями Балтийского флота, участвовал в походе флота к Данцигу в 1734 г., а в год смерти обогнул на фрегате «Россия» Скандинавию, проведя корабль из Архангельска к Кронштадту²².

Как показано выше, история становления российского флота в эпоху Петра Великого включает интересный феномен: службу

заметного числа шведов в войне против их отечества. Эти шведы сыграли определенную положительную роль, внесли вклад в укрепление России в качестве сильной военно-морской державы. Рассмотренный сюжет показывает, как бывают непросты пути истории, какие сложные повороты судеб могут испытать люди в бурные времена войн и радикальных преобразований.

¹ Кротов П. А. Голландцы и фламандцы в Российском флоте в Петровскую эпоху // Голландцы и бельгийцы в России. XVIII–XX вв. СПб., 2004. С. 291–292.

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 150 (Дела о выездах иностранцев в Россию). Оп. 1, 1698 г. Д. 8. Л. 65.

³ Общий морской список. СПб., 1885. Ч. 1. С. 292–293.

⁴ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого. М., 1860. Ч. 3. С. 180–183; Походный журнал 1723 года. СПб., 1913. С. 19; Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 49. С. 370.

⁵ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 176 (Адмиралтейская канцелярия при Адмиралтейств-коллегии). Оп. 1. Д. 28. Л. 79 об.

⁶ Там же. Л. 70–71.

⁷ Там же. Л. 80; РГАДА. Ф. 160 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и к высоким особам). Оп. 1, 1704 г. Д. 33. Л. 8–8 об.

⁸ РГАВМФ. Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

⁹ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПб ИИ РАН). Ф. 95 (Документы по истории русского флота). Оп. 1. Д. 14. Л. 74, 87, 413.

¹⁰ Там же. Л. 173 об.–174.

¹¹ Общий морской список. Ч. 1. С. 375.

¹² Там же. С. 44–45.

¹³ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 28. Л. 80.

¹⁴ Общий морской список. Ч. 1. С. 44–45.

¹⁵ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1720 г. Д. 11. Л. 62, 73–73 об.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 525 об.

¹⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 95. Оп. 1. Д. 14. Л. 174–175.

¹⁸ Там же. Л. 175 об.

¹⁹ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1723 г. Д. 31. Л. 77 об.–78.

²⁰ Там же. Л. 78–78 об.

²¹ ОМС. Ч. 1. С. 79–81.

²² Там же. С. 80–81.

С. Н. Ковалёв

СТРАНЫ БАЛТИИ И КОЛЛЕКТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Современная практика расширения применения вооруженной силы на основании национальных решений и вне мандата ООН требует более подробного рассмотрения проблем коллективной безопасности на примере кануна Второй мировой войны.

После подписания мюнхенских соглашений заявленная прибалтийскими государствами «политика нейтралитета» была обусловлена рядом причин. Одной из них было то, что статья 16 Устава Лиги наций помимо введения политических, экономических и других санкций против страны-агрессора, действующих в противоречии с принципами Лиги, предусматривала оказывать «взаимную поддержку для противодействия всякой специальной мере, направленной против одного из них государством, нарушившим Устав». Этой же статьей предусматривалось принимать «необходимые постановления для облегчения прохода через их территорию сил всякого Члена Лиги, участвующего в общем действии для поддержания уважения к обязательствам Лиги»¹.

Считалось, что членство в Лиге наций обеспечивало определенную гарантию независимости для государства-члена. В случае нападения каждое государство — член лиги имело право обратиться к Лиге, прося защиты. Но это также означало, что все государства-члены брали на себя определенные обязательства и обязанности в случае военного конфликта.

Как мера воздействия, статьей 16 Устава Лиги наций оговаривалось, что из нее может быть исключен «всякий Член, оказавшийся виновным в нарушении одного из обязательств, вытекающих из Статута...»².

Вместе с тем следует отметить, что еще с началом итальянской агрессии в Абиссинии, в 1935 г., возникла проблема применения санкций в соответствии со статьей 16-й на практике. В своем выступлении на Ассамблее Лиги наций нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов отмечал: «Если Лига наций хочет быть опорой мира, то такой опорой могут быть не добродетельные даяния, т.е. санкции в порядке добровольности, а лишь всеобщие обязательства. Там, где нет универсальности обязательств, там нет и Лиги наций для той роли, на которую она претендует»³.

В условиях разрастания военно-политического кризиса в Европе некоторые государства, стремясь уйти от возможного участия в военном столкновении, предлагали изменить положения Статьи 16. Так, в марте 1937 г. министр иностранных дел Швеции Рикард Сандлер, выступая от имени скандинавских стран, призывал Лигу наций согласовать реализацию положений статьи 16 при условии, что только если государства — члены непосредственно вовлеченные в конфликт, согласятся на ее применение⁴.

Учитывая возможность войны с Францией и Советским Союзом, Германия особенно была заинтересована упразднением Лиги наций. Германия оценивала все коллективные и многосторонние соглашения защиты как опасные для нее при достижении главной внешнеполитической цели — ревизии устоев Версальской системы.

Перспектива необязательности выполнения положений Статьи 16 Лиги наций для великих держав Европы (прежде всего для Германии, после ее выхода из Лиги наций в 1934 г.) поставила новые проблемы для балтийских государств.

Вместе с тем тот факт, что Германия покинула Лигу наций, а Советский Союз, наоборот, вступил, создавал совершенно новую ситуацию для Балтийских государств. С точки зрения правительств прибалтийских государств это не укрепляло стабильность внешнеполитического положения Латвии и Эстонии, а вносило элемент неопределенности. Например,

в случае объявления Лигой наций Германией государством-агрессором под предлогом выполнения санкций Советский Союз смог бы использовать их гавани и аэродромы, им пришлось бы предоставить Советскому Союзу право прохода войск через территории балтийских государств.

Власти Эстонии и Латвии предполагали, что после поражения агрессора советские вооруженные силы откажутся оставить страну. Кроме того, в Эстонии и Латвии были убеждены, что в случае войны никакая военная поддержка не могла ожидаться от великих держав⁵. Точно так же экономические и политические аспекты ситуации не могли игнорироваться, поскольку балтийские государства зависели от внешней торговли.

Так, в ходе взаимных консульских литовский министр иностранных дел С. Лазорайтис на предложение министра иностранных дел Латвии В. Мунтерса заявил, что пока великие державы не гарантировали нейтралитет балтийских государств, «невозможно принять устойчивую точку зрения относительно статьи 16»⁶. Ранее Лазорайтис на переговорах с советским полпредом Карским подчеркивал, что балтийские государства в кризисной ситуации не смогут получить помощь у Лиги наций. Вместе с тем Лазорайтис не отрицал возможности формирования Литвой определенного отношения относительно Статьи 16, но если только будет получена гарантия безопасности от великих держав⁷. В то же время он назвал статью 16 единственной соломинкой, которую можно подстелить, чтобы спасти себя⁸.

Свою позицию руководство балтийских стран так же ориентировало на пример Бельгии и Финляндии. Так, 20 мая К. Каллио, президент Финляндии, заявил, что в каждом конкретном случае Финляндия сама будет принимать решение, применять или нет статью 16⁹.

В ходе проходившей в Риге 10–12 июня 1938 г. VIII конференции министров иностранных дел балтийских стран латвийский министр иностранных дел Мунтерс на переговорах с британским посланником обвинил Сельтера, Лайдонера и Маасинга в сотрудничестве с Германией¹⁰.

В своих выступлениях все три министра иностранных дел высказали озабоченность тенденциями, которые возобладали в международной обстановке, и заявили, что Балтийская

лига продолжит «поддерживать мир во всем мире»¹¹. Вместе с тем основным предметом обсуждения являлись положения Статьи 16. Латвия и Литва еще не выработали определенной точки зрения относительно данной статьи. Ввиду этого Сельтер, указывая на пример Финляндии, пытался склонить представителей Латвии и Литвы к точке зрения Эстонии. Министры иностранных дел Латвии и Литвы, Мунтерс и Лазорайтис, считали, что такая позиция может быть интерпретирована Западом как поддержка политических устремлений Германии¹².

В тот период официальная эстонская пресса пропагандировала идею, что нейтралитет, больше чем система коллективной безопасности, защитит независимость Эстонии и что Эстония должна оставить за собой право решать, позволять или нет проход иностранных войск через ее территорию¹³. В то же самое время в эстонской прессе усилились попытки доказать что, основанное на уставах Лиги наций сохранение нейтралитета Эстонии было бы невозможным, особенно если бы пришлось применить санкции Лиги наций.

В июле 1938 г. министр иностранных дел Польши Ю. Бек, в преддверии чехословацкого кризиса, в ходе своего визита в Ригу и Таллин зондировал позиции Риги и Таллина относительно возможности предоставления прохода через территорию этих государств войск Красной Армии¹⁴.

В Варшаве исходили из того, что Советский Союз в состоянии оказать эффективную помощь Чехословакии, только если получит возможность для прохода войск через территории Польши и стран Балтии. Сама Польша была заинтересована в расчленении Чехословакии, Варшава же объективно не была заинтересована в предоставлении СССР возможности транзита советских войск. В интересах Польши было, чтобы страны Балтии занимали позицию нейтралитета¹⁵. В этом вопросе интересы Польши и Германии совпадали.

Вместе с тем польский министр иностранных дел Бек стремился препятствовать балтийским государствам подпасть под влияние как Германии, так и Советского Союза. Бек видел в балтийских государствах только представителей так называемой «Третьей Европы»¹⁶. В Варшаве считали, что если Польша будет маневрировать между Германией и Советским Союзом, то ни Германия, ни Советский Союз не решаться на-

чать военные действия против Польши¹⁷. Это являлось также одной из причин того, что Польша стала активным сторонником политики нейтралитета балтийских стран.

Но еще в мае 1938 г. Сельтер заявил немецкому посланнику в Таллине, что чрезмерное сближение с Польшей слишком опасно для Эстонии и что Эстония будет поддерживать лишь дружественные отношения с Польшей¹⁸. Фактически, на сходных позициях находились Латвия и Литва¹⁹. К тому же определенные опасения со стороны прибалтийских государств вызывала позиция Польши по отношению к ним. В латвийской прессе в конце мая 1938 г. было опубликовано сообщение о статье «Лиетувос Айдас» относительно выпущенной польским философом Винцентом Лютославским книги «Миссия польского народа»: «Если мы восстановим благодаря верному, осторожному и толерантному образу действий доверие литовцев, то и латыши последуют за ними и попросят присоединить их к Польше. <...> С другой стороны, желательно оттеснить Россию от Балтийского моря. Петербург т.о. должен быть передан балтийским народам, только тогда Гельсингфорс, Пернов, Рига, Либава будут чувствовать себя в безопасности...»²⁰ В комментарии к публикации не без язвительности было отмечено, что «вину (за статью) несет более ста лет вкочлачиваемая в поляков точка зрения об их величии»²¹.

В течение весны и лета 1938 г. руководство Советского Союза в своих выступлениях неоднократно подчеркивало, что Советский Союз готов помочь Чехословакии в случае нападения со стороны Германии. Так, в июне 1938 г. Литвинов в своей речи в Ленинграде призвал, чтобы весь мир принял во внимание, что Советский Союз сдержит обещание оказать помощь Чехословакии. Касаясь позиции балтийских государств только косвенно, Литвинов заявил, что некоторые небольшие государства в Европе открыто присоединились к агрессивным государствам, тогда как остальная часть этих государств испуганно обсуждала нейтралитет, отказ от помощи, предлагаемой Лигой наций и поддержкой, обещанной различными дружественными государствами, в то же самое время приглашая, «чтобы быть изнасилованными любым, кто желает это сделать»²². Москва рассматривала нейтралитет балтийских государств как абсолютно иллюзорный²³.

Германия, в свою очередь, активно развивала свои отношения с балтийскими государствами. При этом Германия опасалась, что нормализация польско-литовских отношений позволит Польше стать членом Балтийской лиги. Как только было объявлено о визите Ю. Бека в Таллин, немецкий посланник в Таллине предупредил министра иностранных дел Сельтера, что Германия не одобряет возможное расширение польского влияния в делах балтийских государств. Причем Германия старалась развивать отношения и в сфере военного сотрудничества. Планировался визит начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала В. Кейтеля. Советские пресса и радио обвинили Эстонию в медленном скольжении по пути немецкой программы агрессии. Советская пресса также критиковала визиты Шташевича в Таллин и Ригу. Это вызвало подозрения о том, что они были предприняты не только для осуществления влияния на балтийские государства относительно статьи 16 Устава Лиги наций, но и для формирования антисоветского блока. «Ленинградская правда» назвала польского министра иностранных дел Бека коммивояжером немецкого фашизма, который планировал использовать Балтийский регион как антисоветскую военную базу и установить самостоятельный политический и военный блок от Черного моря до Балтийского моря²⁴.

Весной и летом 1938 г. Франция предпринимала усилия, чтобы Польша, Румыния и балтийские государства согласились открыть границы для Красной Армии в случае войны²⁵. Французская пресса именвала политику нейтралитета, предложенную Германией, неуравновешенной и односторонней²⁶. 15 сентября Джозеф Поль-Бонкур, глава французской делегации в Лиге наций, встречаясь с Мунтерсом и Сельтером на Генеральной Ассамблее в Женеве, заявил, что французская делегация не одобряет предложенную поправку к Статье 16, потому что это нанесет вред влиянию Лиги наций, что было бы нежелательным из-за развивающейся международной ситуации. Поль-Бонкур спросил Сельтера, намеревается ли Эстония поддержать санкции, если Генеральная Ассамблея выскажется против государства-агрессора, требуя объединенного действия от государств — членов Лиги наций против любого агрессора. Фактически, вопрос лидера французской

делегации сводился к тому, действительно ли латвийское и эстонское правительства разрешат советским войскам использовать свою территорию для антигерманских военных операций. В ответ он услышал категоричный отказ.

Британское министерство иностранных дел стремилось выработать документ, в котором предусматривалось бы право каждого члена Лиги наций определять способ оказания помощи жертве агрессии. В то же самое время МИД Британии рекомендовал следовать установленному принципу: агрессия против одного государства — члена Лиги составит агрессию против всей Лиги наций, и поэтому индивидуальные заявления о Статье 16 не будут действительны.

В то время как Таллин никак не реагировал на позицию Москвы, Парижа и Лондона относительно предложенных санкций Лиги наций, отношение Каунаса к проблеме было полностью отлично от позиции Таллина. Балтрушайтис, литовский посланник в Москве, посещая комиссариат иностранных дел, заявил, что Литва никогда не станет сторонником политики нейтралитета²⁷. После конференции балтийских министров иностранных дел Балтрушайтис в беседе в НКИД СССР подчеркивал, что Литва не желает делать заявления относительно Статьи 16²⁸. Литовская пресса поддерживала Лигу наций. Например, 4 июня «Лиетувос айдас» («Lietuvos aidas») писала, что даже Черчилль согласился с идеей, что нейтралитет, никем не гарантируемый, был простой иллюзией²⁹.

14 августа 1938 г. на встрече в НКИД с Балтрушайтисом были обсуждены вопросы взаимоотношений³⁰. На встрече подчеркивалось, что большая часть литовского населения, включая патриотически настроенных членов военных кругов, все еще рассчитывала на поддержку Советского Союза в случае нападения Польши или Германии³¹. На встрече в НКИД к вопросу возможной военной помощи Литве не возвращались. Однако отмечалось, что отказ Литвы от сближения с Германией, Польшей и Великобританией соответствует интересам Советского Союза и что, следовательно, необходимо улучшить экономические отношения с Литвой³², чтобы предотвратить дальнейшую конвергенцию общих интересов Литвы и Германии.

Летом 1938 г. как Лазорайтис, так и его латвийский коллега Мунтерс, понимали, что позиция их стран относительно Статьи 16 интерпретируется как поддержка курса Германии. Некоторые латвийские дипломаты, обсуждая проблему Статьи 16, обращали внимание на моральный аспект проблемы. Так, Фельдманис, представитель Латвии в Лиге наций, рекомендовал своему правительству воздержаться от обсуждения любых проблем, связанных со Статьей 16, или отстаивать политику нейтралитета скандинавских стран. Валтерс, латвийский посланник в Варшаве, критиковал понятие одностороннего нейтралитета и предложил в качестве альтернативного решения тесно сотрудничать с Лигой наций для обеспечения коллективной безопасности.

Поскольку проблема Судет все более и более переносилась в центр международного внимания, Берлин стал интересоваться позицией балтийских государств с целью прояснения их отношения в вопросе Статьи 16. Было ясно, что в случае войны с Чехословакией Генеральная Ассамблея Лиги наций может принять решение о противодействии агрессии, требуя свободного прохода советских войск через балтийские государства. В Берлине учитывали, что если Эстония будет считать для себя Статью 16 необязательной, то Латвия и Литва будут следовать этим же курсом. Через несколько дней после окончания Конференции министров иностранных дел балтийских стран Берлин похвалил и подтвердил правильный международный политический курс, взятый эстонским правительством. Так, в газете «*Revalsche Zeitung*» от 18 июня 1938 г. была опубликована статья Риббентропа, в которой отмечалось, что заявления Эстонии о следовании политике нейтралитета означает ее желание избежать вовлечения в международный конфликт.

Кроме того, статьи, опубликованные в других немецких газетах, подчеркивали, что в отличие от Литвы, которая была окована «кандалами азиатских полномочий», Эстония представляла «последний оплот Западной культуры на Востоке» и что проблема нейтралитета имеет первостепенное значение для эстонского-немецкого политического сотрудничества, что дальновидные государственные деятели Эстонии будут в состоянии спасти их страну от санкций распадающихся сетей системы Женевы³³.

В начале июня 1938 г. руководитель абвера адмирал Канарис посетил Таллин, чтобы обсудить предмет возможных санкций Лиги наций и оказания немецкой военной помощи Эстонии³⁴. По мнению Берлина, в случае оказания Советским Союзом военной помощи Чехословакии Балтийские государства должны были защитить Польшу и Германию на их восточных границах. В начале сентября 1938 г. немецкий военно-морской аташе Р. фон Бонин сообщал, что Лайдонер и другие эстонские военачальники и также Фрохвейн, немецкий посланник в Таллине, обсуждали в течение лета 1938 г. вопросы отношения эстонской стороны к Статье 16 и немецкую военную помощь Эстонии. Согласно докладу Бонина, Лайдонер уверял немецкого посланника в том, что Эстония окажет вооруженное сопротивление СССР при попытке провести советские войска через Эстонию. При этом эстонский главнокомандующий выразил надежду, что Эстония, имеющая небольшую территорию и ограниченные ресурсы, в случае войны с Советским Союзом получит помощь, прежде всего материальную, из Германии³⁵. Очевидно, Лайдонер рассматривал возможность того, что и Латвия и Литва будут заняты войсками Германии. На вопрос посланника, одобрит ли Эстония в случае конфликта действия немецкого флота по контролю над перевозками в Балтийском море, Лайдонер уверил, что только в этом ключе Эстония рассматривает свою безопасность и по этой причине осуществляет восстановление важных военных и военно-морских укреплений в своей прибрежной зоне³⁶.

Решения латвийского правительства относительно поправки к Статье 16 принимались под немецким давлением на Латвию, так же как на Эстонию и скандинавские страны. Так, 31 августа Грюндерр, директор департамента скандинавских и балтийских стран МИД Германии, выразил беспокойство, что Латвия не определила своей позиции относительно Статьи 16. Германский МИД предпринял оперативные меры воздействия. 1 сентября Грюндерр сообщал Игенбергсу, латвийскому посланнику в Берлине, что Рейх не считает нейтральными страны, допускающие проход иностранных войск через их территории, и просил информировать латвийское руководство о желательности сообщить свое мнение относительно

Статьи 16. Игенбергс отмечал, что Грюндерр выражал немецкую позицию в очень агрессивной манере³⁷.

19 сентября 1938 г. эстонский и латвийский министры иностранных дел на заседании Генеральной Ассамблеи Лиги наций заявили, что их правительства оставляют за собой право самостоятельно определять, когда применять положения Статьи 16. Далее, литовский министр иностранных дел совместно с польским и румынским министрами 22 сентября представил декларацию подобного содержания на Генеральной Ассамблее.

Таким образом, формирование позиции балтийских государств по выработке поправки к Статье 16 происходило при активном участии Эстонии, при воздействии на эти страны со стороны Германии и Польши. Великобритания, опасаясь, что чехословацкий кризис может перерасти в войну, отклонила принятие санкций. Р. Батлер, британский представитель в Лиге наций, на одном из заседаний подкомиссии объявил от имени его правительства, что впредь в каждом определенном случае каждое государство — член Лиги может самостоятельно выбирать метод применения санкций против агрессора.

Таким образом, принятие поправки к Статье 16 предрешило исход чехословацкого кризиса в пользу Германии. При этом главными игроками, которые способствовали «мирному решению» этого кризиса, были Великобритания и Франция, позицию которых поддержали и США. Германия была удовлетворена позицией балтийских государств относительно Статьи 16. В меморандуме от 26 октября Грюндерр назвал решение вопроса о Статье 16 «приятным развитием в немецко-эстонских отношениях»³⁸. В то же самое время польский министр иностранных дел Бек объявил «Балтийскую декларацию» относительно Статьи 16 «великолепным шагом» к препятствованию прохода войск Советского Союза через территории балтийских государств³⁹.

Позиция балтийских государств в отношении Статьи 16 Устава Лиги наций для Москвы означала, что балтийские государства не собирались использовать экономические и военные санкции против агрессора и что они были готовы отвергнуть любую попытку Красной Армии пройти через их территории,

расположенные между Советским Союзом и Германией. Газета «Московские новости» посвятила балтийским государствам передовую статью, называя их поправку к Статье 16 «неудачной игрой» в пользу агрессоров. Передовая статья сравнивала принятие политики нейтралитета с «робким вползанием улитки в снаряд» и предсказывала, что рано или поздно балтийские государства окажутся в сфере влияния одной из великих держав⁴⁰.

Освещая позицию Эстонии, эстонская пресса утверждала, что заявление Сельтера в Женеве соответствовало верованиям и чувствам эстонских людей, и называла Лигу наций памятником нереалистичному идеализму Вудро Вильсона, которому Эстония до последнего времени «даровала свое внимание и уважение»⁴¹.

В октябре 1938 г., министры иностранных дел балтийских государств разработали проект законов относительно нейтралитета. 18 ноября состоялась их встреча в Риге с целью подписания соглашения, которое обязало все три страны избегать изменения закона о нейтралитете без согласия других двух государств⁴².

Обе палаты эстонского парламента одобрили предложенный закон о нейтралитете 3 ноября, латвийский кабинет министров принял решение 21 декабря 1938 г., а литовский сейм 21 января 1939 г. Эстонцы за основу предложенного закона о нейтралитете взяли международное соглашение, подписанное 18 октября 1907 г. в Гааге, которое установило права и обязанности нейтральных государств в случае военно-морской войны⁴³.

Балтийские государства сделали выводы по итогам состоявшейся сделки в Мюнхене и нового витка развития международной обстановки в Европе. Стало понятно, что гарантии и обещания, предлагаемые Великобританией и Францией стали полностью бесполезны, и чехословацкий кризис, решенный в пользу Германии, усилил ее влияние. Вместе с тем, в силу ряда объективных обстоятельств, участие Советского Союза в европейской политике было ослаблено. После Мюнхенского договора руководство балтийских государств стало рассматривать Германию как единственную силу, которая могла «противостоять большевизму и Советскому Союзу»⁴⁴.

Оценка международной обстановки, которая давалась, например, Лайдонером в публичных выступлениях и при встречах с представителями СМИ, сводилась к следующему: Мюнхенский договор предотвратил катастрофу в Европе, Советский Союз становится незначительным фактором в европейских делах. Лайдонер не отрицал опасность, исходившую из Германии, но, обращаясь к этому вопросу, он говорил: «Это нельзя отрицать до полной степени»⁴⁵. Лайдонер подчеркивал, что экспансия Германии направлена через бассейн Дуная к Румынии и к южным областям Советского Союза, а не к балтийским государствам или северным областям Советского Союза. Он называл возможность нападения Германии на Советский Союз с территории Балтии абсурдным предположением⁴⁷.

Решение Эстонии, Латвии и Литвы отказаться от про пуска через свои территории войск других государств с их точки зрения должно было обеспечить нейтралитет этим государствам и тем самым не быть вовлеченными в военный конфликт, разгорающийся в Европе. В то же время позиция балтийских государств во многом зависела от политики великих держав и их отношений друг с другом. Поэтому преобразование Статьи 16 в дополнительное правило могло рассматриваться как желание балтийских государств усилить безопасность своих стран. С другой стороны, принимая во внимание взаимные отношения балтийских государств, так же как их отношения с Германией и Советским Союзом, применение в практике положений Статьи 16 устава Лиги наций к ним как к государствам-членам Лиги наций (по мнению руководства балтийских стран) были нежелательными, т. к. не гарантировали их безопасность.

Вместе с тем отказ балтийских стран от участия в системе коллективной безопасности в Европе, которую пытались создать в первую очередь СССР, Франция, Чехословакия и некоторые другие государства на основе Лиги наций, также во многом повлиял на дальнейший ход событий — развязывание Второй мировой войны.

В целом Лига наций препятствовала великим державам устанавливать исключительные двусторонние и зависимые от них отношения с малыми государствами. В то же время ослабление позиций Лиги наций вызвало охлаждение в отно-

шениях между балтийскими государствами. Эстония, по сути, в военно-политическом отношении встала в фарватер внешней политики Германии. Литва и Латвия, каждая, имея свои особенности в отношениях с Германией, переходили в сферу ее влияния. Раскол системы коллективной безопасности, отход от принципов мирного сосуществования и коллективной безопасности, декларированных Лигой наций, оставили игроками на политической арене только великие державы.

¹ Версальский мирный договор. М., 1925. С. 7–15.

² Там же.

³ Итало-Абиссинская война. Саратов, 1935 /<http://www.biografia.ru/quotes.pl?oaction=show&name=italoabis10>

⁴ *Jacobson M.* Diplomaattien talvisota. Suomi maailmanpolitiikassa 1938–1940. Porvoo-Helsinki, 1968. S. 53.

⁵ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 73. Д. 33. Л. 157–159.

⁶ *Ilmjärv M.* Silent submission. Formation of foreign policy of Estonia, Latvia and Lithuania. Period from mid- 1920-s to annexation in 1940. Stockholm, 2004. P. 274.

⁷ Ibid. P. 274.

⁸ Ibid. P. 274.

⁹ Ibid. P. 275.

¹⁰ Ibid. P. 275.

¹¹ Ibid. P. 276.

¹² Ibid. P. 276.

¹³ Uus Eesti. 1938. 30 июня, 8 июля, 6 августа.

¹⁴ *Ilmjärv M.* Silent submission. P. 277.

¹⁵ *Budurowycz B. B.* Polish-Soviet Relations, 1932–1939. New York, 1963. P. 115.

¹⁶ *Tomaszewski J.* Position of Poland in Inter-War Central Europe in Conceptions of Politicians // Acta Poloniae Historica 47. Warszawa, 1983. P. 126–127.

¹⁷ *Ilmjärv M.* Silent submission. P. 278.

¹⁸ Ibid. P. 278.

¹⁹ Ibid. P. 278.

²⁰ АВП РФ. Ф. 210. Оп. 22. П. 31. Д. 14. Л. 89.

²¹ Там же.

²² *Ilmjärv M.* Silent submission. P. 278.

²³ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 28. П. 53. Д. 3. Л. 71–72.

²⁴ Ленинградская правда. 1938. 10 июля.

²⁵ *Budurowycz B. B.* Polish-Soviet relations 1932–1939. P. 116.

²⁶ См.: Le Populaire. 1938. 19 июня.

- ²⁷ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 111. Д. 46. Л. 22.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ См.: Lietuvos ziniuos. 1938. 2 августа, 19 августа.
- ³⁰ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 111. Д. 46. Л. 133–138.
- ³¹ Там же.
- ³² *Litvinov M.* Notes for a Journal. London, 1955. P. 243.
- ³³ Rheinische Westfalische Zeitung. 1938. 1 July; Allgemeine Zeitung. 1938. July 1.
- ³⁴ *Ilmjärv M.* Silent submission. P. 284.
- ³⁵ Ibid. P. 285.
- ³⁶ Ibid. P. 285–286.
- ³⁷ *Ilmjärv M.* Silent submission. P. 286.
- ³⁸ Ibid. P. 287.
- ³⁹ Ibid. P. 287.
- ⁴⁰ Московские новости. 1938. 19 сентября.
- ⁴¹ Postimees. 1938. 22 сентября.
- ⁴² *Ilmjärv M.* Silent submission. P. 288.
- ⁴³ See Riigi Teataja, December 6. 1938.
- ⁴⁴ *Ilmjärv M.* Silent submission. C 291.
- ⁴⁵ Ibid. P. 291.
- ⁴⁶ Ibid. P. 291.

П. В. Петров

К ВОПРОСУ О БЕЗОПАСНОСТИ ЛЕНИНГРАДА С МОРЯ В 1939–1941 гг.

Проблема безопасности Ленинграда с моря накануне начала Великой Отечественной войны требовала особого внимания советского военного руководства к организации взаимодействия между частями Красной Армии и подразделениями Военно-морского флота прежде всего в Прибалтике (Эстонии и Латвии). Особенно важное значение это имело для деятельности флота на начальном этапе боевых действий, что оказало очень большое влияние на общий ход летне-осенней кампании Краснознаменного Балтийского флота (КБФ).

В первую очередь необходимо отметить такие мероприятия, как оборона военно-морской базы в Лиепая и Моонзудских островов, защита главной базы флота в Таллине и последующий переход кораблей КБФ из Таллина в Кронштадт, а также бои, которые вел гарнизон военно-морской базы на Ханко. Приходится констатировать, что данные мероприятия сопровождались несогласованностью и непродуманностью совместных действий Красной Армии и Военно-морского флота, которые привели к негативным последствиям. Для того чтобы найти причину неудач Краснознаменного Балтийского флота летом–осенью 1941 г., предпримем небольшой экскурс в область организации совместных действий сухопутных войск и флота в Прибалтике в предвоенный период.

21 октября 1939 г. начальник Главного морского штаба ВМФ флагман флота 2 ранга Л. М. Галлер направил начальнику

Генерального штаба РККА командарму 1 ранга Б. М. Шапошникову письмо особой важности и завизированный наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым проект приказа о взаимодействии между РККА и РКВМФ при обороне побережья. В проекте приказа излагалась позиция руководства наркомата ВМФ, сводившаяся к следующему. Во-первых, «коменданты укрепленных районов, отвечающие за подготовку побережья района к обороне и руководящие его защитой», должны были являться «старшими начальниками по отношению ко всем командирам частей, расположенных и действующих в пределах этого района». Кроме того, прикрепленные к флоту сухопутные части и подразделения, «имеющие задачу непосредственной обороны береговых батарей и объектов флота», должны были «в оперативном отношении» подчиняться морскому руководству. При этом подобные части предполагалось использовать лишь «на конкретном участке побережья» и не перебрасывать «без ведома морского командования на другие участки сухопутного фронта». Далее в проекте приказа подчеркивалось: «Артиллерия сухопутных частей, предназначенная для совместных действий с артиллерией Береговой обороны по морским целям, в оперативном отношении подчиняется: в базе — старшему морскому начальнику, а в укрепленном районе — коменданту района»¹. Однако данный проект приказа так и не был утвержден наркомом обороны СССР маршалом К. Е. Ворошиловым.

Поскольку инициатива организации взаимодействия РККА и РКВМФ так и не нашла своего решения 31 декабря 1939 г., нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов в обращении, направленном председателю СНК СССР В. М. Молотову², указал на неопределенность распределения ответственности армейского и военноморского командования за оборону военно-морских баз. Особое беспокойство у наркома ВМФ в этой связи вызвал тот факт, что в Либаве (Лиенае) произошли недоразумения по поводу разграничения полномочий между командованием 2-го отдельного стрелкового корпуса РККА и командованием Либавской военно-морской базы. Нарком Кузнецов посчитал необходимым доложить Молотову, что «до сих пор продолжает оставаться неясным», кто из начальников «при совместном расквартировании, в морских базах, сухопутных и морских сил, при наличии в распоряжении последних боевых кораблей,

морской авиации и стационарных средств обороны, является старшим и ответственным за оборону»³. Точка зрения Н. Г. Кузнецова сводилась к тому, что в морских базах, где должно осуществляться тесное взаимодействие кораблей, ВВС, береговой обороны и сухопутных войск, направленных на отражение морского противника, «ответственным должен являться морской начальник». В связи с этим нарком ВМФ считал наиболее целесообразным возложить общую подготовку обороны баз на того, кто будет непосредственно её подготавливать и осуществлять — т. е. на морских начальников⁴. По мнению Н. Г. Кузнецова, не было окончательной договоренности об обороне целого ряда приморских районов — Либавы и островов Эзель (Сааремаа), Даго (Хийумаа). Поэтому считалось необходимым обсудить этот вопрос на совместном совещании наркоматов обороны и ВМФ⁵.

Вышеуказанное обращение сыграло положительную роль, поскольку спустя три месяца, 25 марта 1940 г., наркоматами обороны и флота было утверждено специальное «Положение о взаимодействии войск Красной Армии и ВМФ при обороне побережья»⁶. Согласно этому Положению, предполагались совместные действия сухопутных и морских частей по отражению десанта противника, а также «обеспечивать противовоздушную оборону баз, портов и промышленных объектов, входящих в систему обороны флотов»⁷. При выполнении этих задач устанавливался следующий порядок взаимоотношений: «Командиры военно-морских баз (команданты укрепленных районов, секторов береговой обороны), отвечающие за подготовку района участка побережья к обороне и руководящие его защитой, являются старшими начальниками по отношению к командирам частей, расположенных и действующих в пределах этого района, которые непосредственно приданы для содействия военно-морским базам (укрепленным районам, секторам береговой обороны)». Кроме того, эти сухопутные части «в оперативном отношении подчиняются морскому начальнику... причем эти части используются на определенном участке побережья и на другие участки сухопутного фронта перебрасываются по приказу высшего командования»⁸. Уточнение подчиненности армейских и морских частей в оперативном отношении

должно было устанавливаться на месте, совместно командованием округа (или армии) и флота, с последующим докладом наркому обороны и наркому ВМФ.

Далее в Положении было проведено распределение задач и разграничение районов действий РККА и ВМФ. В итоге выполнение такой задачи, как оборона побережья восточной части Финского залива от границы с Эстонией до границы с Финляндией, включая полуостров Ханко и все советские острова в Финском заливе, было возложено на КБФ, для чего в оперативное подчинение соответствующему командиру базы или коменданту сектора береговой обороны были выделены сухопутные части⁹. Оборона побережья островов Сааремаа и Хийумаа была возложена на коменданта береговой обороны Балтийской военно-морской базы, которому в оперативном отношении были подчинены сухопутные части Красной Армии, расположенные на островах и особо выделенные для этой цели наркомом обороны СССР. За непосредственную оборону Либавы отвечал командир базы, которому в оперативное подчинение должны были выделяться сухопутные силы и средства, состав которых определял нарком обороны¹⁰.

Исходя из принципов данного Положения, 23 августа 1940 г. командующий войсками Прибалтийского особого военного округа (ПриБОВО) генерал-полковник А. Д. Локтионов подписал приказ, адресованный командующему 8-й армией, командирам 67-й и 48-й стрелковых дивизий, а также командующему КБФ и командиру базы в Либаве. В приказе отмечалось, что организация взаимодействия частей Красной Армии с военно-морскими базами КБФ по обороне побережья Эстонской и Латвийской ССР возлагается на командующего 8-й армией и командиров 48-й и 67-й дивизий¹¹.

Далее Локтионов произвел распределение зон ответственности для действий армии и флота. Так, оборона всего побережья от Нарвы до границы с Латвийской ССР, «где нет ВМБ и береговых сооружений», было возложено на 8-ю армию во взаимодействии с КБФ. Острова Эзель и Даго должны были обороняться силами КБФ, для чего в оперативное подчинение Военному совету флота придавалась 3-я стрелковая бригада. Что касается непосредственной обороны военно-морских баз Таллина, Палдиски и оборонительных

сооружений на полуострове Суруп, то эта задача возлагалась на Балтийский флот, для чего командующий 8-й армии должен был выделить в его распоряжение «необходимое количество гарнизонов»¹². Оборона во взаимодействии с силами флота латвийского побережья от границы с Эстонией до мыса Колгас-Рагс возлагалась на 48-ю стрелковую дивизию, а оборона побережье от мыса Колгас-Рагс до Паланги была поручена 67-й стрелковой дивизии. За непосредственную оборону базы в Либаве отвечал ее командир, для чего командир 67-й стрелковой дивизии должен был выделить пять стрелковых рот и один артиллерийский дивизион¹³.

Командующий 8-й армии вместе с командующим КБФ должен был разработать план обороны побережья Эстонии, а командиры 48-й и 67-й стрелковых дивизий совместно с командиром базы в Либаве — план обороны побережья Латвии. Причем в планах следовало отразить схему совместного боевого управления, схему связи, а также вызова частей на участки обороны¹⁴. Таким образом, при решении этой непростой задачи вносился элемент двоевластия — задача по обороне военно-морских баз была возложена одновременно и на Красную Армию, и на Военно-морской флот. Но армейское руководство не придавало этому особого значения, поскольку твердо намеревалось вести боевые действия исключительно на территории противника. Отступление вглубь собственной территории никто из лиц высшего командования Красной Армии даже не предусматривал, а потому и за судьбу военно-морских баз не опасались. Подобная ситуация привела к довольно печальным последствиям.

Наконец, 5 сентября 1940 г. командующий 8-й армии генерал-майор А. А. Тюрин и командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц утвердили «План взаимодействия 8-й армии и КБФ по обороне побережья ЭССР»¹⁵. В нем было оговорено, что в задачу 8-й армии и КБФ по обороне эстонского побережья входила необходимость «совместными действиями частей армии и флота не допустить высадки морского и воздушного десанта противника на территории ЭССР»¹⁶. Для выполнения данной задачи на корабли и авиацию КБФ, а также на ВВС Прибалтийского военного округа возлагалась задача нанесения удара прямо по базам противника в момент

выхода их кораблей с баз и на их переходе к советскому берегу на море.

Данные морские операции следовало разработать штабом флота и они должны были проводиться под руководством КБФ. Действия авиации по нанесению ударов по базам и кораблям противника, находящимся на этих базах, предполагалось осуществлять силами морской и армейской авиации совместно или самостоятельно при обязательном утверждении этих планов командующими КБФ и ПриБОВО. Что касается ударов по кораблям противника на море при подходе их к советскому побережью, то здесь армейская и флотская авиация должны были действовать по заданию командующего Балтийским флотом и под руководством командиров соединенный ВВС КБФ¹⁷.

Непосредственно прибрежная полоса Эстонии от линии ее бывшей границы с СССР до мыса Немее должна была обороняться подразделениями 11-й стрелковой дивизии 8-й армии, а также силами 6-го отряда погранвойск¹⁸. Их задачей являлось отражение высадки морского десанта или отдельных диверсионных групп. Однако разведка и дозорная служба на море должны были вестись силами КБФ, но их результаты предполагалось сообщать в штаб 8-й армии и штаб 11-й стрелковой дивизии¹⁹. В случае угрозы нападения противника на этот район Краснознаменный Балтийский флот должен был произвести постановку мин заграждения в районах вероятной высадки десанта²⁰.

Оборона участка побережья от мыса Немее до Хаапсалу осуществлялась 16-й стрелковой дивизией 8-й армии, а также частями 6-го и 8-го погранотрядов. Кроме того, в обороне принимали участия подразделения Таллинского сектора береговой обороны и корабли КБФ²¹. В задачу защиты данного участка входило «уничтожение кораблей и транспортов противника при попытке входа в Финский залив», а также «оборона баз флота в Таллине–Палдиски и береговых батарей Таллинского сектора» и «уничтожение морских и воздушных десантов противника»²². Причем цели по уничтожению кораблей противника в устье Финского залива полагалось решать с помощью морской авиации, а также силами береговой обороны КБФ. В целом ответственность

за непосредственную защиту баз флота и береговых батарей, расположенных в полосе обороны 16-й стрелковой дивизии, была возложена на командира Таллинского сектора береговой обороны. Более того, для обеспечения обороны батарей, гавани и других сооружений морских баз и создания гарнизонов на островах командир 11-й стрелковой дивизии должен был передать в подчинение командира Таллинского сектора береговой обороны два стрелковых батальона²³.

Оборона третьего участка эстонского побережья у островов Хийуумаа и Сааремаа, а также Ирбенского, Созловяйн и Мухувяйн проливов была возложена сугубо на подразделения КБФ. Их задачей было «не допустить прорыва кораблей и десанта противника в Рижский залив», а также не позволить осуществить высадку «морского и воздушного десанта на острова...»²⁴. Оборону островов и проливов должны были осуществлять с помощью установки морских мин в Ирбенском проливе и на подходах к проливу Созловяйн. Создание данных минных позиций, по замыслу составителей плана, должно было облегчить действия советских кораблей, авиации и береговых батарей по морским целям противника при их подходе к островам, и действия сухопутных войск при высадке десанта на побережье²⁵. Ответственным за организацию обороны островов и проливов Моонзундского архипелага назначался комендант береговой обороны КБФ, которому подчинялись наряду с морскими подразделениями самой береговой обороны островов еще 3-я стрелковая бригада, а в военное время и 10-й погранотряд, а также все инженерно-строительные батальоны этого участка, подчиняющиеся ВМФ. Кроме этого для усиления гарнизонов на островах планировалось еще перебросить два усиленных стрелковых полка 90-й стрелковой дивизии, дивизион 96-го артиллерийского полка и танковый батальон из состава 18-й танковой бригады²⁶.

Наконец, четвертый участок — прибрежная полоса от Хаапсалу до Айнажи — должен был обороняться силами 90-й стрелковой дивизии и 8-го отряда погранвойск. Как и в других районах обороны побережья основными задачами их было «уничтожение морских десантов противника» и «защита важных пунктов... от диверсионных групп и воздушного десанта»²⁷. Поскольку данный район являлся второй линией обороны,

то здесь предполагалось ограничиться в случае прорыва противника действиями особой ударной группы. Она формировалась из подразделений 90-й стрелковой дивизии и состояла из не менее двух усиленных стрелковых полков, артиллерии и танкового батальона. Планировалась также с целью защиты от высадки диверсионных групп и воздушного десанта противника возможность ее переброски на острова Даго и Эзель²⁸.

В целях отработки вопросов взаимодействия частей РККА и ВМФ и проверки планов обороны побережья планировалось проводить ежегодные совместные «командно-штабные игры» и такие же «полевые поездки» и учения подразделений КБФ и войск 8-й армии²⁹. Командирам соединений 8-й армии и 3-й стрелковой бригады следовало совместно с командирами секторов береговой обороны КБФ осуществить рекогносцировку и составление общего плана оборонительных мероприятий. Их планы затем следовало представить на утверждение в штаб 8-й армии и штаб КБФ³⁰.

И вновь не трудно заметить такое положение, когда одни и те же боевые задачи одновременно возлагались на силы флота и армии, без четкого разграничения полномочий в данном вопросе. Тем самым еще в мирное время закладывался элемент организационной неразберихи и двоевластия в деле организации совместных действий РККА и РКВМФ в Прибалтике. Нелишне в этой связи будет отметить, что единственным участком на Балтике, где было лучше всего решена проблема управления силами армии и флота, стала военно-морская база на Ханко. Здесь все соединения флота, армии и ВВС полностью подчинялись морскому командованию. Подобная схема управления стала оптимальной, поскольку небольшая территория базы объективно диктовала именно такое решение.

Однако из воспоминаний Н. Г. Кузнецова следует, что, несмотря на многократные попытки решить вопрос о взаимодействии между армией и флотом, предпринятые наркоматом ВМФ в 1940–1941 гг., со стороны наркома обороны маршала и начальника Генерального штаба РККА должной реакции не последовало³¹.

Действительно, в октябре 1940 г. Н. Г. Кузнецов направил в СНК доклад, где высказал беспокойство в отношении орга-

низации сухопутной обороны военно-морских баз на Балтике. По мнению наркома, «руководство организацией сухопутной обороны и боевой подготовкой приданных бригад не может отвечать необходимым требованиям, так как ни в центральном аппарате НКВМФ, ни в Краснознаменном Балтийском флоте нет специалистов, которые могли бы с достаточной полнотой проводить и проверять тактическую и оперативную подготовку крупных сухопутных войсковых соединений»³². Поэтому входившие в состав КБФ 3-ю и 8-ю отдельные стрелковые бригады, расположенные на полуострове Ханко и на островах Эзель и Даго, Кузнецов просил передать в состав наркомата обороны СССР. Ответственность за всю сухопутную оборону побережья, островов и военно-морских баз КБФ на Балтийском море и в Финском заливе нарком ВМФ рекомендовал возложить на Красную Армию. За Краснознаменным Балтийским флотом следовало оставить задачу защиты подходов к побережью с морского направления³³.

Начальник главного морского штаба адмирал Л. М. Галлер в декабре 1940 г. направляет в Генштаб генералу армии К. А. Мерецкову письмо, в котором прямо просит рассмотреть конкретные вопросы, связанные с взаимодействием частей КБФ и Прибалтийского, а также Ленинградского военных округов. В частности, в письме ставился вопрос о создании надежности в системе «противодесантной и сухопутной обороны военно-морских баз Либавы и Виндавы в военное время» и подчеркивалось, что до сих пор «взаимодействие ЛВО и КБФ совершенно не разработано...»³⁴.

Поскольку на этот запрос так и не было получено ответа, в начале марта 1941 г. заместитель наркома ВМФ адмирал И. С. Исаков составил письмо на имя уже нового начальника Генерального штаба РККА генерала армии Г. К. Жукова, где предложил свое решение по организации взаимодействия КБФ с частями ПриОВО и ЛВО³⁵. Исаков полагал, что совершенствование координации взаимодействия частей армии и флота на Балтике необходима, поскольку она в наибольшей степени соответствовала наличным силам флота. В противном же случае, как отмечалось в письме, возникла бы потребность иметь в составе КБФ значительные соединения сухопутных войск, что «не может быть признано целесообразным»³⁶. Однако

и на это обращение морского руководства четкой реакции со стороны руководства Красной Армии не последовало.

Только в феврале 1941 г. Генеральный штаб РККА всё же издал директиву о взаимодействии сухопутных войск и ВМФ, но она носила достаточно общий характер и не проясняла сложившейся ситуации³⁷. К тому же эта директива поступила тогда, когда были уже разработаны планы обороны военно-морских баз КБФ (Таллин, Либава, Ханко, Кронштадт). Они были представлены в штаб Краснознаменного Балтийского флота еще в октябре — начале ноября 1940 г.³⁸ А 22 ноября начальник главного морского штаба адмирал И. С. Исаков направил Военному совету КБФ директиву, сообщавшую, что представленные последним оперативные разработки по обороне военно-морских баз Ханко, Главной базы (Таллин), Кронштадта и Либавы можно считать в целом утвержденными³⁹. После этого, 11 декабря 1940 г., скорректированные планы обороны этих баз были утверждены Военным советом КБФ⁴⁰.

Перечисляя в своей директиве от 16 сентября 1940 г. все виды обороны морских баз, Л. М. Галлер почему-то не упомянул о сухопутной обороне военно-морских баз. Соответственно и командиры военно-морских баз не стали составлять планов сухопутной обороны. Исключение, пожалуй, составляла лишь база Ханко, где ситуация с организацией обороны, как известно, носила принципиально иной характер. Между тем именно сухопутная оборона баз гарантировала её полную безопасность в случае войны. Видимо, подобное невнимание к данной проблеме, проявленное командованием ВМФ, было отнюдь не случайным и объяснялось исключительно общей стратегической концепцией ведения войны, сформулированной командованием Красной Армии.

В предвоенный период сложилась непростая ситуация, связанная с сухопутной обороной Моонзундских островов, на что стоит обратить особое внимание. Дело в том, что на примере Моонзунда можно видеть всю сложность и противоречивость ситуации по организации их обороны, в том числе и определенную непоследовательность военно-морского руководства.

22 июля 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов направил наркому обороны СССР маршалу С. К. Тимошенко свой доклад, где поставил вопрос о создании обороны островов Моонзундского

архипелага, полагая наиболее целесообразной мерой передачу морскому командованию 16-й стрелковой дивизии, часть которой уже была расположена на островах. Для обороны архипелага можно было направить и 90-ю стрелковую дивизию. Но если флоту будет передана лишь отдельная стрелковая бригада, нарком ВМФ просил усилить ее танковым батальоном. Выдвигая данные пожелания, Кузнецов предварительно заручился поддержкой со стороны командующего 8-й армией Прибалтийского особого военного округа генерал-майора А. А. Тюрина⁴¹. Заметим, что еще за месяц до этого уже имелся «Перечень необходимых сил и средств для обороны Эзеля и Даго». В него вошли: по полевым войскам — 1 стрелковая дивизия, 1 полк АРГК (152-мм и 122-мм орудия), 2 саперных, 2 инженерных, 2 дорожно-восстановительных батальона, 1 автотранспортный батальон; по ВВС — 1 авиаполк бомбардировщиков «ДБ-3», 1 авиаполк бомбардировщиков «СБ», 1 истребительный авиаполк⁴². Эти требования, полностью совпадавшие с заявкой наркома ВМФ, были оптимальными для обеспечения надежной обороны островов от нападения противника с суши, моря и воздуха.

1 августа 1940 г. адмирал Л. М. Галлер подготовил для наркома обороны СССР маршала С. К. Тимошенко список мероприятий, касавшихся строительства Военно-Морского Флота (ВМФ). В их числе были вопросы, уже поставленные наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым по поводу усиления обороны островов Эзель и Даго. Галлер повторил требования о необходимости подчинения КБФ 16-й стрелковой дивизии, либо же бригады с танковым батальоном⁴³. Помимо этого Галлер просил значительно усилить авиацию на островах Моонзундского архипелага, добиваясь передачи наркомату ВМФ одного истребительного авиаполка и двух бомбардировочных. Кроме того, речь шла о передаче флоту аэродромной сети на островах Эзель и Даго и всей системы ПВО в районе Таллина, Палдиски, Ханко и на островах Эзель и Даго⁴⁴. Но запросы со стороны флота не получили поддержки. Пришлось довольствоваться лишь включением в его состав 3-й отдельной стрелковой бригады.

16 августа 1940 г. командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц объявил, что с 1 августа 1940 г. все части, дислоцируемые на островах Эзель и Даго, должны подчиняться

коменданту береговой обороны Балтийского района КБФ (исключение составляли только части ВВС и пограничники)⁴⁵. Далее, 30 сентября 1940 г. Н.Г. Кузнецовым был подписан приказ о формировании комиссии по разработке системы сухопутной и противодесантной обороны островов Эзель и Даго. Комиссии требовалось представить на утверждение наркому ВМФ генеральный план сухопутной и противодесантной обороны островов, детальные мероприятия обороны для каждого района и схемы военного строительства⁴⁶. При разработке сухопутной и противодесантной обороны островов комиссии надлежало «...не допустить высадку десанта на побережье островов, уничтожая его на воде и сбрасывая в море отдельные высаженные группы противника во взаимодействии с береговой обороной и авиацией, удерживая за собой острова до момента подхода сил с материка (в течение не менее 2-х суток)...»⁴⁷. Вскоре материалы комиссии были утверждены Военным советом КБФ и переданы в Главный морской штаб.

Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов настаивал на том, чтобы сухопутную оборону на Балтийском море и в Финском заливе возложить исключительно на части Красной Армии, а флот должен был отвечать, по его мнению, только за оборону с морского направления⁴⁸. Однако его пожелания по данному вопросу так и не были учтены руководством РККА. В результате вплоть до начала Великой Отечественной войны вопросы совместных действий армии и флота по обороне военно-морских баз с сухопутного направления так и не были решены. Об этом подробно вспоминает Н.Г. Кузнецов⁴⁹. Подобные же оценки возникали и у начальника главного морского штаба Л.М. Галлера, который также проявлял беспокойство по поводу отсутствия четкого разграничения зон ответственности за сухопутную оборону военно-морских баз в Прибалтике. Необходимо было составить согласованные с командованием Прибалтийского особого военного округа планы обороны, требовалось периодически проводить и совместные учения армейских частей и флота по защите баз с суши. Не было четкого решения относительно организации обороны Моонзундского архипелага, Либавской военно-морской базы и ряда других районов⁵⁰.

Таким образом, высшее советское военное командование РККА в решении проблемы обороны Прибалтики проявляла неоправданный оптимизм и самоуверенность. В результате Краснознаменный Балтийский флот фактически оказался заложником общей военно-стратегической ситуации. Его командование оказалось не в силах повлиять на решение армейских командиров и как-то улучшить свое оперативно-стратегическое положение.

Взгляды высшего армейского командования, и в первую очередь наркома обороны СССР и начальника Генерального штаба РККА, которые исключали саму мысль о ведении боевых действий в глубине собственной территории, привели к полному игнорированию проблемы сухопутной обороны прибалтийских морских баз. Бывший начальник штаба КБФ Ю. А. Пантелеев, оценивая неутешительные итоги начала войны, отмечал: «Мы пожинали плоды того, что посеяли: ведь мы собирались “воевать только на чужой территории”»⁵¹.

Основным недостатком оперативного плана Краснознаменного Балтийского флота (как, впрочем, и других флотов) накануне Великой Отечественной войны стала общая определяющая стратегическая линия советского военного руководства, исходящая из представления о «неподвижных» приморских флангах армии. Другой вариант действий военно-морским командованием (в частности, КБФ) не предусматривался. По мнению Военного совета флота, даже для располагавшейся вблизи границы военно-морской базы Лиепая не существовало равным счетом никакой угрозы. В первые дни войны база была перегружена боевыми и вспомогательными кораблями (часть из которых находилась в ремонте). Целый ряд ценных боевых кораблей (эсминец «Ленин» и 5 подлодок), которые не могли выйти в море, были взорваны.

Естественно, что никто из командования Прибалтийского особого военного округа, а также руководства КБФ всерьез не думал о возможности потери Главной военно-морской базы в Таллине. Считалось, что уж она-то находится в таком глубоком и безопасном тылу, что ей ничего не грозит. В немалой степени именно этим убеждением объяснялась поздняя и плохо организованная эвакуация ее гарнизона и кораблей Балтийского флота, имевшая столь катастрофические последствия для КБФ.

Советское высшее командование, исходя из имевшихся оперативно-стратегических планов, было уверено в том, что Красная Армия с первого дня войны будет уверенно наступать вглубь сопредельных территории, а Краснознаменный Балтийский флот окажет поддержку армии с моря. Подобное представление и, как следствие, безальтернативное планирование очень дорого обошлось как сухопутным войскам, так и в немалой степени Балтийскому флоту.

¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее: РГА ВМФ). Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 76. Л. 12–13.

² Председатель Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотов курировал вопросы, связанные со строительством РКВМФ.

³ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 76. Л. 17.

⁴ Там же. Л. 17–18.

⁵ Там же. Л. 18.

⁶ Там же. Л. 45–50. Данный документ не был подписан наркомом обороны СССР К. Е. Ворошиловым и наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым.

⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 76. Л. 45.

⁸ Там же. Л. 45–46.

⁹ Там же. Л. 47–48.

¹⁰ Там же. Л. 48.

¹¹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 681. Л. 13.

¹² Там же. Л. 13.

¹³ Там же. Л. 13–14.

¹⁴ Там же. Л. 14.

¹⁵ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 166. Л. 1–9.

¹⁶ Там же. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 1–2.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 2–3.

²⁰ Там же. Л. 3.

²¹ Там же. Л. 3.

²² Там же. Л. 3.

²³ Там же. Л. 3–4.

²⁴ Там же. Л. 4.

²⁵ Там же. Л. 4.

²⁶ Там же. Л. 5.

²⁷ Там же. Л. 5.

²⁸ Там же. Л. 5.

²⁹ Там же. Л. 8.

- ³⁰ Там же. Л. 8.
- ³¹ *Кузнецов Н.Г.* Накануне. Курсом к победе. М., 1991. С. 278–279.
- ³² РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 253.
- ³³ Там же. Л. 253–254.
- ³⁴ Там же. Д. 167. Л. 265.
- ³⁵ См. подробно: Там же. Л. 266.
- ³⁶ Там же. Л. 267.
- ³⁷ *Зонин С.А.* Адмирал Л. М. Галлер: Жизнь и флотоводческая деятельность. М., 1991. С. 335.
- ³⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 681. Л. 19, 65–75.
- ³⁹ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 166. Л. 27.
- ⁴⁰ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 681. Л. 26–28.
- ⁴¹ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 33.
- ⁴² Там же. Л. 6.
- ⁴³ Там же. Д. 147. Л. 23–24.
- ⁴⁴ Там же. Л. 28–29.
- ⁴⁵ Там же. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 384. Л. 348.
- ⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 134. Л. 312. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 711. Л. 61.
- ⁴⁷ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 711. Л. 62.
- ⁴⁸ Там же. Л. 253–254.
- ⁴⁹ *Кузнецов Н.Г.* Указ. соч. С. 233, 323–325.
- ⁵⁰ *Зонин С.А.* Указ. соч. С. 311–312, 335.
- ⁵¹ *Пантелеев Ю.А.* Морской фронт. М., 1965. С. 55.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИСТОЧНИКИ,
ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ**

Т. А. Базарова

**РУССКИЕ ПИСЬМА В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ
ШВЕЦИИ ИЗ ПЕРЕХВАЧЕННЫХ ПАКЕТОВ
НЕПРИЯТЕЛЕМ В НАЧАЛЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ ***

Во время Северной войны дипломатические депеши и важные донесения с театра военных действий обычно шифровались и доставлялись сопровождаемыми охраной гонцами. Нередко с последними посылали дубликаты донесений. Поскольку военной цензуры не существовало, даже частные письма, попав в руки неприятеля, могли дать ему важные сведения о дипломатических и военных планах противоположной воюющей стороны.

В Государственном архиве Швеции сохранились письма и другие документы, перехваченные в годы Северной войны у русских гонцов¹. Наиболее ранние из них относятся ко времени осады Нарвы 1700 г. — первой и неудачной операции Петра I в Северной войне. Это тринадцать писем русских солдат из-под Нарвы своим родным в Подмонастырскую слободу Псковского Печерского монастыря, отправленные не ранее 6 октября 1700 г. Письма написаны четырьмя различными почерками: самими солдатами или писарем под диктовку. За исключением одного, датированного 3 октября, и двух без даты, все письма датируются 6 октября. Согласно сохранившемуся реестру, шведы сделали выписки из тех посланий, которые со-

* Автор выражает признательность Шведскому институту (Стокгольм) за предоставленную возможность работать с материалами стокгольмских архивов и библиотек.

держали сведения о военных столкновениях и недостатке продовольствия и теплой одежды у русской армии².

Следующий пакет перехваченных писем состоит из десяти документов, написанных с 14 по 19 марта 1705 г. В этой связи Посольским приказом урядник Преображенского полка Афанасий Иванович Темирев должен был доставить в Гаагу русскому послу ближнему окольниковому и наместнику ярославскому Андрею Артамоновичу Матвееву указ Петра I от 14 марта 1705 г. «ехать из галанские земли для его Великого государя дел к французскому королю инкогнито». А. И. Темирев получил царскую грамоту, адресованную генерал-фельдмаршалу Б. П. Шереметеву «и генералом нашим, и региментарем, и полковником, и воинского чину офицером», которая обязывала их всячески содействовать уряднику, следующему в Голландию с государевыми «нужными письмами». Указ обязывал Б. П. Шереметева «велеть ево, Афонася, проводить до которых мест безопаснее, куда ему путь надлежит, чтоб ему от неприятельских людей проехать было безстрашно и безопасно». Судя по тому, что документы попали в руки шведов, гонец до Б. П. Шереметева, армия которого в начале 1705 г. находилась в Прибалтике, так и не добрался.

А. А. Матвеев (1666–1728), которому предназначался перехваченный шведами пакет, был одним из первых постоянных представителей России за рубежом. В 1699 г. он являлся русским послом в Голландии и пробыл там до 1712 г. В 1705 г. ему предстояло выполнить очень деликатную миссию: добиться приема при французском дворе, сохранив статус инкогнито, поскольку Матвеев являлся постоянным представителем России в воевавшей с Францией Голландии. Поводом для поездки А. А. Матвеева стал захват французскими каперами двух торговых судов под русским флагом в ходе войны за испанское наследство. И. С. Шаркова и А. Д. Люблинская, опубликовавшие французские записки петровского дипломата, полагают, что помимо возвращения судов и налаживания торговых отношений русский посол имел особое тайное задание. По их мнению, добившаяся крупных успехов в войне со Швецией Россия готова была начать мирные переговоры и искала посредников среди западных государей, поэтому «миссия А. А. Матвеева,

направленного в сентябре 1705 г. к Людовику XIV, имела прежде всего эту цель и в этом плане была секретной»³.

Таким образом, задержавшие русского гонца шведы узнали о намерении царя послать русского представителя для переговоров с французским королем еще за несколько месяцев до начала поездки. В архивном деле среди перехваченных шведами официальных бумаг находилась подробная инструкция («наказ») о действиях А. А. Матвеева при французском дворе, составленная Посольским приказом и заверенная тайным секретарем П. П. Шафириным. Помимо возвращения двух судов русскому дипломату следовало добиваться подписание взаимовыгодного торгового соглашения, которое установило бы прямую торговлю между Россией и Францией и могло позволить обходиться без посредничества англичан и голландцев. На нескольких страницах «наказа» подробно оговаривались условия заключения такого договора, и только в последних пунктах шла речь о возможном посредничестве французского короля между Швецией и северными союзниками по поводу начала мирных переговоров. А. А. Матвеев получил полномочия только обсудить этот вопрос, выслушать французские предложения, «взять на доношение, и о всем немедленно писать цифирью, а без указу о том в договоры ни в какие отнюдь не вступать и от себя ничего не предлагать».

Посланные «его великого государя любительная грамота ко французскому королю за государственную печатью и с нее списки русским и латинским письмом» в данном архивном фонде отсутствуют. К отправленным А. А. Матвееву из Посольского приказа официальным бумагам относится частично зашифрованное письмо Ф. А. Головина (от 15 марта). В незашифрованной части содержатся распоряжения относительно заключения торгового договора с Голландией, а также сообщение о посылке векселей на 700 рублей, предназначенных для «рботя тех, которых вице-адмирал оставил в Голландии ради обучения». Ф. А. Головин распорядился отправить всех учеников той же весной в Архангельск, «потому что изъянно их держать». Написанная «цифирью» первая часть письма не содержит следов расшифровки. Однако использовавшийся в годы Северной войны даже для дипломатических донесений

шифр простой замены чрезвычайно прост. Поэтому даже без «цифирной азбуки», но при наличии достаточно большого зашифрованного текста подобрать ключ обычно не составляет труда. Так, в начале письма Ф. А. Головин повторяет распоряжение Петра I ехать во Францию для возвращения «подданных его царского величества» кораблей, а также сообщает А. А. Матвееву об отправке ему государева указа и «его царского величества х королю французскому верующей грамоты», предлагая поездку «немедленно предвосприять». Однако ни о какой секретной миссии в этом документе речи не идет, более того, глава Посольского приказа рассматривает возможность, что А. А. Матвееву не удастся покинуть Голландию. «Буде тебе проехать будет опасно или иное какое знатное препятие учинится, то изволь, мой государь, послать нарочного гонца, дав ему от себя наказ з другою грамотою, которая за рукою государевою при сем же послана». Такую же ситуацию («на твой произвол») рассматривает и глава Ближней канцелярии Н. М. Зотов, послание которого датировано 19 марта 1705 г. Начало письма посвящено частным вопросам. Н. М. Зотов сообщает послу, что «дом ваш и деревни, и люди во благом состоянии пребывают», сожалеет, что «вексели дороговизною из меры вышли, просят из рубля по десяти алтын» и т. д. Однако из дальнейшего содержание послания становится очевидно, что А. А. Матвеев в своих донесениях царскому двору указывал на свое сложное материальное положение, которое могло бы препятствовать поездке. Оценивая ситуацию при дворе и передавая слова царя о возможной «прибавачной даче», а также обещание Ф. А. Головина выплатить тысячу золотых, думный дворянин пишет: «Я по должности своей советую вам в посольство ехать самому и волю государскую исполнить ко всякому лутчему добру».

Итак, Афанасий Темирев, как и многие другие посланные «по государевым делам» гонцы, помимо царских указов вез в голландское посольство и частные письма. Так, А. А. Матвееву Андрею Артамоновичу написала теща княгиня Анна Даниловна Брятинская (15 марта). Ее построенное по обычному для частной переписке формуляру письмо начинается с пожелания доброго здоровья своему зятю, его жене (и своей дочери) Анастасии Ермиловне⁴, внучке Марии и внуку Федору. Затем

княгиня сообщает о своем благополучном состоянии и благодарит А. А. Матвеева за присланные ей известия «о своем здравии и дому своего». После продолжительного вступления следует основная часть — сообщение об отправке с «капитаном» грамоты о назначении А. А. Матвеева послом во Францию и выплате ему ста золотых («а обо всем пространнее к тебе писал Никита Моисеевич»). Следующие три письма были адресованы обучавшимся в Голландии русским студентам.

Если в XVII в. поездки молодых дворян за рубеж для обучения наукам или мастерству были чрезвычайно редкими, то в эпоху Петра I они приобрели массовый характер. Так, в начале 1697 г., за несколько недель до отъезда Великого посольства, Петр I отправил двадцать восемь принадлежавших к знатнейшим фамилиям дворян в Италию и еще двадцать двух в Англию и Голландию — «учиться архитектуры и управления корабельного». За этой первой группой путешественников последовала вторая, состоявшая из «волонтеров» при Великом посольстве. Русские за границей учились не только морскому и военному делу, но также и другим предметам. Так, часть молодых дворян была отправлена в Берлин для изучения немецкого языка⁵. В следующие годы отправка молодых русских в Западную Европу не прекратилась. Так, например, летом 1703 г. вице-адмирал К. И. Крюйс определил на обучение в школу в Амстердаме тридцать трех человек⁶. Со временем число русских «школьников» в Голландии настолько увеличилось, что к ним был определен особый надзиратель — кн. И. Б. Львов.

Весной 1705 г. воспользовались оказией, чтобы послать весточки из дома своим обучавшимся в Голландии родным Н. М. Зотов, тайный секретарь П. П. Шафиров и старый подьячий Посольского приказа М. Р. Ларионов.

Большинство незнатных служителей Посольского приказа отправляли своих детей на учебу за границу добровольно, поскольку для них это была едва ли не единственная возможность продвинуть по службе своих сыновей. Однако представители знатных и богатых русских семейств также понимали, что лучший способ сделать карьеру в новое время — это получить хорошее образование, морскую профессию, выучить европейские языки. Например, в 1697 г. имевший уже внуков стольник

П. А. Толстой в возрасте 52-х лет среди молодых недорослей отправился за границу «овладевать науками и приобретать навыки кораблевождения». В Италии за два года он выучил язык и приобрел навыки в морском деле. Дальнейшая его карьера успешно развивалась на дипломатическом поприще. В 1702 г. он стал первым русским постоянным представителем при османском дворе.

Добровольно поехали учиться за границу и сыновья Никиты Моисеевича Зотова, учителя Петра I. В 1705 г. Конон Зотов уже плывал на английском судне, поэтому, несмотря на то что перехваченное шведами письмо было адресовано двум сыновьям, обращался стольник главным образом к Ивану Никитичу. Впрочем, в первых строках после пожелания здоровья и благополучия Никита Моисеевич укорил среднего сына за то, что «только написал о своей отъездке в Ротродам, а про Конона ничего не написал».

Карьера трех молодых людей, которым были адресованы письма, в дальнейшем была тесно связана с дипломатической деятельностью. Так, Иван Никитич Зотов (1687–1723) находился на обучении за границей с 1703 г., затем состоял переводчиком при А. А. Матвееве. Михаил Павлович Шафиров (1682 — после 1745) с февраля 1702 г. изучал языки и философию в Голландии, Саксонии и Бранденбурге. В 1706 г. по возвращении в Россию его зачислили в Посольский приказ переводчиком немецкого, французского и латинского языков⁷. Петр Михайлович Ларионов (ум. 1731) в 1699–1702 гг. получал образование в Берлине, а с 1703 г., продолжая обучение, состоял при А. А. Матвееве в Голландии нештатным переводчиком. Вернувшись в 1709 г. в Россию, он служил переводчиком в Посольском приказе, а затем в Коллегии иностранных дел⁸. И. Н. Зотов и М. П. Ларионов сопровождали А. А. Матвеева в поездке в Париж в 1705–1706 гг., а М. П. Шафиров в ноябре 1705 г. вернулся в Россию.

Основными пожеланиями московских родных заграничными студентам были жить по средствам и прилежно учиться. Так, Никита Моисеевич поучал сыновей: «Живите опасно и смирно», «учению прилежите, начатое доучивайте». П. П. Шафиров наставлял своего младшего брата («студюоза юристпруденции московского народа в Утрехте»): «Живи постоянно

и бережно, и даром не теряй денег, и оканчивай учение свое, чтоб не стыдно выехать». Если у двух предыдущих авторов писем, по-видимому, серьезных нареканий к поведению и учебе своих родственников не было, то М.Р. Ларионов был вынужден несколько страниц своего пространного письма уделить этой проблеме. Петр Ларионов не показывал должного усердия в приобретении знаний, не писал родителям «почт с десять», гулял и пребывал «в питье» и «нерадении». А.А. Матвеев и голландский купец Ф. Тессинг жаловались отцу «в трех почтах» на недостойное поведение студента. Подьячий же писал, «что ты, оставя Утрехт и прямую науку, живешь в Гаге, а учению никакому не прилежишь и не учишься <...> и то пишут, чтоб тебя взять к Москве, потому что пути в тебе на чай и денги даром на тебя теряют». М.Р. Ларионов укорял сына, грозя лишить его своего благословения: «Мы чаяли и от тебя утехи, и впредь себе нас старость порадования, а нам ныне вместо утехи принес несносную печаль и болезнь <...> я и мать твоя, слыша о твоих непорядочных поступках и лености, в слезах пребываем». Далее он наставлял Петра: «Учись по-иноземску жить бережно, трезво, они не токмо много пьют, но и пищу употребляют мерную, и живи в Утрехте у учителей добрых, и в академию как надлежит ходи». Отец наказал сыну написать «подлинно, что учишь, и что за что платишь».

Н.М. Зотов хотел, чтоб его сыновья в полной мере воспользовались возможностями пребывания в Западной Европе, познакомились с придворными обычаями и изучили иностранные языки. Поэтому он наказывал: «А немецкого языка не выучась вам не для чего к Москве ездить, разве на срамоту, потому что тамошние наши обыватели все выехали, изучася немецкого языка. И превысочайшему нашему монарху то годно, понеже его величество сам того языка добре изучен и сведом, такоже и с иноземцами без того языка обходитца невозможно». В письме А.А. Матвееву Никита Моисеевич высказал просьбу взять Ивана и Конона с посольством во Францию, «чтоб они той посольской церемонии были видом или делом, естли возможно, причастны <...> и прикажи, государь, им там жить постоянно, и чтоб себя имели за студенов и жили б осмотрительно, а не роскошно».

Однако даже такая, личная, на первый взгляд, переписка со-держала важную для неприятеля информацию. Шведы не толь-

ко узнали о назначении А. А. Матвеева послом во Францию и подробности его миссии, но и получили другие весьма интересные для них сведения. Например, Н. М. Зотов сообщил сыновьям и А. А. Матвееву о том, в ближайшее время он отправляется на службу «за великим государем», а его старший сын Василий с женой — в С.-Петербург.

Шведам достались не только письма, но и деньги, векселя, вещи, которые были отправлены с А. И. Темиревым из Москвы в русское посольство в Гааге. М. П. Шафирову вместе с письмом послали «матушка платок персидской, а племянницы <...> Анна да Марфа <...> своего рукоделия кошелек на деньги». Анна Даниловна Брятинская отправила зятю сто золотых из положенного ему жалования, которые с трудом удалось выхлопотать Н. М. Зотову («если б не он, и того б не было»). Однако вексель на основную часть денежного жалования посла (три тысячи золотых червонцев) с А. И. Темиревым «послать за скорой его высылкой не успели».

Весной 1705 г. А. А. Матвеев из-за перехваченной неприязнителя переписки не получил царской грамоты, инструкций и денежных векселей, отъезд посольства задержался на несколько месяцев. Русский посол выехал из Гааги в Париж «с своею фамилиею» (т. е. женой и детьми) только 5 сентября 1705 г. «Посольского дому было один человек пажа и всякого чину 9 человек», среди которых был и переводчик И. Н. Зотов, принимавший участие в переговорах с министром иностранных дел Ж.-Б. Кольбером маркизом де Торси и составивший по распоряжению А. А. Матвеева описание королевской резиденции Фонтенбло. Секретарем при посольстве состоял Петр Ларионов, который, по-видимому, внял настояниям отца и, вернувшись с посольством в Гаагу в 1706 г., вновь поехал в Париж, чтобы продолжить уже там свое образование⁹. В Париже русское посольство ожидали длительные переговоры, подробные согласования пунктов торгового соглашения и взаимных обязательств. Однако, несмотря на видимый благожелательный прием при королевском дворе, А. А. Матвеев потерпел неудачу, русские торговые корабли французы не вернули и торгового договора заключить не удалось. В ноябре 1706 г. русское посольство покинуло Францию и вернулось обратно в Голландию.

Материалы хранящихся в Государственном архиве Швеции русских писем, которые содержат не только уникальные сведения по внешней политике России петровского времени, но и по истории русской повседневности и семейных отношений, заслуживают самого пристального внимания исследователей.

¹ SRA (Stockholm). Extranea. Vol. 156, 157, ets. Пагинация в делах отсутствует.

² *Дадыкина М.М., Базарова Т.А.* Письма русских солдат из-под Нарвы 1700 г. (По материалам Государственного архива в Стокгольме) // Меншиковские чтения — 2008 (в печати).

³ Русский дипломат во Франции: (Записки Андрея Матвеева)/Публ. И. С. Шарковой, А. Д. Люблинской. Л., 1972. С. 7–8.

⁴ А. А. Матвеев вторым браком был женат на вдове Анастасии Ермиловне Аргамаковой (урожд. Барятинской).

⁵ *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. Т. I. С. 140–141.

⁶ *Титлестад Т.* Царский адмирал Корнелиус Крюйс на службе у Петра Великого. СПб., 2003. С. 43.

⁷ *Серов Д. О.* Администрация Петра I. М., 2007. С. 79.

⁸ Там же. С. 53.

⁹ Русский дипломат во Франции... С. 31, 60.

О. А. Кривдина

**СЮЖЕТ «ПОЛТАВСКАЯ БАТАЛИЯ»
В РУССКОМ ИСКУССТВЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.**

В 2009 г. отмечается 300-летний исторический юбилей Полтавской битвы. Обратимся к истории создания знаменитого монументального творения М.В. Ломоносова «Полтавская битва». Начало работы над мозаичной композицией относится к августу 1761 г., в январе 1765 г. произведение было завершено¹.

В истории русского искусства этого времени трудно найти более значительное и совершенное произведение, посвященное петровской эпохе. Это грандиозное мозаичное полотно могло быть создано исключительно благодаря уникальному таланту Михаила Васильевича Ломоносова. «Мозаика пленила Ломоносова своими возможностями, силой выразительности, колористическим богатством и, наконец, своим долгожитием. Это была не просто новая техника, а новая для того времени область искусства, охватывающая самые разнообразные жанры — историческую композицию, портрет, пейзаж. Мозаике, по убеждению Ломоносова, было подвластно обширное содержание, многообразие жизни, а художественный язык мозаики обладал столь сильной оригинальностью, что во многом превосходил живопись»², — писал А.Л. Каганович — крупнейший исследователь искусства XVIII в.

Обращаясь к истории создания этого уникального произведения середины XVIII в., отметим наиболее значительные факты и эпизоды. С 1749 г. Ломоносов начал проводить опыты в лаборатории Академии наук по производству красителей

для смальты. В 1753 г. он изготовил краски и представил их образцы в Императорскую Академию художеств, о чем писал П. С. Биллярский в «Материалах для биографии Ломоносова» в 1865 г.³ В 1752 г. Ломоносов выполнил свою первую мозаичную работу «Образ Богоматери» по картине Ф. Солимены.

В 1753 г. с разрешения Сената была основана Усть-Рудицкая фабрика по производству цветных стекол, размещавшаяся недалеко от Ораниенбаума у реки Рудица. В 1758 г. Сенатом был утвержден проект Ломоносова по созданию мемориального комплекса, посвященного Петру I и его историческим деяниям. В Петропавловском соборе планировалось реконструировать надгробия Петра I и Екатерины I. Ломоносовым были задуманы 17 монументальных мозаичных композиций на важнейшие исторические темы, среди которых особое место занимало изображение Полтавской битвы. Именно эта композиция была выбрана Ломоносовым первой для воплощения.

«Доносил Вам о зело превеликой и нечаемой виктории, которую Господь Бог нам чрез неописанную храбрость наших солдат даровать изволил... И единым словом сказать: вся неприятельская армия фаэтонов конец восприяла», — писал Петр I Ф. Ю. Ромодановскому 27 июня 1709 г.⁴ Основываясь на исторических фактах сражения, Ломоносов строит многофигурную композицию с учетом последовательности событий. Созданию мозаики предшествовало тщательное изучение произведений, созданных современниками Петра I. А. Л. Каганович сравнивал мозаику Ломоносова с картиной «Полтавская битва» Мартена-Младшего (Государственный Эрмитаж), делая вывод, что «он усвоил лишь некоторые детали и вполне самостоятельно организовал свое мозаичное полотно»⁵.

Действительно, монументальное полотно Ломоносов строит панорамно: крупный передний план, на котором слева выделена фигура Петра I на коне и рядом с ним его сподвижники — М. М. Голицын, Б. П. Шереметев, А. Д. Меншиков. Справа на переднем плане представлены атакующие шведов русские солдаты. Особый интерес представляет изображение Шереметева, стреляющего в шведского офицера, и фигура Петра I с саблей в руке. Именно эти фигуры, композиционно акцентированные на мозаике, имеют иконографические прототипы. При сравнении с рельефом «Полтавский бой», созданным

Б. К. Растрелли и А. К. Нартовым в 1720-е гг.⁶, удалось выявить не только сходство рисунка фигуры Петра I и Шереметева, но и сознательное повторение пропорций, ракурсов, элементов костюма, расположения складок. Закономерно, что Ломоносов ориентировался на этот рельеф, выполненный в Токарне Петра I для Триумфального столпа в Петербурге, проектировавшегося как монумент — прославление побед России в Северной войне. Исключительно достоверное изображение исторической битвы на рельефе утверждалось самим Петром I. Эпизод с Шереметевым, направившим руку с пистолетом на шведского солдата, замахнувшегося на находившегося близко от него Петра I, был повторен Ломоносовым с рельефа. Изменению подверглось положение и ракурс фигуры шведа. Вспомним, что Петр Великий «никого из своих сотрудников не уважал... больше Эрестферского и гумельсгофского победителя шведов Б. Шереметева, встречал и провожал его, по выражению очевидца, не как подданного, а как гостя-героя»⁷. После его смерти Петр говорил: «...его храбрость и верная служба не умрут и всегда будут памяты в России»⁸.

Характеризуя Петра I, В. О. Ключевский выделял его «неослабное чувство долга и вечно напряженную мысль об общем благе отечества, в служении которому и состоит этот долг»⁹. Петр на мозаике Ломоносова портретен и узнаваем, он крепко сидит в седле, одет в преображенский костюм. Лицу приданы черты, знакомые по портретам более поздним, чем время Полтавской баталии, здесь его облик больше соответствует времени 1720-х гг. Вспоминается описание Петра, приведенное Юстом Юлем в его «Записках» датского посланника при Петре Великом. Он вспоминал: «Царь очень высок ростом, носит собственные короткие коричневые, выющиеся волосы и довольно большие усы, прост в одеянии и наружных приемах, но весьма проницателен и умен. За обедом у оберкоманданта царь имел при себе меч, снятый в Полтавской битве с генерал-фельдмаршала Рейншильда. Он рассказывал мне о Полтавской битве...»¹⁰

Разбирая композиционные особенности многофигурной композиции, обратим внимание еще на одну фигуру — упавшего и защищающегося шведского солдата, размещенного в правой нижней части картины. В мозаике положение его поверженной

фигуры, прикрывающей рукой лицо от атакующего русского солдата, имеет также свой прототип в рельефе Б.К. Растрелли и А.К. Нартова. Различие состоит в том, что в рельефе лежащий швед защищается от скачущего на него всадника.

Тщательное изучение работ предшественников свидетельствует о стремлении достижения документального историзма, убедительности в передаче важнейшего исторического события. Приведем фрагмент «Описания составленной мозаичной картины Полтавския победы...», написанного Ломоносовым: «1. Наперед изображен Петр Великий на могущей лошади верхом, лицом в половину профиля, облик нарисован с гипсовой головы, отлитой с формы, снятой с самого лица блаженная память Великого Государя, каков есть восковой портрет в кунсткамере, а красками писан с лучших портретов, каковы нашлись в Санкт-Петербурге, по выбору, величиной сидячей в садень, а прочие по пропорции...

2. Представлен Петр Великий в немалой опасности, когда он в последний раз выехал к сражению, при наклонении в бегство Карла Второго надесять, наперед и назади Генералы и солдаты, охраняя Государя, колют и стреляют неприятелей.

3. За Государем бывшие тогда знатнейшие генералы: Шереметев, Меншиков, Голицын, коих портреты взяты с имеющих оригиналов...

4. Близо впереди гренодер со штыком, направленным в неприятеля, оглянулся на монарха, яко бы негодуя, что так далече отваживается.

5. Позади лежат куча разных опровержений: Шведская пушка с разломанным лафетом, лошадь и мертвый швед — изображаются тем следы побежденного неприятеля.

6. Далее в картине за следующими генералами видны штандарты, трапеты и литаврщики, также и знамена полков Российских»¹¹.

В колористическом решении фигур Петра и военачальников выявлен яркий контраст — красные мундиры генералов и зеленый мундир русского царя, соответствующий и повторяющийся в костюмах преображенцев. «Мозаика красочна, она поражает обилием колористических характеристик. Здесь различные сочетания красного, коричневого, тонко разработаны зеленые от темного на первом плане к легким, пронизанным

воздухом зеленым тонам в глубине», — писал А. Л. Каганович. При богатстве использованных цветов и оттенков в мозаике создана общая гармония колористического решения, усиливающая монументальное звучание произведения.

Продолжая описание мозаики, Ломоносов объяснял: «7. Далее от переду в середине картины изображены поверженные неприятельские трупы, обороняющиеся еще от наступающих Россиян. Шведы, где сильная и густая стрельба производит великий дым, причем видны взятые в начале сражения шведами редуты с Российскими и шведскими телами.

8. Еще подалее от переду представлен пленный шведский генерал, которого поднимают, дряхлого и унылого, окружившие российские солдаты.

9. В некотором отдалении изображен Карл Второй надсять в простой коляске, кругом его трабанты, из коих некоторые, поворачивая коляску назад, уговаривают спастись бегством, но он, протягивая пистолет рукою вперед, еще в бою порывается, перед ним жестокое сражение россиян со шведскими трабантами.

10. На горизонте представляется город Полтава с дымом от пушечной пальбы.

11. По правую руку бегущие шведские полки и гонящие россияне, а по левую ретраншамент Российской и выступившие из него полки, не бывшие еще в сражении»¹².

Судя по описанию мозаики, оставленному Ломоносовым, его желание представить правдивое изображение великих подвигов Петровых соответствовало пониманию и требованиям, предъявляемым самим царем к искусству. «Произведения искусства должны были, по мысли царя, служить либо украшением, либо символом, наглядным пособием, дающим людям знания или назидательные примеры для их морального совершенствования»¹³. Безусловно, таким уникальным примером героизма российских солдат являлся Полтавский бой — яркий эпизод военных побед Петра I и его сподвижников.

Выполнение мозаичного набора велось Ломоносовым в специальной мастерской, устроенной на территории его петербургской усадьбы на набережной реки Мойки¹⁴. Размер создававшейся мозаики был значителен — 4 метра 81 сантиметр на 6 метров 44 сантиметра. Мозаичный набор производил сам Ломоносов с помощниками — Г. Бухгольцом, М. Васильевым,

Е. Мельниковым¹⁵. Высоко оценивая успешные мозаичные работы Ломоносова, Императорская Академия художеств в 1763 г. избрала его своим почетным членом. Спустя год во Флоренции в «Ученых флорентийских ведомостях» была опубликована корреспонденция из Петербурга, знакомившая итальянцев с созданием мозаики «Полтавская битва», на русском языке этот текст был напечатан в «Ежемесячных сочинениях и известиях о ученых делах»¹⁶. В указанных публикациях впервые дается заслуженно высокая оценка мозаике Ломоносова, оценивается ее композиционное построение, художественное выполнение, красота колорита смальты. Там же подчеркивается, что «...Лицо Петра сделано чрезвычайно похожим, так как скопировано с гипсовой маски, отлитой с натуры, и лучших портретов этого государя. Не менее похожи и фигуры его генералов»¹⁷.

Из исследователей, посвятивших свои труды мозаикам Ломоносова, выделим В. К. Макарова¹⁸, М. С. Бунина¹⁹ и А. Л. Кагановича²⁰. Их публикации вышли в свет в 1950–1970-е гг. и объективно оценивали значение мозаичного полотна «Полтавская баталия». «Оно было подлинно новаторским, глубоким по содержанию и совершенным по художественной форме», — писал Каганович²¹. Он же привел сведения об истории бытования этого произведения, относящиеся ко времени его перемещений по Северной столице уже после смерти М. В. Ломоносова 4 (15) апреля 1765 г. Известно, что со склада Канцелярии строений мозаика в 1780-е гг. была перевезена в здание Императорской Академии художеств. В 1900 г. она находилась в Обществе поощрения художеств. В дни двухсотлетнего юбилея Академии наук в 1925 г. мозаичное полотно было размещено на парадной лестнице величественного здания Академии наук в Петербурге, построенного в 1783–1789 гг. по проекту итальянского архитектора Д. Кваренги. В классическом интерьере мозаика предстает ярким гигантским полотном, с четко выделяющимися фигурами всадников и солдат-пехотинцев на поле боя. По желанию создателя мозаики его творение «пренесет в настоящее время минувшая российския деяния показать древнюю славу праотцев наших»²². Не случайно выбор Ломоносова пал на Полтавскую баталию, и она благодаря его удивительному таланту обрела убедительную, мощную художественную форму.

¹ Приводим датировки, введенные А.Л. Кагановичем в его альбоме: Полтавская баталия. Мозаика М.В. Ломоносова. Л., 1976. С. 12–13.

² Там же. С. 5.

³ *Билляркий П. С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. Т. 2. С. 191.

⁴ Русский архив, 1865, № 5–6. С. 661. Опубликовано: *Калязина Н.В., Комелова Г.Н.* Русское искусство Петровской эпохи. Л., 1990, № 82.

⁵ *Каганович А.Л.* Указ. соч. С. 19.

⁶ Рельеф «Полтавский бой» воспроизведен: *Калязина Н.В., Комелова Г.Н.* Указ. соч. Л., 1990. № 82.

⁷ *Клюжевский В. О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 209.

⁸ Там же. С. 210.

⁹ Там же. С. 194.

¹⁰ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711) // Петр Великий. Серия: Государственные деятели России глазами современников. М., 1993. С. 88.

¹¹ *Каганович А.Л.* Указ. соч. С. 19–21. Опубликовано в: *Макаренко Н.Е.* Мозаичные работы Ломоносова // Ломоносов и елизаветинское время. Выставка. Т. 8. Пг., 1917. С. 114–115.

¹² Там же. С. 22–23.

¹³ Петр Великий. Серия: Государственные деятели России глазами современников. М., 1993. С. 20.

¹⁴ *Каганович А.Л.* Указ. соч. С. 12.

¹⁵ Ломоносову помогали его юные воспитанники — Я. Шалауров, М. Мешков, Ф. Нестеров, С. Романов (см.: *Каганович А.Л.* Указ. соч. С. 11).

¹⁶ Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. Спб., 1764, май. С. 467. Опубликовано в кн.: *Макаров В.К.* Художественное наследие М.В. Ломоносова. Мозаики. М.; Л., 1950. С. 12–13.

¹⁷ Там же. С. 12–13.

¹⁸ *Макаров В.К.* Указ. соч. М.; Л., 1950.

¹⁹ *Бунин М.С.* Мозаика М.В. Ломоносова «Полтавская баталия». М.; Л., 1961.

²⁰ *Каганович А.Л.* Указ. соч. Л., 1976.

²¹ Там же. С. 25.

²² *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. VIII. С. 808–809.

В. Е. Возгрин

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ДРАМА —
ДАТСКИЕ ИСТОРИКИ
ДО И ПОСЛЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАТАСТРОФЫ 1864 г.**

В настоящее время российской исторической наукой практически не исследована датская историография. И в академическом фундаментальном труде «История Дании с древнейших времен до XX века»¹ отсутствует даже небольшой очерк на эту тему, хотя он имел бы важное значение для постижения датской культуры в целом. Коснемся переломной эпохи в истории датской исторической науки, чтобы отчасти восполнить эту лакуну в отечественной историографии Нового времени.

В конце XVIII в. датская университетская² историческая наука всецело находилась под обаянием идей Гердера и его единомышленника, итальянца Дж. Вико, об истории как отражении органического всеобщего развития и в живой, и в неживой природе. А значит, в жизни человеческого общества, находившегося на одном из уровней «мирового организма». И датским историкам был в полной мере присущ гердеровский оптимизм. Они рассматривали историю человечества в качестве последовательного и естественного процесса развития, направленного к идеалам гуманности, к достижению всеобщего счастья.

Однако потрясшие Европу события 1770–1800-х гг. (революция во Франции, наполеоновские войны, которые стоили Дании утраты Норвегии) вызвали к жизни совершенно иные представления о предмете истории: человек стал восприниматься как историческое существо, а каждый народ — и как продукт, и одновременно как творец истории, как ее объект

и субъект, как само «тело» истории. Тогда же обозначился переход от патриотической к национальной идеологии (или «национализму»), как ее кратко именуют датские историки культуры. Поскольку семантика этих терминов, особенно последнего, в русском языке несколько иная, остановимся на нем кратко.

Датское просвещенное общество той эпохи понимало под патриотизмом чувство преданности монарху и его домену (королевству), а под «национализмом» — нечто совсем иное, а именно ощущение принадлежности к народу, своеобразия и неповторимости которого объясняется общим языком, общей историей тысячелетнего существования в окружении уникального датского ландшафта, в единой державе, состоящей из собственно Дании и ее неотъемлемой части — герцогств Шлезвиг и Гольштейна³. При этом гоббсовская абстрактная идея естественного права в международных отношениях обретает здесь более современную и вполне конкретную форму в понятии суверенитета народов и наций, а также правомерности борьбы за его сохранение.

Тем не менее упомянутая метаморфоза, произошедшая в умах просвещенных датчан, даже в начале XIX в. не нашла себе отражения в историографии датского позднего романтизма. Внимание публики и писателей скорее привлекает эпическая мощь и эстетика преданий о героях, уже появляющихся в переводах со средневековой латыни. Один за другим выходят в свет исторические романы столь же героического содержания, где короли играют отнюдь не последнюю роль (сочинения Й. Эвальда, Б. С. Ингемана, позднее Карит Этлар). Однако этот профессиональный застой не мог длиться в исторической науке Дании вечно.

Бурный экономический подъем датской экономики начала 1830-х гг. принято связывать с эпохой «национального пробуждения»⁴, что сказалось и в области национальной культуры, в частности науки. Ряд историков (К. Ф. Аллен, Ф. Ширн, К. Палудан-Мюллер, П. Е. Мюллер, Х. М. Вельшовс) обращает первостепенное внимание на анализ источников средневекового и более позднего происхождения. Прежде обращение к письменным источникам было довольно своеобразным. Источниками почитались ранние (иногда весьма старинные)

исторические произведения авторов, заслуживавших доверия. Что же касается широкого использования истинных, то есть современных событиям «первоисточников», то оно было sporadическим и второстепенным даже для знаменитых авторов XVIII в. Например, для Л. Хольберга, опиравшегося на произведения историка XVI в. А. Хуитфельда (а тот — на еще более ранние сочинения) или для более позднего Н. Ф. С. Грундтвига, почти всецело полагавшегося на сообщения таких заведомо субъективных хронистов, как, например, Саксон Грамматик.

Наиболее известным в первой половине XIX в. стало сочинение К. Ф. Аллена⁵, которое в течение многих лет являлось единственным надежным сводом хронологически скомпонованных сведений по истории Дании. Основополагающие выводы в этом труде были сделаны целиком в национал-либеральном духе. Главным героем книги предстал народ, прошедший долгий путь от свободы и национальной мощи Средневековья — через феодализм, папизм, мрачные годы господства голштинской династии (начиная с Кристиана I, 1426–1481) и экономического всевластия Ганзы — к его медленному возрождению под королевской властью, укрепившейся в 1660-х гг. и, наконец, к обретению датчанами национальных достоинства и самосознания в эпоху Великих аграрных реформ 1784–1800 гг.

В творчестве упомянутых историков заметно влияние идей Гегеля относительно прогрессивного развития цивилизации, хоть здесь нет и следа гегелевской диалектики. Отправной точкой в научном творчестве историков «романтической» школы была вера в некий народный дух как в движущую силу истории. Закат этой школы во многом был вызван самими драматическими событиями в истории Дании XIX в., да и позже — Первой и Второй войн за Шлезвиг-Гольштейн (1848–1850, 1850–1864).

Не вдаваясь в историю этих войн, достаточно хорошо изложенную в доступных читателю трудах российских историков⁶, отметим лишь, что поражение Дании и утрата в результате войн $\frac{2}{5}$ территории и такого же относительного количества подданных (около 200 000 датчан, оказавшихся под германской властью и обреченных на онемечивание) были во многом

вызваны тяжелыми ошибками датского правительства в предвоенный период. Одной из них стало сведение двух политических проблем — голштинской и шлезвигской — в единую «проблему герцогств». Такое смешение неотъемлемого права Дании на Шлезвиг и спорного — на Гольштейн было выгодно прежде всего Берлину, стоявшему за включение обеих земель в состав Германского союза, а на деле — в состав Пруссии. Не смогли копенгагенские политики избежать и других ошибок, в конечном счете приведших к упомянутой национальной катастрофе.

Как признают современные датские историки, не только Пруссия, но и Дания допускала исключительно военное решение Шлезвиг-голштинского вопроса. Но если Пруссия, многократно превосходившая Данию в военно-экономическом отношении, прекрасно подготовила свою армию к наступательным боевым действиям, то датское командование заранее готовилось исключительно к обороне. Именно по этой причине инициатива была утрачена сразу после того, как прусские части взломали в 1848 г. южную границу Дании. И тут же выяснилось, что датское войско практически необучено, «напоминая скорее [иррегулярную] милицию, к тому же военное министерство постоянно впутывалось не только в стратегию, но и в тактику главного командования», мешая ему⁷. Когда же военные действия были прерваны для мирных переговоров, то в Лондоне, где Бисмарк уже соглашался установить новую, щадящую чувства датчан границу по линии Обенро-Тёнинг (т.е. практически вдоль старого южного рубежа Шлезвига), последние проявили такую неуступчивость, что нейтральные посредники стали на сторону прусской стороны. Поэтому и условия Лондонского мира 1850 г. оказались для Дании крайне тяжелыми⁸.

Как небезосновательно утверждают некоторые датские историки, именно военная катастрофа привела к фундаментальной метаморфозе в национальной историографии⁹. Действительно, уже в 1868 г. появляются первые разработки А. Д. Йоргенсена (1840–1897), целиком посвященные критическому анализу датской политики предвоенных и военных лет¹⁰. А. Д. Йоргенсен считал, что утрата герцогств стала результатом преступного легкомыслия копенгагенских политиков, поставивших под

угрозу и само существование суверенной Дании. В его воспоминаниях содержатся суждения, сохранившие актуальность едва ли не до нашего времени, причем не только для Дании: «Поскольку у нас есть будущее, — думал я тогда, — то нужно строить его на трезвом понимании общей ситуации, в которой находится наш народ. Мы не можем жить фантазиями о великом будущем или блестящем настоящем, и именно поэтому нам столь необходимо непредвзятое понимание нашего прошлого»¹¹.

У этого автора появились последователи, которые широко привлекали в своих исследованиях датские и иностранные источники. Цель таких работ кратко обозначил один из самых известных в Дании историков К. Палудан-Мюллер (1805–1882). Он считал, что жизненно необходимо «дать нашим соотечественникам более правильные представления об истории, чем принадлежащие известным фантазёрам, а также развеять иллюзии, которые уже принесли столько несчастий нашей стране»¹².

При этом К. Палудан-Мюллер заходил в позитивистском эмпиризме весьма далеко, в своей главной работе призывая читателей прилежно зондировать текст книги, буквально «протискиваясь» между изложенными в ней сухими фактами вглубь живого тела национальной истории. Более того — не доверять даже разъяснениям и выводам автора, рассматривая их лишь «как его частные соображения об истории, не более того»¹³.

Количество таких работ вскоре переросло в качество: перед датской историографией впервые встал вопрос о новой методологии научного поиска и в целом о переходе от романтического направления в науке к более реалистичному, основанному не на сложившейся национальной традиции, не на философских априорных рассуждениях, а строго на документальных источниках.

Первопроходцем здесь был датский ученый Б. Г. Нибур (1776–1831), которого иногда не вполне обоснованно относят к историкам Германии¹⁴. Эпохальной стала его аналитическая теория о происхождении источника. Ученый считал необходимым, прежде чем использовать тот или иной документ, выяснить, кем, в какой ситуации и на какой

информативной основе он был создан, установить степень его объективности и т.д. Лишь после этого исследователь может судить о сравнительной ценности такого наследия прошлого. Собственно говоря, это была вполне зрелая теория, положившая начало новому направлению в европейской историографии, позднее получившему имя «историзма» (см. ниже), а в Дании нашедшая приверженцев в лице выдающихся историков середины XIX в. К. Ф. Аллена (1811–1871) и К. Палудана-Мюллера.

Этот поиск новой, чисто позитивистской историографической методологии не имел в Дании теоретически выверенного вектора, шел стихийно, что не могло не сказаться на некотором разброде в поисках университетскими историками новых путей. Поэтому далеко не случайно некоторые ученые, наиболее остро ощущавшие необходимость приведения этих поисков в систему, обращают взоры на центр европейской исторической науки той эпохи — Берлин.

Знакомство датчан с достижениями германских ученых длилось не первое десятилетие. Однако лишь считанные ученые были серьезно увлечены передовыми (по тем временам) трудами и методами и знаменитого Л. Ранке (1795–1886), творчески развившего теорию копенгагенца Б.Г. Нибура. С именем Ранке стали связывать упоминавшийся «историзм», то есть учение о примате источников по отношению к отвлеченным идеям и искусственно сконструированным моделям.

Прусский «историзм» был привлекателен для датских историков прежде всего своим акцентированным вниманием к роли национального начала и государства в процессе успешного развития народов. Но для раскрытия этих тем был важен выбор источников, а датские университетские ученые работали в ту пору главным образом в столичном Королевском архиве¹⁵, где были представлены почти исключительно акты государственного значения. Поэтому все историки, включая К. Ф. Аллена с его пристальным вниманием к историческим судьбам датского крестьянства, неизбежно приходили к выводу, что анализ политики государственного центра и судеб конкретных национальных лидеров дают для понимания духа эпохи больше, чем изучение народного быта или исследования

истории структурных перемен в широких социальных структурах.

С другой стороны, прусская школа историзма уже в 1850-х гг. стала отчасти неприемлемой для датских ученых по идеологическим и политическим мотивам. Такие ученики Л. Ранке, как И. Г. Дройзен, Г. Зибель или Г. Трейчке, пошли дальше своего профессора, утверждая, что настоящее и будущее принадлежат нациям, у которых хватает волевой инициативы для осуществления политики силы, и что именно такая инициатива в ее конкретных выражениях является важнейшим аспектом в исследовании национальной истории. Кроме того, они (как и другие малогерманцы) стояли за сильную центральную власть в форме абсолютной монархии — конкретно Пруссии.

Дания же к этому времени прошла через кровопролитные Первую и Вторую шлезвигские войны с Пруссией, которые явились осуществлением упомянутой идеи малогерманцев. Была и еще одна причина охлаждения датчан к научно-политической программе прусских ученых — как правило, верных подданных своего короля. 5 июня 1849 г. Фредерик VII утвердил новую датскую конституцию, существенно отличавшуюся от Королевского закона Пруссии. Она была признана одной из наиболее демократичных конституций тогдашней Европы и «послужила основой для дальнейшего развития датского общества, для превращения его в общество всеобщего благосостояния и демократии»¹⁶.

Но обратимся к конкретным событиям, содействовавшим упомянутому перелому в датской историографии. Молодой историк из Копенгагена Кристиан Эрслев (1852–1930) вместе с группой столь же молодых архивистов основал в 1877 г. «Общество издания источников по датской истории» (*Selskabet for Udgivelse af Kilder til dansk Historie*). Он исходил из того, что ранее издававшиеся публикации — например, в много-томном собрании «*Monumenta historiae Danicae*» — содержали неточности и были ниже современного уровня требований, которые предъявлялись к такого рода изданиям, в частности, в Германии. Туда он и отправился в 1878 г. Утверждают, что полгода, проведенные им в Берлине, стали решающими для научной карьеры К. Эрслева, как и для всей датской исторической науки¹⁷.

В научной жизни Германии несколько угасшее было увлечение идеями Л. Ранке вновь стало всеобщим. Сторонники методологического направления, которое получило имя «неоранкеанства», требовали абсолютной, беспощадной объективности исследования. При этом они парадоксальным образом утверждали, что государство является не только инструментом власти, но и самоценным источником общественной морали и даже личной этики подданных монарха¹⁸. Любопытно, что датского ученого подобное смешение науки и политики оставило равнодушным, так как основное внимание во время своей поездки он уделял новым канонам издания источников. Что вполне объяснимо: как упоминалось выше, в ту эпоху именно в Германии культура публикаций была высочайшей в Европе, она могла стать образцом и для Дании.

К. Эрслев утвердил в научной жизни своей родины более высокие требования к практике публикации и критическому использованию источников, что стоило ему больших усилий. Как он вспоминал впоследствии, эта задача была трудна еще и потому, что в проблемах методологии ему противостояли гениальные ученые, обладавшие огромным авторитетом в университетских и общественных кругах: «Метод критики источников был более всего развит в Германии в то время, когда мы относились к немецкой науке с холодным равнодушием... К. Палудан-Мюллер был выдающимся критиком источников, это была критика гения: он брался за ту или иную трудную проблему и освещал ее под новым углом, опираясь на свою пронизательность и неумолимую логику». Но при этом у него бывали и ошибки, подчеркивал Эрслев, противопоставлявший¹⁹ гениальной интуиции своего предшественника научные методы анализа источников. Более того, он считал, что именно талантливые ученые наиболее склонны к произвольному и субъективному подходу к этой задаче, и здесь гений критика становится помехой, негативным фактором в строгой аналитической дисциплине источниковедения, требующей прежде всего постановки двух главных вопросов к автору того или иного текстового источника: «1) Откуда у тебя эти сведения? 2) Можно ли положиться на тебя?»²⁰.

По возвращении из Германии К. Эрслев буквально вдохнул в деятельность упоминавшегося выше публикаторского

«Общества» новую жизнь. Интересно, что здесь находили общий язык ученые самых разных направлений — от новатора-позитивиста И. А. Фридеричии до консерваторов Э. Хольма или И. Стеенструпа, вообще скептически относившегося ко многим идеям Эрслева. В этом кружке постоянно шли горячие споры, например, о ценности или бессмысленности для науки критики источников.

В этом смысле весьма показательна разгоревшаяся в 1867 г. эпистолярная дискуссия между К. Алленом и К. Палуданом-Мюллером. Предметом ее стали известные события Стокгольмской кровавой бани 1520 г., когда ради утверждения датской власти в Швеции люди Кристиана II убили 80 знатных шведов. К. Аллен, как известно, симпатизировавший этому королю, не то, чтобы оправдывал его поступки, но пытался доказать в третьем томе своего фундаментального труда²¹ их историческую неизбежность в ситуации, сложившейся по прибытию датчан в Стокгольм. При этом он не смел опираться исключительно на источники, сомневаясь в их информативной ценности, а делал основные свои выводы на логической основе. К. Палудан-Мюллер, напротив, утверждал, что король мог прибыть в Швецию с уже готовым планом ликвидации местной политической элиты, и К. Аллен создал голую апологию действий датчан и т. п.

Анализ этой острой дискуссии²² свидетельствует, во-первых, о возросшем значении нового направления в датской науке, и, во-вторых, о сомнениях обоих ученых в адекватности самих источников XVI в. имевшему место событию (это были в основном заметки современников). Такие записи, в особенности сделанные *post factum*, могли быть необъективны. Этот научный диспут был далеко не единственным на собраниях кружка Эрслева, но при всех разногласиях такого рода энтузиастов «Общества» объединяло главное: понимание необходимости систематического издания источников по датской истории, причем в соответствии с самыми строгими требованиями и нормами. И это им удавалось: сборники «Общества» стали первым датским научно-историческим изданием международного класса.

Некоторые датские историографы не без основания относят это достижение к заслуге исключительно К. Эрслева или

по меньшей мере его поколения молодых историков²³. Однако они зачастую упускают из внимания, что К. Эрслев имел предшественников и что семена, привезенные им из Германии, упали на хорошо подготовленную почву.

Так, один из наиболее значительных историков Дании своего времени К. Палудан-Мюллер во многих отношениях являлся предтечей К. Эрслева. Более того, он был наставником этого начинающего историка, впитавшего идеи своего учителя, прежде всего его методологию критики источников. И, конечно, гораздо раньше К. Эрслева и его кружка, еще в начале 1840-х гг., К. Палудан-Мюллер стал известен трудами, написанными в духе «историзма», в которых датский ученый утверждал, что человек развивается в ходе истории, поэтому и историческая наука — средство созидания человека. Здесь же он высказал свое мнение о критике источников как основе исторического исследования, поскольку они — не что иное, как внешняя форма исторической традиции, отчего и анализ их является единственным путем к познанию прошлого²⁴.

Впрочем, и К. Палудан-Мюллер, и более поздние ученые из кружка К. Эрслева были далеки от того, чтобы слепо перенимать прусский метод «историзма». Такие склонные к «национализму» историки, как упоминавшиеся выше Й. Стеенструп, Э. Хольм, А. Д. Йоргенсен, А. Фабрициус и даже ученик Эрслева, специалист по внутренней и внешней политике Дании Оге Фриис (1870–1949), не питали больших надежд на универсализм позитивистского подхода к источникам на заключительной стадии подготовки своих трудов, то есть в процессе творческого синтеза собранного и обработанного фактического материала. В то же время они признавали высокую ценность научных норм публикации источников, внедренных К. Эрслевом. Это ученое сообщество ярко демонстрировало внепартийное единство профессионалов различных школ и направлений во имя новой, современной источниковедческой методологии.

Как же влияли все эти историки и опубликованные результаты их творчества на датское общество и, в частности, на политическую элиту? Прежде всего, нужно отметить, что в Дании (как и в других европейских странах) на протяжении столетия с 1814 до 1914 г. был отмечен необычный, взрывной подь-

ем интереса к отечественной истории — это факт известный. Используя это волну, историки постепенно распространяли в обществе свой всё менее этноцентричный, но исходящий из реальной ситуации, трезвый взгляд на положение Дании в Европе.

Прусская идеология, основанная на политике силы как основного средства самоутверждения наций, стала крайне непопулярной в Дании. То есть в обществе, где после национальной катастрофы 1864 г. все больший вес стали набирать совсем иные приоритеты и мнения, вполне разделявшиеся датскими историками. Появляются труды, критичные по отношению к таким мистическим понятиям, как «дух времени», «зов крови», «заветы предков» и пр., исследования становятся более органичными. Их авторы (И. А. Фридеричия, М. Рубин, Э. Аруп, первый значительный историк народного быта Т. Троельс-Лунд и др.) вплотную приближаются к «почве», значительное место в круге их научных интересов теперь занимают экономические и социально-исторические проблемы общества.

Эта перемена в общественном сознании была всеобщей; позднее всего она задела и народное просвещение. С появлением учебников по истории для старшекласников Й. Оттосена и П. Мунха либеральные идеи стали проникать в школу, где датский «национализм» был тщательно стерт уже из пособий для младших классов. С другой стороны, одновременно стало гораздо большее внимание уделяться изучению национальной истории — причем как в общеобразовательной, так и латинской (т. е. подготовительной для поступления в университет) школах. Это меняло взгляд всего подрастающего поколения на суть перемен во внешней и внутренней политике Дании, на эволюцию международных отношений в целом. Произошли положительные перемены и в высшей школе.

На историческом факультете Копенгагенского университета давно уже можно было защищать магистерские или докторские диссертации по истории. Это повышало статус диссертанта в ученом обществе, но слабо влияло на его социальное положение. В то же время на теологическом и естественном факультетах выпускники сдавали так называемый экзамен

на преподавательскую должность (skoleembedsexamen), что имело решающее значение для дальнейшего трудоустройства на государственной службе. Поэтому даже такие перспективные историки, как К. Аллен или К. Палудан-Мюллер, были вынуждены в свое время сдавать этот экзамен на теологическом факультете. Начиная с 1883 г. такая возможность появилась и на историческом факультете. Кроме того, изменились и учебные университетские программы: теперь гораздо большее внимание уделялось вспомогательным дисциплинам вроде источниковедения или нумизматики²⁵.

В целом же все более крепнувшая в последней четверти XIX в. ориентация на развитие гражданского общества делала датскую историографию менее «националистической», но в своем роде не менее национальной. В то же время внимание ученых, как и в былые времена, почти целиком концентрировалось на истории Дании. Общекультурные исследования при этом дополнялись и обогащались трудами, где на свежем материале формировалось новое, куда более богатое и обоснованное понимание локальной истории и традиций. Это направление национальной историографии поддерживалось и радикалами, и обретавшими все большую популярность сторонниками социалистических учений. При этом все они, без различия партий и школ, крайне отрицательно относились к любым проявлениям шовинизма и реваншизма.

Здесь имеется в виду старая, но все еще большая проблема утраченного в 1864 г. Шлезвига. Отношение к ней становилось со временем более сбалансированным. Конечно, известия о том, что национальная культура, в том числе язык шлезвигских датчан, всячески подавляются немцами, не могли не вызывать сочувствия в обществе и, в частности, у датских историков. Тем не менее преобладающим становится более трезвый, реалистичный взгляд на перемены. В этом смысле заслуживает внимания точка зрения более позднего историографа К. Фабрициуса (1875–1967), утверждавшего, что никакого прорыва или перелома датская историческая наука после 1864 г. вообще не пережила, хотя в ней и появилось нечто качественно новое. По его мнению, если переворот и имел место, то скорее в мировоззрении образованной части общества, которому стал свойственным, среди прочего, позитивистский

подход к проблеме смысла и значения исторической науки. И лишь затем новые оценочные нормы вошли в плоть и кровь практически всех датских историков²⁶.

И, что весьма важно, автор изложил при этом свою точку зрения на значение упомянутой метаморфозы в дальнейшем: «Новое мировоззрение, то есть иная позиция в национальной, религиозной и социальной сферах как таковых, вышла за рамки науки. Мировоззрение вообще субъективно, метафизично и, следовательно, ненаучно. Но оно насковзь пропитало датскую историографическую традицию начиная с тех пор и до примерно 1970-х гг.»²⁷.

Этот сдвиг повлиял и на тематику исследований. Крупнейшие историки Дании конца XIX — начала XX в. редко создавали труды, посвященные отечественной истории, точнее — истории страны и народа. При этом упомянутая выше локальная историография, переживавшая свой первый, бурный расцвет, была целиком отдана на откуп локальным же преподавателям высшей народной школы²⁸ и хорошо образованным дилетантам, в свободное время прилежно исследовавшим провинциальные архивы и издававшим вполне профессиональные работы, которые печатались в местных ежегодниках и в более или менее регулярно выходивших сборниках научных обществ, теперь имевшихся во многих датских городах.

Подводя итог, отметим особо, что своеобразный прорыв, который наблюдался в датской историографии 1870–1880-х гг., был прямым продолжением перемен, наметившихся в кругу копенгагенских историков первой половины XIX в. Он был, безусловно, своевременным — как очередной шаг в развитии датского общества и, следовательно, живого, естественно меняющегося организма национальной историографии.

¹ История Дании с древнейших времен до XX века. М., 1996.

² С позднего Средневековья Дания располагала двумя университетами — старинным Копенгагенским и более современным Кильским. В 1864 г. последний отошел к новым, немецким хозяевам Шлезвига.

³ *Baggesen S. Historie og natur // Dansk litteraturhistorie. Bd. V. Borgerlig enhedskultur. København, 1984. S. 502.*

⁴ *Thomsen H. Hovedstrømninger 1870–1914: Idélandskabet under dansk kultur, politik og hverdagsliv. Odense, 1998. S. 153.*

⁵ *Haandbog i Fædrelandets Historie... Kjøbenhavn, 1840.*

⁶ История Дании с древнейших времен до XX века. С. 282–300. (Более подробный обзор военных действий см.: Война 1864 г. в Дании. Составил Генерального Штаба полковник [М. О.] фон Блом. СПб., 1892).

⁷ *Nielsen J. 1864: Da Europa gik af lave. Odense, 1987. S. 356.*

⁸ *Ibid. S. 357.*

⁹ *Stybe S.E. Universitet og Åndsliv i 500 År. København, 1979. S. 170–171.*

¹⁰ Основной труд на эту тему был позднее переведен на русский язык: *Ïëргенсон [А.] Д. Шлезвиг-Гольштинский вопрос/Рус. пер. Г. Ланге. М., 1898.*

¹¹ Цит по: *Hørby R. Den nationale historieskrivning i Danmark. København, 1978. S. 45.*

¹² Цит. по: *Stybe S.E. Universitet og Åndsliv i 500 År. S. 172.*

¹³ *Paludan- Müller C. De første Konger af den Oldenborgske Slægt. København, 1874. S. 378.*

¹⁴ Б. Г. Нибур родился в семье копенгагенских немцев и получил образование в тогда еще датском Кильском университете. Впоследствии он стал знаменит своими теоретическими докладами в Германии, повлиявшими, в частности, на становление молодого германского историка Л. Ранке (*Hørby R. Den nationale historieskrivning i Danmark. S. 14*).

¹⁵ Более универсальный Государственный архив образовался в результате слияния Тайного, Королевского и иных архивов лишь в 1889 г.

¹⁶ *Рогинский В.В. От абсолютизма к конституционно-представительной монархии (1814–1850) // История Дании. С. 288.*

¹⁷ *Manniche J. Chr. Den radikale historikertradition: Studier i dansk historieskabs forudsætninger og normer. Aarhus, 1981. S. 146.*

¹⁸ *Fehrenbach E. Ranke-renaissance und Imperialismus in der wilhelminische Zeit // Geschichtswissenschaft in Deutschland. Traditionelle Positionen und gegenwärtige Aufgaben. München, 1974. S. 55–58.*

¹⁹ Цит. по: *Hørby R. Den nationale historieskrivning i Danmark. S. 41–42.*

²⁰ *Ibidem.*

²¹ *De tre nordiske Rigers Historie under Hans, Christian den Anden, Frederik den Første, Gustav Vasa, Grevefejden, 1497–1536. Bd. I–V. Kjøbenhavn, 1864–1872.*

²² Подробнее о ее содержании см.: *Hørby R. Den nationale historieskrivning i Danmark. S. 18.*

²³ Начало этому распространенному мнению положил едва ли не сам К. Эрслев, в публичных выступлениях характеризуя себя и своих единомышленников как первопроходцев в различных сферах науки и исследовательского процесса — в методах отбора материала, его критическом анализе, выборе областей исследования и, наконец, в постижении (opfattelse) истории (*Erslev K. Vort Slægtleds Arbejde i dansk Historie // Tilskueren, 1911*).

²⁴ *Paludan- Müller C. Nogle Ord om den historiske Undervisning i de lærde Skoler // Caspar Paludan-Müller. Videnskab og Skole. Aarhus, 1958. S. 108–109.*

²⁵ *Hørby R.* Den nationale historieskrivning i Danmark. S. 41.

²⁶ *Fabricius K.* Gennembrudet i dansk historieforskning og historieskrivning i 1870'ne og 1880'ne // *Historisk Tidsskrift*. 1939–1941. 10. Række. Bind V. S. 409–410.

²⁷ *Ibid.* S. 410.

²⁸ Высшая народная школа, созданная по инициативе великого просветителя, историка, философа и проповедника Н.Ф.С. Грундтвига, — сеть образовательных учреждений в сельской местности, где проживала основная масса населения Дании. Здесь молодые (от 18 лет) люди получали в свободное от работы время научно-практические познания в ведении сельского хозяйства, а позднее приобщались к национальной культуре, изучая в том числе и историю своей родины.

С. Е. Ивлева

**СТРАНЫ СКАНДИНАВИИ
В ИЛЛЮСТРИРОВАННОМ ЖУРНАЛЕ
«ЖИВОПИСНАЯ РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА» 1856—1859 гг.**

Когда в 1856 г. Ксенофонт Алексеевич Полевой¹ решил создать новый иллюстрированный журнал, он уже имел репутацию опытного издателя. На его счету была не только активная литературная деятельность, но и почти десять лет руководства первым русским энциклопедическим иллюстрированным журналом «Живописное обозрение»². По замыслу Полевого, «Живописная русская библиотека» должна была отличаться от аналогичных изданий, выходивших ранее. Соединив в себе лучшие черты предыдущих журналов, она предполагала увлечь читателя многообразием тем и изяществом художественного оформления. Задачу своего издания Полевой видел не только в «просвещении читающей публики» и «поучении юношества». Он хотел создать новый художественный образ журнала, в котором соединение текста и иллюстраций достигало бы наибольшего единства. «Желаем, чтобы наша “Библиотека” была изданием <...> в котором текст был бы нераздельною принадлежностью рисунков, а рисунки существенной частью каждой статьи»³. Именно Полевой на первое место в иллюстрированном журнале поставил задачу создания гармонично организованной страницы (естественное соединение на ней текста и иллюстраций). Успех своего начинания издатель связывал с привлечением в журнал русских гравёров — ксилографов. Их профессиональное мастерство, по убеждению Полевого,

достигло «такого же совершенства в резьбе на дереве, каким отличаются иностранные художники»⁴. Издатель с сожалением признавал, что пока еще в России «невозможно издавать иллюстрированный журнал без пособия иностранных политипажей»⁵, но сам при оформлении «Живописной русской библиотеки» отдавал приоритет работам русских мастеров. Особой любовью издателя пользовались искусный рисовальщик М. Микешин и один из лучших отечественных ксилографов Георгий Гогенфельден. Желание Полевого как можно активнее вовлекать в работу над журналом русских художников доказывало, что он намерен был выпускать издание незаурядное, первое «такого рода в нашем отечестве». Журнал выходил еженедельно. Высокого полиграфического качества восьмистраничные тетрадки печатались в две колонки на веленовой бумаге в типографии И. Фишона.

Важнейшей задачей иллюстрированных журналов было просвещение читателей, знакомство с многообразным миром в его историческом, этнографическом и географическом аспектах. По структуре построения «Живописная русская библиотека» не отличалась от других энциклопедических иллюстрированных журналов. Рассказы о дальних странах, народах, их истории, жизни и быте занимали солидную часть печатных страниц «Живописной русской библиотеки». Кроме того, разделы о странах и народах, в силу их большого интереса у читающей публики, позволяли издателю, помещая максимальное количество иллюстраций, выработать характерные для журнала принципы художественно-графического оформления.

Наибольшее внимание издатель собирался уделять темам, связанным с Россией, «избирать для журнала предметы преимущественно русские», но не оставлять без внимания и «жизнь ближайших соседей России»⁶.

Страны Севера Европы всегда присутствовали на страницах журнала. Но их описание в «Живописной русской библиотеке» имело некоторые особенности. Издатель не обошел вниманием традиционные для энциклопедических журналов скандинавские сюжеты — рассказал читателям о жизни гренландцев и эскимосов, познакомил с особенностью быта лопарей. Но, выполняя обещание изучать преимущественно «темы

русские», Ксенофонт Полевой и в «скандинавских страницах» обращался, прежде всего, к описанию Финляндии.

Весьма интересным в данном случае представляется очерк журнала, который был посвящен столице Финляндии — Гельсингфорсу. Он представлял собой популярный рассказ о финляндской столице и предназначался будущим путешественникам. «Многие из жителей Петербурга хорошо знают Гельсингфорс, — сообщалось там, — потому, что летние поездки в столицу Великого Княжества Финляндского сделались у нас почти модной прогулкой»⁷. Перечисляя преимущества отдыха в финляндской столице, Полевой подчеркивал, что «Гельсингфорс привлекает многих своими морскими купаниями, своей оригинальной жизнью, не похожей на русскую и, наконец, своей дешевой жизнью, к какой не привыкли жители Петербурга»⁸. В числе неоспоримых достоинств Гельсингфорса назывались «честность нравов и простота в образе жизни»⁹. Кроме того, и архитектурные достопримечательности города, по мнению Полевого, заслуживали внимательного взгляда путешественника. Очерк сопровождала гравюра — иллюстрация с видом центральной площади Гельсингфорса.

Необходимо заметить, что издателя Ксенофонта Полевого постоянно волновал вопрос улучшения художественного и литературного качества журнала. «По красоте издания, — утверждал К. Полевой, — ни один из русских журналов не может быть поставлен в ряд с «Живописной русской библиотекой. <...> Издатель не щадил издержек не только для придания красоты своему изданию, но и для расширения объема его...»¹⁰

К сожалению, выпуск такого журнала был слишком дорогим предприятием. 1859 г. стал для «Живописной русской библиотеки» последним. Журнал прекратил существование, но его художественные поиски, продуманная система описания и изображения стран и народов, в том числе Финляндии и Прибалтики, оказались полезными для последующих русских иллюстрированных журналов.

¹ Полевой Ксенофонт Алексеевич (1801–1867) — писатель, критик, издатель, брат Н. А. Полевого.

² «Живописное обозрение» выходило с июля 1835 г. до начала 1844 г. К. Полевой стал фактическим руководителем журнала с 1837 г., после отъезда в Петербург Н. А. Полевого.

- ³ Живописная русская библиотека. 1856. Т. 1. № 1. С. 6.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. 1858. Т. 3. № 48. С. 380.
- ⁶ Там же. 1856. Т. 1. № 1. С. 6.
- ⁷ Там же. 1858. № 14. С. 105.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 107.
- ¹⁰ Там же. 1858. Т. 3. № 48. С. 381.

Т. В. Киселёва

**ПЕРВЫЙ НАУЧНЫЙ ТРУД А. И. ШЁГРЕНА
«О ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ И ФИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»**

Книга А. И. Шёгрена «О финском языке и финской литературе» вышла в свет в Санкт-Петербурге в 1821 г.¹ Главные выводы Шёгрена о финском языке были оригинальны. В первых строках своего сочинения Шёгрэн утверждает, что «присоединение к Российскому государству принадлежавшей Швеции Финляндии, по заключённому 17 сентября 1809 г. в Фредриксгамне миру, Финляндия оказалась защищённой от военных столкновений, что позволило горожанам и землевладельцам в тишине заниматься своим мирным трудом, работать на благо развития и приумножения национального благосостояния»². Шёгрэн писал, что «после присоединения всей Финляндии к России в самой литературе наступила новая эпоха»³.

Новое заключалось, по его мнению, в том, что финны, получив автономию, стали проявлять живой интерес к родному языку и словесности. И действительно, для финнов присоединение к России открывало новые возможности самопознания посредством исторических, лингвистических, фольклорных и других исследований, которые являются важными составляющими процесса становления этнического самосознания и развития национального чувства. Шёгрэн писал: «Если мы как народ хотим соответствовать этой независимости, которую Александр I в своём великодушии нам даровал, то нам следует придерживаться нашей религии, наших законов и языка, для того чтобы научиться их правильно ценить

и исследовать, когда и как мы их получили, также понимать, что они теперь для нас значат и что они для нас будут значить в будущем... Особенно необходимо обстоятельное исследование нашего языка, в первую очередь необходимо из-за того, что он из-за полной нехватки памятников древности является единственным источником, из которого можно надеяться вывести какие-нибудь знания, проясняющие историю финляндского народа более раннего периода»⁴. Столкнувшись ещё в студенческие годы во время пребывания в Упсале с мнением, что финны — «варвары», у которых, в отличие от скандинавов, нет ни достойного прошлого, ни преданий, ни эпоса⁵, Шёгрэн в своей работе опровергает его, утверждая, что финский язык и национальная поэзия достойны изучения и что «язык — так же как и народ, духовным выразителем которого он является, — включает в себе уже как таковой так много удивительного и своеобразного, что доставляет огромное удовольствие при изучении как для историка, так и для философа и филолога»⁶.

По мнению Шёгрена, яркими примерами могут служить датчанин Р. Раск и немец Х. Р. Шрётер, который в 1819 г. выпустил сборник «Финские руны»⁷ с текстами на финском и немецком языках. Помощь в подготовке текстов Шрётеру оказал К. А. Готлунд (1796–1875)⁸, а перевод некоторых рун с финского языка осуществил Аброхам Поппиус, близкий друг Шёгрена⁹. Сборник Шрётера способствовал распространению сведений о финской эпической поэзии в европейских странах¹⁰.

Шёгрэн отмечает, что необходимо скорейшее изучение финского языка и национальной поэзии, т.к. время неумолимо стирает памятники древности и скоро может случиться так, что не будет самой возможности познакомиться с древней историей финского народа. О финской поэзии Шёгрэн говорит: «Очень много образцов национальной поэзии можно встретить и сейчас, хотя и в гораздо меньшем объёме, чем раньше во внутренней части страны: в губерниях Саво, Карелия и Каюни, в которых национальные особенности вообще сохранились дольше всех и в более чистом виде. Всё же было бы ещё слишком смело утверждать, что из финских рун нет надежды получить что-нибудь касающееся истории страны. Только после того как все бессвязные произведения будут собраны

вместе, можно из этого сделать более правильные выводы»¹¹. Скорее всего, здесь идёт речь о каком-нибудь связующем все финские народные произведения вопросе.

В Финляндии давно были отмечены попытки соединения разных вариантов и образцов народных песен. Ещё Х. Г. Портан высказал мысль, что все народные песни происходят из единого источника, и по главному содержанию, и по основным мыслям они между собой согласуются и что, сравнивая их друг с другом, можно возвращать их к более цельной и подходящей форме¹². А близкий друг Шёгрена, К. А. Готлунд, находясь под очарованием романтизма и поселившись в Або, ещё в 1817 г., будучи студентом, выразил мысль о возможности сформировать из народных песен «упорядоченную целостность, будь то эпос, драма или что-нибудь другое»¹³.

Шёгрэн пытался сформулировать в своей работе задачу изучения рун как исторического источника: «Что же касается “исторического качества”, если можно так сказать, этих поэтических творений, то, кажется, эпический период нации уже давно в прошлом, если он вообще когда-нибудь был, то от него что-нибудь да осталось, и задача, как историка, так и филолога, — выделить основные черты, касающиеся древней истории финнов. Известные до сих пор руны заключают в себе очень мало исторических сведений — они большей частью повествуют о разведывательных рейдах русских в Финляндию и не простираются далеко в древность. Всё же было бы ещё слишком смело утверждать, что из финских рун нет надежды получить что-нибудь касающееся истории страны. Только после того как все бессвязные произведения будут собраны вместе, можно будет сделать более правильные выводы. Теперь для этого ещё недостаёт многого. Только недавно был начат сбор рун, и лишь сравнительно малая часть из них была издана к этому моменту. И пусть многие старые мотивы смолкли, но ещё многие ждут своего первооткрывателя и исследователя»¹⁴. Одним из методов поиска рун он считал изучение местных архивов: «Хотя многие из исторических памятников погибли во время разрушительных войн, всё же, наверное, есть возможность многое почерпнуть из различных городских и церковных архивов, которые следовало бы изучать от и до, чтобы получить достоверные исторические факты и спасти

то, что ещё можно спасти»¹⁵. Во время большой экспедиции по местам расселения финно-язычных народов Шёгрэн будет делать копии многих архивных документов и записывать целиком руны.

В книге приводятся образцы произведений финской национальной поэзии. Автор напечатал руны «Вяйнямёйнен и Йюукавайнен», скопировав её из диссертации одного из первых финских фольклористов Э. Ленквиста (1719–1808), и 52 финские поговорки, заимствованные в основном у Яакко Ютейни¹⁶.

Шёгрэн возлагал на российское правление большие надежды. Он считал, что после присоединения к России финны получили новые возможности для своего развития: «Нам (финнам) открылась возможность более свободно общаться с нашими соотечественниками в России, и мы смеем надеяться на то, что нас ожидает встреча с большим количеством литературы»¹⁷. Он высказывает слабую надежду на становление финского языка как литературного языка. Основными препятствиями для этого он видит малочисленность литературы и отсутствие сколь-нибудь полного словаря финского языка. Первую попытку создания такого словаря предпринял, сначала в Борго, а позже в Швеции, в городе Скара, епископ Даниэль Юслениус (1676–1752)¹⁸. Словарь был издан в Стокгольме на латинском языке (*Fennica Lexici Tentamen, Dei auxilio, prolixo, labore, longo tempore, multorum consiliis Linguae Fennicae honori congestum. Stockholm, 1745*). Остальные попытки создать что-нибудь похожее не увенчались успехом из-за недостатка средств.

Делая реверанс в сторону графа Румянцева, Шёгрэн писал: «...теперь этот недостаток, наконец, устранён великодушным покровителем наук, который своей деятельностью премного послужил самым молодым сынам своего отечества, государственный канцлер граф Румянцев. На его средства учёный Густав Ренвалл (в настоящее время старший пастор прихода в Ускеля) публикует полный словарь финского языка, который закончил уже без доработки»¹⁹. Он высказывает надежду, что эта работа будет интересна не только финнам, но и русским: «...и облегчит изучение финского языка также для наших братьев русских. Мы уверены, что они не останутся к этому равнодушны. Уже прошли, надо полагать, те времена, когда финнов

считали варварами, а на их язык смотрели как на мешанину грубых и диких звуков презренного народа. Финский язык представляет для русских не только общий интерес, какого он заслуживает уже сам по себе как язык весьма примечательный, но покажется им важным и как язык ряда слившихся с ними народностей, в результате изучения которых многое может проясниться в самой русской истории. И только после того как русские и финны будут также и в области литературы трудиться по-братски вместе на благо их общего отечества, только тогда можно надеяться, что их обоюдные исторические изыскания будут отличаться большей проницательностью и широтой кругозора. Только тогда возможно исследовать и проживающие среди русских финские племена, сравнить их с точки зрения языка и обычаев с собственно финнами. А также выяснить их отношения, как между собой, так и с русскими»²⁰. В конце своей работы Шёгрэн выразил надежду на русско-финское сотрудничество в области истории, филологии и фактически изложил основную цель своей будущей научной экспедиции.

К сожалению, это первое сочинение Шёгрэна вовлекло его в полемику с пастором Юханом Строльманом (1749–1840)²¹. В своей работе Шёгрэн, говоря об известных в то время «финских грамматиках», сделал несколько критических замечаний на изданную пастором Ю. Строльманом в 1816 г. на немецком языке финскую грамматику «*Finnische Sprache lehre für Finnen und Nicht Finnen, mit Beziehung auf die Aehnlichkeit der finnischen Sprache mit der ungarischen*». Шёгрэн не мог не упомянуть эту грамматику и не высказать замечания. Строльману это показалось оскорбительным, и он начал полемику с Шёгрэном, издав в 1822 г. брошюру под заглавием «Об ожиданиях относительно Финского языка» («*Ueber Erwartungen in Betreff der finnischen Sprache*»), в которой жёстко нападал на молодого автора. Шёгрэн отвечал ему прямо, но несколько иронически, в статье, помещённой на немецком языке в издававшемся Ольдекопом²² «Петербургском журнале»²³. Статья была переведена на шведский язык и помещена в издававшемся в Турку журнале «Мнемозина»²⁴, для которого Шёгрэн ещё раньше написал рецензию на изданный в 1820 г. Библейским обществом перевод Евангелия от Матфея на карельское (тверское) наречие²⁵.

Параллельно с этим Шёгрэн написал заметки относительно гипотезы дерптского профессора Иоганна Филиппа Густава Эверса (1781–1830) «о хазарском происхождении Руссов», в котором старался подтвердить господствующее мнение о скандинавском происхождении основателей Российского государства. Но эту работу ему пришлось прекратить, т.к. ему поступило предложение от книгопродавца Петербургской Академии наук Майера перевести на немецкий язык недавно вышедшее из печати описание путешествия Н. Н. Муравьёва в Туркмению и Хиву. Когда перевод был окончен, было получено известие о скором выходе французского перевода того же сочинения в Париже, и Майер отказался от своего намерения печатать немецкий перевод. Такая же участь постигла и другой перевод Шёгрена — «Путешествие в Кокант» Ф. Назарова.

В конце 1822 г. Шёгрэн возвратился в Санкт-Петербург и вступил в должность библиотекаря к графу Н. П. Румянцеву. Однажды, во время отсутствия Румянцева в Петербурге (каждое лето граф уезжал в свои имения в Белоруссии), Шёгрэн решил сопровождать своего друга, к тому времени уже лютеранского пастора А. Стрельмана, в его служебной поездке по Новгородской и Олонецкой губерниям, которая явилась прообразом будущего великого путешествия Шёгрена.

Летом 1823 г. А. И. Шёгрэн вместе с пастором А. Стрельманом совершил поездку через Олонец в Петрозаводск, а оттуда вернулся в столицу через Сортавалу и Кексгольм (нынешний Приозерск). Стрельман должен был посетить и совершить богослужения в лютеранских конгрегациях (приходах) на побережье Ладожского и Онежского озер вместо заболевшего местного пастора. В качестве путеводителя он использовал первый том книги Х. Шторха «Материалы к познанию Российского государства», изданной в Риге в 1796 г. на немецком языке²⁶, в которой были помещены отрывки из книги академика Н. Я. Озерецковского «Путешествие по озёрам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильмена»²⁷. Во время этой поездки А. И. Шёгрэн делал заметки о своих языковедческих наблюдениях. Уже 5 июля в деревне Лава, между Шлиссельбургом и Новой Ладогой, он обратил внимание, что несколько русских парней, готовясь отметить Иванов день, разложили костёр, называя его «Кукко» — «кукко» (фин. «Kukko» — «петух»). Хотя

Шёгрэн не мог объяснить этимологию этого слова, но считал его доказательством существования здесь в прошлом финского влияния²⁸. Около Волхова он осмотрел, как предполагалось, могильные курганы варягов и руины женского монастыря. На следующий день, 9 июля, спутники пересекли границу Олонецкой губернии, но диалект олонецких карел слышали только в деревне Заостровье, около Лодейного Поля. В деревне у Александро-Свирского монастыря Шёгрэн отметил, что хотя большинство населения здесь русские, но карельский язык тут понимают. На следующий день, 12 июля, спутники достигли деревень, которые А. И. Шёгрэн называет Тороярви и Пюхьярви (Торозеро — первая почтовая станция от Олонца на Петрозаводск и Святозеро), где карельская речь звучала постоянно, а женщины даже с трудом понимали по-русски. Через день они приехали в Петрозаводск, где провели четыре дня с 13 по 16 июля. Их принимали в губернском центре как очень важных гостей²⁹.

С ним обедал либеральный губернатор А. И. Рыхлевский³⁰, начальник Олонецких горных заводов А. А. Фуллон³¹ показывал ему испытания пушек Александровского завода. Сам А. И. Шёгрэн подружился с местным доктором Фоком и побуждал его начать исследование местной медико-физической топографии. Для Шёгрэна важность этого пребывания в Петрозаводске состояла в том, чтобы подготовить почву для экспедиции. Он собирался использовать этот город как базу во время своего путешествия по Карелии. Обрато А. И. Шёгрэн и А. Стрельман возвращались верхом через Тиени, Туломозеро, Кондуши, Салми и Питкяранту и за два дня достигли Китиля, местечка у северной оконечности Ладожского озера.

А. И. Шёгрэн обратил внимание, что в Олонце карелы называют злого духа «лембо», а в Салми, т. е. уже в Финляндии, по-фински — «перкеле». Вплоть до Китиля и даже западнее, по наблюдениям учёного, жили православные карелы, говорившие на олонецком диалекте³². Задержавшись на день в Сортавале (20 июля), путешественники через Лахденпохья и Куркиеки прибыли 23 июля в Кексгольм. По дороге Шёгрэн пытался безуспешно выяснить, что означает название горы Линнанмяки (Linnanmäki — крепостная, замковая гора) около Куркиеки³³. Но даже старожилы ничего не могли сказать

о существовании там крепости или замка. Точно так же ему не удалось найти следов древних преданий, связанных с названием «Лапинлахти» (фин. «Lapinlahti» — «лопарский залив»). Ученый отметил также, что в Приладожье в большом количестве проживают русские. В Кексгольме в день отъезда в Санкт-Петербург, 24 июля, А. И. Шёгрэн записал в дневник своё последнее в этой поездке наблюдение о том, что здесь нет никаких следов олонечского диалекта, а местное население говорит на шведском (т. е. финском) карельском языке³⁴.

Поездка летом 1823 г. дала Шёгрэну ценный опыт полевых исследований. Методы, которые он использовал для сбора и анализа лингвистического материала, имели много общего с методами, которые он должен был использовать в своей экспедиции. Хотя он спрашивал о местных традициях и обычаях, но о серьёзном изучении исторических документов, с посещением местных архивов, не могло быть и речи, поскольку Шёгрэн не имел ни времени, ни документов, чтобы получить доступ к официальным документам.

Возвратившись из поездки, Шёгрэн узнал, что Александр I утвердил представление статс-секретаря финляндских дел барона Ребиндера об откомандировании его на два года в внутренние губернии России для учёных исследований о народах финского племени с ассигнованием на путешествие по 3000 рублей ассигнациями в год из финляндских государственных доходов. Перед отъездом он написал рецензию на недавно опубликованную работу Френа: «Ibn-Foszlan und anderer Araber Berichte uber Russische Geschichte» («Ибн-Фозлан и другие арабские авторы о русской истории») в вышеупомянутом журнале Ольдекопа. Френ, опираясь на арабский источник, пытался понять происхождение в тексте оригинала слова «Vabia», которое, как он предположил, могло означать «Danía» и, следовательно, Скандинавия. Шёгрэн, продолжив изыскания Френа, предположил, что слово могло читаться или как «Vatia», или как «Vanía», если первое было правильно. Он предположил, что слово можно отнести к «води», в то время как второе значение могло быть родственно с «vanaja», как в финской топониме «Vanajavesi». Шёгрэн утверждал, что финский топоним мог свидетельствовать о том, что варяги путеше-

ствовали в Россию через Финляндию. Шёгрэн рассматривает значение и возможное местоположение земли «Visu», родственное, вероятно, веси Нестора, отвергая немецкую этимологию этого слова и предполагая связь с финским «vesi», что могло указывать на прежние области проживания финнов, которых Нестор называл «весь». Шёгрэн идентифицировал эту область как район вокруг Белоозера, где было много болот и озёр, а само название Белоозера, по его мнению, могло иметь происхождение от «Vesijarvi». Этноним «весь», вероятно, вошёл в обиход для названия жителей этой области одним из двух способов. Они, возможно, или сами называли себя так, или Нестор использовал название озера, чтобы как-то назвать людей, живущих вблизи. Шёгрэн добавил, что они, быть может, называли себя «vesilaiset», что могло быть родственным с саамским «Vassjolats» — «враг».

Такое заключение было всецело основано на анализе этнонима «весь». Интересно обратить внимание на то, что при исследовании он также использовал и те материалы, которые собрал во время путешествия с Строльманом. Шёгрэн выдвинул теорию, что свидетельства топонимики указывают на то, что области к югу от Новгорода и Твери однажды населялись финнами. Шёгрэн также подверг сомнению точку зрения Шлёцера, что весь исчезла без следа, утверждая, что они, возможно, исчезли как «весь» (т.е. под старым названием), что совсем не означает того, что они не выжили под другим самоназванием. Он предположил, что потомки «весь» могли быть группами ижор и жить около Тихвина и Белоозера. Эта гипотеза Шёгрена была напечатана в «St.-Petersburgische Zeitschrift» в 1824 г.

Таким образом, в 1819–1823 гг. Шёгрэн активно готовился к экспедиции, идея которой вынашивалась в кабинетах ученых в Санкт-Петербурге, Або и Гёттингене почти за 30 лет до этого. Он был носителем идей Портана, относительно хорошо знал русский язык и российскую историю, был готов познакомиться с языком и историей саамов, карел, эстонцев, мордвы и зырян и имел опыт изучения ономастики и в полевых исследованиях. С таким багажом знаний 24 июня 1824 г. Шёгрэн отправился в своё большое путешествие.

¹ Карху Э.Г. «Калевала» — памятник мировой культуры. Петрозаводск, 1993. С. 23.

² Sjögren A.J. Ueber die Finnische Sprache und ihre Literatur. SPb., 1821. S. 180.

³ Sjögren A.J. Op. Cit. S. 2.

⁴ Sjögren A.J. Op. Cit. S. 181–182.

⁵ Hautala J. Suomalainen kansanrunouden tutkimus. Helsinki, 1954. S. 91–92.

⁶ Sjögren A.J. Op. Cit. S. 182.

⁷ Schröter H. R. von. Finnische Runen. Upsala, 1819.

⁸ Готлунд Карл Аксель (1796–1875) — финский лингвист, фольклорист, археолог публицист, с 1839 г. преподавал финский язык в Хельсинки. Ещё в 1816 г. он записал от так называемых «лесных финнов» в Швеции руну о борьбе за Сампо, а десятилетие спустя открыл в селении Ритвала волости Юва (Западная Финляндия) цикл ритуальных песен (Ritvalan helkavirret). В отличие от других современных ему собирателей Готлунд точно фиксировал сведения об исполнителях. В фольклоре его привлекали пословицы, он считал их древнейшим видом народной мудрости, остатками каких-то очень древних рун, полностью нигде не сохранившихся. Готлунд исходил из представления, что в глубокой древности финны были просвещённым народом, воплощением просветительского «вечного разума», и только потом наступил черёд средневекового варварства. Пословицы были как бы посланием из древнего века просвещения, тогда как в более поздних мифологических рунах и заклинаниях просветительский «здравый смысл» был уже затуманен фантастикой и пред-рассудками. (Об этом подробнее см.: Карху Э.Г. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении // История литературы Карелии. СПб., 1994. Т. 1. С. 16–17).

⁹ Biografinen nimikirja. Turku, 1879–1883. S. 546–547.

¹⁰ Карху Э.Г. Финская литература и Россия. Таллин, 1962. С. 107.

¹¹ Sjögren A.J. Op. Cit. S. 203.

¹² Кууру Э.С., Мишин А.И. Фольклорные истоки «Калевалы». Петрозаводск, 2001. С. 151.

¹³ Цит. по: *Kaukonen V. Lönnrot ja Kalevala. Pieksämäki, 1976. S. 16.*

¹⁴ Sjögren A.J. Op. Cit. S. 182.

¹⁵ Sjögren A.J. Op. Cit. S. 183.

¹⁶ Ютейни Яакко (Якоб Юден) (1781–1855) — фенноман, просветитель, переводчик, ранний романтик, написал поэму «Памятник в Финляндии Александру I», стихи «Финн, или Стих о старательности в Финляндии», детские песни «Песня вдове», «Не плачь мама», «Прощальная», «Вяйнямёйнен», «Песнь свирели», в газете «Abo Tidningar» напечатал стихотворную песнь «Namalainen», где прославлял своего учителя Портана. В 1818 г. издал сборник «Избранные финские пословицы».

¹⁷ Sjögren A.J. Ueber Op. Cit. S. 186.

¹⁸ Юслениус Даниэль (1676–1752) — епископ Скара, епископ Борго, профессор святых языков. Его самой ранней работой о финском языке было следующее сочинение: *Juslenio D. Oratio naunguralis de conventientia linguae*

Fennicae cum hebrea et greca. Aboae, 1712. Подробнее см.: *Питкьярanta P.* Даниэль Юслениус (1676–1752) // Сто замечательных финнов. Хельсинки, 2004. С. 756–760.

¹⁹ *Sjögren A.J.* Op. Cit. S. 187.

²⁰ *Sjögren A.J.* Op. Cit. S. 188.

²¹ *Строльман Ю.* (1749–1840) — преподаватель финского языка, священнослужитель в приходе Валкярви, автор финской грамматики. (*Strahlman J.* Finnische Sprachlehre für Finnen und Nicht-Finnen. SPb., 1816.)

²² Евстафий Иванович Ольдекоп (1787–1845) в 1822–1826 гг. издавал газету «St.-Petersburgische Zeitschrift» («Санкт-Петербургский журнал»).

²³ St. Petersburgische zeitschrift, Bd. VII. S. 125–135, 169–176, 220–226, 266–271.

²⁴ *Haltsonen S.* Juhana Strahlman // Virittäjä. Helsinki, 1949. S. 287.

²⁵ *Федотов Ф.Ф.* Шёрген Андрей Михайлович // Русский биографический словарь. Т. «Шебанов — Щютц». СПб., 1911. С. 31.

²⁶ *Storch H.* Materialien zur Kenntniss des Russischen Reichs. Bd. 1. Riga, 1796.

²⁷ *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по озёрам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. СПб., 1792. Новейшее издание: *Озерецковский Н.Я.* Путешествие по озёрам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989; см. также: *Пашков А.М.* А.И. Шерген и русские учёные // Шерген — академик Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук. К 200-летию со дня рождения. СПб., 1993. С. 10.

²⁸ *Branch M.A.J.* Sjögren studies of the North. Helsinki, 1973. P. 52.

²⁹ *Branch M.A.J.* Op. Cit. P. 53.

³⁰ Рыхлевский Андрей Иванович — гражданский губернатор Олонецкой губернии в 1821–1825 гг.

³¹ Фуллон Александр Андреевич (1764–1844) — начальник Олонецких горных заводов в 1818–1833 гг.

³² *Branch M.A.J.* Op. Cit. P. 53.

³³ *Branch M.A.J.* Op. Cit. P. 54.

³⁴ *Пашков А.М.* Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи. Т. 1. Петрозаводск, 2000. С. 23–25.

Т. А. Шрадер

ШВЕЦИЯ И НОРВЕГИЯ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Представление жителей одной страны об образе жизни, культуре населения другой, как правило, в XIX в. формировалось в печатных изданиях. В отечественной историографии уделялось определённое внимание вопросу создания в общественном сознании представления о народах Северной Европы¹. Рассматривая публикации о жизни, культуре, социальном положении различных слоёв населения Швеции и Норвегии конца XIX в., изданные в периодической печати, можно прежде всего выделить ряд ведомственных журналов, таких как «Журнал Министерства народного образования» (1859), «Журнал сельского хозяйства и лесоводства» (1894), среди популярных журналов — «Отечественные записки» (1883), «Всемирный Путешественник» (1871, 1872, 1874), «Записки Императорского Русского Географического Общества» (1863), а также журналы, публиковавшиеся в столице России незначительными тиражами — «Подснежник» (1860), «Северный Вестник» (1886), «Колосья» (1890), «Зодчий» (1872) «Миссионер» (1874) и др. Среди газет особый интерес представляют такие издания, как «Неделя» (1876, 1884), «Иллюстрированная газета» (1872, 1877), «Дело» (1874) и др. Во всех указанных изданиях петербургский читатель мог получить различного объёма информацию о Шведско-Норвежском королевстве, его истории, развитии образования, культуры, сельского хозяйства и других вопросах.

Чем можно объяснить широкий охват информации о северных государствах, представляемых русскому читателю во второй половине XIX в.? В 1870–1913 гг. в скандинавских странах отмечены наиболее высокие в мире темпы экономического роста. Этому благоприятствовала аграрная реформа и либеральное экономическое законодательство. Рост производительности в сельском хозяйстве положительно влиял на различные стороны экономического роста, на национальный доход, внутренний рынок для промышленных товаров. Наблюдалась положительная тенденция в области народного просвещения, высшего технического образования и санитарного состояния населения, выделялись средства на финансирование железнодорожного и телеграфного строительства, особенно с 1870-х гг. Шведское и норвежское машиностроение, также в области сельхозмашин машин, покрывало растущий внутренний спрос.

Перечисленные факторы привлекали определённые круги российской общественности. И поэтому ряд российских газет и журналов столицы России проявляли живой интерес к северным соседям — Швеции и Норвегии.

Обратимся к содержанию некоторых статей, отражающих состояние сельского хозяйства, народного образования в этих странах в указанный период, а также коснемся затрагивавшихся в них вопросов религии, туризма, шведского морского флота.

В газете «Неделя»², где была опубликована статья «Аграрные отношения Швеции и Норвегии», достаточно подробно описано состояние сельского хозяйства этих северных стран. Автор статьи сосредотачивает внимание на самых низших слоях сельскохозяйственных работников: в Швеции — торпарей, в Норвегии — хусманов, а также на проблеме миграции населения из Швеции. Журналист одобрительно отзывался о существовавших земельных отношениях в этих странах, полагая общинный строй России гарантией предотвращения развития пролетариата в стране. В той же газете в 1872 г. опубликована статья «Крестьянское движение в Скандинавии, а в газете «Русская Речь» в 1862 г. напечатана заметка о сословиях в Швеции.

В статье «Страна полуночного солнца и грамотных поселян», опубликованной в журнале «Отечественные записки»³,

приводятся статистические данные о сельском и городском населении Швеции и Норвегии, в которой приведена подробная статистика о пашенных землях, о количестве землевладельцев, условиях жизни и оплаты труда арендаторов, торпарей и хусменов. Уделено внимание и общинному владению земель и лесов. На базе приведенных английских источников отмечены условия жизни богатых и бедных крестьян, охарактеризованы основные человеческие качества шведов и норвежцев, которым свойственны честность, простота нравов, аккуратность, бережливость, образованность, политическая самостоятельность, сознание равенства всех, трудолюбие, учтивость, гостеприимство. В статье освещены вопросы и развития торговли и промышленности с указанием числа жителей в крупных городах обеих стран, говорится и о развитии кустарного промысла.

Но наиболее информативной статьёй о состоянии сельского хозяйства является публикация в журнале «Сельское хозяйство и лесоводство» «Общего очерка сельского хозяйства в Норвегии»⁴. Корреспондент Черепов, из города Горки Могилёвской губернии, посетивший Норвегию в августе 1893 г., пишет, что ознакомление с сельскохозяйственным промыслом высококультурной страны может быть любопытным для лиц, заинтересованных судьбой российского земледелия. Автор приводит подробные статистические данные о пахотных землях, о лесных массивах, о плотности населения, о состоянии медицины, о торговом и военном флоте, о количестве рыболовецких судов и горных заводов. В статье отмечается, что за последние 30–40 лет сельскохозяйственный промысел стал заботой государства. Ощущается недостаток хлеба, что, по утверждению автора, может стать прочным рынком для сбыта Норвегии русского хлеба.

Интересен раздел, посвящённый регламенту жизни сельскохозяйственного работника. Указано сколько часов и как он трудится, чем питается, сколько ему платят. Любопытны сведения о наличии школ для «сведущих земледельцев рабочих». Тем не менее чувствуется, что основная задача автора — познакомить российского земледельца с общим развитием земледелия в Норвегии для использования его практического опыта северного крестьянина России в области животновод-

ства, сельскохозяйственного образования, достижений с применением сельскохозяйственной техники.

Что же касается образования в северных странах, то полная информация в этой сфере была предоставлена в упомянутом выше журнале «Отечественные записки» в статье «Страна полуночного солнца и грамотных поселян»⁵. Прежде всего заслуживают внимания библиографические данные о Норвегии и Швеции, напечатанные в Англии. Значительная часть статьи посвящена конституциям обеих стран и монархическому строю, правам короля, риксдагу, стортингу. Автор писал о самоуправлении в обеих странах, о судебной деятельности. Кроме того, большое внимание уделено развитию и состоянию высшего технического образования, что было основой развития промышленности в этих странах. В работе приведены подробнейшие статистические данные о школах разного типа, стационарных, передвижных, частных пансионах, дано перечисление преподавательских программ. Читатель получает возможность познакомиться с системой высшего образования в Швеции и Норвегии, а также работой всех университетов этих стран.

В журнале «Северный Вестник» (1886) в статье «Поездка к фиордам»⁶ автор помимо описания природы страны показывает и состояние сельского хозяйства Норвегии, школ, описывает постоянные дворы, церкви, дом извозчика. В журнале «Дело» за 1874 г. опубликована довольно обширная статья «Народное образование в Швеции и Норвегии»⁷, где подчеркивается, что народное образование в этих странах носит весьма фундаментальный характер. Читатель знакомился с довольно подробным анализом истории стран, образом жизни шведов и норвежцев, с природными богатствами, а также с развитием торговли и с довольно обширной общей информацией об этих странах.

В трёх номерах «Иллюстративной газеты» за 1877 г. в статье «Очерки Норвегии»⁸ ведётся рассказ о возможности путешествия в горах Норвегии, а в статье «В горах Норвегии (из сочинений шведского короля Оскара II)», напечатанной в журнале «Колосья» в 1890 г.⁹, представлен перевод того, как сам король описывал свои впечатления от путешествия верхом на лошади в горах в районе города Бергена. В целом статьи,

опубликованные в российских периодических изданиях, носят разнообразный характер. Буквально в каждом номере газеты «Кронштадский Вестник»¹⁰, в частности, приводятся статьи о состоянии флота скандинавских стран, а в еженедельном издании православного миссионерского общества «Миссионер» в 1874 г.¹¹ опубликована познавательная для того времени статья «Обращение в Христианство жителей Скандинавских стран», в которой православные верующие России познакомились с христианизацией скандинавских народов в древние времена.

Таким образом, по материалам статей о Швеции и Норвегии, опубликованным в Санкт-Петербургской периодической печати конца XIX в., можно сделать вывод, что, несмотря на довольно прохладные в тот период межгосударственные отношения между Россией и Шведско-Норвежским королевством, в отечественных изданиях, не связанных с политическими проблемами, формировался довольно положительный, иногда идеализированный образ северного соседа. Характерно то, что ряд публикаций о северных странах, в которых авторы создавали положительный образ норвежца или шведа, был напечатан в переводе с английского и французского языков.

¹ Кан А. С. Швеция глазами русских путешественников 1817–1917 // Новая и новейшая история. 1983. № 4. С. 135–145; Чернышева О. В. Шведский характер в русском восприятии. М., 2000; Новикова И. Н. Немецкое общественное мнение о Норвегии в начале XX века // Скандинавские чтения. СПб., 2005. С. 107–114; Карелин В. А. Норвегия и норвежцы глазами русских в 1814–1917 гг. (по печатным материалам) // Скандинавские чтения. СПб., 2008. С. 264–281.

² Неделя. 1884. № 34. С. 1132–1137.

³ Отечественные записки. 1883. Т. CCLXII. № 3. С. 211–240.

⁴ Сельское хозяйство и лесоводство. 1894. Март. С. 201–222.

⁵ Отечественные записки. 1883. Т. CCLXI. № 2. С. 505–538.

⁶ Северный Вестник. 1886. № 10. С. 167–181.

⁷ Дело. 1874. № 3. С. 122–150.

⁸ Иллюстративная газета. 1872. № 15, 16, 17; 1877. № 17.

⁹ Колосья. 1899. № 1. С. 203–214.

¹⁰ Кронштадтский Вестник. 1877. № 43. С. 3.

¹¹ Миссионер. 1874. № 42. С. 365–371.

А. В. Смолин

**«ПЕРВАЯ СОВЕТСКО-ФИНСКАЯ ВОЙНА 1918–1920 гг.»:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?**

В последние 10–15 лет многие трактовки отечественной истории претерпели существенные изменения. Не избежали этого и советско-финские отношения периода 1918–1920 гг. Советские историки и в частности один из авторитетнейших специалистов в этой области В. М. Холодковский оценивал указанное время как «период неурегулированных отношений»¹. Вместе с тем Холодковский считал, что те агрессивные действия, которые позволяла себе Финляндия, не переросли в полномасштабную войну с применением регулярных армий².

Одновременно с монографией В. М. Холодковского вышел из печати и обобщающий очерк по истории Финляндии В. В. Похлёбкина³. Две главы этой книги (5 и 6) посвящались советско-финляндским отношениям в 1918–1920 гг. Для их характеристики автор употреблял такие выражения, как «Советская Россия сумела в 1918 г. и в течение последующих лет выстоять перед нажимом со стороны Финляндии, так сказать, “переиграть” её в труднейшем военно-дипломатическом поединке»⁴. Или другой пример: «Начиная с середины февраля и до конца сентября 1919 г. финляндская армия совершала многочисленные вторжения на территорию Петроградской губернии и Карелии, стремясь закрепиться на советской территории»⁵. В целом состояние советско-финских отношений до начала переговоров в Тарту автор характеризовал как чере-

ду «непрерывных пограничных стычек и довольно значительных рейдов финских вооружённых отрядов вглубь территории Восточной Карелии и Русской Лапландии, не прекращавшихся и в первой половине 1920 г.»⁶ Несмотря на то что Похлёбкин оценивал внешнюю политику Финляндии в отношении Советской России как экспансионистскую, понятие войны при характеристике взаимоотношений между этими странами отсутствовало. Исключение делалось только для небольшого отрезка времени в 1918 г., когда 7 марта был заключён договор между буржуазной Финляндией и Германией. Сама же Германия ратифицировала Брестский мир с Советской Россией только 26 марта. Таким образом, юридически, по мнению Похлёбкина, Финляндия только 19 дней находилась в состоянии войны со своим восточным соседом⁷.

В 1999 г. вышел в свет справочник В. В. Похлёбкина по внешней политике России за 1000 лет⁸, в котором взаимоотношения между Советской Россией и Финляндией в 1918–1920 гг. характеризуются как первая советско-финляндская война. Что же послужило для столь радикального пересмотра своих же взглядов?

В. В. Похлёбкин обратил внимание читателей на отсутствие в советской и финляндской литературе самого термина «советско-финская война» применительно к 1918–1920 гг.⁹ Причину этого он видел в сложившейся политической конъюнктуре, так как, по его мнению, ни одна из сторон не желала ворошить недавнее прошлое, а также в том, что финляндские и советские историки изучали этот вопрос по отдельным проблемам, а «не целостно, во всей временной, хронологической последовательности»¹⁰. Отсутствие статуса войны у событий 1918–1920 гг. Похлёбкин объяснял ещё и тем, что сами военные действия не имели «ясно определённого начала» и «чёткого конца». В них практически не участвовали регулярные армии, и отсутствовала линия фронта, боевые действия велись отдельными «вспышками»¹¹. Всё это, по мнению автора, не давало возможности военным историкам писать о событиях 1918–1920 гг. как о советско-финляндской войне и «поэтому каждый определял её по-своему, и все вместе избегали упоминать и признавать как войну»¹².

В. В. Похлёбкин в качестве аргумента, способного характеризовать этот период как состояние войны, выдвинул факт заключения Тартуского мирного договора. Он исходил из того положения, что всякий мир заканчивает какую-либо войну, подводит международно-правовые итоги и фиксирует чью-то победу или поражение. Исходя из этого, событиям 1918–1920 гг. автор придал статус войны¹³.

Чтобы обосновать своё утверждение, В. В. Похлёбкин систематизировал в хронологической последовательности события, характеризующие советско-финляндские отношения в рассматриваемый период, проанализировав группу из 27 фактов, которые, по его мнению, характеризовали военную и дипломатическую историю советско-финляндских отношений, приведших к созданию «военной ситуации», выразившейся в вооружённом нападении Финляндии на Советскую Карелию¹⁴. Среди них наиболее значимым Похлёбкин считал приказ К. Г. Маннергейма от 15 мая 1918 г. об объявлении войны Советской России¹⁵. Однако после ухода генерала в отставку 31 мая «его приказ о начале войны с РСФСР практически перестал действовать, спустя всего две недели после издания»¹⁶. В таком случае встаёт вопрос о международно-правовом характере данного документа, если он утратил силу после ухода в отставку его инициатора. К тому же советская сторона, судя по всему, никакого официального извещения об объявлении войны Финляндией не получала. Скорее всего, этот приказ появился по частной инициативе финской стороны и как международно-правовой акт нигде не фигурировал. В связи с этим использование его в качестве доказательства объявления Финляндией войны Советской России является не правомерным. К тому же сам Похлёбкин совершенно справедливо замечал, что в 1918 г. Германия стала тем барьером, который препятствовал финнам развязать крупномасштабные военные действия с Советской Россией, поскольку в её задачу входило сохранение Брестского договора¹⁷.

Судя по всему, и у самого В. В. Похлёбкина не было полной уверенности в том, как квалифицировать отношения между Советской Россией и Финляндией в это время. Так, в одном месте он писал, что «фактически, это была советско-финская

война»¹⁸, а в другом — о «необъявленной войне Финляндии против Советской России»¹⁹. Подводя итог своим достаточно путанным и противоречивым рассуждениям, Похлёбкин утверждал, что советско-финляндская война 1918–1920 гг. «несмотря ни на что велась»²⁰.

Собственно военные действия, по мнению В. В. Похлёбкина, начались в апреле 1919 г., т. е. с вторжения финляндских добровольцев в Советскую Карелию. Сюда же он относил их разгром частями Красной Армии, а также изгнание из Ухты в мае 1920 г. Временного правительства Архангельской Карелии и освобождение всей Карелии в июле, за исключением двух северных волостей — Реболы и Порос-озера²¹.

Следующий блок вопросов, на котором останавливается В. В. Похлёбкин, это мирные переговоры в Тарту, поскольку, по его мнению, мирный договор подводит итог войне²². Автор приводит данные, о том, что советская сторона неоднократно предлагала приступить к переговорам о мире, но финны ещё надеялись на реванш. Однако военные победы Красной Армии позволили завершить переговоры и подписать мирный договор в Тарту в октябре 1920 г. Непоследовательность и запутанность внешней политики Финляндии, и в частности в отношениях с Советской Россией, Похлёбкин объяснял тем, что в 1918–1920 гг. её определяли пять последовательно сменявших друг друга правительств с различными внешнеполитическими приоритетами²³.

К работам, которые повторяли и до известной степени развивали взгляды В. В. Похлёбкина, следует отнести статью рязанского историка Б. Ф. Сафронова²⁴. Следуя за В. В. Похлёбкиным, он рассматривает советско-финские отношения в 1918–1920 гг. как войну. В это понятие историк включает политику, цели, вооружённые действия, мирный договор. Целью войны, которую начал 25 января 1918 г. К. Г. Маннергейм против красных финнов, по мнению автора, был не только разгром революционного правительства (СНУ), но также общая борьба с большевизмом и удовлетворение территориальных претензий²⁵. В качестве политического фактора он также рассматривал и территориальные претензии, которые до этого относил к целям войны. «Таким образом, — заключал Сафонов, — мы имеем политические

аспекты этой войны и должны признать факт её существования»²⁶. Здесь следует отметить, что само по себе наличие территориальных претензий автоматически ещё не ведёт к войне. Ссылки на высказывания К. Г. Маннергейма и финской прессы об объявлении белой гвардией войны Советской России никакой международно-правовой базы под собой не имеют²⁷.

Повествуя о ходе боевых действий, Б. В. Сафонов не выходит из ряда того набора фактов, которыми оперировал и В. В. Похлёбкин. Автор констатирует наличие войны между Советской Россией и Финляндией. Вместе с тем он пишет, что «состояние войны, в которой находилась Россия и Финляндия, носило странный характер: то усиливалась, то стихала, то вновь разгоралась». Причину такого положения Сафонов, как и Похлёбкин, видит в частой смене правительств Финляндии, что вело к смене внешнеполитического курса. Затрудняясь определить характер войны, автор отсылает читателя к известному высказыванию В. И. Ленина о том, что «...война гражданская у нас... слилась с войной внешней в одно неразрывное целое»²⁸. Если следовать этой логике автора, то выходит, что и В. И. Ленин определял эти взаимоотношения как войну. В действительности в известных работах руководителя Советского государства нигде и речи нет о войне с Финляндией, а её политику в отношении Советской России он называл «нейтралитетом» и даже «дружественным нейтралитетом»²⁹.

С обоснованием тезиса о якобы имевшей место советско-финской войне выступил А. Б. Ширкорад. В 2006 г. он выпустил две книги о войнах, в которых участвовала Финляндия³⁰. Что касается первого раздела «Первая война Великой Финляндии», то в обеих книгах тексты идентичны. Если у В. В. Похлёбкина и Б. В. Сафронова речь шла о событиях 1918–1920 гг., то Ширкорад расширил хронологические рамки до 1922 г. Причины, по которым само понятие войны исчезло из употребления в оценке этих событий, по его мнению, состоит в том, что «вожди большевиков вели себя крайне непоследовательно и трусливо». К тому же некоторые из участников этой войны были репрессированы, и публикация их фамилий в печати не допускалась. Переходя

к современной историографии вопроса, Ширкорад замечает, что «либералы и русофобы помалкивают о финских войнах 1918–1922 и 1941–1944 гг. Ведь иначе придётся признать, что “маленькая, миролюбивая” Финляндия первая напала на огромного и “агрессивного” соседа и сделала это исключительно ради территориальных приобретений»³¹.

Следуя за В. В. Похлёбкиным и Б. В. Сафроновым, начало боевых действий А. Б. Ширкорад относит к январю 1918 г., когда началось нападение финнов на русские гарнизоны в Финляндии³². Тогда же приняла конкретные очертания и доктрина Великой Финляндии с её территориальными претензиями к Советской России и стала постепенно осуществляться их реализация. Финляндия осуществила захват некоторых территорий в Восточной Карелии, оказала помощь Эстонии в борьбе с наступающими войсками Красной Армии, строила планы по вторжению в Советскую Россию и захвата Петрограда³³. Фактический материал, которым оперировал Ширкорад, оставался почти таким же, как и у его предшественников. Вместе с тем он расширил хронологические рамки войны и датировал её окончание 1922 г., так как вторжение белофиннов в Карелию в декабре 1921 г. и их разгром войсками Красной Армии рассматривал как акт войны, закончившийся подписанием в июне 1922 г. договора о пограничном мире между Финляндией и Советской Россией. Такое хронологическое расширение представляется искусственным, поскольку Тартуский мирный договор являлся основополагающим документом, урегулировавшим отношения между двумя странами, а соглашение 1922 г. только уточняло его.

Итак, рассмотрев «новый» подход в оценке советско-финских отношений в 1918–1920(1922) гг., характеризующий их как «первую советско-финскую войну», необходимо сделать вывод о неуместности такой интерпретации. В его основе лежит основательно позабытая схема советской историографии 30–50-х гг. о трёх походах Антанты, в которой третий поход, или «поход 14 государств», в числе которых значилась и Финляндия, рассматривался как акт интервенции, а её враждебные действия в отношении Советской России назывались войной. Обоснованная и убедительная критика

такого суждения была сделана В. М. Холодковским³⁴. Таким образом, выдавать отжившие свой век концепции за новые подходы и взгляды вещь бесперспективная. Представляется, что термин «неурегулированные отношения», введённый В. М. Холодковским, наиболее точно отражает суть отношений, сложившихся между Финляндией и Советской Россией в 1918–1920 гг.

¹ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия 1918–1920. М., 1975. С. 239.

² Там же. С. 19, 51, 52, 92, 93.

³ *Похлёбкин В. В.* СССР – Финляндия 260 лет отношений 1713–1973. М., 1975.

⁴ Там же. С. 249.

⁵ Там же. С. 256.

⁶ Там же. С. 258.

⁷ Там же. С. 245, 247, 248.

⁸ *Похлёбкин В. В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в планах, датах. Справочник. Вып. 2. Войны и мирные договоры. Кн. 3: Европа в первой половине XX в. М., 1999. С. 137–149.

⁹ Там же. С. 137.

¹⁰ Там же. С. 138–139.

¹¹ Там же. С. 140.

¹² Там же.

¹³ Там же. По утверждению В. М. Холодковского, Тартуский мир «завершал не проигранную войну, а лишь период неурегулированных отношений» (*Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. С. 239).

¹⁴ *Похлёбкин В. В.* Внешняя политика Руси, России и ССР за 1000 лет. С. 140–144.

¹⁵ Там же. С. 140, 142.

¹⁶ Там же. С. 143.

¹⁷ Там же. С. 144, 145; *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблемы независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 263–266, 272.

¹⁸ *Похлёбкин В. В.* Указ. соч. С. 140.

¹⁹ Там же. С. 148.

²⁰ Там же. С. 149.

²¹ Там же. С. 146–149.

²² Там же. С. 140, 148, 149.

²³ Там же. С. 149.

²⁴ Сафронов Б. В. Первая Советско-финская война 1918–1920 гг. // Актуальные проблемы новой и новейшей истории России XIX–XX веков: Сборник научных трудов. Рязань 2002. С. 144–156.

²⁵ Там же. С. 145–146.

²⁶ Там же. С. 149.

²⁷ Там же. С. 146.

²⁸ Там же. С. 154.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 394, 396, 397; Т. 40. С. 154, 174–175.

³⁰ Ширкорд А. Б. Финляндия — Россия. Три неизвестные войны. М., 2006; Он же. Три войны Великой Финляндии. М., 2006.

³¹ Ширкорд А. Б. Финляндия — Россия. С. 3, 7.

³² Там же. С. 64.

³³ Там же. С. 42–51.

³⁴ Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. С. 51–52; 92–98; 147–148.

Н. И. Барышников

К 90-ЛЕТИЮ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ФИНЛЯНДИИ

Минуло 90 лет со времени окончания гражданской войны в Финляндии, оставившей глубокий след у финского народа гибелью десятков тысяч людей. Между тем на протяжении многих лет в финской официальной историографии это событие именовалось «освободительной войной», которая велась в 1918 г. якобы против России за становление независимого финляндского государства¹. В учебных заведениях стали именно так излагать драматические события того времени. Однако противникам такого искаженного представления истории не удалось добиться объективного изложения происходившего. Сдвиг в этом направлении произошел лишь во второй половине минувшего века.

Если верить пояснению, содержащемуся в книге «Политическая история Финляндии» о противостоянии между силами «красных» и «белых», то «подлинный ренессанс термин “гражданская война” испытал в 1960-е гг., когда, — по словам автора этих комментариев Т. В. Андросовой, — исследователи, стремящиеся к объективным оценкам и пониманию мотивов обеих сторон в качестве универсального названия событий 1918 г., предложили именно это название — гражданская война»². Наметился и отчасти отход от употребления термина «освободительная война».

Но в действительности само объяснение событий 1918 г. продолжало оставаться довольно запутанным. В частности,

считалось, что были чуть ли не две войны — «освободительная» и «гражданская» одновременно. «Разные названия событий 1918 г. и их обоснования свидетельствуют о том, что в Финляндии весной 1918 г., по существу, одновременно шло много войн. Употребляемые исследователями понятия отображают полярные мотивы сторон и отношение последующих поколений к тем трагическим событиям»³.

Какова же была основная аргументация относительно того, что велась «освободительная война»?

В многочисленной финской исторической литературе и, прежде всего, в фундаментальных изданиях, отражавших официальную точку зрения⁴, утверждалось, что оставшиеся еще на финской территории гарнизоны частей бывшей русской армии (42-й армейский корпус) и корабли Балтийского флота в некоторых портах и базах Финляндии не были выведены из страны и тем самым влияли на политическую обстановку в стране.

Да, действительно, среди российских солдат и матросов были широко распространены революционные настроения, проявилось сочувственное настроение по отношению к финским трудящимся, решительно вступавшим в борьбу с буржуазией, действуя на стороне Социал-демократической партии Финляндии. В противовес военизированным отрядам шюцкора, создававшимся буржуазией, формировались боевые силы рабочих, отряды красной гвардии. Однако, по подсчетам финских исследователей, только до 10% русских военнослужащих в середине февраля 1918 г. открыто находились на стороне «красных»⁵. Такое участие, естественно, не могло быть определяющим для будущего страны.

Советское же правительство не считало своевременным вывод частей русской армии и флота с финской территории в напряженной обстановке продолжающейся Первой мировой войны. Была реальная опасность германской интервенции и проникновения немецких войск с севера к Петрограду. Но вывод из Финляндии оставшихся там сил российской армии и флота, безусловно, предусматривался, поскольку советское правительство признало ее независимость и выход из состава России. Кстати, уверенности в этом не скрывают и финские историки. В частности, профессор Вильо Рассила

в 1996 г. в книге «История Финляндии», писал об этом так: «Русские войска со временем ушли бы из страны...»⁶

Решение о выводе российских войск из Финляндии было документально закреплено в договоре весной 1918 г. Произошло это после того, как в конце января того же года рабочая революция свергла буржуазное правительство Финляндии. Образованное новое финское правительство 27 января 1918 г. — Совет народных уполномоченных подписал 1 марта в Петрограде очень важный договор с правительством советской России, в пункте 14 которого указывалось: «Финляндская социалистическая республика обязуется не чинить никаких препятствий и обещает содействовать продолжению и скорейшему окончанию начатой эвакуации из пределов Финляндской социалистической рабочей республики сухопутных и морских вооруженных сил и утверждений военного и военно-морского ведомства Российской федеративной советской республики»⁷.

Какая же после этого нужна была «освободительная война» против советской России?

Бежавшее же из Хельсинки на северо-запад, в город Вааса, буржуазное правительство (сенат) через своих представителей договорилось о высадке в Финляндии немецких войск для поддержки своих формирований Белой Армии, во главе которой стоял прибывший из России генерал К. Г. Маннергейм. Германское руководство приняло предложение о посылке своих войск, имея далеко идущие цели — возможного наступления на Петроград через Карельский перешеек, хотя уже был подписан Брестский мирный договор с советской Россией.

Касаясь германской интервенции в Финляндию, профессор хельсинкского университета Хенрик Мейнандер писал в «Истории Финляндии» следующим образом: «Нанеся масштабный удар по красным войскам в Южной Финляндии... третьего апреля на мысе Гангут (Ханге) в юго-западной части страны высадилась немецкая дивизия — и уже одиннадцать дней спустя она прошла парадом по улицам Гельсингфорса... В тот же день, когда немцы высадились на ее юго-западе, белые финские войска начали захват промышленного города Таммерфорса (Темпере), куда красные стянули крупные силы... Исход гражданской войны был предreshен...»⁸

В российской историографии тема революции и гражданской войны в Финляндии наиболее обстоятельно исследована В. М. Холодковским⁹. Тем не менее к ней приходится вновь возвращаться, поскольку российские книги по истории Финляндии все еще предлагают искаженные интерпретации этого вопроса в духе трактовок о так называемой «освободительной войне».

Добавим в заключение, что несостоятельными выглядят утверждения о якобы продолжении в Финляндии борьбы за свою независимость в рассматриваемый период, если иметь в виду, что в 1919 г. представители крайне правых сил провели в парламенте решение об избрании королем Финляндии и Карелии германского принца Карла Гессенского. Затея это, правда, затем провалилась.

¹ См.: Suomen vapaussota vuonna 1918. Os. I–VI. Helsingi, 1921–1925; Suomen vapaussota. Os. I–VII. Helsingi, 1921–1928; *Hannula O.* Suomen vapaussodan historia. Helsingi, 1930 и др.

² См.: *Юссила О., Хлентила С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. 1809–1995 / Перевод с финского. М., 1998. С. 121.

³ Там же. С. 122.

⁴ См., в частности: *Kansakunnan historia. Osa 6.* Porvoo-Helsingi, 1968; *Suomen historiija. Osa 7.* Helsingi-Espoo, 1987; *Suomen pikkujattiläinen historian.* Porvoo-Helsingi-Juva, 1995.

⁵ См.: *Historialinen Aikakauskirja.* 1978. № 2. S. 193.

⁶ *Рассила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 161.

⁷ Цит. по: *Смирнов В.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933. С. 225.

⁸ *Мейнандер Х.* История Финляндии. М., 2008. С. 137.

⁹ *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. М., 1967.

Н. Б. Зернов

**КАРЕЛЬСКИЙ ВОПРОС В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ В НАЧАЛЕ 20-х гг. XX в.
ПО ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ДОКУМЕНТАМ СССР**

Как известно, вооруженный конфликт между Финляндией и советской Россией проходил в два этапа. Первый — в 1918–1920 гг., второй — в 1921–1922 гг. Не заостряя внимания на боевых действиях, которые в той или иной степени уже рассматривались в отечественной историографии, остановимся на тех вопросах, обсуждение которых на Тартуских мирных переговорах стороны не привело к должному взаимопониманию. В центре возобновленного после подписанного мира конфликта стало различное отношение двух стран к будущему территории советской Карелии.

В Москве считали положение в Карелии своим внутренним делом. Поэтому на Тартуской мирной конференции советская делегация лишь проинформировала финскую сторону о предоставлении Карелии автономного статуса. К тому же в Статье 10 этого договора прямо говорилось, что «Ребольская и Поросозерская волости возвращаются в состав Российского государства»¹. Финляндское же правительство полагало возможным требовать большего, поставив вопрос о своем праве на контроль над ситуацией в этой советской автономии.

В историографии данного вопроса существуют различные точки зрения исследователей по поводу самого характера претензий Финляндии в отношении советской Карелии². Так, финский профессор Т. Вихавайнен считает, что «Финляндия официально не предъявляла требований на зарубежную территорию,

а только привлекла внимание к вопросу о том, как осуществляются права, гарантированные этой области международными соглашениями»³. Возможно, в этом есть своя доля истины, но это «внимание» финнов выходило все же далеко за рамки международного права. Об этом, собственно, и свидетельствуют конкретные факты.

Действительно, с октября 1921 г. ситуация в советской Карелии стала стремительно обостряться. Там также начало проявляться открытое недовольство сложившимся политическим строем. Но при этом явно просматривалась и особая роль, которую изначально играли в данном процессе так называемые «активисты», проживавшие в Финляндии и выступавшие за присоединение «восточной» Карелии к своей стране. «Недовольные» даже обратились за помощью к различным странам и, естественно, прежде всего к правительству Финляндии. Однако, связанное договором о мире, финское руководство не могло открыто принять участие в военных действиях с соседним государством, хотя на ее территории стала проводиться негласная вербовка добровольцев для отправки их в карельские районы советской России⁴. В результате уже в конце октября были зафиксированы факты их вторжения на территорию соседнего государства.

Теперь, как представляется, важно выяснить, как в Москве воспринимали происходившие в Карелии события и что там об этом вообще знали. В данном отношении до сих пор не были в должной мере введены в научный оборот документы внешней политики, которые были опубликованы в нашей стране⁵.

Из этих документов становится ясным, что советское руководство с октября 1921 г. систематически получало сведения, что «бандитские отряды, руководимые финляндскими офицерами», регулярно вторгаются в пограничные волости Карельской трудовой коммуны. Как отмечается в опубликованных документах, целью нарушивших границу отрядов являлась дезорганизация деятельности местных органов власти «путем убийств ответственных работников», а также в ликвидации правоохранительных органов. Кроме того, явно просматривалось стремление, вступив на советскую территорию,

нарушить существовавшие там коммуникации: были зафиксированы факты разрушения сети дорог, подрывов мостов.

Все эти и «другие насильственные действия» явно, как выделось в Москве, имели соответствующую поддержку финских властей. Они выглядели как хорошо спланированная акция, и об этом можно было судить, в частности, по тому, что в октябре «банды» вторглись на карельскую территорию в наиболее безлюдной, бездорожной части Карелии, вступив в Тунгудскую волость. Пользуясь бездорожьем и полным отсутствием сообщения с этой местностью, эти формирования в течение продолжительного времени безнаказанно терроризировали мирное население⁶. Облегчало же подобные действия то, что в этом районе советской Карелии *«граница должным образом не охранялась, а к северу от Ребола до Кандалакши была даже совершенно открыта»*⁷.

В целом в документах была зафиксирована масса случаев нарушения вооруженными отрядами советско-финляндской границы. Так, в частности, был замечен отряд, вооруженный ручными гранатами и пулеметами, который, перейдя границу, стал продвигаться в направлении к Сегоозеру⁸. Чуть позже другой вооруженный отряд появился в районе Ребольской волости, захватил и уничтожил советский пограничный пост⁹. Было установлено, что руководителем одного из подобных отрядов, называвшихся в советских документах не иначе как «бандой», являлся финский кадровый офицер Токконен. Формирование отряда создавалось на финской территории, где его собственно вооружили и обеспечили продовольствием. Зафиксированный факт наличия у отряда артиллерийских орудий не мог не указывать на то, что его деятельность на советской территории осуществлялась с ведома финляндских властей¹⁰. Но, как отмечалось в Москве, заявляя о своей непричастности к нападению на территорию советской Карелии, финское правительство не позаботилось о том, чтобы офицеры, ставшие во главе «белых банд», сняли бы с себя финскую военную форму. К тому же отряды оказались оснащенные оружием, которое имело на себе маркировку финских оружейных заводов¹¹.

В документах указывалось, что на территории Финляндии было организовано еще так называемое «карельское правительство», которое ежедневно, по данным Москвы, печатало

свои сводки на основании сведений, доставляемых курьерами из советской Карелии. Это давало основание полагать, что границу тогда «вообще переходили свободно, вопреки официальному объявлению финляндского правительства о ее закрытии»¹². Также через границу в советскую Карелию регулярно доставлялось оружие.

При таких условиях советскому руководству было нетрудно обратить внимание финского правительства на необходимость строгого соблюдения Финляндией Тартуского мирного договора. Более того, в Москве определенно отмечали, что политика финляндского правительства лишь свидетельствует о непосредственном преобладании агрессивных влияний в руководстве страны или просто «о молчаливой симпатии к таковым»¹³.

На подобную линию прямо указывали газеты, издававшиеся в Финляндии. Так, 25 ноября 1921 г. в финской прессе был помещен открытый призыв к находящимся в Финляндии карелам организовать отряды «с целью освобождения своей земли». Призыв был подписан полковником Мальмо, который в 1918 г. лично руководил подобной «экспедицией» в Карелию¹⁴. В Москве пришли к выводу, что «агрессивно настроенная финляндская пресса» и «бандитское движение» в Карелии выступали совершенно открыто, а финляндское правительство «нисколько не реагировало» на это¹⁵.

В результате для политического разрешения возникшего конфликта было решено 19 ноября вручить финскому поверенному в Москве Гюлленбегелю ноту, в которой открытым текстом указывалось, что у советской России создается впечатление, будто бы финляндское руководство «не в курсе дел», происходящего в Карелии. При этом в Хельсинки сообщили о том, что в РСФСР известны факты о существовании на территории Финляндии ряда непримиримых к соседнему государству организаций и групп типа «Карельского союза» или «Егерского бюро». Эти организации, как показывало заявление, занимались доставкой оружия в пограничные волости советской Карелии и заброской своих агентов с целью борьбы против Советской власти. Более того, указывала Москва, многие из руководящих лиц этих организаций занимали в Финляндии ответственные посты, а некоторые из них,

вроде Токконена, Талвелла, Мойзенсуйской, Аалохеймо, просто «выступали под вымышленными именами»¹⁶.

После изложения в советской ноте соответствующих фактов о причастности Финляндии к происходившим в Карелии событиям, наркомат иностранных дел заявил, что все это «заставляет думать, что вышеуказанные действия имели цель создать впечатление враждебного к Советскому правительству настроения карельского населения и его якобы тяготения к Финляндии и тем самым произвести давление на РСФСР при окончательном рассмотрении карельского вопроса»¹⁷. Это, как считали в Москве, подтверждалось еще и тем, что финское правительство стремилось представить «карельское движение как внутреннее восстание, не пользующееся поддержкой из Финляндии» и даже поставила вопрос перед Лигой наций о «бесправном положении карел в России»¹⁸. Со своей стороны советское правительство также подчеркивало, что обращение Финляндии в Лигу наций с просьбой о вмешательстве «в карельские события» в Москве рассматривают как серьезное нарушение мирного договора¹⁹.

Выразив, таким образом, свое отношение к происходившим в Карелии событиям, НКИИД в дипломатической форме указал финскому руководству на возможность серьезного ухудшения советско-финляндских отношений, что, очевидно, могло иметь самые тяжелые последствия. Более того, в Хельсинки стало известно о заявлении, которое сделал Председатель РВС и нарком по военным и морским делам Л. Д. Троцкий. Он в весьма угрожающем тоне сообщил, что «Финляндию надо проучить, направив туда слывшие дикими и жестокими отряды башкирской конницы, чтобы расправиться с хельсинскими буржуями, с каждым в отдельности»²⁰. При этом Троцкий фактически повторил ту мысль, которая была уже доведена до сведения Финляндии. Он также подчеркнул, что в РСФСР объясняют внешнеполитические акции финляндского правительства как стремление «создать впечатление о якобы творящихся в Карельской Трудовой Коммуне ужасах, дабы этим расположить общественное мнение других стран в пользу организуемых и поддерживаемых финляндским правительством бандитских нападений на нее»²¹.

Если к этому добавить то, что в Москве стали обвинять финское руководство в поддержке антисоветских контрреволюционных эмигрантских организаций, указывая на выдачу 22 ноября 1921 г. въездной визы в Финляндию одному из руководителей диверсионной организации «Народный союз защиты родины и свободы» Б.В. Савинкову, действовавшему непосредственно против Советской власти в России, а также «замеченное» участие «в карельских событиях» ряда руководителей кронштадтского мятежа, которые, «перебравшись в Финляндию, формировали отряды, направляемые против Карельской Трудовой Коммуны», то становится понятным, почему советское руководство не на шутку обеспокоилось сложившейся на северо-западе страны ситуации. Не случайно поэтому НКВД прямо указал, «что, формируя отряды из русских контрреволюционеров, финляндское правительство рассчитывало усилить впечатление о якобы широком национальном движении среди карельского народа»²².

К тому же на территории РСФСР начали один за другим раскрываться антисоветские заговоры, к организации которых, как утверждалось в Москве, была причастна еще и Финляндия. В Петрограде раскрывается заговор, в котором было установлено участие финляндских агентов. Более того, утверждалось о том, что в этот момент уже активно действовала финляндская агентура в пограничных волостях Карельской Трудовой Коммуны, особенно в Кемском уезде, Ребольской и Поросозерской волостях, где «она стремилась влиять на настроение населения путем устной и печатной агитации, обмана, угроз и посулов»²³.

В результате к концу 1921 — началу 1922 г. правительство Финляндии оказалось под очевидным прессом дипломатического давления, исходившего из Москвы. Теперь в Хельсинки уже явно стали опасаться возможности начала настоящих боевых действий против частей Красной Армии. Это, естественно, не могло уже входить в планы финского руководства и в конечном счете здравомыслие возобладало. Финляндия так и не была втянута в войну против РСФСР. Советские же дипломатические документы того времени явно показывают, что своей активной позицией НКВД во многом смог повлиять на окончательные решения, которые принимались в Хельсинки.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. IV. М., 1960. С. 357.

² См.: *Бартеңьев Т., Комиссаров Ю.* Тридцать лет добрососедства. М., 1976; *Барышников Н.И.* О финляндском экспорте «восстания» в Карелию в 1921–1922 гг. // Скандинавские чтения 2000 года. СПб., 2002; В семье Единой. Петрозаводск, 1998; *Гардин Е.С.* Разгром белофинской авантюры (1921–1922 гг.). Петрозаводск, 1947; *Гусев К.В.* К истории Карельского мятежа // Отечественная история. 1996. № 6; *Йокиши М.* Из новейшей истории Финляндии (1939–1994) // Прибалтийско-финские народы. История и судьба родственных народов. Ювяскюля, 1995; *Килин Ю.М.* Карелия в политике советского государства. Петрозаводск, 1997; *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа. Петрозаводск, 1998; *Коронен М.М.* Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969; Невалайнен П. Изгой: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003; *Рутасов А., Чистиков А.* Советско-финляндская граница. СПб., 2007; *Уткин Н.И.* Россия-Финляндия: «Карельский вопрос». СПб., 1999; *Хесин С.С.* Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1921–1922 гг. М., 1949; *Юссала О., Хенттила С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. М., 1998.

³ *Вихавайнен Т.* Внешняя политика Финляндии // Зимняя война 1939–1940. Кн. I. М., 1999. С. 44.

⁴ Советско-финляндская война 1939–1940 гг. Т. I. СПб., 2003. С. 7.

⁵ Документы внешней политики СССР. Т. IV.

⁶ Там же. С. 509.

⁷ Там же. С. 535.

⁸ Там же. С. 511.

⁹ Там же. С. 535.

¹⁰ Там же. С. 512.

¹¹ О Финляндии и о Прибалтийском союзе // Последнее нападение финских белогвардейцев на Советскую Россию. Орел. Политуправление Орловского военного округа. 1922. С. 25.

¹² Документы внешней политики СССР. Т. IV. С. 534–535.

¹³ Там же. С. 535.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 535–536.

¹⁶ Там же. С. 534.

¹⁷ Там же. С. 512.

¹⁸ Там же. С. 692.

¹⁹ Там же. С. 560.

²⁰ Цит. по: *Вихавайнен Т.* Восточная угроза и белая Финляндия: от Тартуского мира к миру Парижскому // Два лика России. СПб., 2007. С. 221.

²¹ Документы внешней политики СССР. Т. IV. С. 558.

²² Там же. С. 560.

²³ Там же. С. 510.

В. Н. Барышников

**РОЖДЕНИЕ ЗАМЫСЛА ФИНСКОГО РУКОВОДСТВА
О ВОЗВРАЩЕНИИ УТРАЧЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ
КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА
ПОСЛЕ «ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ» ***

В финляндском руководстве не любили говорить о подлинных целях участия страны в войне в 1941–1944 гг. Утверждение одного из депутатов парламента на закрытом заседании 25 июня 1941 г. о том, что граница должна быть передвинута «туда, где проходит самая прямая линия от Белого моря до Ладожского озера», т. е. далеко на советскую территорию, произвела тогда самый настоящий переполох в финских верхах¹. Но, однако, идея отторжения от СССР значительной части его территории, а не только возвращение Финляндии потерянных в ходе «зимней войны» земель являлась очевидной стратегической линией финского руководства в момент начала так называемой «войны-продолжения». В Хельсинки действительно задумывали осуществить в 1941 г. масштабную войну-реванш. В этом отношении важным остается выяснить, когда, собственно, финское руководство почувствовало возможность подобной войны. Наиболее примитивным (или наивным) в данном случае является утверждение, что решение о новой войне против Советского Союза в верхах

* Работа выполнена в рамках проекта Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.108. «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

страны принималось как раз на упоминавшемся заседании парламента 25 июня 1941 г.² Все, естественно, готовилось заранее. Но при этом возникает вопрос: когда в действительности у финского руководства начал рождаться замысел новой войны?

Эта проблема в последнее время вызвала горячую дискуссию в кругах финских историков³, причем появились весьма обоснованные утверждения, что замысел возвращения утраченных территорий стал возникать у финского руководства еще в период «зимней войны» — тогда, когда Финляндия еще не испытала в полной мере горечи поражения⁴. При этом, что представляется наиболее важным, некоторые финские историки стали обращать внимание на то, что возвращение утраченных территорий уже тогда мыслилось достигнуть, опираясь на военную мощь Германии⁵.

При таком заключении очевидно, что необходимо дальнейшее продолжение всестороннего исследования финско-германских отношений периода «зимней войны». А они тогда складывались для Финляндии далеко не просто. Дело в том, что, несмотря на весьма неплохие контакты, которые существовали у двух государств в 20–30-е гг., и даже явные надежды финского руководства на возможность получения поддержки в случае возникновения военного противоборства Финляндии с СССР⁶ никакой реальной помощи с началом «зимней войны» Хельсинки из Берлина не получили.

Подобная политика Германии являлась следствием действий, продиктованных положениями секретного приложения к договору о ненападении, подписанному с СССР 23 августа 1939 г. Но сдержанная позиция, занятая немецкой стороной, естественно, являлась весьма ощутимой для Хельсинки, хотя здесь хорошо понимали, что «советский контроль над Финляндией не был в интересах» Берлина⁷. Действительно, неясно нацистское руководство все же находилось на стороне Финляндии. Как считали немецкие дипломаты, которые работали в Хельсинки, «Гитлер, как и его министр иностранных дел, были полностью едины с Финляндией и с ее борьбой против Советского Союза»⁸. Однако в рейхе существовало устойчивое мнение, что начавшаяся война не продлится очень долго и она неминуемо закончится поражением Финляндии⁹.

Это, естественно, требовало продолжать проявлять свои симпатии к Финляндии в крайне осторожной форме¹⁰.

Тем не менее как только в Берлине заметили, что войска Красной Армии терпят военные неудачи, то сразу же стали проявлять очевидную заинтересованность в том, чтобы советские войска как можно дольше вели боевые действия в этой стране. Эти настроения, прежде всего, проявились в попытках организации скрытой транспортировки финнам вооружения¹¹. Более того, в рейхе опять начали позволять себе жесткие заявления по адресу политики Советского Союза¹². Конечно, данный нюанс в политике Германии достаточно быстро заметили финские дипломаты, работающие за рубежом¹³, и сведения подобного характера стали затем весьма регулярно поступать в Хельсинки¹⁴. Как справедливо отметил немецкий профессор М. Менгер, «...такие намеки открывали для финского руководства первые, конечно, еще не твердые надежды на перспективу будущего развития» возможного военного сотрудничества с рейхом¹⁵. Но в этом отношении, безусловно, было еще рано предполагать, что Германия собиралась уже тогда «использовать Финляндию в войне против Советского Союза»¹⁶.

В целом финско-германские отношения в декабре 1939 г. — начале января 1940 г. показали, что у Финляндии существует определенная возможность рассчитывать на тайную поддержку Германии в своем противостоянии СССР¹⁷. Однако эта перспектива несколько осложнялась тем, что Англия и Франция, противники Германии по Второй мировой войне, также активизировали свою политику, пытаясь вмешаться на стороне Финляндии в возникшую конфликтную ситуацию на Севере Европы. В их политике явно просматривалось желание использовать начавшуюся «зимнюю войну» для усиления своих позиций в Скандинавии. Естественно, нацистское руководство не было заинтересовано в том, чтобы английские и французские войска смогли утвердиться в Северной Европе, что, конечно, не могли не понимать в Хельсинки¹⁸. Для рейха наиболее заманчивым был исход войны, при котором действующая самостоятельно Финляндия не оказалась бы полностью разгромленной, но при этом не попала бы под влияние ни СССР, ни западных союзников. При таком исходе Берлин вполне мог рассчитывать на сохранение в этой стране про-

немецкого влияния, а также, что являлось не менее важным, на развитие в финском обществе реваншистских настроений, которые затем можно было бы использовать в случае начала Германией войны против СССР.

В условиях провала в осуществлении наступательных планов советских войск в декабре 1939 г. и начала с января 1940 г. позиционной войны, открывались перспективы того, что подобная стратегия может немецкими политиками быть реализована. Однако в ходе войны обстановка начала стремительно меняться. В феврале 1940 г. советское командование, сконцентрировав на Карельском перешейке колоссальное количество войск, отдало приказ о начале решительного наступления. При таком повороте в Берлине стали понимать, что для Финляндии наиболее выгодным становится как можно быстрее завершить войну, добившись мирного урегулирования с Советским Союзом.

Любопытным при этом было то, что стать самой посредником в деле достижения мира Германия все же не собиралась. Слабые попытки немцев взять на себя роль миротворца явно не давали желаемого результата. Более того, было «совершенно ясно, что Москва не хотела позволить Германии действовать от имени Финляндии»¹⁹. Показательным становилось еще и то, что Берлин явно уклонялся от какого-либо давления на советское правительство с целью помочь Финляндии смягчить условия возможного мирного договора²⁰. Это происходило несмотря на то, что финское руководство всячески пыталось донести до сведения рейха, что «Советский Союз в ультимативной форме выдвинул свои требования, которые невозможно принять»²¹.

С другой стороны, Германия, наоборот, начала явно подталкивать финское руководство к активизации поиска пути достижения мира, подчеркивая лишь одно: «Договоренность возможна, если Финляндия готова на уступки»²². Иными словами, в Берлине склонны были бы согласиться поддержать идею окончания войны, но при этом сами не собирались участвовать в процессе мирного урегулирования и, очевидно, не предполагали оказывать какую-либо серьезную дипломатическую поддержку Финляндии. Даже А. Гитлер считал возможным сделать заявление, что советские требования в отношении Финляндии

«являются естественными и умеренными». Он прямо подчеркнул: «Вопрос стоит о территории (передаваемой Финляндией СССР.– В.Б.), которая прежде принадлежала русским»²³. Эти слова являются весьма показательными, поскольку буквально через несколько месяцев Германия будет активно провоцировать финское руководство на возвращение утраченных ей в ходе войны территорий.

В этой крайне запутанной для Финляндии ситуации в Германию направляется представитель финского правительства, бывший премьер страны Т. Кивимяки. В его задачу входило встретиться с высшим политическим руководством рейха и окончательно прояснить позицию Берлина. 22 февраля 1940 г. Кивимяки принял представитель нацистского руководства Г. Геринг. Фактически второй человек в рейхе после Гитлера прямо сказал Кивимяки, что «мир надо заключить даже на тяжелых условиях, а потери можно будет возратить в будущем»²⁴. Это было крайне серьезное заявление, которое прозвучало из уст высшего официального лица Германии. В такой ситуации финляндскому руководству следовало сделать выбор, от которого должна была зависеть будущая внешнеполитическая перспектива.

Возникает вопрос: как же реально отнеслись к данному заявлению в финских верхах и кто вообще был проинформирован о предложении Геринга?

Из имеющихся сейчас данных известно, что первому, кому Т. Кивимяки сообщил о своих переговорах в Германии, был премьер-министр Р. Рюти. Финский дипломат еще из Берлина направил ему соответствующую телеграмму, с содержанием которой глава правительства ознакомил министра иностранных дел В. Таннера²⁵. Кроме того, в ночь с 26 на 27 февраля, следуя из Германии через территорию Швеции в Финляндию, Кивимяки встретился в Стокгольме с Таннером. В ходе состоявшейся беседы политики обсудили результаты, достигнутые на переговорах в Германии. Как указывает в своих мемуарах В. Таннер, разговор продолжался два часа, и Кивимяки сообщил, что все, с кем он встречался, советовали заключать мир, «даже на жестких условиях». При этом он особо подчеркнул, что немецкие представители утверждали, что «при любом повороте событий... будет шанс вернуть все отданные террито-

рии»²⁶. Иными словами, Кивимяки, возвращаясь из Германии, был явно окрылен открывающимися для Финляндии перспективами. Это не мог не почувствовать Таннер, отметив в воспоминаниях, что Кивимяки по дороге в Финляндию «убежденно выступал в пользу достижения мира», поскольку, как он считал, «у нас нет другого пути»²⁷.

Однако ни Таннер, ни Рюти не стали афишировать переданную им информацию. Суждения Геринга по поводу перспектив возврата утраченных Финляндией территорий не стали достоянием гласности. Эта информация не дошла оперативно ни до К.Г.Э. Маннергейма²⁸, ни до аппарата финского МИДа²⁹. Все это говорило о том, что Р. Рюти и В. Таннер, которые в первую очередь получили из Германии сведения о возможностях, открывшихся для Финляндии в случае быстрого заключения мирного договора, решили не выносить их на публичное обсуждение. Это, вероятно, было связано с тем, что оба политика сомневались в готовности руководства Финляндии отказаться от планов получения помощи со стороны Запада. Они не были уверены в способности правительства страны пойти на возможно тяжелый мирный договор с СССР. Поэтому Рюти сообщил Кивимяки, что для решения этой задачи «момент не назрел»³⁰. К тому же, очевидно, нельзя было открыто говорить об идее реванша, поскольку война еще далеко не была закончена. Таннер мог открыто рассуждать по данному поводу только, когда начались московские мирные переговоры. Но и тогда он предостерегал: «Мысль (реванша. – В.Б.) является такой, которую не следует провозглашать. Думаю, что каждый надеется, что когда наступит удобный момент, мы возьмем утраченную территорию обратно»³¹.

Тем не менее в целом последующие события показали, что отношение к неофициальному предложению Г. Геринга у премьер-министра и министра иностранных дел было все-таки весьма серьезным. Показательным стало и то, что с этого момента «германский вопрос» становится в кругу руководства Финляндии все более и более актуальным. Свидетельством тому являются, в частности, стенографические записи протоколов заседания внешнеполитической комиссии правительства Финляндии. На этих заседаниях, проходивших в феврале-марте

1940 г., довольно регулярно стала звучать тема, которая в той или иной форме была связана с политикой Германии, и именно из материалов протоколов становится понятно, какой на самом деле финское руководство выбирало для своей страны путь.

Действительно, в правительстве с большим напряжением ожидали итогов визита своего эмиссара в Германию. Еще 23 февраля, т. е. до получения в Хельсинки отчета Кивимяки, на заседании уже настойчиво раздавались голоса о том, что «нужно ждать выяснения, что Берлин думает относительно тех предложений, которые надо принять Финляндии»³².

Однако этот отчет прозвучал лишь 28 февраля, хотя еще за три дня до него «германский вопрос» уже бурно обсуждался членами правительства. Связано это было с тем, что В. Таннер огласил соответствующую справку о германо-финляндских отношениях и сообщил о телеграмме, полученной от Кивимяки из немецкой столицы. В этой телеграмме содержались первые сведения относительно состоявшейся встречи с Г. Герингом. Но в своем выступлении В. Таннер лишь ограничился информацией о том, что Геринг «побуждал к достижению мира» и не проинформировал об обещаниях, которые в рейхе давали Финляндии в случае быстрого окончания «зимней войны». Необходимость завершения войны, по словам Таннера, Геринг видел только в том, что помощь Финляндии со стороны «западных держав будет слабой», и более того, «если западные державы направят регулярные войска, то Германия приступит к военным действиям» на севере Европы³³.

Из этого выступления и последовавшей за ней дискуссии видно, что главным на тот момент для финского руководства была выработка отношения к получению западной военной помощи, учитывая при этом и позицию Германии. Но наиболее важным стали высказывания премьер-министра о перспективе войны между СССР и Германией, поскольку в отношениях между ними, как он заметил, долго «дружба не продержится»³⁴. Из этого заявления можно было почувствовать, что Рюти начал готовить членов правительства к возможности войны между Советским Союзом и Германией, что как раз и открывало путь к реваншу за возможную неудачу «зимней войны».

В целом тема общих итогов мировой войны, а не только результатов советско-финляндской войны становится достаточно популярной в ходе ее дальнейшего обсуждения. Особенно это стало заметно после отчета Т. Кивимяки о своей поездке. В выступлении перед членами правительства он донес мнение нацистского руководства, ратовавшего за необходимость «проявить мудрость, с тем, чтобы, заключив мир на как можно лучших условиях, ожидать окончания мировой войны». При этом Кивимяки особо подчеркнул, что, по мнению тех, с кем он встречался в Германии, уже «настал тот момент, когда нужно договориться» Финляндии с СССР об окончании войны³⁵.

Любопытно, что идеи этого достаточно неконкретного по своей сути доклада, в котором так и не были изложены взгляды Г. Геринга о возможности финского реванша в будущем, открыто поддержал премьер-министр Р. Рюти. Он заявил: «Лучше сохранить армию боеспособной и страну от разрушения, чтобы можно было бы добиться затем выгоды от происходящего». И далее последовал его призыв: «Лучше начать восстановление страны от Выборга, чем от Торнио» (город на границе Финляндии со Швецией. – В. Б.)³⁶. Иными словами, человек, который владел информацией о позиции Германии в отношении окончания «зимней войны», видел возможную перспективу для будущих действий с опорой на силу Германии.

Что же касается других членов руководства страны, то, возможно, не все до конца поняли то, на что намекал Г. Геринг в разговоре с Т. Кивимяки. Они лишь почувствовали, что Германия может активно воспрепятствовать переброске войск западных союзников на север Европы. Эту мысль активно развивал министр иностранных дел В. Таннер. Он прямо указал, что Финляндия переживает «последний момент, когда мы можем вести переговоры» с СССР. Далее он подчеркнул: «Сошлюсь на то, что Германия готова вмешаться рывком, если Финляндия не согласится пойти на мир»³⁷. Именно эта мысль стала итоговой на заседании внешнеполитической комиссии правительства, что видно из высказываний членов комиссии, говоривших, что немцы придут на Север «раньше, чем западные державы», а сама «помощь западных держав... будет означать

только то, что и Германия станет нашим противником». Более того, подчеркивалось, что «если Германия начнет нас бомбить, это будет иное, чем то, что мы видим теперь, и парализует помощь западных держав». К тому же в выступлениях членов комиссии подчеркивалось, что Финляндии «надо помнить о судьбе Польши»³⁸. В целом все эти высказывания говорили о том, что в финском руководстве позицию Третьего рейха анализировали и пытались учитывать для определения своих дальнейших действий.

Но рассуждения о незавидной участи Финляндии в случае, если она станет местом столкновения армий великих держав постепенно переходят к тому, что все же следует связать свою судьбу прежде всего с Германией. Подобные настроения явно стали просматриваться уже в самом начале марта 1940 г., когда советскими войсками был развернут штурм Выборга. Именно в данный период для Рюти и Таннера наступило время, когда стоило вспомнить о словах Г. Геринга. В этом смысле перемены в отношении к Германии наиболее отчетливо можно было наблюдать во время дискуссии, которая разгорелась в правительстве 3 марта. Тогда был прямо поставлен вопрос: «Возможно ли вообще официально встать на сторону Германии?»³⁹ И ответ министра иностранных дел В. Таннера был по своей сути обескураживающим. Он сказал: «Я не понимаю предложения о том, чтобы мы перешли на сторону Германии. Мы этим занимаемся уже со второй половины декабря...»⁴⁰

Однако такое заявление не очень смутило членов правительства. Наоборот, высказывалось мнение, что действия внешнеполитического ведомства страны в этом отношении не эффективны. Голоса относительно необходимости «занять немецкую сторону» после выступления В. Таннера только усилились. Военный министр Ю. Ниукканен предложил передать немцам за предполагаемую Германией поддержку Финляндии «в качестве платы Аландские острова». Он заметил: «Это будет месть западным державам и Швеции за их слабую помощь»⁴¹. Здесь уже явно просматривались не просто перспективы межгосударственного сотрудничества, а идея создания германо-финляндского союза, причем Финляндия была готова за него заплатить частью своей территории⁴².

В итоге дискуссия в правительственных кругах выявила весьма примечательную картину. В руководстве Финляндии не было серьезного раскола во взглядах относительно значения Германии для политики страны. Но четко наблюдались две точки зрения относительно роли этого государства в определении дальнейшей политической линии Финляндии. Президент К. Каллио определенно обозначил вскрывшиеся разногласия, отметив, что вопрос стоял лишь в том, когда нужно перейти на немецкую сторону: уже немедленно или же тогда, когда Финляндия твердо решит закончить войну и заключит мирный договор⁴³. Очевидно, что в любом случае это был бы разрыв с западными союзниками, которые серьезно так и не помогли Финляндии.

Отмечая различия в подходах государственного руководства страны в отношении перспектив дальнейшего сотрудничества с Германией, следует заметить, что они, вероятно, могли быть определены еще и в иной плоскости. Те, кто выступал за переориентацию страны на Германию, видели в ней лишь сильного партнера СССР, который был бы в состоянии повлиять на Сталина и таким образом помочь Финляндии выйти из войны. Другие же рассматривали рейх как будущего врага Советского Союза и в Германии видели «единственную страну, которая может предоставить помощь»⁴⁴. Второе направление, естественно, могло предполагать перспективу реванша с помощью Германии.

Но в любом случае не все в руководстве страны в начале марта были готовы отказаться от возможности добиться получения помощи от Запада. По мере нарастания военных неудач, связанных с натиском советских войск на Карельском перешейке, вера в эффективность военной поддержки Англии и Франции быстро таяла. Да и Германия не собиралась сдавать свои позиции в Финляндии. Так, 7 марта в финский МИД пришла тревожная телеграмма, в которой сообщалось, что в рейхе наблюдается очевидное разочарование политикой Финляндии. Финскому руководству сообщалось, что «у Гитлера нет никакого интереса помогать» Финляндии. Также отмечалась «холодность» в отношении финских дел со стороны Геринга. Вывод документа сводился к весьма пессимистической констатации: «По-видимому, жесткая позиция

Германии (в отношении Финляндии. — В. Б.) говорит об обдуманной тактике»⁴⁵. Подобные сведения лишь подталкивали Финляндию к скорейшему подписанию мирного договора с СССР. В результате финское руководство сделало свой выбор и, несмотря на массивное давление с Запада, заключило мирный договор с СССР.

Таким образом, в принятии решения о необходимости подписания мирного договора с Советским Союзом большую роль сыграла Германия. При этом не последнее место для финского руководства имела надежда с немецкой помощью пересмотреть подписанный в Москве мир. Не случайно поэтому этот мир сразу же стал рассматриваться в Хельсинки как «перемирие», что, естественно, предполагало перспективу возобновления войны для того, чтобы «возвратить утраченную территорию»⁴⁶. Очевидно, при таком подходе у Финляндии должен был быть влиятельный в военном отношении партнер. Учитывая стремительность, с которой заключался мир, а также безусловность в отказе от перспективы военной поддержки со стороны Англии и Франции, становится понятным, что только нацистская Германия могла рассматриваться как наиболее значимая в перспективе держава.

Таким образом, рождение замысла финского руководства о возвращении утраченных территорий Карельского перешейка, потерянных Финляндией в ходе «зимней войны», совершилось уже на завершающей стадии этой войны, еще до подписания московского мирного договора. Становится понятным, что «война-реванш», которая началась летом 1941 г., явилась только следствием принимавшихся в конце февраля — начале марта 1940 г. решений в высших эшелонах финской власти. При этом очевидно, что в Хельсинки начали задумываться о возможности реванша прежде всего после встречи Геринга с Кивимяки 22 февраля. Окончательные же для себя перспективы в случае подписания мирного договора с СССР в финском правительстве увидели уже после 3 марта, когда «германская тема» стала одной из ключевых в ходе начавшихся тогда дискуссий в правительстве страны. Германия начала рассматриваться как несомненный гарант будущей победы Финляндии над СССР.

¹ Salaiset keskustelut. Lahti, 1967. S. 95–97.

² См.: *Солохин М.* 25 июня. Глупость или агрессия? М., 2008; *Кишкурно Я.А.* Финляндия и юго-восточная Европа в агрессивной политике советского государства 1940–1941. СПб., 2007 и др.

³ См.: *Ylikangas H.* Kysymyksissä ja vastauksissa koskien talvisodan rauhaa // *Historiallinen Aikakauskirja.* 2004. N 2. S. 244–248; *Manninen O.* Väli- rauha — olemassaolon säilyttämiseksi // *Historiallinen Aikakauskirja.* 2004. N 1. S. 96–102; *Manninen O.* Yhden kortin varaan ei voitu heittäytyä // *Historiallinen Aikakauskirja.* 2004. N 2. S. 249–256; *Seikko E.* Professor Ylikangas ja talvisodan rauha // *Historiallinen Aikakauskirja.* 2004. N 1. S. 103–106; *Häikkö M.* Lähdekri- tiikkiä Ylikankaalle Göringistä ja talvisodasta // *Historiallinen Aikakauskirja.* 2004. N 1. S. 107–110; *Eskola S.* Professori Ylikankalle // *Historiallinen Aikakauskirja.* 2004. N 2. S. 256–257.

⁴ См.: *Ylikangas H.* Tulkintani Talvisodasta. Juva, 2001. S. 147.

⁵ Ibid.

⁶ См.: *Барышников В.Н.* От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 112–139.

⁷ *Vehviläinen O.* Finland in the World War. Between Germany and Russia. Chippenham. 2002. P. 67.

⁸ *Manninen O.* Väli- rauha — olemassaolon säilyttämiseksi. S. 100.

⁹ *Metzger H.* Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa. Hels., 1984. S. 61.

¹⁰ См.: *Барышников В.Н.* К вопросу о германской военно-политиче- ской помощи Финляндии в начале «зимней войны» // Профессор Зинаида Михайловна Дубровина. 50 лет научно-педагогической деятельности. СПб., 2004. С. 87–88.

¹¹ См.: *Menger M.* Deutschland und Finland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988. S. 60; *Peltovuori R.O.* Saksa ja Suomen talvisota. Keuruu, 1975. S. 70; *Kivi- mäki T.M.* Suomalaisen politikon muistelmat. Porvoo-Hels., 1965. S. 125.

¹² Цит. по: *Безыменский Л.* Великая Отечественная в... 1940 году // Меж- дународная жизнь. 1990. № 8. С. 115.

¹³ Ulkoasianministerion arkisto (UM). 109, G 1. Erkon kirje Tukholmasta Tannerille. Tukholma, 24.12.1939; 109, B6. Sähkösanoma Tukholmasta UM: ll, 24.12.1939; 109, C 2 e. Sähkösanoma Tukholmasta UM: ll, 23.12.1939.

¹⁴ *Menger M.* Deutschland und Finland im Zweiten Weltkrieg. S. 66–67; *Kivimäki T.M.* Suomalaisen politikon muistelmat. S. 127–128.

¹⁵ *Menger M.* Op. cit. S. 67.

¹⁶ *Вехвиляйнен О.* Первые шаги к компромиссу // Зимняя война. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 241.

¹⁷ *Барышников В.Н.* К вопросу о германской военно-политической помо- щи Финляндии в начале «зимней войны» // Профессор Зинаида Михайловна Дубровина. 50 лет научно-педагогической деятельности. СПб., 2004. С. 90.

¹⁸ *Wuorimaa A.* Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. Keuruu, 1967. S. 140.

¹⁹ *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. М., 2003. С. 162.

- ²⁰ См.: *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I. Talvisota. Porvoo-Hels., 1958. S. 139–140.
- ²¹ UM. 109, B 6. Sähkösanama UM: Ita Romaan, 25.02.1940.
- ²² Ibid. Ulkoministerin lausunto, 11.02.1940.
- ²³ Цит. по: Зимняя война 1939–1940. Политическая история. С. 350.
- ²⁴ Цит. по: *Peltovuori R.* Saksa ja Suomen talvisota. S. 110.
- ²⁵ *Yliskangas H.* Tulkintani Talvisodasta. S. 194; UM. 109, B 6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 25.02.1940.
- ²⁶ *Таннер В.* Зимняя война. С. 230.
- ²⁷ Там же. С. 238.
- ²⁸ См.: *Yliskangas H.* Op. cit. S. 202.
- ²⁹ *Pakaslaht A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo-Hels., 1970. S. 244.
- ³⁰ *Kivimäki T. M.* Suomalaisen politikon muistelmat. S. 126.
- ³¹ Цит. по: *Yliskangas H.* Op. cit. S. 228.
- ³² UM. 109, B 6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 23.02.1940.
- ³³ Ibid. Istunto 25.02.1940.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid. Istunto 28.02.1940.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Ibid. Istunto 1.03.1940; 3.03.1940.
- ³⁹ Ibid. Istunto 3.03.1940.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² Ibid.
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ Ibid. 109, B 6. Sähkösanama Tukholmast UM: lle, 7.03.1940.
- ⁴⁶ См.: Ibid. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 12.03.1940.

В. И. Фокин

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПРИМЕРЕ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

Этнические и конфессиональные противоборства последних лет проявили свою фундаментальную, непреходящую сущность. Они, очевидно, займут место социально-идеологических и политических конфликтов либерально-демократической эпохи Нового времени. Грядет конфронтация невиданных масштабов. «Маэстро», направляющий ее развитие, вооружен, без сомнения, глубокой исторической памятью и владеет убийственными технологиями. Двигатель его корабля — голый интерес, а рулевой механизм — злобное стремление к обладанию миром. Его разрушительная мощь уничтожает все, чем богаты культуры народов. Перед лицом глобализации народы, тем более малые этнические и культурные общности, уже не являются хозяевами своей судьбы. Наш мир хотят сделать не только однополярным, но и одномерным, где все подчинено гегемонии произвольно и примитивно трактуемых идеалов. Очень легко разрушить то, что создавалось в течение сотен лет, и трудно сохранить эстетические, духовные и культурные сокровища, созданные лучшими умами человечества.

Но отношения господства и подчинения находятся в состоянии «непрерывного изменения, как не прекращаются изменения и в отношениях между людьми»¹. Будущее можно представить как создание разумных условий для сближения и взаимодействия цивилизаций. В их основе должны лежать подходы, основанные на равноправном и свободном диалоге

культур народов, сотрудничестве, признающем равноценность культурной самобытности и единство мировой культуры². Цель такого взаимодействия — гуманитарный прогресс и выживание человечества. Устранить условия возникновения войн и терроризма, сплотиться в борьбе с техногенными и экологическими катастрофами, решить проблемы голода и бедности, избавления человечества от опасных заболеваний, добиться повышения эффективности экономики необходимо для того, чтобы обеспечить развитие личности. Она всё отчетливее выступает в качестве единственного источника развития единой всемирной цивилизации в будущем. Общие знаменатели и интересы, стимулирующие дух сотрудничества, сближения и встречи чаще всего относятся к области науки, искусства, туризма, взаимного наслаждения духовными ценностями. Здесь-то и наполняются жизненной силой души людей, устремляясь навстречу друг другу. Японский мыслитель Дасияко Икеда говорит: «Воля человека подвижна сильной и подлинной верой в общую жизнь и надеждой на возрождение, в основе которых — новая жизненная философия и новый культурно-образовательный проект для молодого поколения. Этого достаточно для того, чтобы сдвинуть в сторону оптимизма чашу весов на этой планете»³. Возможность того или иного развития зависит от тех, кто обладает материальной и моральной силой, находясь на вершине пирамиды в лидирующих странах. Но и любой из нас, в свою очередь, отвечает за будущее цивилизации.

Иммиграция как составная часть мировых миграционных процессов является одним из важнейших признаков, определяющих облик современного мира в глобальном масштабе, в его региональных особенностях и во многих отдельных странах. По некоторым оценкам, в мире насчитывается до 200 млн международных мигрантов или около 3% населения земного шара. Эти цифры сами по себе свидетельствуют о том, что международная миграция представляет собой значительный социально-политический и культурно-этнический феномен. Люди, переселившиеся из одной страны в другую, оказывают разнообразное влияние на многие стороны внутригосударственной и международной жизни. В некоторых случаях иммигранты серьезным образом изменяют социаль-

но-демографическую и этническую картину страны. Страны, принимающие иммигрантов в большом количестве, получают определенные и вполне ощутимые выгоды, но вместе с тем сталкиваются с разнообразными проблемами, которые нередко приобретают характер явного или латентного конфликта. Так, в конце XX столетия мусульмане составляли 5% населения Европы, и их доля непрерывно увеличивается. Ислам становится внутренним фактором европейской жизни, и с ним приходится считаться во всех сферах деятельности общества⁴. Сегодня скандинавские страны, казалось бы, не испытывают серьезного иммиграционного потока. Но потенциал прямого междивизиационного столкновения и там постепенно нарастает⁵. Порождаемые глобализационным процессом духовные реалии опасны возможностью потери разными культурами самобытности, что неизбежно приведет и к утрате носителями данной культуры своей идентичности, к размыванию культур и вследствие этого к потере исключительно важного для развития любой цивилизации фактора — фактора разнообразия.

В процессе построения интеркультурного диалога в рамках каждой участвующей в диалоге цивилизации формируются структуры и механизмы, позволяющие расширять связи с иными культурами, легче усваивать их содержание, однако немаловажно и то, что в этом же процессе заключены предпосылки для построения общего базиса кросскультурного взаимодействия. Чем более глубоко культура задействована в процессах интеркультурной коммуникации, тем выше становится ее способность к этому диалогу, ибо в коммуникативных процессах такого типа культура обогащается содержанием, частично заимствуя его у партнеров, частично формируя из собственного материала для обеспечения более эффективного интерцивилизационного взаимодействия. Такой диалог требует от его участников исключительной динамичности, подвижности концептуальных схем мира. Но он затрудняет самоидентификацию человека благодаря тому, что он вынужден делать выбор из большого числа альтернативных *modus existendi*, не имея возможности в полной мере оценить перспективу.

Рассмотрим это на примере скандинавских стран, вовлеченных в процесс глобализации в рамках европейской

интеграции. Необходимо иметь в виду две стороны этого феномена. Первая — объективная: европейская интеграция опосредованно втягивает в процесс динамичного межкультурного диалога все регионы Европы, которым в современных условиях, казалось бы, не грозят «межцивилизационные войны». «Карикатурный скандал» не вызвал бы такой резонанс в арабском мире, если бы Дания не была частью единой Европы. Вторая сторона — субъективная: надежда на то, что в процессе европейской интеграции удастся сохранить самоидентичность в рамках западноевропейской идентичности. В первом случае ситуация определяется тенденциями межцивилизационных взаимодействий в мире, во втором — отношениями в рамках цивилизации, традиционной для стран Европейского Союза.

Следует обратить внимание на сами способы структурирования мира в языках тех культур, для которых мы пытаемся найти (или построить) общий концептуальный базис⁶. Подобно тому как Запад разделился на американскую и европейскую части, все более проявляются различия внутри Европейского Запада. Эти различия особенно заметны шведам, норвежцам. Не случайно поэтому появление модели Европы норвежского ученого С. Роккана⁷. Он разделяет Западную Европу по двум осям: Север-Юг, Восток-Запад и показывает значительность отличий: Север — протестантский, Юг — католический, с религиозной сверхтерриториальностью. Восток и Запад тоже неодинаковы. Вообще говоря, по осям Север-Юг, Восток-Запад складывается исторически переменчивая картина. Среди факторов, которые создают многоликий характер модели Европы, С. Роккан выделяет: первоначальные различия — стартовые условия; факторы, связанные с различным сочетанием индустриальной революции и национальных революций; различия в политике государств между 1848 и 1950 гг.; сюда следует добавить вхождение государств в состав разных империй; способность некоторых стран, географически находящихся на Западе, а фактически не являющихся Западом — как окраинных (Португалия, Греция), так и срединных (Германия) — стать частью Запада; в целом исторически переменчивый характер того, что мы называем Западом и не-Западом.

Дифференциация Западной Европы вокруг осей Север-Юг, Запад-Восток приводит к выделению Центральной Европы, имеющей свою специфику и судьбу. В отличие от обычного значения центра, в модернизационных теориях Центральная Европа не была ни более развитым, ни сконцентрировавшим силу регионом. Напротив, она была наиболее слабым местом. Судьба Центральной Европы, Средней Европы была вопросом не только теории, но и практики. Германия заплатила гигантскую цену — две мировые войны — за то, чтобы, находясь в центре Европы, стать Западом. В начале XX в. ряд немецких ученых были объединены в движение «Mitteleuropa». Это была идея объединения вокруг Германии ряда государств⁸. «Промежуточные» нации — кандидаты в Срединную Европу: финны, шведы, эстонцы, литовцы, латыши, поляки, украинцы и румыны. Они назывались «Междуевропа»⁹. «Срединная Европа» не совпадала с географическими представлениями о Средней и Центральной Европе, ее границы простираются от Балтики до Черного и Адриатического морей. Но в свое время эксцентричный Г. Коль принес в жертву «романтичной» идее Югославию. Ему удалось втянуть в реализацию авантюры североатлантический блок.

Поскольку Европа — континент многокультурный, многонациональный, многоконфессиональный, содержащий этнические меньшинства и маргинальные группы, потенциал конфликта здесь подчас превышает потенциал общих ценностей. Концепты «Единая Европа», «Европа государств», «Европа регионов», «Европа наций» активно используются для обсуждения перспектив европейского развития. Европейская идентичность — это условие работы общеевропейских институтов, мира в Европе, общих демократических ценностей на континенте многообразия и различий. Она включает античную культурную традицию и христианские гуманистические ценности. Если рассматривать этот процесс по оси Север-Юг, то собственно процесс модернизации не закончился, стадийная концепция развития неизбежна. Вместе с тем этот переход может быть истолкован в цивилизационных терминах, а там, где он совершен по имманентной логике, лишь с использованием западных технологий, но без смены национальной или цивилизационной идентичности, он может быть понят только

как процесс разворачивания черт определенной цивилизации, не порывающей с собственными культурными основаниями.

Второй линией является горизонталь Запад-Восток. Напряжение, существующее между восточными и западными христианами, существенно сглажено. Восточная часть континента поддерживает идею европейской идентичности большинства стран «другой» Европы. Часть из них имеет смешанную евразийскую идентичность, но сохраняет настойчивое стремление стать Европой¹⁰.

Более существенными различиями цивилизационного характера являются напряжения между мусульманами и западными христианами. Религия часто лишь «метка», «знак» культурных различий. По разным данным, в странах Западной Европы к началу XXI в. проживало от 15 до 20 млн мусульман¹¹. Сегодня говорят о новом «европейском исламе», в котором доминирует веротерпимость и стремление разрушить межконфессиональные барьеры. Таким образом, именно в Европе стираются разногласия между различными исламскими направлениями и общинами¹². В сложившейся ситуации противоречия между различными направлениями ислама отходят на второй план, в то время как общим знаменателем становится стремление сохранить самые значимые для выходцев из разных мусульманских стран ценности. При этом зачастую забывают, что ислам, в отличие от европейского христианства, не прошел трехвековой период светской секуляризации, а законы шариата — безусловная ценность для «правоверных». Даже в светских государствах арабского Востока идет длительная и изнуряющая борьба с исламистами, которые не приемлют светские законы гражданского общества¹³. Более того, многие мусульманские общины культивируют этноконфессиональную замкнутость в Европе, поскольку это позволяет эксплуатировать единоверцев в политических и социальных целях. К тому же нельзя не учитывать, что многие из их членов, попадая в европейскую действительность, испытывают «культурный шок», воспринимают окружающую европейскую ментальность как чуждое и враждебное явление. Наконец, в бытовом общении различия в темпераментах воспринимаются либо как агрессивная активность, либо как холодная надменность¹⁴. Всё это усиливается социальными проблемами, порождаемыми иммиграцией. Она создает усло-

вия для снижения общего уровня жизни, благодаря предложению дешевой рабочей силы. Статистика свидетельствует о том, что проблема трудоустройства весьма актуальна для иммигрантов. Так, в Дании каждый второй иммигрант — безработный¹⁵. Естественно, что и правонарушений среди иммигрантов отмечено гораздо больше, чем среди коренного населения. В 2001 г. в 60% криминальных ситуаций, имевших место в Копенгагене, участвовали молодые иммигранты¹⁶. В разных странах по поводу иммиграции из стран «третьего мира» существуют различные мнения. Но большинство западноевропейских исследователей разделяют точку зрения, высказанную вице-президентом Ассоциации промышленников Дании: «Наше население стареет, надо планомерно использовать иммигрантов. Обучать их с тем, чтобы повысить их квалификацию»¹⁷. В частности, шведское правительство оказывает поддержку тем иммигрантам, которые занимаются сбытом шведских товаров в стране своего происхождения.

Межцивилизационный диалог имеет внутренний и внешний аспекты для каждой цивилизации. Сам по себе он является мощным источником развития человечества. Но функционирование этого процесса полно противоречий и диспропорций в условиях современной глобализации. Решение проблем межцивилизационного взаимодействия в Европе и на её Севере основано на том, что сосуществование европейской и мусульманской цивилизаций в рамках одного континента предполагает выработку правил, которые будут учитывать интересы и той, и другой стороны. Сегодня мусульманская культура на континенте перестает быть культурой национального меньшинства и имеет тенденцию превратиться в культуру большинства. У европейцев еще есть шанс выторговать себе приемлемые условия сосуществования в будущем. Во многом будущее европейской цивилизации зависит не столько от сохранения культурной самобытности в условиях глобализации, сколько от способности Европы решить демографические проблемы.

¹ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Дамаск, 1991. С. 830.

² Декларация принципов международного культурного сотрудничества Организации объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры. XIV сессия Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Париж, 4 ноября 1966 г. Париж, 1966.

³ *Икеда Дасияко*. Цикл лекций под названием «К возрождению надежды». Москва, 1994.

⁴ См.: *Бьюкенен П.* Смерть Запада. Реферат книги // Вестник Европы. 2004. № 11. Книга написана известным американским политическим деятелем консервативного толка — республиканцем, бывшим главным советником президентов США Р. Никсона и Р. Рейгана, и посвящена анализу опасностей глобального характера, представляющих, по мнению автора, смертельную угрозу самому существованию западной цивилизации. П. Бьюкенен выделяет четыре вида опасностей для западной цивилизации, все они так или иначе связаны с переживаемым развитыми странами острым демографическим кризисом:

1) Низкая рождаемость в сочетании со старением населения и обусловленное этими причинами вымирание коренного населения западных стран, принявшее форму «демографического пика». Поиск выхода из этой ситуации автор считает главной задачей для западного сообщества.

2) Массовая иммиграция, обусловленная потребностью развитых стран в трудовых ресурсах. Поскольку подавляющая часть иммигрантов, прибывающих в последние годы в эти страны, являются представителями других рас, религий и культур, это обстоятельство, как утверждает П. Бьюкенен, способно изменить не только этнический состав населения, но и в целом исторически сложившийся облик Запада, его характер и устои.

3) Все явственнее проявляющаяся тенденция к подрыву суверенитетов независимых государств. Отказ от национальных границ, по мнению П. Бьюкенена, станет причиной смерти западных наций, поскольку они окажутся беззащитными перед напором массовой, особенно нелегальной иммиграции.

4) Охватившая Запад в последней трети XX в. культурная революция, подготовленная, как считает П. Бьюкенен, и во многом реализованная теоретиками «критического (культурного) марксизма», группирующимися вокруг известной Франкфуртской школы.

Приняв за точку отсчета 1960 г., когда численность белого населения европейского происхождения (собственно европейцы, американцы, канадцы и австралийцы) достигла в западных странах своего максимума — 750 млн человек, или 1/4 от общей численности населения Земли, насчитывавшего 3 млрд человек, а также наиболее высокого в XX в. уровня рождаемости, автор констатирует, что спустя всего лишь 40 лет ситуация изменилась коренным образом. На протяжении активной жизни одного поколения население Земли фактически удвоилось и достигло 6 млрд человек, тогда как численность народов европейского происхождения сначала стала стагнировать, а затем сокращаться в абсолютном и относительном выражении. Удельный вес белого населения во всем населении мира упал к 2000 г. до 1/6 его общей

численности. Ожидается, что к 2050 г. оно сократится до 1/10, а это, по словам П. Бьюкенена, «статистика исчезающей расы».

Наиболее слабым звеном Запада оказалась Европа, хотя сокращение численности белого населения отмечалось также в Австралии. Из 47 стран Европы лишь в мусульманской Албании в 2000 г. сохранялся уровень рождаемости, позволяющий не беспокоиться о будущем. Прочая Европа, утверждает П. Бьюкенен, начала вымирать. В 17 странах Старого Света, включая Бельгию, Болгарию, Венгрию, Германию, Данию, Испанию, Италию, Латвию, Литву, Португалию, Россию, Румынию, Словакию, Словению, Хорватию, Чехию и Эстонию, этот процесс в настоящее время выражается в том, что в них «наблюдается больше похорон, чем рождений, больше гробов, чем колыбелей». В Европе расположены 18 из 20 стран мира с наиболее низкими показателями рождаемости. Сохранение данной тенденции грозит тем, что белое население Европы к 2050 г. может уменьшиться до 600 млн. Подобный громадный обвал будет равнозначен полному исчезновению населения Бельгии, Голландии, Дании, Швеции, Норвегии и Германии, вместе взятых. Если нынешние тенденции сохранятся на протяжении всего XXI в., а никаких признаков изменения к лучшему нет, население континента к концу XXI в. вообще сократится до 207 млн человек и составит менее 30% от его численности в настоящее время. В результате «колыбель западной цивилизации станет ее могилой», заключает П. Бьюкенен. Однако главная опасность для Европы состоит в сокращении численности трудоспособного населения в возрасте 15–64 лет. В абсолютных цифрах оно сократится с 494 млн до 365 млн человек, а соотношение между этой возрастной категорией и лицами пожилого и преклонного возрастов снизится с 5:1 до критического 2:1. Поэтому, если Европа хочет сохранить свою систему социальной безопасности, она должна выбрать один из трех возможных вариантов. 1) Изыскать триллионы долларов в виде новых налоговых поступлений, что, как следует из приведенных выше расчетов, крайне маловероятно, причем не только по фискальным, но и по чисто социальным причинам. 2) Женщины европейских стран должны рожать в два-три раза больше детей, чем в настоящее время. 3) Европа должна импортировать ежегодно миллионы рабочих. «Таковы жесткие условия выбора, стоящие перед Старым Светом», — подчеркивает П. Бьюкенен. Из трех вариантов наиболее вероятен и практически неизбежен — последний, а именно импорт рабочей силы. В свою очередь, масштабы иммиграции зависят от того, какие цели при этом преследуются. Так, если Европа будет стремиться сохранить на нынешнем уровне количество трудоспособного населения в возрасте 15–64 лет, то ей придется до 2050 г. допустить въезд 169 млн иммигрантов. Но если при этом желательно сохранить еще и уровень социального обеспечения лиц старших возрастов, в настоящее время поддерживаемый тем, что на каждого пенсионера приходится 4,8 работающих в возрасте 15–64 лет, тогда Европе придется принять уже 1,4 млрд иммигрантов. Если Европа будет пытаться сохранить достигнутый уровень жизни для всего населения, тогда, по оценкам английской газеты «Гардиан», только странам Европейского союза пришлось бы пойти на шестидесятикратное увеличение иммиграции. Особенностью Европы является гомогенность, однородность народов. У них нет исторического опыта приема иностранцев или ассимиляции иммигрантов. Небольшие по численности, живущие в гу-

стонаселенных странах, европейские народы не имеют опыта «плавильного котла», которым располагают США. Из-за сепаратистских настроений, существующих в разных уголках Европы, может произойти дальнейшее дробление ряда стран. В этих условиях нельзя исключать ни использования вопроса об иммигрантах в сугубо политических целях, ни роста антииммигрантских настроений. В ряде стран на авансцену политической жизни уже вышли партии с откровенно националистическими лозунгами, что делает вопрос об иммиграции все более взрывоопасным. По мнению автора, массовая иммиграция в Европу, повторяя в общих чертах или деталях то, что в настоящее время происходит в США, будет отличаться важными военно-политическими последствиями. Как полагает П. Бьюкенен, произойдет столь сильное изменение этнического состава населения, что европейцы будут «слишком парализованы угрозой терроризма, чтобы позволить себе вмешательство в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке или в районе Персидского залива... По мере того как население европейских стран будет становиться все более арабским и исламским, паралич станет явью». Европа не захочет больше рисковать своей молодежью где-либо вне собственных пределов и пойдет на это лишь в случае непосредственного нападения. Бьюкенен неоднократно возвращается к мысли о том, что громадное численное превосходство населения стран «третьего мира» порождает угрозу масштабных вторжений иммигрантов. Европейцы, утверждает он, уже смирились с мыслью, что XXII в. станет концом их цивилизации. Способ решения проблемы автор видит на пути укрепления суверенитета государств, ограничения иммиграции в Европу, увеличения рождаемости в европейских странах. П. Бьюкенен предлагает конкретные программы. Первая из этих программ носит чисто религиозный характер и рассчитана на возрождение христианской веры, морали и семьи, на возрождение этики самопожертвования во имя семьи, одной из самых коренных идей человеческих обществ. Вторая программа более конкретна и включает предложения по жесткому квотированию иммиграции; обязательной ассимиляции иммигрантов в качестве жесткого условия натурализации. Но основное, на что следует обратить самое пристальное внимание, сделать частью национальной политики, — это возрождение многодетной семьи. По мнению П. Бьюкенена, именно идеи мультикультуры и материализм нанесли сильнейший удар по христианству, институтам брака и семьи, способствовал становлению альтернативной, доминирующей ныне на Западе культуры, которую он считает крайне опасной, в том числе и для демографических перспектив Запада.

⁵ Население Дании составляет 5414 тыс. чел. (2004 г.). Этнический состав населения: датчане — 97%, немцы — 1%. Кроме того, в стране живет 40 тыс. фарерцев, 20 тыс. шведов, 10 тыс. норвежцев, 10 тыс. евреев, 6 тыс. поляков, 5 тыс. англичан и др. Самым значительным из религиозных меньшинств являются мусульмане (74 тыс. чел.). В 1980-е гг. численность населения отличалась стабильностью, а в 1990-е гг. происходил ее медленный рост, преимущественно за счет иммиграции (ок. 11 тыс. человек в год). В 2004 г. в расчете на 1000 чел. рождаемость составляла 11,59, а смертность — 10,53. Население Норвегии (2000 г.) составляет 4481162 чел. Этнический состав: норвежцы 98%, саамы около 20 тыс. чел. квены (норвежские финны), шведы. В 2004 г. в Швеции проживало 8986 тыс. жителей. Естественный прирост населения

с 1970-х гг. в среднем составлял 0,2–0,3% в год, а в 2004 г. составил 0,18%. Во второй половине XX в. Швеция пережила несколько волн иммиграции и в 1990 г. превысила 60 тыс. чел. (ее пик, 84 тыс., был пройден в 1984 г.). Эти процессы породили неприязнь к иммигрантам. В 1994 г. в Швеции проживало 508 тыс. иностранных граждан. Самые большие группы были представлены финнами (210 тыс.), югославами (70 тыс.), иранцами (48 тыс.), норвежцами (47 тыс.), датчанами (41 тыс.) и турками (29 тыс.). В Швеции насчитывается ок. 164 тыс. католиков, 100 тыс. мусульман, 97 тыс. православных и 20 тыс. иудеев.

⁶ Здесь важны представления о пространстве, времени и, главное, о месте человека в физическом мире, так как именно от этих факторов зависит доминирующее в данной культуре представление о социальных ролях индивида. Культура с этой точки зрения предстает как система сообщений, направленных не только на описание физической или социальной реальности, но и на организацию поведения человека в этой реальности, т.е. она выступает как инстанция, формирующая сознание индивида, и прежде всего его самосознание — представление о самом себе, своем положении в мире и обществе и о тех формах поведения, которые обусловлены этим положением. В этом случае появляется возможность сравнивать не просто абстрактные построения философов иной цивилизации, ее мифологические или религиозные представления, оторванные от реальной социальной практики и потому кажущиеся нам иногда наивными, если не бессмысленными, а прежде всего место этих философских построений или мифологем во всем многообразии жизненных практик данной цивилизации, предполагающих формирование и структурирование поведенческих диспозиций связывающих себя с ней индивидов.

⁷ Politics of the Territorial Identity. Oslo, 1982; См.: *Kommisrud A. Sources of Change in East European Development, the Question of Unevenness and Backwardness in the Light of Stein Rokkan's European Macro-Model // Paper for a Conference «The Challenge of Theory».* Moscow, 1996. June. P. 1–7.

⁸ Науманн Ф. Срединная Европа. Пг., 1918; В книге «Срединная Европа», вышедшей в 1915 г. и переведенной на большинство европейских языков, излагаются основные идеи и основания этого плана, решающего задачи жизненного пространства для Германии, которые пытались обсудить во время мировой войны альтернативным — мирным — путем. Добровольное объединение вокруг Германии требовало либерализации самой Германии прусско-бисмаркского образца, признания польской государственности и создания нового свободного союза народов. Автор модели, Ф. Науманн, был членом Рейхстага, и он боролся за новую Германию, которая создаст новую Европу.

⁹ *Zwischeneuropa*. Идеи «Срединной Европы» и включения в нее центрального пункта этой проблемы — Украины — разделял М. Вебер. «Срединная Европа» трактовалась как наднациональное образование, которое соединит страны, расположенные на географическом Западе и на Востоке Европы. Ф. Науманн соглашается: «Создание Срединной Европы не означает образования нового государства, а заключение союза между существующими и независимыми государствами. Срединная Европа не будет союзным госу-

дарством, а союзом государств; хотя первая форма и представляла бы больше реальных выгод, но она неосуществима». Однако не остается сомнений в характере нового объединения: оно будет немецким: будет пользоваться для мировых отношений немецким языком. Концепт «Срединной Европы» как некоторая теоретическая абстракция, имеющая характер геополитического идеала для Германии, пытающейся найти мирный план территориального расширения для решения задач модернизации. См.: *Левандовский В.* Украина в геополитических концепциях первой трети XX столетия // Политическая мысль. Киев, 1994. № 3. С. 59–69.

¹⁰ См.: *Федотова В. Г.* Модернизация другой Европы. М., 1997. Введение понятия «второй» Европы дает возможность перейти от эмпирического, исторического описания процессов модернизации стран данного региона к построению теоретической концепции, позволяющей не только констатировать имеющиеся трудности, но и выявить их причины и способы их преодоления.

Европейский и азиатский компоненты развития возникают под влиянием не только внутреннего, но и внешнего источника, который преобладает. Глобальный вызов Запада, а не только его конкретное отношение с позиции силы, заставляют Россию давать два взаимосвязанных ответа: вестернизироваться, модернизироваться и уходить в свою евразийскую континентальность. В определенной мере осознание своего евразийского места есть осознание особенности, одновременно с ощущением отсталости, одиночества, непонятности, любви к своей стране, какая она ни есть. Патриотизм — ответ на Западный вызов — часть общего евразийского ответа.

¹¹ Разность в оценках связана с наличием неофициальной (нелегальной) иммиграции, численность которой не может быть учтена. Эмиграция из мусульманских стран в Европу началась еще в XIX в. Уже в 1890 г. в Великобритании была построена первая мечеть. Но основной контингент иммигрантов, представленный уроженцами Арабского Востока, Азии и Африки (в основном мусульманами), обосновался в странах Старого Света после Второй мировой войны. В тот период Великобритания, Франция и Бельгия, озабоченные восстановлением экономики своих стран, обратились к своим бывшим колониям как к источнику рабочей силы. В начале 60-х гг. Германия также была вынуждена прибегнуть к услугам иностранных рабочих, заключив специальное соглашение с Турцией. Впоследствии к рабочим присоединились члены их семей, политические иммигранты, студенты, получившие образование в Европе. Нелегальная иммиграция создает проблемы на уровне социальных услуг и образования лиц, незаконно находящихся в странах Евросоюза, а также нередко связана с торговлей людьми. По самым грубым оценкам, каждый год в Евросоюз въезжают нелегально примерно 100 тыс. человек и около 150 тыс. детей. Еврокомиссия предпринимает ряд инициатив, в том числе консультирует заинтересованные организации. Большая часть нелегалов попадает в Европу на различных плавсредствах, поэтому прибрежные пограничные службы Италии, Франции и Испании вынуждены создавать пункты временного пребывания арестованных иммигрантов.

¹² Социологи утверждают, что к практикующим мусульманам, т.е. регулярно посещающим мечеть и соблюдающим все обряды, нельзя относить поголовно всех иммигрантов. Однако большинство мусульман соблюдают пост в месяц рамадан, что некоторые рассматривают не как показатель религиозности, а скорее как дань традиции, соблюдение которой предопределено культом семьи, характерным для мусульманского социума. Кроме того, мусульманские праздники вне территории традиционного распространения ислама всегда служили инструментом сплочения общины и демонстрацией этноконфессиональной идентичности. Специфика восприятия новых реалий мусульманами разных волн иммиграции, а также поколений, уже родившихся в Европе, разнится, что свидетельствует о процессе адаптации к европейской действительности и об изменении религиозного сознания. В Европе общим для значительной части выходцев из мусульманского мира является повышение уровня самосознания (прежде всего, в результате получения образования или обретения профессии), что предполагает переосмысление традиций собственной культуры. Речь идет о сохранении одних обычаев и отказе от других (например, обычая женского обрезания, принятого в ряде мусульманских стран). Как пишет А. Шумилин, директор Центра анализа ближневосточных конфликтов Института США и Канады РАН, «компактное проживание на одной территории последователей различных ветвей ислама (например, арабов и турок, суннитов и шиитов) привело к возникновению нового феномена «европейского ислама».

¹³ Ислам практически во всех странах, где его исповедуют, в силу специфики исторического развития является не только религией, но также образом жизни подавляющего большинства мусульман и в значительной мере основой их цивилизационной самоидентификации. На протяжении веков ислам становился неотъемлемым элементом общественного сознания мусульманских народов, во многом определяющим их исторические традиции и менталитет. В этом смысле роль религии в мусульманском мире отличается от таковой в странах, где исповедуют христианскую веру, которая в немалой степени превратилась в личное дело человека. Ислам, напротив, в значительной мере регулирует социокультурную сферу общества, в том числе взаимоотношения между людьми, поведение в быту, семейно-брачные отношения, а также существенно влияет на общественно-политическую жизнь, частью которой во многих мусульманских странах является исламистское движение (исламизм), или политический ислам.

Не следует смешивать понятия «исламизм» (политический ислам) и «исламский фундаментализм». Исламский фундаментализм представляет собой религиозное явление, означающее строгое соблюдение изложенных в Коране и Сунне правил и норм в повседневной жизни и общественной практике. Исламизм, или политический ислам, есть в большей степени политическое явление. Оно отражает стремление определенной части мусульманского общества сохранить свои исторические традиции, религию, культуру, т.е. национальную идентичность в условиях глобализации. В то же время эти два явления, безусловно, взаимосвязаны. Современный исламизм представлен как умеренным, так и радикальным течениями. Умеренный исламизм, к которому принадлежит большинство сторонников данной идеологии и который отвергает практику политического террора, существует практически во всех

арабских и многих других мусульманских странах в форме легально действующих политических партий либо общественно-просветительских, благотворительных, правозащитных организаций, выступающих за сохранение и распространение мусульманской культуры. Причем политические партии, стоящие на позициях умеренного исламизма, не декларируют в качестве своей политической цели создание исламского государства (использование религии в политических целях запрещено в конституциях почти всех мусульманских стран), но проповедают сохранение «исламских ценностей» как непереносимое условие дальнейшего развития мусульманского общества. Это делает практически невозможным взаимодействие цивилизаций на равноправной основе.

¹⁴ Анализ ситуации показывает, что там, где наблюдается крупное скопление эмигрантов, приверженность национальным и религиозным традициям гораздо выше. Здесь же больше шансов имеет националистическая пропаганда. Таким образом, геттизация некоторых районов Великобритании, Франции и других европейских стран может иметь самые негативные последствия. В ряде мест, например в предместье г. Лиона (Франция), в Бирмингеме (Великобритания) или в Восточном Берлине, уже образовались крупные общины, где иммигранты оказались под властью религиозных и мафиозных лидеров. Последствием этого стала активизация исламистских настроений в этих общинах, прямое или косвенное участие их представителей в террористических акциях. В ряде государств Западной Европы пожилые иммигранты, прожив не один десяток лет в стране, не знают ее языка, а большая часть женщин-мусульманок продолжает вести традиционный образ жизни. В результате дети иммигрантов, получившие среднее, а иногда и высшее образование, попадают в сложную и двусмысленную ситуацию. С одной стороны, у них возникают проблемы с принимающим их обществом, а с другой — они теряют контакт со старшим поколением своей семьи, которое не воспринимает меняющиеся реалии внешнего мира.

¹⁵ L'Express. 2002, 3.01. Численность иммигрантов в Дании (включая мусульман) к началу 2001 г. составила 7,4%.

¹⁶ На выборах в законодательное собрание Дании Пия Кжерзгаад получила 12% голосов своих соотечественников (L'Express. 2002, 3.01).

¹⁷ L'Express. 2002, 3.01.

**НАУКА, КУЛЬТУРА
И РЕЛИГИЯ**

Б. С. Жаров

О РОЛИ ИЗУЧЕНИЯ СКАНДИНАВИСТИКИ В УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИИ

В ноябре 2007 г. на факультете филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета прошла международная конференция преподавателей языков Скандинавии. В ней приняли участие 76 российских и зарубежных специалистов по шведскому, датскому, норвежскому, исландскому и финскому языкам.

О значении конференции особо подчеркнули в своих приветственных выступлениях генеральный секретарь Координационного комитета по преподаванию языков Скандинавии за рубежом (*Samardeidsnemnda for Norden-undervisning i utlandet*) при Совете Министров Северных стран Марьют Вехканен из Финляндии и ректор СПбГУ Л. А. Вербицкая. На высокий уровень конференции обратила внимание вице-президент Северного Совета, председатель нижней палаты парламента Норвегии Берит Брёрбю.

На конференции были сделаны доклады, посвященные истории взаимоотношений стран Скандинавии и России, преподаванию скандинавских языков в разных странах, о Скандинавии как регионе со многими языками и по другим темам. Выступили известные писатели. Состоялись секционные заседания по языкам. Участники конференции говорили о ее значении для своей будущей работы. Но самым важным, как представляется, стало то, что конференция наглядно продемонстрировала, насколько велико число российских горо-

дов и высших учебных заведений, в которых сейчас, в начале XXI в., на хорошем уровне преподаются языки, культура и история стран Скандинавии.

То, что конференция прошла в Санкт-Петербургском университете, весьма знаменательно. Именно здесь на кафедрах скандинавской филологии и финно-угорской филологии впервые на территории России начиналось профессиональное преподавание на университетском уровне языков северных стран. И это в принципе исторически справедливо, поскольку берега Невы были местом контактов скандинавов, славян и финнов с древнейших времен. По Неве тысячу лет тому назад проплывали корабли викингов (варягов, как их называли славяне) к Ладожскому озеру и далее через Новгород и Днепр к Черному морю (Путь из Варяг в Греки) или же к Каспийскому морю и далее в Персию (Великий Волжский Путь).

Читающая Россия, начиная с XVIII в., проявляла заметный интерес к древней Скандинавии. Были переведены лучшие образцы древнеисландской поэзии и прозы, такие как «Старшая Эдда», «Младшая Эдда», поэзия скальдов и знаменитые исландские саги. Лучшее всего об этом увлечении древней Скандинавией в начале XIX в. написал русский поэт Федор Глинка в своем военном дневнике «Письма русского офицера»: «Все сии доводы о наших самоучках должны служить неоспоримым доказательством чужеземным умствователям, что и в Гиперборейской стране и в России могут родиться изобретательные умы и процветать дарования. Не только науки, но и музы не разбирают климатов. <...> Многие норвежцы, не стерпя ига рабства в правление одного из древних своих королей, ушли на остров Исландию. Там-то, на самом краю Северного моря, насадили они древо свободы, которое через долгое время зелено в благоустроенной их республике. Все лучшие историки и поэты Севера родились в Исландии: свобода и музы водворяли счастье на льдистых берегах ее. Поэзия рассыпала там цветы свои, и лиры скальдов воспевали героев, славу и любовь! Следовательно, и там, где иногда замерзает гругь, страсти и воображение никогда не остывают»¹.

В XVIII–XIX вв. были опубликованы многочисленные статьи и даже книги о древней Скандинавии, в особенности о кон-

тактах славян и скандинавов, как иностранными, так и русскими авторами, среди которых был автор первой русской грамматики исландского языка протоиерей Стефан Карпович Сабинин (1789–1863)².

Активно работали переводчики со скандинавских языков, такие как прославленные Петр Готфридович Хансен (в Дании Peter Emanuel Hansen, 1946–1930) и Анна Васильевна Васильева (в замужестве Хансен, 1869–1942), Яков Карлович Грот (1812–1893) и многие другие³.

Однако в российских университетах скандинавские языки не преподавались. И основанный Петром Первым в 1724 г. Академический университет, от которого ведет свое происхождение Санкт-Петербургский государственный университет, и основанный М.В. Ломоносовым в 1755 г. Московский университет были классическими университетами, не нацеленными на изучение современных языков.

Причины были вполне очевидными: в стране было много иностранцев, которые знали русский язык, а россияне выезжали за рубеж. Носители языка — губернеры и гувернантки, приехавшие из других стран, — занимались воспитанием и образованием дворянских детей и одновременно обучали их языкам. Относительно преподавания языков Скандинавии не следует забывать, что Финляндия с ее финско- и шведскоязычным населением в XIX — начале XX в. была частью России.

Скандинавская филология как наука была представлена в Петербургском университете в XIX–XX вв. Правда, главным было знакомство с языком и литературой древней Скандинавии. В центре внимания находились исландские саги и другие древнескандинавские тексты, которые свидетельствовали о связи древней Руси со Скандинавией.

Среди историков выдающуюся роль сыграл Арист Аристович Куник (1814–1899), родившийся в Германии, но большую часть жизни проживший в России, известный сторонник норманнской теории создания российского государства. А. А. Куник был чрезвычайно образованным человеком, но мало писавший сам. Рассказывают, что однажды некоему ученому за его труд Петербургская Академия наук присудила медаль. Было принято решение труд опубликовать, а после его выхо-

да выплатить ученому в качестве поощрения тысячу рублей. К несчастью для автора, книга должна была предваряться предисловием Куника. Прошло несколько лет. Ученый умер, так и не дождавшись обещанного предисловия, а значит, выпуска книги и соответственно выплаты денег. Куник был не только историком, но и весьма просвещенным филологом. Однажды ради одного студента он организовал у себя дома настоящий «лингвистический конгресс» с участием четырех известных ученых только для того, чтобы разобраться в происхождении всего лишь двух слов.

Скандинавистикой интересовался также специалист по восточным языкам Осип (Юлиан) Иванович Сенковский (1800–1858).

Крупнейшим ученым в этой области был Федор Александрович Браун (1862–1942), получивший образование филолога-германиста в Петербургском университете, который он закончил в 1885 г., затем совершенствовал свои знания у лучших специалистов во Фрейбурге и Париже. С 1888 г. Браун работал в университете приват-доцентом, с 1900 г. экстраординарным, а с 1906 г. ординарным профессором. Четыре раза был деканом историко-филологического факультета (1905–1906, 1908, 1912–1913, 1914–1918) и какое-то время проректором университета. В 1920 г. уехал в Германию в командировку, но не вернулся, стал профессором Лейпцигского университета и опубликовал немало работ. В 1927 г. Браун был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Умер в Германии⁴. Будучи профессором кафедры истории западноевропейских литератур, а позже кафедры романо-германской филологии, Ф. А. Браун читал в Петербургском университете многочисленные курсы, среди которых был и курс по древнеисландской литературе. Но вышло так, что опубликован им был только сокращенный вариант этого курса, прочитанный ученым на Высших женских (обычно называемых по имени первого директора «Бестужевскими») курсах⁵. Постоянное внимание Ф. А. Браун уделял памятникам древнескандинавской литературы, руническим текстам, которые свидетельствовали о постоянных контактах скандинавов и русских в эпоху раннего Средневековья. Опубликовано было немало работ⁶.

Впоследствии выяснилось, что количество написанных, но так и не опубликованных работ по этой тематике было намного больше. Часть работ позже вышла в Германии на немецком языке. Неосуществленным остался, к сожалению, предложенный им проект перевода всех фрагментов из саг и рунических надписей, где в той или иной связи упоминается Русь. Проект был задуман Ф. А. Брауном в 1900 г., получил поддержку Академии наук. Один том серии был даже подготовлен к печати, но не вышел. Затем последовала Первая мировая война. В 1919 г., уже в советское время, проект реанимировали, даже внесли в смету Отделения русского языка и словесности Академии наук. Но отъезд Ф. А. Брауна в Германию в 1920 г. похоронил этому проекту конец⁷.

Среди университетских учеников Ф. А. Брауна в области скандинавистики наиболее успешно проявил себя Карл Фридрихович (в русифицированном варианте Федорович) Тиандер (1873–?). Он имел степень доктора западноевропейских наук, был приват-доцентом кафедры западноевропейских литератур с 1902 г., романо-германской филологии с 1913 г. К сожалению, сведений о его дальнейшей судьбе, начиная с 1920-х гг., в источниках найти не удалось⁸.

К. Ф. Тиандер занимался изучением древнескандинавских текстов, которые рассказывали о путешествиях норманнов в Белое море. Первоначально Тиандер опубликовал небольшую работу на эту тему⁹. Затем практически под тем же названием напечатал уже совершенно другую книгу, большое серьезное научное исследование, в котором не только подробно повествовалось об открытии скандинавами морского пути на Русь с севера через Белое море, но рассматривались исландские саги, приводились отрывки из «Истории Датчан» средневекового датского историка Саксона Грамматика, а также отрывки из норвежских летописей, во всех случаях так или иначе связанные с древней Русью¹⁰. Похвальную рецензию на эту книгу опубликовал Ф. А. Браун¹¹.

В одной из работ К. Ф. Тиандер на широком европейском материале исследует весьма специфический вопрос: культовое пьянство и древние алкогольные напитки по данным древнескандинавских памятников¹². В большой статье К. Ф. Тиандер подверг рассмотрению также возникновение культа скандинав-

ских богов, в первую очередь, главного бога Одина¹³. В другой содержится очерк истории древнеисландской литературы¹⁴.

Ситуация с университетским образованием в России радикально изменилась в XX в. Все вышеназванные факторы исчезли. Россияне перестали ездить за рубеж, гувернеров и гувернанток не стало. Финляндия получила независимость. В университеты пришли современные языки. Пионером в деле преподавания современных языков Скандинавии стал университет в Ленинграде. Первым появилось отделение финноугроведения в 1925 г. Первоначально оно было центром для преподавателей и исследователей тех финно-угорских языков, которые представлены на территории России. Почти 35 лет отделением, затем кафедрой руководил Дмитрий Владимирович Бубрих (1890–1949), заложивший основы отечественного финноугроведения. В 1950-е гг. здесь началось преподавание современного финского языка. Тридцать четыре года руководила кафедрой известный исследователь «Калевалы» Зинаида Михайловна Дубровина.

В 1935 г. здесь же студенты впервые смогли приступить к изучению шведского языка. Были написаны первые исследования по древнеисландскому языку. В 1945 г. появилось норвежское отделение, в 1947 г. датское, причем первым преподавателем датского языка стала Марианна Петровна Ганзен-Кожевникова (1889–1974), дочь знаменитых переводчиков. Сначала скандинавские языки изучались в рамках кафедры германской филологии, но в 1958 г. была создана кафедра скандинавской филологии – первая специальная кафедра такого рода в стране. Инициатором ее создания стал Михаил Иванович Стеблин-Каменский (1903–1981), всемирно известный исследователь культуры, литературы и языков Скандинавии. Он руководил кафедрой 20 лет.

Крупнейшим специалистом в области шведского языка была Сарра Семеновна Маслова-Лашанская (1916–1990). Девятнадцать лет во главе кафедры стоял Валерий Павлович Берков, автор многочисленных словарей, книг и других работ по норвежскому и исландскому языку, германистике и общему языкознанию, член Академий трех стран (России, Норвегии, Нидерландов), кавалер орденов трех государств (России, Норвегии, Исландии). Крупнейшим в стране специалистом

в области литератур Скандинавии является Ирина Петровна Куприянова. Около 1000 специалистов по языкам Скандинавии выпущено на 4 отделениях двух кафедр за эти годы, и более 80 студентов получают образование сейчас.

В университетах Москвы языки Скандинавии введены позже, в 1950–1960-е гг. возникла система кафедр с преподаванием скандинавских языков. Московский университет дает прекрасное теоретическое образование с упором на филологию, в том числе хорошее знание древнескандинавской литературы. Здесь преподают профессора Ольга Александровна Смирницкая, Елена Михайловна Чекалина, Сергей Николаевич Кузнецов. Московский государственный лингвистический университет, где работает профессор Дина Борисовна Никуличева, и Московский Институт международных отношений (университет) дают хорошее практическое знание языка. В Российском государственном гуманитарном университете преподается шведский язык.

Перемены 1990-х гг. наложили свой отпечаток. Демократизация общества, возросший интерес к международным контактам привели к созданию центров по преподаванию языков Скандинавии во многих городах. Появились новые понятия: частные вузы, договорные студенты в государственных вузах.

Кроме Москвы, С.-Петербурга, а также столицы Карелии Петрозаводска, где уже длительное время существовала подготовка по финноугроведению, были созданы университеты с преподаванием языков Скандинавии в Великом Новгороде, Пскове, Архангельске, Мурманске, Калининграде, Брянске, Ижевске, Йошкар-Оле, Ханты-Мансийске.

Помимо территориального расширения следует говорить о возникновении многих мест преподавания языков с упором на страноведческую подготовку. В Санкт-Петербургском государственном университете на факультете международных отношений преподается шведский язык. Санкт-Петербургский политехнический университет имеет Институт международных образовательных программ с преподаванием шведского и финского языков. Шведский, датский, норвежский и финский языки как часть специализации по страноведению есть в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена. На гуманитарном факультете Санкт-Пе-

тербургского государственного университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича преподаются шведский, датский, финский языки. Финский и шведский языки преподаются в Русской христианской гуманитарной академии в Санкт-Петербурге.

Многие из новых вузов перед введением скандинавских специальностей задавали себе вопрос, какую цель преследует обучение, что будут делать их выпускники? Можно стать преподавателем, устным и письменным переводчиком. Но известно, что многие выпускники-филологи не работают по своей специализации. Чисто филологическое образование оказывается слишком узким. Новые специализации дают более широкое образование и наряду с языковой подготовкой знакомят с экономикой, политикой, социальным аспектом жизни, культурой данных стран.

В 2005 г. Вильнюсский университет в Литве проводил конференцию «Скандинавистика вне Скандинавии». При представлении программ обучения в университетах мира вырисовалась картина трех основных моделей организации преподавания: американская, западноевропейская и восточноевропейская. В американской модели преобладает регионоведение (area studies, regional studies), объединяющее традиционную лингвистику и литературоведение с общественными науками: историей, социологией, политологией, юриспруденцией соответствующего региона. В западноевропейской модели первоначальное изучение одного из языков Скандинавии переходит в очень узкую специализацию по одному из направлений в области языка, литературы, культуры, общественных наук. Наконец, под восточноевропейской моделью обычно понимается (хотя теперь и не совсем справедливо) только традиционная филология с упором на изучение древних языков и хорошее знакомство с историей литературы. Можно констатировать, что новые специализации университетов России следуют более американской модели.

Важным новым моментом является присоединение российских университетов к Болонскому процессу, переходу на двухуровневую подготовку, что законодательно оформлено в Российской Федерации в 2007 г. Закон определяет 2010 г. как год окончательного перехода к Болонской систе-

ме. Стандартизация академических степеней: бакалавр (BA), магистр (MA), кандидат наук (ph. d.) и соответственно системы обучения должны в идеале привести к возможности свободного передвижения студентов между университетами всей Европы. Университеты страны находятся на пути перехода, который создает довольно много проблем. Но главное, чтобы более гибкая система образования не работала вхолостую, а давала широкие возможности для применения выпускниками своих знаний и умений в жизни.

Если говорить о российской скандинавистике в целом, то следует упомянуть и систему академических научных учреждений, в которых работают ученые страны. В 1963 г. была создана 1-я научная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы стран Скандинавии и Финляндии. Опыт оказался чрезвычайно плодотворным, и в среднем раз в два-три года проходили последующие конференции. В сентябре 2008 г. в Архангельске собралась очередная, уже 16-я конференция с участием иностранных ученых. Дополняют эти общероссийские конференции петербургские «Скандинавские чтения» и ежегодные конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Большинство ученых, которые приходят на эти форумы с результатами своих исследований, получили в них образование и преподают в университетах.

¹ Глинка Ф. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян против французов в 1805 и 1806, также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. М., 1815. Ч. 2. С. 116–117.

² Жаров Б. С. Первая русская грамматика исландского языка Стефана Сабина (1849) // Скандинавская филология=Scandinavica. СПб., 2004. Вып. 7. С. 26–34. О связях России и Исландии см.: Жаров Б. С. Санкт-Петербург и Исландия // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Шестой ежегодной международной научной конференции. СПб., 2004. С. 296–311; *Архимандрит Августин (Никитин)*. Россия и Исландия // Там же. С. 311–326.

³ Жаров Б. С. Переводческий подвиг А. и П. Ганзенов // Скандинавские чтения 2000 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2002. С. 545–551 (в статье приводится библиография основных работ о переводчиках Ганзенах); *Савицкая А. В.* Переводчик Яков Грот // Первые

Скандинавские чтения: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997. С. 257–261.

⁴ *Свердлов М.Б.* Ф.А. Браун — исследователь скандинавских источников по истории древней Руси // Скандинавский сборник. Таллин, 1976. Вып. 21. С. 221–226; Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2002. С. 29, 261, 354.

⁵ *Браун Ф.А.* Исландская литература // Браун Ф.А. Лекции по истории всеобщей литературы, читанные на Высших женских курсах 1897–1898 гг. СПб., Б.г. С. 1–97.

⁶ *Браун Ф.А.* Кто был Ингвар-путешественник? // Записки Неофилологического общества при имп. Санкт-Петербургском университете. Вып. 4. СПб., 1910. С. 131–153; *Браун Ф.А.* Шведская руническая надпись, найденная на о. Березани // Известия археологической комиссии. СПб., 1907. Вып. 23. С. 66–75; *Браун Ф.А.* Днепровский порог в шведской рунической надписи // Сборник археологических статей в честь А.А. Бобринского. СПб., 1911. С. 270–276.

⁷ *Свердлов М.Б.* Указ. соч.

⁸ В 1930-е гг. была опубликована его статья: *Тиандер К.Ф.* Скандинавская мифология // Энциклопедический словарь «Гранат». 7-е изд. [193-]. Т. 39. С. 188–191. Это, казалось бы, должно указывать на то, что автор был жив и в этот момент работал. Но не исключено также, что данная статья была написана для Энциклопедического словаря намного раньше и только опубликована в этом томе.

⁹ *Тиандер К.Ф.* Поездки норманнов в Белое море. СПб., 1902.

¹⁰ *Тиандер К.Ф.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб, 1906.

¹¹ *Браун Ф.А.* [Рецензия:] *Тиандер К.Ф.* Поездки скандинавов в Белое море // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. Ч. 11, окт. С. 413–432.

¹² *Тиандер К.Ф.* Культовое пьянство и древнейший алкогольный напиток человечества // Журнал М-ва народного просвещения. 1907. Ч. 18, дек. С. 203–257.

¹³ *Тиандер К.Ф.* Притчи Одина // Записки Неофилологического общества при имп. Санкт-Петербургском университете. СПб., 1910. Вып. 4. С. 13–82.

¹⁴ *Тиандер К.Ф.* Литература Исландии // Энциклопедический словарь «Гранат». 7-е изд. [19-]. Т. 22. С. 160–163.

Н. Кент

ВЛИЯНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СКАНДИНАВИИ В XVIII в. *

Политические мотивы играли ключевую роль в поощрении культурных связей между Италией и скандинавскими странами. При этом Италия была местом, где отдыхали дети королевских и аристократических семей. Итальянская мода, ее модели и тенденции доходили до Дании, Норвегии, Швеции не только прямо, через итальянских художников и модельеров, а также благодаря музыкантам и архитекторам, но и через французов, которые долгое время жили в Италии, учась и работая в этой стране. Некоторые из них в конце концов переселялись для работы в скандинавские страны (особенно часто они приезжали на север Европы по приглашению королевского двора).

Действительно, часто именно французы, а не итальянские художники становились носителями итальянской культуры в Скандинавии. Они были способны видоизменить итальянские воззрения в более трезвые и суровые формы, пригодные для лютеранских стран, где более легковесные аспекты барокко и рококо многими рассматривались как неприемлимые, и даже безнравственные. При этом не столько современная итальянская культура, сколько культура ее античного прошлого

* Перевод статьи с английского языка выполнен к. фил. н., доцентом РХГА С. Г. Халиповым.

оказывала на них наибольшее влияние. Искусство, архитектура и археологические памятники.

В Скандинавии тяга к итальянским формам искусства достигла своей высшей точки в конце XVIII в., в период правления в Швеции короля Густава III. Ни до, ни после скандинавский двор не был так привязан к Италии, ее античному прошлому.

Король стремился, чтобы в его королевстве искусство развивалось исключительно под влиянием Италии, исходя как из эстетических соображений, так и из соображений политических. Это означало уменьшение французского художественного влияния, которое ранее для Швеции являлось определяющим, несмотря на то что сам Густав оставался франкофилом, и Франция была для него наиболее важным политическим союзником. Что касается местных художественных, архитектурных и археологических моделей, то они вряд ли имели тогда значение. Никто не сомневался, что Франция и Италия являются главными источниками художественно-эстетического влияния. Действительно, только в XIX в. местные аристократы, как и сами художники, а также архитекторы возвращались на родину ради своего главного вдохновения.

Уже в Средние века и в эпоху Возрождения итальянское культурное влияние в Скандинавии было весьма значительным. Однако в середине XVI в. с восшествием на трон королевы Кристины оно еще более усилилось. В 1750 г. королева пригласила французского философа Рене Декарта в холодный Стокгольм. В тот же год Декарт умер от гриппа.

К этому времени шведская столица стала важным европейским культурным центром, поскольку сюда была перевезена из Праги большая коллекция императора Рудольфа II. Многие ее сокровища были произведениями итальянского искусства. Однако в 1654 г. шведская королева отреклась от престола, перейдя в католичество, и переехала вначале в Бельгию, а затем и в Рим. Здесь в 1655 г. Кристину принял папа Александр VII, который принимал ее «как пропавшую овечку, вернувшуюся опять в свое стадо». Папа выделил деньги на возведение знаменитой Порты дель Пополо в ее честь лучшим итальянским архитектором того времени Бернини.

Однако многие итальянские произведения искусства, находившиеся в Стокгольме, были проданы из-за расходов бывшей королевы. Тем не менее картины голландских живописцев, находившиеся ранее в императорской коллекции в Праге, остались в Швеции. Большинство из этих полотен написаны под влиянием итальянского искусства, включая «Трапезу морского бога» (1550) фламандского художника Франца Флориса. Они напоминали фрески Фарнезского дворца Рафаэля. Также «Психея с двумя купидонами» (1593), бронзовая скульптура Ариана де Фриза, по своей монументальности напоминает работы Микеланжело, хотя фигура самой «Психеи» явно была заимствована от «Психеи» Рафаэля на Вилла Фарнезе, где изображается богиня, принятая на небеса недалеко от горы Олимп. Эта скульптура до сих пор находится в парке королевского дворца Дроднингольм под Стокгольмом.

Отъезд королевы Кристины и переход ее в католицизм ослабили связи Швеции с Италией. Массивный похоронный монумент у входа в Порта Санта, построенный для увековечения ее в базилике св. Петра в Риме, в усыпальнице, где она похоронена, также является памятником увлечения итальянской культурой. Выполненный Джованни Теудоном и Лоренцо Оттани, он был дополнен в 1702 г. по рисункам Карло Фонтана. Форма монумента повторяет форму римского саркофага, но украшения были исполнены в барочном стиле.

Интерес к католицизму и ко всему итальянскому проявляли не только скандинавские короли. Датский современник королевы Кристины Николас Стено (1638–1686), известный в Дании как Нильс Стенсен, знаменитый анатом, был также увлечен итальянским искусством. Он был приглашен великим герцогом Тосканским во Флоренцию, перейдя в католичество, в 1675 г. становится священником, затем епископом в Ганновере. Николас Стено похоронен в базилике Сан Лоренцо, в 1987 г. причислен к лику святых папой Иоанном Павлом II.

Однако нет сомнения, что за всю историю Скандинавии именно король Густав III больше других прививал в Швеции итальянскую культуру. Ребенком он увлекался искусством, архитектурой, в 1772 г. побывал в Париже, но после смерти отца, короля

Адольфа Фредрека, вернулся домой. После дворцового переворота Густав III перестроил королевскую власть, укрепив свое положение, а затем вновь отправился в Италию. Швед финского происхождения дворецкий Карл Август Эренсверд (1745–1800), сопровождая своего короля по Италии, вел подробный дневник. По возвращении в 1786 г. на родину этот дневник был опубликован в виде увлекательной книги «Путешествие по Италии». В ней было много социологической, архитектурной и политической информации о пребывании Густава III в Пьяченце, Парме, Болонье и Флоренции, в Риме, наконец, в Неаполе, Казерте, Сицилии и Мальте.

Эренсверд был влюблен в Италию. Он писал: «Прощайтесь, люди по ту сторону Апеннин, прощайтесь с силой и энергией, с источником красоты и хорошего вкуса, прощайтесь с красивой природой». Как и французский философ Жан-Жаком Руссо, он считал, что климат влияет на идентичность народа и культуры. Несмотря на презрение Эренсверда к французам, последние больше других привнесли итальянскую культуру в Швецию.

Так, в частности, в 60-е гг. XVIII в. Луи Марелье (1748–1810) выполнял заказы в летнем дворце Дрогненльхома под Стокгольмом для королевы Ловисы Ульрики, матери Густава III, интересовавшейся искусством. На средства от шведской королевской Академии Марелье обучался в Париже. Затем переселился в Болонью, где братья-художники Агостино и Аннибале Карраччи привили ему вкус к итальянскому барокко. В 1783 г. Марелье перебрался в Рим, где прожил восемь лет. В Риме на него оказали очень сильное влияние неоклассики Рафаэль Манн и Жак-Луи Давид. Но для Марелье оставались в почете и старые итальянские мастера, такие как Джотто, Пизано и Синьорелли. Очевидно, Марелье проникся художественными воззрениями короля Густава III. Король привез из Сицилии планы украшения Стокгольма на примере руин Агридженто. Теперь Густав III уже не считал себя образцом архитектуру Берлина, Дрездена и даже римского барокко. Даже базилика Св. Петра в Риме стала казаться Густаву большой и мирской, а ее купол слишком довлеющим, колоннада же «нечистой» и без единой перспективы. Только классическая колоннада греческого храма в Сицилии, полагал король, подходила для церкви Стокгольма.

Джон Тобиас Сергель (1740–1814), знаменитый шведский скульптор, путешествовавший с королем в Италию, разделял прогреческие взгляды Густава III. Его отец, немец по национальности, занимался изготовлением золотой вышивки для украшения интерьеров нового королевского дворца. Еще мальчиком Сергель видел гипсовые копии не только знаменитых работ Микеланджело, но и произведения других великих классических скульпторов: Лаокоона, Апполло Бельведера и Медичи Венера. Позднее, когда он в 1767 г. впервые отправился в Венецию и Рим, Сергель мог встретить подлинные работы итальянских мастеров. В Риме на него произвела глубокое впечатление новая вилла Альбани, построенная для кардинала Алессандро Альбани. Однако еще более сильное влияние на него оказал Неаполь с его пригородами после посещения Италии в 1768 г. Он был потрясен археологическими памятниками во дворце Портичи под Неаполем. В результате Сергель стал решительным противником все менее модного стиля рококо, который он рассматривал как крайне легковесный, склоняясь в пользу строгих элементов неоклассики. В этом он разделял взгляды Йоганна Иоахима Винкельмана, немецкого эстетика неоклассического движения и библиотекаря кардинала Альбани.

Тайный комитет Швеции поручил Сергелю сделать копии главных античных скульптур в Италии, размещенных затем в специальной галерее в королевском дворце в Стокгольме. Вдохновленный скульптурами классического периода, Сергель начал создавать и свои собственные скульптуры. Его «Фавн» (1774 г., находится в национальном музее Стокгольма) получил высокую оценку самого Гёте, видевшего его в Риме.

Принц Фредрек Адольф, брат Густава III, приехал в Рим в 1776 г. и стал меценатом Сергеля. Он купил сергелевского «Апполино» и «Венеру, выходящую из купания», выполненных из мрамора, и заказал также свой собственный портретный бюст, намереваясь подарить его как рождественский подарок своему брату — королю. Густав тоже стал пламенным поклонником Сергеля, и когда сергелевская «Амор и Психея», первоначально предназначав-

шаяся для мадам дю Барри, любовницы короля Франции Людовика XV, попала на рынок, он непременно ее приобрести, несмотря на греческие элементы. Это была работа Сергеля, сделанная еще под влиянием Возрождения и барокко, фресок Рафаэля в Вилле Франезине и олимпийских сюжетов Аннибале Карраччи во дворце Форнезе. Впрочем, сам Сергель не скрывал этого.

В 1778 г. старый дворцовый скульптор Швеции Пьер Юбер Л'Аршерек ушел со своей должности и вернулся в родную Францию, Сергеля назначили на его место, и после 12 лет жизни за границей он вернулся домой. Вскоре он становится профессором в Королевской академии художеств. В 1780 г. Сергелю поручили создание скульптуры «Венера с красивыми бедрами» — очень популярный сюжет в Италии того времени. Чтобы создать чувственную работу, Сергель решил использовать для образа этой скульптуры лицо графини фон Хёркин, знаменитой тогда как своей деятельностью, так и красотой. Это решение несколько огорчило короля, которому хотелось иметь более идеализированный, неэротический образ. Тем не менее Сергель остается фаворитом и использует свое положение, чтобы поколебать французские эстетические ценности при дворе, поддерживая итальянские идеалы, усвоенные им в Италии.

По возвращении Эренсверда из Лондона в Стокгольм увлечение итальянским искусством упрочивается. Будучи назначенным на следующий год почетным членом Королевской академии художеств, он активно поддерживает идеи о том, что французские ценности рококо уходят в прошлое, поскольку они аморальны, итальянский же неоклассицизм способствует укреплению нравственности в государстве. Лютеранская общественность Швеции, не любившая католическую Францию и ее дворянство, приветствовало эту позицию. Марелье тоже вскоре вернулся в Швецию, и, несмотря на свое французское происхождение, поддерживает Эренсверда, осуждая французское рококо в пользу итальянского неоклассицизма. Сергель, вновь отправившись с Густавом III в Италию, становится королевским гидом. Важным событием в художественном развитии Сергеля ста-

новится знакомство с известным скульптором неоклассического направления Антонио Канову, чей «Минотавр» произвел на него неизгладимое впечатление. В результате Сергель усваивает более суровый стиль, что приводит в его творчестве к полному вытеснению французского стиля рококо.

Француз Луи-Жан Депре (1743–1804) — выдающийся деятель искусства в Швеции своего времени и единомышленник Густава III. Родившийся в Оксере, столице Бургундии, он был учеником Шарля-Николя Кошена, широко известного своими рисунками и офортами по меди. Депре изучает работы Жака Калло, жившего в XVII в., однако наибольший интерес у него вызывает флорентийский художник Стефано дела Белла и его «Коммедиа дел арт», особенно когда Депре становится театральным художником. Завоевав римский Гран-при в 1776 г., он уже в 1777 г. отправился в Италию, чтобы учиться во французской академии в Риме.

В Риме ему почти сразу поручили иллюстрировать «Живописное путешествие, или Описание королевств Неаполя и Сицилии» аббата Сен-Нона, и осенью 1777 г. Луи-Жан Депре прибыл на юг Италии, где создает 136 иллюстраций, включая виды Рима и Помпеи. Особенно интересны его описания религиозных процессий в капелле Паолина и базилике Св. Петра, которые высоко ценятся во многом за их живописные формы, столь модные в то время. Утверждали, что король Густав III как-то обмолвился: «Нет никого, у кого больше воображения, чем у меня и Депре».

Шведский король, избегая утомительные официальные церемонии, путешествует по Италии инкогнито, под именем графа Хагский, и накануне Рождества 1783 г. прибывает в Рим. На следующий день он посетил мессу в храме Святого Петра, что послужило сюжетом знаменитой акварели, заказанной монархом у Депре и хранящейся в национальном музее в Стокгольме.

Сам Депре утверждал, что именно кардинал Берни, французский посол в Риме, познакомил его со шведским королем. Однако Густав III прежде видел рисунки художника для театра Алиберти, знал о Депре и через агента Франческо Пиранезе, чей отец был знаменит своими архитектурными офортами. И хотя лютеранская Швеция

не имела официального представительства в Риме, швед, обращенный в католичество — граф Нильс Бьельке, ватиканский дворецкий и римский сенатор, — все же неофициально представлял Швецию. С такими советниками король и набросился на покупки произведений искусства так, что в королевском кошельке уже при выезде оставалось всего 9000 риксдаллеров.

«Неополитанский танец» Жака Сабле, купленный Густавом III и хранящийся в Дрогникгольмском дворце, — типичное из произведений, которые европейцы любят приобретать в Италии. Вряд ли это был шедевр, но он полон колорита жизни на юге. Король также приобрел еще одно произведение религиозного содержания — «Густав III посещает пасхальную мессу в храме Св. Петра при освещении весеннего креста», выполненное чернилами, акварелью и гуашью. Оно предназначалось в качестве модели для другой работы, так и неоконченной. Любопытно, что король, склонный к католицизму, мог быть объектом преступления в Швеции. Лишь в середине XIX в. страна стала толерантной в религиозных вопросах. Но сам Густав III был человеком терпимым — в его правление евреям впервые разрешили селиться в Швеции (но только в четырех городах). Тем не менее социально-религиозный климат в Швеции мешал дальнейшей либерализации закона.

Знакомство с Дебре помогло Густаву III осознать, что в его столице может возобладать классическое искусство. Сергель тоже понимал, насколько Дебре был важен для Швеции. Именно поэтому Густав III настоял на возвращении Дебре в Швецию.

В 1785 г. Дебре прибыл в Стокгольм. Ему было определено жалование в 4800 ливров и бесплатное жилье в пансионе де ла Гарди. Дебре становится театральным художником в театре королевского дворца в Грипсхольме под Стокгольмом, участвует в постановке драмы «Королева Кристина». Его театральное творчество становится современным.

Кроме того, Дебре рисует современный Стокгольм, в котором заметны эклектические элементы, сочетающиеся с сюжетами юга Италии, а также с образами готы и арабов. Дебре стал попу-

лярен при дворе. Король свято верил, что его автократия покоится на итальянизме, а не на аристократических вкусах Парижа. Итальянские ценности были гуманны, основываясь на искусстве Древнего Рима и Афин с их богатой культурой.

Густав III, считая себя видным военным руководителем, всячески старался сохранить в составе королевства Финляндию. Пытаясь расположить к Швеции своих финских подданных, он в 1785 г. отправляется в Финляндию. Депре сопровождает короля, делает ряд эскизов Турку, Хямеенлинна, Пори, крепости Свеаборг, а также военных маневров шведских войск. Предполагалось, что эти наброски лягут в основу специального художественного издания о Финляндии.

Другими работами Депре этого периода были театральный проект «Заветный лес» с тремя тысячами артистов и «Освобожденный Иерусалим» — пьеса, написанная самим Густавом III и основанная на поэме итальянского поэта Тарклио Тассо (XVI в.). Военные сцены явственно говорили о том, что Густав III создает образ крестоносца, освобождающего Финляндию от тирании России.

Рисунки Депре для пьесы «Густав Ваза» подчеркивали идею сильного монарха в Швеции, поскольку именно король Густав Ваза стал в начале XVI в. основателем наследственной монархии Швеции, проведя реформацию, усилив и объединив страну. Пьеса была поставлена по особому случаю. Она вышла в канун войны между Швецией и Данией. Затем последовало оформление пьесы «Густав Адольф и Эбба Браге», где был создан образ шведского короля, короля-победителя в Тридцатилетней войне, несмотря на его гибель на поле боя.

Депре оформляет ряд праздников во дворце Дрогнингольме.

Подражая итальянцам, Депре принялся за оформление «Зала искусства» в Чайном дворце. Кресло, раскопанное в Помпеях, послужило образцом для стульев дворца. Использовались и другие итальянские образцы.

Тем не менее недовольный началом войны с Россией, Депре по приглашению меценатов уехал из Швеции в Англию. Успеха поездка не принесла, и уже на следующий год он вернулся

в Швецию для выполнения заказа по оформлению пьесы в духе комедия дел' арте «Извержение вулкана».

Надежды на «итальянизацию» искусства в Швеции были утрачены после убийства Густава III в 1792 г. Убийцей был капитан Анкарстрём, аристократ, ярый противник абсолютной монархии. Убийство стало сюжетом оперы Верди «Карнавал» в 1859 г.

Депре и его театральные планы отошли в сторону, однако он остался при дворе. Участвовал в воспитании детей монархов Швеции.

После смерти Депре в 1804 г. итальянское влияние окончательно уступило место французскому. С приходом к власти бывшего французского фельдмаршала Жана Бернадотта французское влияние еще более возобладавало.

В. И. Мусаев

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК КАК ЦЕНТР РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ В ФИНЛЯНДИИ

В 1811 г. Карельский перешеек вместе с другими частями Выборгской губернии вошел в состав Великого Княжества Финляндского. Хотя большую часть населения Перешейка уже тогда составляли финны и финнизированные карелы, в истории русского меньшинства в автономной, а затем и в независимой Финляндии эта территория имела особое значение. Русское влияние ощущалось здесь еще с новгородских времен. Около ста лет после Северной войны Перешеек был частью Российского государства. В XVIII в. на его территории сформировалось несколько анклавов с русским населением, наиболее крупными из которых были села Кююрёля (Красное Село) и Райвола (Райволово). Их население составляли потомки крепостных, переселенных на эти земли из внутренних российских губерний владельцами донационных (дарственных) имений. Еще до образования Великого Княжества Финляндского значительное русское население проживало в Выборге. К 1850 г. русские составляли около половины всего выборгского купечества¹. Примерно такая же картина наблюдалась в Кексгольме. Всего же, по официальным данным на 1835 г., численность русского населения Выборгской губернии составляла 24 398 чел.²

Со второй половины XIX в., особенно после ввода в эксплуатацию Финляндской железной дороги, Выборгская губерния, в первую очередь прибрежные местности Карельского

перешейка, стала приобретать все большую популярность у жителей Петербурга и других российских регионов как место летнего отдыха. Активизации процесса приобретения дачных участков и дачного строительства в Финляндии способствовало высочайшее постановление от 16 февраля 1891 г., согласно которому российским подданным, кроме евреев, было дано право свободно приобретать в Великом Княжестве недвижимое имущество и владеть им³. Дачный бум на перешейке достиг своего пика в 1910-е гг. К 1908 г. в волостях Кивеннапа, Уусикиркко, Муолаа, Кулемаярви и Койвисто российским подданным принадлежало в общей сложности 4730 дач, 230 дачных участков и 33 надела без построек⁴. Только в Терийоки летом 1914 г. число отдыхающих, предъявивших российские паспорта, доходило до 75 000 чел. Всего же на Карельском перешейке число русских дачников порой превышало 100 000 чел.⁵ Среди владельцев участков и дач на перешейке были известные российские политики, военные, деятели науки и культуры (например, политический деятель и историк П. Н. Милюков, военный министр А. Н. Куропаткин, выдающиеся живописцы И. Е. Репин и В. А. Серов, писатели А. М. Горький, К. И. Чуковский, Леонид Андреев, архитектор Г. В. Барановский, профессора В. М. Бехтерев, С. П. Боткин и А. И. Войеков, энциклопедист Эфрон, ювелир К. Фаберже⁶). Некоторые владельцы дач и домов проживали здесь круглый год. После окончания летнего сезона 1917 г. многие владельцы и съемщики дач, вопреки обыкновению, не стали возвращаться в Россию, рассчитывая переждать в тогда еще относительно спокойной Финляндии социально-политические потрясения на родине.

Наконец, на Карельском перешейке издавна значительным было православное влияние. Православный приход в Кексгольме, основанный еще в XIII в., был старейшим в Карелии. В XVII в., когда Приладожская Карелия и Ингерманландия находились под властью шведской короны, значительная часть местного православного населения, как карельского, так и русского, выселилась в Россию. С этого времени среди постоянного населения на перешейке численно преобладали лютеране. Однако после возвращения этой территории в состав России позиции православия были частично восстановлены. В XVIII–XIX вв. три православных

прихода действовали в Выборге, на самом перешейке существовали три сельских прихода — в Красном Селе, Райволово и Новой Кирхе (Уусикиркко). В конце XIX в. община в Терийоки обособилась от райвольского прихода, а в 1910 г. был основан приход в Келломяки⁷. В начале XX в. на Карельском перешейке активно велось строительство церквей: в 1914 г. была освящена церковь Казанской Божьей Матери в Терийоки, в 1916 г. — церковь Всех скорбящих Радость в Ваммелсуу, в 1912–1917 гг. были построены церкви Преображения в Куоккала, Мустамяки и Уусикиркко⁸. В Выборге располагалось Духовное правление, ведавшее делами финляндских приходов, а после образования в 1892 г. отдельной Финляндской епархии здесь разместилась резиденция архиепископа. У берегов Карельского перешейка находится остров Коневец, на котором с конца XIV в. существовал монастырь во имя Рождества Богородицы. В 1895 г. на Карельском перешейке, в имении Линтула (в 14 верстах от железнодорожной станции Терийоки), была основана женская монашеская община, преобразованная в 1905 г. в монастырь.

К моменту образования независимого Финляндского государства, таким образом, физическое и духовное присутствие русско-православного элемента на Карельском перешейке было весьма ощутимым. Беженцы из России, хлынувшие через финляндскую границу с осени 1918 г., в значительном количестве оседали в приграничных местностях перешейка, еще в период автономии «освоенных» русскими. Хотя финские власти стремились не допускать проживания российских подданных в пограничных губерниях, фактически предписания о переселении русских во внутренние области страны никогда в полной мере не выполнялись. Стремление властей прибрать к рукам недвижимую собственность российских подданных на Карельском перешейке хоть и привело к заметному сокращению числа дач и участков, принадлежавших русским, часть из них все же осталась в руках прежних владельцев. Еще в середине 1930-х гг. более половины из примерно 7200 российских выходцев, по данным органов Центральной сыскной полиции, проживали в Выборгской губернии⁹. Карельский перешеек с Выборгом, наряду с финской столицей, был важнейшим центром русской жизни в независимой Финляндии. Размещение русского насе-

ления, как беженцев, так и более коренных жителей, потомков тех, кто обосновался в Финляндии до 1917 г., было здесь наиболее компактным. В отличие от губернии Уусимаа, где выходцы из России проживали почти исключительно в пределах городской черты Хельсинки, на Карельском перешейке ареал размещения русского населения был более широким. Наряду с территориальной близостью к России и наличием русского культурного влияния, беженцев здесь привлекали возможности поиска работы. Фирмы и предприятия, основателями или владельцами которых были русские предприниматели, играли важную роль в трудоустройстве эмигрантов из России. В Выборге такими предприятиями были концерн Ф. И. Сергеева, который состоял из табачной фабрики, пивоваренного завода, текстильной и колониальной торговли; лесопромышленный завод Жаворонковых (сам завод находился в Суоярви, контора — в Выборге); конфетные фабрики Кулаковых и Васильевых «Койтто»; огородное дело Пековых и Наумовых; фирмы Маркеловых, Никитиных, Храбровых, Пименовых. Русских также принимали на работу на лесопильню Векрот-Ниemi и картонную фабрику Зориных в Райвола и Терийоки. Артель докеров из бывших русских офицеров трудилась в порту Уурас (Трангсунд)¹⁰.

Свой особый жизненный уклад сохраняли в независимой Финляндии жители старых русских анклавов на Карельском перешейке Райвола и Кююрёля. Трудности, вызванные войной и экономическим кризисом, сказались и на их положении. В частности, некоторым жителям Райвола приходилось искать работу на стороне, а во время Гражданской войны 1918 г. часть мужского населения села ушла через границу и не вернулась назад. Из 324 земельных наделов, которыми жители Райвола владели к 1917 г., в 1927 г. в руках прежних владельцев оставалось лишь 153¹¹. Однако населению русских анклавов тогда еще удавалось сохранять свое относительно обособленное положение. В волости Муолаа в деревнях Кююрёля, Парккила (Паркино), Суденойя и Кангаспелто население еще в 1925 г. было почти исключительно русским (в Парккила, в частности, среди жителей был лишь один финн), а селившиеся здесь финны, как с неудовольствием отмечали местные власти, подвергались русскому влиянию¹².

Большое значение Выборг и Карельский перешеек имели в деле поддержания в Финляндии системы школьного образования на русском языке. Сеть русскоязычных школ была создана в Финляндии во второй половине XIX в. После 1917 г. русские школы в независимой Финляндии оказались в сложном положении. Прекращение централизованного финансирования и конфискация бывшей имперской собственности в пользу Финляндского государства вызвали закрытие части русских учебных заведений. Некоторые старые учебные заведения в тех местах, где имелось многочисленное русское население, удалось все же сохранить. К их числу относились, в частности, реальный лицей в Выборге, реальное училище в Терийоки, начальные школы в Терийоки, Кююрёля и Райвола. Когда по мере усиления наплыва эмигрантов вопрос об организации школьного обучения стал приобретать все большую остроту, многие родители сами обучали своих детей или основывали небольшие домашние школы. В 1919 г. в Перкъярви на частные средства была открыта гимназия Святого Алексея, продолжавшая традиции одноименного учебного заведения в Петрограде. В Келломяки и Куоккала реальные училища были основаны по инициативе приходских советов соответственно в 1920 и 1921 гг. (в Куоккала председателем школьной дирекции был И.Е. Репин). В 1920 г. на Карельском перешейке работали 12 русских школ различного уровня, которые существовали на средства церковных общин и частные пожертвования¹³. Кроме того, на Карельском перешейке в Мустамяки, Халила, Уусикиркко и в деревне Вихола (близ станции Перкъярви), а также в Хамине имелись учебные группы, работавшие по смешанным программам. Их организация была вызвана «отдаленностью местностей, в которых они были организованы, от Выборга или Терийоки, с одной стороны, и невозможностью создать более или менее правильно организованную школу за отсутствием средств и преподавателей — с другой»¹⁴. Школы, расположенные в районе Терийоки, и гимназия в Перкъярви по составу учащихся были почти исключительно беженскими. В начальных школах в Кююрёля, Уусикуля (Новой Деревне) и Парккила преобладали дети из оседлых русских семей. В других учебных заведениях состав учащихся был смешанным (в Выборгском

лицее, в частности, число членов беженских семей среди учащихся составляло около 40%)¹⁵.

Значительную роль в поддержке русских школ в Финляндии играл Земско-Городской комитет помощи российским гражданам за границей. Земгор начал финансировать беженские школы в Финляндии с весны 1921 г. через бюро своего отдела (позднее — представительство) в Финляндии. За счет поступавших от него средств финансировалось 86% бюджета начальных и 55% бюджета средних школ. Помимо денежных средств, которые изыскивались не только в Европе, но и в Америке, он поставлял одежду и отпечатанные в эмигрантских центрах Западной Европы учебники. В 1924/1925 учебном году субсидии через представительство Земгора получали в Финляндии шесть средних школ, три начальные школы и две учебные группы с общим числом учащихся в 772 чел. Наиболее крупными среди них были Выборгский реальный лицей и Терийокское реальное училище. Кроме того, представительство содержало интернаты при Терийокском училище и Райвольской школе и субсидировало интернат при Перкъярвской гимназии¹⁶. Материальное положение русских учебных заведений оставалось, однако, крайне сложным. Лишь четыре школы размещались в специально предназначенных для этого зданиях. Большинство других работали в помещениях пустовавших дач, часто летнего типа, ввиду чего в зимнее время в них была очень низкая температура. Далеко ни при всех школах имелись общежития, а существовавшие были малы и плохо оборудованы¹⁷. К началу 1930-х гг. дальнейшее существование русских школ в Финляндии оказалось под вопросом. И без того скудные средства Земгора начали иссякать, его финансовая помощь прекращалась или сводилась к минимуму. Кроме того, не хватало учебных материалов, ощущался недостаток квалифицированных учительских кадров. Государство принимало участие в материальной поддержке обучения беженцев-соплеменников, однако русскоязычным эмигрантам оно не уделяло внимания. К тому же местные власти относились к русским школам с недоверием. В 1930-е гг. обучение на русском языке в Финляндии постепенно сворачивалось, и к концу десятилетия действующим оставался только реальный лицей в Выборге.

Также до конца 1930-х гг. сохранялось значение Карельского перешейка как одного из важнейших центров православия в Финляндии. Состав приходов русских церквей после 1917 г. претерпел изменения, поскольку часть русского населения Финляндии в первый год независимости этой страны была выслана или выехала в Россию, но позднее на их месте появились новые беженцы. Точных данных об общей численности русских прихожан нет, имеются лишь сведения по отдельным приходам. В частности, согласно данным по приходам Карельского перешейка на 1924 г., к Красносельскому приходу, включавшему в себя общины в Муолаа, Кююрёля, Валкъярви и Хейниоки, принадлежали 2094 чел. (из них 108 российских граждан), к приходу Райвола — 2032 чел., к приходу Уусикиркко (Новая Кирха) — 769 чел. (из них 371 русский), к приходу Терийоки — 881 (из них 738 российских граждан) и к приходу Келломяки — 364 чел. (из них 280 российских граждан)¹⁸. Особое место в качестве центров сохранения элементов русской культуры, несмотря на все сложности, продолжали занимать православные монастыри. Ведущую роль среди них играла Валаамская обитель. Коневский монастырь, по сравнению с ним, был не так богат и авторитетен, однако и он вносил свою лепту в поддержание православной духовной жизни в Финляндии.

Монастырь, который с июля 1930 г. возглавлял иеромонах Маврикий (прежний игумен Амфилохий был отстранен от должности и привлечен к ответственности за отказ признать переход Финляндской православной церкви на григорианский календарь), в 1930-е гг. сумел стабилизировать свое хозяйственное положение. В обители в начале десятилетия насчитывалось 75 чел., из них 28 финских граждан и 47 лиц с иным гражданством или без гражданства. К монашескому званию, кроме игумена, принадлежали 19 чел. (15 иеромонахов и четыре иеродьякона). Средства к существованию братия добывала главным образом за счет сельского хозяйства. Монастырю принадлежали 43 га пахотных земель и 54 га пастбищ. На монастырских полях выращивались рожь, овес, пшеница, картошка, капуста и сено. Монастырское стадо насчитывало 40 голов, в том числе 22 дойные коровы. Определенные доходы монастырь получал от продажи военным дров, молока и про-

дуктов. С 1931 г. монастырь начал издавать газету «Konevitsan luostarin tervehdys», тираж которой доходил до 5000 экземпляров, а в 1933–1934 гг. выходило издание на русском языке «Коневский листок». Коневец также привлекал к себе внимание паломников и туристов, хотя и не такое значительное, как Валаам: в год остров посещали 2–3 тыс. чел. — главным образом из Кексгольма, Выборга и с Карельского перешейка. Маршал Маннергейм однажды приезжал повидаться с игуменом Маврикием, с которым он был знаком еще со времени своей учебы в Николаевском кавалерийском училище в Петербурге¹⁹.

Русские жители Выборга и Карельского перешейка принимали активное участие в организации литературной деятельности и культурных мероприятий на русском языке. Начиная с 1925 г. в Финляндии, как и в других странах рассеяния, 6 июня, в день рождения А. С. Пушкина, отмечался «День русской культуры». Если в 1925 г. этот день широко отмечался только в финской столице, в последующие годы его география расширилась. В 1926 г. мероприятия в рамках празднеств проводились, помимо Хельсинки, в Выборге и Райвола, а в 1927 г. также и в Келломяки²⁰. В 1933 г. в Выборге начал издаваться «Журнал Содружества», учредителем которого выступило «Содружество бывших учащихся Выборгского Русского реального лицея». Издатели журнала активно контактировали с ведущими деятелями русской литературы за рубежом, включая А. И. Куприна и И. А. Бунину. Как сообщал ответственный редактор журнала Ф. В. Уперов, его тираж составлял 200–250 экземпляров, подписчики имелись в Хельсинки, Турку, Хамине, Сортавале, Кексгольме; журнал отправлялся за границу, причем не только в европейские страны (Эстонию, Латвию, Швецию, Чехословакию, Бельгию, Францию, Швейцарию), но даже в США и Южную Африку. Издание просуществовало до 1938 г.²¹ В семейном имении Метсъяюля на Карельском перешейке в 1921–1939 гг. жил Вадим Гарднер — один из наиболее талантливых русскоязычных литераторов в независимой Финляндии. Писательница и переводчица Вера Булич в 1918–1924 гг. проживала с семьей на даче в Куолемярви на Перешейке, откуда после смерти отца она переехала в Хельсинки. Великий русский художник

И. Е. Репин безвыездно жил в своем доме в Куоккала до своей смерти в 1930 г., а до начала «зимней войны» здесь проживал его сын Юрий. Важную роль в поддержании русских музыкальных традиций на чужбине играли русские хоры, которые существовали и в Финляндии. Один из них был основан в 1923 г. в Выборге И. В. Стратовым. Свой хор имелся в Райвола, его руководителем был П. Я. Шаповалов²².

Конец прежней русской жизни на Карельском перешейке наступил в 1939–1940 гг., во время «зимней войны». Местные жители были эвакуированы из зоны военных действий, а после заключения мирного договора все население, как карело-финское, так и русское, выехало с территорий, подлежащих передаче Советскому Союзу, вглубь Финляндии. В дальнейшем русское население, оказавшись размещенным более дисперсно и находясь в тесном финском окружении, начало утрачивать свою идентичность и подвергаться ассимиляции. Ускорению этого процесса способствовали также ликвидация эмигрантских общественных и культурных объединений, школ и многих церковных приходов и завершение процесса предоставления эмигрантам гражданских прав.

¹ *Vihavainen T.* Venäläiset ja suomalaiset // Suomi Suuriruhtinaanmaa. Hels., 1991. S. 56.

² *Hämäläinen V.* Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus ja sen vaikutus Suomen ja Venäjän suhteiden kehitykseen autonomian ajan lopulla. Tampere, 1974. S. 27.

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 41.

⁴ *Hämäläinen V.* Die russische Sommerhausbesiedlung auf der Karelistischen Landenge am Ende des 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Band 34. 1986. Heft 4. S. 527.

⁵ *Katajala K.* Rautatie suuntaa Itä-Suomen alueiden tuotantoa // Itä-Suomi ja Pietari. Kirjoituksia toimeentulosta suurkaupungin vaikutuspiirissä. Joensuu, 1997. S. 187–188.

⁶ *Балашов Е. А.* Русское население на Карельском перешейке (XVIII — первая половина XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 177.

⁷ *Sadownikow A.* Karjalan kannaksen venäläistämisyriytykset kirkkojen avulla // Karjala. 1926. 18. huhtikuuta.

⁸ *Башмакофф Н., Лейнонен М.* Из истории и быта русских в Финляндии // Studia Slavica Finlandensia. T. VII. Helsinki, 1990. С. 53.

⁹ Kansallisarkisto (KA). Etsivän keskuspoliisin – Valtiollisen poliisin arkisto (EK-Valpo). Ryhmä XXI. Venäläiset emigrantit Suomessa. Kansio 440. P.m. «Venäläinen emigratio Suomessa». 11.1934.

¹⁰ *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian Life in Finland: A Local and Oral History. Helsinki, 2001. P. 105–107.

¹¹ Karjala. 1927. 10. syyskuuta.

¹² KA. EK-Valpo. Ryhmä XXIII. Sekalaisia. Kansio 488. B 1 a. Venäläinen asutus Kannaksella.

¹³ *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian Life in Finland. P. 190–192.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. P-5785. Оп. 1. Д. 8. Л. 101, 157 об.

¹⁵ Там же. Д. 11. Л. 240.

¹⁶ Там же. Л. 239–240; Д. 12. Л. 234.

¹⁷ Там же. Д. 8. Л. 157 об.

¹⁸ *Sadovnikow A.* Karjalan kannaksen venäläistyttämisyritykset kirkkojen avulla // Karjala. 1926. 18. huhtikuuta.

¹⁹ Konevitsan luostari. Keuruu, 1993. S. 94–101.

²⁰ ГАРФ. Ф. P-5850. Оп. 1. Д. 35. Л. 5, 10, 13, 22.

²¹ *Тимофеев А.Г.* Из истории русской печати в Финляндии. «Журнал Содружества»: начало пути (1933–1934) // Русская литература. 2000. № 1. С. 213–214.

²² *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian Life in Finland. P. 300–301.

Ю. В. Кривошеев

ПРОГРАММА «СЕВЕР КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ»: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Карельский перешеек является одним из исторически насыщенных субрегионов Северо-Запада Российской Федерации. История его заселения и освоения уходит вглубь времен. Яркой и временами трагической была и его политическая история, начиная со времен походов варягов и заканчивая драматическими событиями XX в.

В последние годы ранее существовавшие препятствия в разнообразных контактах населения с обеих пограничных сторон постепенно исчезают. Становится очевидным упрощенное нежели прежде посещение Карельского перешейка и округа Южная Финляндия финнами и россиянами. Возникает насущная необходимость изучения и познания прошлого и настоящего данных земель.

Изучение послевоенного периода региона только начинается. Для одних это память о предшественниках-родственниках, о родине предков, для других — укрепление в сознании легитимности проживания здесь их и их детей и внуков. Последнее, безусловно, является наиважнейшим фактором для живущих здесь вот уже более шести десятков лет россиян, испытывающих иногда определенный территориально-бытовой дискомфорт даже по прошествии десятилетий.

Рассмотрим самый северный регион Карельского перешейка, заметив, что он был длительное время пограничной зоной

(которой, впрочем, остается и сейчас, но с несколько упрощенными правилами въезда и выезда). Такая — «не выездная» — ситуация обусловила некоторую консервацию и стабильность жизни местного населения.

Временные рамки проводимого исследования ограничены 40-ми — началом 50-х гг. — временем исходного освоения выходцами из ряда российских областей (Калининской, Ярославской, Кировской, Костромской и др.) данной территории.

Богатейший материал — архивный, периодические издания, устные рассказы очевидцев — та основа, на которой будет базироваться планируемая кафедрой исторического регионоведения исторического факультета СПбГУ научно-исследовательская работа, завершаемая созданием инновационных историко-культурных, культурно-туристических и образовательных проектов и программ.

Данной программой предусматривается исследовательская деятельность по трем одинаково важным направлениям: работа в архивах (прежде всего, в Ленинградском областном государственном архиве в Выборге), анализ материалов местной (районной и ведомственной) и областной периодической печати, устная история (письменные и устные свидетельства очевидцев).

Что касается работы в архиве в Выборге, то к настоящему времени с помощью работников архива выявляются фонды, относящиеся прямо или косвенно к данной проблематике. Прежде всего, это фонды Исполнительных комитетов городских Советов (горисполкомов) и Исполнительных комитетов районных Советов (райисполкомов), Исполнительных комитетов поселковых и сельских Советов, Переселенческих отделов райисполкомов (в частности, Яскинского). Небезынтересными будут также сохранившиеся материалы фондов областного и районных народных судов и прокуратуры; плановых комиссий городских и районных исполкомов; дорожных и жилищно-коммунальных отделов райисполкомов. Особняком стоит документация промышленных предприятий Светогорска (ЦБК и гидроэлектростанции), Лесогорска (ЛЗИВ), Каменногорска (Бумажная фабрика). Безусловно, в дальнейшем предусматривается работа в архивах как Санкт-Петербурга, так и Москвы.

Свою специфику имеет местная периодическая печать. В 40-х — начале 50-х гг. в рассматриваемом регионе выходили два публичных печатных органа: в Энсо-Светогорске выпускалась газета «Стахановец», печатавшаяся с 1947 г. и освещавшая в основном работу ЦБК, но не забывавшая и городские проблемы, и районная газета «Красное знамя» в Ясках-Лесогорске (с 1944 г.). К анализу этих печатных органов мы лишь приступили.

В настоящее время наиболее интенсивно ведется работа по интервьюированию жителей г. Светогорска. На протяжении последнего года было опрошено несколько десятков светогорцев. Причем необходимо подчеркнуть, что речь идет не о фрагментарных опросах и частичной информации, что мы можем иногда видеть в современных печатных краеведческих изданиях, а о тотальной интервьюизации всех жителей Светогорска, Лесогорска и Каменногорска, помнящих о событиях 40-х и начала 50-х гг., связанных с появлением их самих и их родственников и близких на этих территориях. По нашим данным, полученным из Советов ветеранов войны и труда, таких жителей только в Светогорске насчитывается свыше 300 чел. А это уже то количество, которое сможет дать нам более или менее объективные результаты. Кроме Совета ветеранов нам уже помогают Администрации и Муниципальные советы указанных населенных пунктов, а также работники местных библиотек и жители, занимающиеся краеведческой работой.

Для начала опроса было разработана «Анкета информанта», включающая следующие пункты:

1. Фамилия, имя, отчество
2. Год рождения
3. Место рождения
4. Дата приезда в Светогорск, Лесогорск, Каменногорск
5. Занимаемые должности с указанием организаций и структур
6. Дата опроса
7. Место опроса (адрес проживания)
8. Дополнительные сведения.

Сам «Опросный лист» охватывает все наиболее важные пункты для создания цельной картины и включает в себя следующие рубрики и подрубрики:

Вербовка: Области, охваченные вербовкой. Административные органы, занятые вербовкой. Вербовщики. Обещаемые льготы. Проверка благонадежности переселенцев. Их партийность. Принятие решения переселенцами. Сборы в дорогу.

Переезд: Отъезд. Виды транспорта. Передвижение. Прибытие. Встреча.

Город, поселок, хутор: Первые впечатления переселенцев. Природа и социум. Существовавшая система поселений. Дороги и транспорт. Судьба прежних поселенцев — финнов.

Обустройство: Распределение жилья и его характеристика. Коммунальные службы. Медицинское обслуживание. Торговля и питание. Устройство детей. Внешний вид переселенцев.

Сельское хозяйство: Организация колхозов. Выращиваемые культуры. Животноводство. Производительность хозяйств. Приусадебное хозяйство и личные доходы.

Промышленность: Существовавшие заводы и фабрики. Степень их сохранности. Восстановление промышленности. Работа на предприятиях. Оплата труда.

Власть и управление: Пограничная зона и ее статус. Иерархия поселений. Военные власти. Гражданское управление. Местные руководители. Милиция. Преступность и борьба с ней.

Общественная жизнь: Партийные и комсомольские органы. Организация пропаганды и агитации. Проведение выборов в государственные и местные структуры.

Культурная жизнь: Финская культурная среда (инфраструктура, архитектура), ее влияние и отношение к ней. Привнесенные из областей переселения местные культурные особенности. Формы официальной советской культуры. Культпросвет работа. Виды досуга (праздники, повседневный досуг).

Образование: Размещение и устройство школ. Их статус. Учителя. Внешкольное время. Учащиеся и их занятия. Дошкольные учреждения.

Медицина: Медицинские учреждения. Организация обслуживания. Медперсонал. Родильные дома.

Демография: Население. Браки. Разводы. Естественный и искусственный прирост. Семейное воспитание детей.

«Обратничество»: Кто уезжал обратно. Причины отъезда. Судьба возвращенцев. Последующая жизнь.

Рассказы респондентов записываются на диктофоны, запись которых впоследствии переносится на электронный и бумажный носитель. Кроме того, попутно собираются письменные и фото материалы. Таким образом, создается относительно полная картина жизнедеятельности первых переселенцев и основа базы данных для последующей работы.

Е. В. Карпова

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СТАТУИ ЕКАТЕРИНЫ II ШВЕДСКИМ СКУЛЬПТОРОМ Э.-Г. ГЁТЕ (1779–1838 гг.)

Мраморная статуя императрицы Екатерины II, созданная в 1823–1825 гг. Эриком Густавом Гёте (Erik Gustaf Göthe) и хранящаяся в настоящее время в фондах Эрмитажа, вполне может быть отнесена к числу «неизвестных» произведений. Об этой скульптуре писали в основном современники, особенно в связи с доставкой ее в Петербург. Однако в последующей русскоязычной литературе статуя упоминалась крайне редко. Некоторые сведения о ней были приведены лишь в 2007 г. в статье Елены Ивановны Карчевой, посвященной атрибуционному определению других произведений Гёте из эрмитажной коллекции — портретных бюстов шведского короля Карла Юхана XIV и кронпринца Швеции и Норвегии Оскара, которые были переведены в мрамор А.-Г. Хольмквистом¹.

Очень важным было открытие любопытного архивного документа — контракта на исполнение статуи Екатерины II, заключенного 5 июня 1823 г. между скульптором Э.-Г. Гёте и известным петербургским коллекционером, тайным советником и сенатором П. В. Мятлевым, который к тому времени уже давно был в отставке, не пользуясь благосклонностью Александра I. Лучшие годы жизни П. В. Мятлева (1756–1833) пришлись на период деятельности Екатерины II, у которой этот «тонкий и просвещенный царедворец <...> долго был на самом лучшем счету»². Как вспоминал князь П. А. Вяземский, «с европейскою или, если хотите, французскою образованностью соединял он русский острый и веселый ум.

Он был в приятельских сношениях с Дмитриевым и Карамзиным. О нем упоминается в жизнеописании Фонвизина»³. Вершиной служебной карьеры Мятлева стало назначение главным директором Ассигнационного банка (1794) и членом Комитета для погашения государственных долгов (1796). Интересно, что именно в середине 1790-х гг. выдающийся русский скульптор, профессор Императорской Академии художеств М.И. Козловский (1753–1802) создает для П.В. Мятлева мраморную статую «Екатерина II в образе Фемиды» (ныне — в собрании Русского музея). Она стала своего рода памятником скончавшейся в 1796 г. императрице. Это монументальное скульптурное изображение было поставлено в загородном имении Мятлева «Знаменка» (ныне — в ГРМ). Данный факт важен для нас, ибо выполненное в 1825 г. произведение Гёте, в свою очередь, призвано было украсить дом Мятлевых в Петербурге (Исаакиевская пл., 9).

Упомянутый выше контракт написан на французском языке. «Его превосходительство г-н Петр Мятлев поручил профессору Э. Г. Гете создание мраморной статуи. Скульптура из каррарского мрамора представляет покойную Ее Величество Императрицу Екатерину II сидящую, нижеподписавшиеся заключили соглашение на следующих условиях:

1. Проф. Гете обязывается создать указанную статую по меньшей мере в натуральную величину со всей тщательностью, на которую он способен, чтобы оказать честь лицу, которое она представляет, любителю и его собственной репутации художника.

2. Проф. Гете обязуется закончить и доставить в С.-Петербург упомянутую статую в первую навигацию будущей весной 1824 года, расходы на транспорт и страховку до порта С.-Петербурга возложены на него, за исключением расходов на таможенную Россию.

3. Его Превосходительство г-н Мятлев соглашается выплатить всю нижеозначенную сумму за произведение шестнадцать тысяч рублей (16.000) в ассигнациях банка России в следующие сроки, в частности, 8.000 руб. задаток по заключению настоящего договора, 4.000 руб. — в течение декабря нынешнего года и оставшиеся 4.000 руб. по доставке произведения в порт С.-Петербурга.

4. Условия, установленные по общему соглашению Его Превосходительства г-на Мятлева и профессора Гете, записаны письменно в двух экземплярах и подписаны ими собствен-

норучно. Настоящее соглашение составлено в С.-Петербурге 5 июня 1823 года.

Е: Густав Гете, профессор изящных искусств в Стокгольме.

Подтверждаю получение от его Превосходительства г-на Мятлева восьми тысяч рублей (8.000) в качестве задатка по указанному контракту. С. Петербург, 5 июня 1823 Е: Густав Гете»⁴.

На момент составления этого документа скульптор Эрик Густав Гёте уже достиг творческой зрелости. Выпускник Стокгольмской Академии художеств, он учился у крупнейшего шведского ваятеля Юхана Тобиаса Сергеля, а затем (с 1804 г.) совершенствовался в Италии в мастерской Антонио Кановы. В 1810 г. Гёте становится профессором Стокгольмской Академии, работает в области мемориальной и монументальной скульптуры. Получив звание придворного скульптора, исполняет многочисленные портреты членов королевской семьи и бронзовую статую Карла XIII (1821).

В Петербурге он появился в 1822 г. и до весны следующего года выполнил несколько работ, которые не остались незамеченными. О них сообщалось и в «Отечественных записках» П. П. Свинына, и в «Журнале изящных искусств» В. И. Григоровича. В основном речь шла о статуе «Вакханка» и о портрете собрата по искусству Ивана Петровича Мартоса. Гипсовый бюст прославленного русского скульптора долгое время хранился в музее Академии художеств (с 1925 г. — в Русском музее). Мраморная вариация «Вакханки», датированная 1827 г., попала в собрание Эрмитажа.

В сентябре 1823 г. в чрезвычайном собрании петербургской Академии «по словесному предложению» ее президента А. Н. Оленина было решено принять в почетные вольные общники «Королевской Штокгольмской Академии художеств Профессора скульптуры Г-на Гете, известного по произведенным здесь статуям Бахуса и Вакханки, и по бюсту Г-на Ректора Мартоса»⁵. Рассказывая об этом событии и довольно подробно описывая как очевидные достоинства, так и замеченные недостатки работ Гете, конференц-секретарь Академии художеств утверждал, что «г. Гете почитается в числе лучших скульпторов в Европе. Академия, присоединив его к числу своих сочленов, приобрела в нем художника отличного»⁶.

Терракотные эскизы выполненных в Петербурге работ сохранились в собрании Национального музея в Стокгольме. В иллюстрированном каталоге, изданном в 1999 г., воспроизводятся, в частности, два варианта «Вакханки», отличающиеся положением ног и рук; кроме того, в одном — лежащая фигура обнажена, в другом — прикрыта антиклизированным одеянием. Варьируются и авторские подписи, в первом случае: *Gothe f. 1822*, во втором: *Gothe f. S. Petersburg 1823*. Почти такие же подписи имеются на двух разных терракотовых композициях Гёте на сюжет «Венера и Амур»⁷.

И наконец, особенно важный для нас эскиз из стокгольмского музея представляет сидящую фигуру Екатерины II, которая в правой руке держит свиток, а левую положила на глобус, обвитый традиционным символом мира масляной ветвью⁸. Подпись скульптора по-своему интересна, ибо указывает не только год, но и месяц исполнения статуэтки: *Gothe f. S. Pettersburg Jan. 1823*. Таким образом, мы узнаем, что терракотовый эскиз будущей статуи был создан уже в январе, т. е. почти за полгода до заключения контракта с Мятлевым. Иными словами, одобрение выполненного шведским скульптором эскиза и стало поводом для заключения контракта.

Композиция скульптурного проекта, отличающегося характерной для эскизов Гёте тщательностью, практически полностью совпадает с осуществленным вариантом. Работая над этим замыслом, скульптор, скорее всего, отталкивался от произведения Козловского⁹. Вряд ли он мог бы одержать победу в этом своеобразном творческом соревновании, но само по себе сравнение двух статуй уже было предопределено принадлежностью обеих скульптур П. В. Мятлеву. Сопоставление их впервые произошло в 1825 г., когда завершённое произведение Гёте доставили в Петербург.

Павел Петрович Свиньин, издатель, коллекционер и собиратель частного Русского Музеума, информируя читателей своего журнала о прибытии творения Гёте, писал следующее: «Известный любитель искусств Петр Васильевич Мятлев получил наконец из Стокгольма мраморную статую Императрицы Екатерины II, заказанную им г. Гете. Отдавая должную справедливость намерению Русского Вельможи дать занятие художнику, почитающемуся из первоклассных

современных скульпторов, признаюсь, однако, что произведение его не сделало на меня впечатления, которого должно бы было ожидать по славе Гете и по предмету изваяния. Царица спокойно сидит в креслах, в одной руке у нее земной глобус с миртовой ветвью, а в другой свиток законов; голова покрыта лавровым венком и обращена несколько влево. Думаю, что соблюдено большое сходство в лице, ибо за оным особенно наблюдал известный современник, пламенный читатель Императрицы Генерал Фан-Сухтелен, который, говорят, ежедневно посещал мастерскую художника и не выходил из нее, не поцеловав руку великой Жены! Драпировка сделана хорошо, правильно, но без силы, без чувств, что вообще можно сказать и о всей статуе, и что замечательнее еще по сравнению с подобною статуею резца Козловского, исполненную поэзии, которая находится у Петра Васильевича в его Знаменском»¹⁰.

Выводы Свинына были в целом справедливы и вместе с тем не удивительны, учитывая не только разницу в масштабе дарований двух скульпторов, но и такие объективные моменты, как «вторичность» замысла шведского мастера. Аллегорический образ русской императрицы вряд ли мог бы стать для него источником особого вдохновения. Атрибуты, использованные в статуе, очевидно, были «подсказаны» самим заказчиком. Масличная (или оливковая) ветвь на глобусе символизировала мир, достигнутый, в частности, по завершении русско-шведской войны 1790 г., свиток намекал на знаменитый «Наказ» Екатерины II (1767) — ее наставление депутатам Комиссии по составлению нового Уложения, т. е. нового свода законов Российской империи.

В доме Мятлевых на Исаакиевской площади привезенная статуя появилась в сентябре 1825 г.¹¹ и сразу стала своего рода достопримечательностью. Петербургский почт-директор К. Я. Булгаков 24 сентября писал своему брату в Москву: «Третьего дня ходил я с женою смотреть статую из белого мрамора, представляющую императрицу Екатерину II, сидящую в креслах, в одной руке держит свернутый Наказ, а другую держит на колене глобус и ветвь масличную, которая закрывает на глобусе Россию. Отделка прекраснейшая, он ее сделал по заказу для Мятлева за 16 т. рубл. Лицо очень похоже»¹².

Приведенный отзыв вполне согласуется с тем, что писал о статуе П. П. Свиньин, который, напомним, тоже отмечал достигнутое скульптором портретное сходство. Он упомянул и имя «консультанта» Гёте — русского посла в Швеции Петра Корнильевича фан Сухтелена (1751–1836), что позволило нам найти в архиве Мятлевых еще один интересный документ, непосредственно касающийся нашей темы. Это письмо Сухтелена заказчику статуи, датированное 26 сентября 1824 г. и свидетельствующее об активном посредничестве дипломата. По-видимому, оно было ответом на послание Мятлева, который явно был недоволен нарушением сроков, указанных в контракте. Сухтелен, в свою очередь, писал о переживаниях Гёте по этому поводу и просил простить художника, которого задержали ремонтные работы в его мастерской. «Я могу уверить Вас, месть, — подчеркивал Сухтелен, — что статуя, вылепленная из глины, производит впечатление на любого знатока и что воплощение в мраморе продвигается на глазах»¹³. В общей сложности задержка по времени составила почти полтора года. Вместо весны 1824 г. произведение Гёте было привезено в Петербург осенью 1825 г.

Более 100 лет статуя Екатерины II простояла в мятлевском особняке. В первые послереволюционные годы все находившиеся в нем произведения искусства попали в ведение Отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины. Были составлены описи, в которых наряду с мраморной фигурой императрицы, стоявшей в Белом зале, фигурирует небольшая терракотовая (называемая в некоторых списках гипсовой) модель статуи. Она имела подпись Гёте (приводимую в описях в оригинальном написании) и стояла на пьедестале в Большой столовой¹⁴. В начале октября 1927 г., когда в бывшем доме Мятлевых уже располагался Государственный институт истории искусств, именно в эту организацию обратился Государственный Эрмитаж с просьбой «передать ему мраморную статую Екатерины II работы Гете, находящуюся в доме № 9 по площади Воровского, ввиду интереса, представляемого этим произведением для секции скульптуры Нового Времени Эрмитажа»¹⁵. Акт о приеме статуи в музей датирован 10 декабря того же года¹⁶.

Иначе сложилась судьба терракотового эскиза. Инвентарная книга Государственного музейного фонда свидетельствует, что он был выдан в Москву и попал в собрание Музея изящных искусств им. А. С. Пушкина¹⁷. Удалось установить, что оттуда терракоту в 1940 г. передали в Казахскую государственную художественную галерею имени Т. Г. Шевченко¹⁸, которая теперь именуется Государственным музеем искусств имени Абылхана Кастеева. Размеры скульптуры: 27 x 15 x 21 см, на тыльной стороне основания имеется авторская подпись: *Gothe F Petersburg 1823*. Таким образом, обнаружилась еще одна «забытая» работа шведского мастера, которая, судя по всему, весьма близка аналогичному экспонату Национального музея Стокгольма.

¹ Карзева Е. И. О двух портретах работы Эрика Густава Гете из собрания Эрмитажа // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXIII. Из истории мирового искусства. Памяти Б. А. Зернова (1928–2003). СПб., 2007. С. 164–174.

² Русские портреты XVIII–XIX веков. Издание великого князя Николая Михайловича. СПб., 1908. Т. IV. № 24. Прочитанный отзыв принадлежал князю И. М. Долгорукому.

³ Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива // Русский архив. 1866. Стб. 240.

⁴ РО ИРЛИ. Ф. 196. Д. 44. Л. 1–1–об.

⁵ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования / Под ред. П. Н. Петрова. Ч. 2. СПб., 1865. С. 181, 183.

⁶ Журнал изящных искусств. 1823. Ч. 1. Кн. 4. С. 310.

⁷ Nationalmuseum Stockholm. Illustrated katalog över äldre svensk och utländsk skulptur. Stockholm, 1999. S. 97–98.

⁸ Там же. С. 98. Высота фигуры — 28,3 см.

⁹ См.: Михаил Козловский. 1753–1802 [Каталог выставки / Государственный Русский музей]. СПб., 2007. С. 38–41.

¹⁰ Отечественные записки, издаваемые П. П. Свиньиным. 1825. Ч. XXIV. С. 457–458.

¹¹ Об этом предварительно сообщалось в газете «Северная пчела» за 20 апреля 1825 г.: «Изваяние Императрицы Екатерины II, во весь рост, из белого мрамора, произведенное скульптором Профессором Гете из Стокгольма, отправлено будет в сентябре месяце в С. Петербург. Императрица изображена сидящею в древних креслах. В одной руке держит она Наказ, а в другой, опирающийся на земной шар, оливковую ветвь».

¹² Письма К. Я. Булгакову к его брату // Русский архив. 1903. № 6. С. 208. Интересно, что при публикации письма редактором было сделано следующее

примечание: «Находящаяся в доме Мятлева (против Исакия) прекрасная статуя Екатерины Великой есть произведение ваятеля Козловского» (см. «Русский архив», 1892, I, 446). Привнесенная в данном случае путаница объясняется тем, что в 1892 г. журнал опубликовал список произведений М. И. Козловского, в котором была указана «Сидящая в рост Екатерина II, для Мятлева, из мрамора, 1796».

¹³ РО ИРЛИ. Ф. 196. Д. 37. Л. 1–1-об.

¹⁴ АГЭ. Ф. 4. Д. 635. Л. 2, 10.

¹⁵ Там же. Ф. 1. Оп. V. Д. 735. Л. 4.

¹⁶ Там же. Л. 6.

¹⁷ Там же. Ф. 4. Д. 128. № 269.

¹⁸ Эта ценная информация была предоставлена С. С. Морозовой и Г. Н. Сырлыбаевой.

Б. Геуст

**К ДВУХСОТЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
АВРОРЫ КАРАМЗИНОЙ — БЛАГОТВОРИТЕЛЬНИЦЫ
В ФИНЛЯНДИИ И РОССИИ ***

Жизнь и деятельность Авроры Карамзиной уже привлекала внимание финских исследователей¹. Однако весьма важным остается выяснение ее роли в качестве благотворительницы как в Финляндии, так и в России. Для того чтобы осветить эту сторону жизни Карамзиной, прежде всего следует кратко коснуться ее биографии.

Аврора Шернваль (девичья фамилия Карамзиной) родилась 3 августа 1808 г. в Финляндии в городе Пори. Ее мать, Ева, урожденная фон Виллебранд, происходила из финского дворянского рода. Ее отца, Карла Шернвалья, назначили вскоре после рождения Авроры, в 1812 г., губернатором Выборгского лена. В 1812 г. семья переехала в Выборг. В 1815 г. Карл Шернваль умер от малярии. Это привело к материальным затруднениям молодой вдовы, оставшейся с четырьмя детьми на руках. Довольно скоро после смерти Карла Ева Шернваль вышла замуж за нового губернатора лена К.И. Валлена. В 1820 г. Валлен назначили высшим контролером законодательства Великого Княжества Финляндского, т.е. прокурором. В 1822 г. семья переехала в Хельсинки.

* Перевод статьи с финского языка выполнен к. фил. н., доцентом РХГА С.Г. Халиповым.

Восьмилетняя Аврора после смерти отца жила с 1816 по 1821 г. в Петербурге у брата матери Адольфа Фредрика фон Виллебранда и его жены Вильгемины. Здесь Аврора выучилась русскому и французскому языкам и познакомилась с русской культурой. Аврору хотели воспитать дворянской девушкой, однако она переехала в свою семью в Хельсинки, и в шестнадцатилетнем возрасте ее представили в хельсинкском светском обществе. Вскоре Аврора стала известна своей красотой как «красивая Аврора» и стала объектом ухаживаний, в частности, русского офицера Александра Муханова, говорили даже о помолвке. Планы о браке разрушились, когда в 1824 г. Муханова перевели в другое место.

В 1825 г. в Таганроге умер император Александр I. Это привело, в частности, к восстанию декабристов, подавленному Николаем I. Как известно, нескольких декабристов казнили, а еще нескольких отправили в дальние гарнизоны. В частности, графа Владимира Мусин-Пушкина направили в Хельсинки, где он познакомился с сестрами Шернваль и влюбился в сестру Авроры, Эмилию. Их роман перерос в брак. Со временем Эмилия и Владимир Мусин-Пушкин вернулись в Россию. Это стало трамплином и для сестры, Авроры. Аврору Шернваль представили императору и императрице, что, наконец, привело к тому, что ее назначили фрейлиной императрицы Александры Федоровны в Зимнем дворце в феврале 1836 г. Она участвовала в дворцовых мероприятиях и могла свободно передвигаться по Зимнему дворцу, завоевала доверие императорской семьи.

Одним из обожателей Авроры в Зимнем дворце был придворный охотничий, государственный советник Павел Николаевич Демидов. Это был дворянин, которого считали одним из богатейших людей России. Род Демидовых владел железными и медными приисками, металлургическими заводами (плавильными и литейными), а также золотыми и малахитовыми приисками в Нижнем Тагиле на восточном склоне Урала. При Николае Демидове на приисках работали на рабском уровне 12000 крестьян. Род Демидовых владел замечательными коллекциями книг и предметами искусства и был известен своей благотворительностью. В частности, в 1830 г. была учреждена известная демидовская премия, присуждавшаяся

Российской Императорской Академией наук ежегодно за научную литературу на русском языке.

Павел Демидов весной 1836 г. дважды просил руки Авроры Шернваль, но Аврора отказывала ему. Демидов просил ее руки и в третий раз. Состоялся разговор императрицы с Авророй. Императорская семья надеялась, что Демидов останется в России и не растратит свое богатство за границей. Павел Демидов, в частности, купил часть монастыря в Сан-Дonato около Флоренции, и в России опасались, что богатство Демидова останется за границей. После беседы с императрицей Аврора дала согласие на замужество.

Демидов владел несколькими дворцами в Москве и Петербурге. Сама резиденция Демидова в Петербурге находилась по адресу: Невский проспект, 54. В качестве свадебного подарка Аврора получила от Павла Демидова дворец по Большой Морской, 43.

Аврора Шернваль и Павел Демидов обвенчались в ноябре 1836 г. в Хельсинки. Здоровье жениха было очень слабым, поэтому новобрачные сразу после свадьбы отправились в Европу в курортные районы. Павел Демидов надеялся на наследника для всей своей огромной собственности. Если не будет наследника, то вся собственность должна перейти к живущему в Италии брату Анатолию. 9 октября 1839 г. Аврора родила во Франкфурте сына Павла Павловича. Счастье отца было недолгим — придворный охотничий умер в Майнце в начале апреля 1840 г. Матери шестимесячного Павла, наследнице огромной собственности рода Демидовых, было 32 года.

Зимы Аврора и ее сын проводили главным образом во дворце на Большой Морской, а лето — в Финляндии, в летней резиденции в Трешенде под Эспоо. После траурного года Аврора снова стала участвовать в светской жизни Петербурга. Особенно ее интересовали литературные салоны. Она и сама устраивала салоны и участвовала в Петербургских салонах, где обсуждались общественные вопросы и литература. Ее часто приглашали в дом семьи Карамзиных. Екатерина Андреевна Карамзина была вдовой известного историка и философа Николая Михайловича Карамзина. Здесь Аврора познакоми-

лась с сыном Карамзиных, капитаном Андреем Карамзиным. Возникло взаимное влечение, и в 1850 г. Аврора вышла замуж за Андрея Карамзина, у которого были две дочери от романа с поэтессой Евдокией Ростопчиной и сын, ставший товарищем Павла по играм.

Семья Карамзиных жила спокойной семейной жизнью в Финляндии и Петербурге. Этот благодный период закончился, когда Турция напала на Россию в марте 1854 г. Полковник Андрей Карамзин считал своим долгом отправиться на войну, чтобы сражаться за родину. Он погиб в Дунайском сражении в 1854 г. Аврора вновь овдовела в возрасте 46-ти лет. Ее горе было глубоким, и после этого трагического события она обратилась к Богу за утешением.

Учитывая жизненный путь, становится понятной склонность Авроры к благотворительности. Дело в том, что когда Александра Федоровна предложила Авроре выйти замуж за Демидова, она обосновала свою точку зрения следующим образом: «Подумайте, сколько добра вы сможете сделать этим замужеством».

Императрица и Аврора были близки всю жизнь. Императорская семья тоже занималась благотворительностью. XIX в. был веком филантропии. Считалось, что милостыня и благотворительность ведут к социальной гармонии. Структурных изменений в обществе избегали, но надеялись, что общественные классы все же будут жить во взаимопонимании. Кроме того, в то время не было ни муниципальной, ни государственной помощи людям. В 1852 г. был издан первый устав Финляндии о помощи бедным, а в 1860-х гг. учредили Российское земство. Эта деятельность была столь незначительна, что нуждалась в дополнительной помощи со стороны добровольцев. Нищета и бедность были слишком велики и в России, и в Финляндии.

Аврора и Андрей Карамзины посетили Париж в 1847 г., после чего Аврора обрела новый взгляд на социальную справедливость. Жизнь Авроры была омрачена горем и трауром. После смерти Андрея Карамзина она приходит к решению о резком изменении образа жизни и об отказе от светской жизни. Аврора принимает решение посвятить себя благотворительности.

Демидов также был известен как щедрый жертвователь. Щедрость его проявилась в Нижнем Тагиле, где он строил больницы и школы. В Петербурге он основал Никольскую детскую больницу.

В день свадьбы 1836 г. Демидов пожертвовал деньги на строительство школы для девочек в Хельсинки.

Осуществляемая Авророй благотворительность была прежде всего связана с жизнью рабочих тех мест, которые были ей знакомы. Так, нижнетагильское население стало объектом щедрости Авроры. Здесь она основала богадельню, родильный дом, школы и детские дома. Аврора оказывала денежную помощь при несчастных случаях. Ее называли «доброй матерью Авророй Карловной».

В 1840 г. в Финляндии Аврора купила трешендское поместье в Эспоо. Здесь она помогает одиноким жителям, а также собственным торпарям, предоставляя не только материальную помощь, но и лично общаясь с нуждающимися. В голодные 60-е гг. XIX в. она организует народные кухни для голодавших.

В Эспоо Аврора основывает дома для стариков, школы, детские сады, библиотеки.

Путешествуя по Центральной Европе, Аврора Карамзина знакомится с учреждением милосердия супружеской чистоты Флиднер, которое Флиднеры называли «Диаконисой». Известно, что Аврора была религиозна, что усиливалось ее личным трагическим опытом. Исходным пунктом милосердной работы была любовь Иисуса Христа к страдальцам. Милосердное учреждение «Диакониса» должно было помогать людям, попавшим в беду. В 1867 г. Аврора Карамзина основала подобно Флиднерам хельсинкскую «Диаконису», где обучала молодых незамужних женщин ухаживать за больными и страдающими людьми. Сестры не должны были выходить замуж и не получали зарплату. Учреждение обеспечивало их во всем, а они выполняли предписанные им задачи. Примечательно, что первая директриса, Аманда Каяндер, прибыла в хельсинкскую «Диаконису» из Евангельского госпиталя Петербурга, где получила обучение по оказанию милосердия. Начало деятельности учреждения было очень скромным, и не мно-

гие верили, что оно долго просуществует. Но Аврора верила в свою идею и вложила огромный капитал в ее осуществление. В первой больнице «Диаконисы» было восемь лежачих мест. Постепенно учреждение росло и стало уже представлять собой настоящий цветущий концерн. Не случайно поэтому, когда в 1902 г. Авроры Карамзиной не стало, то на похоронах 17 мая первый венок на ее могилу был прислан из Петербурга Николаем II, а следующий — императрицей Марией Федоровной.

Действительно, идеи Авроры были живы и живут до сих пор. Главные из них проповедаются прежде всего в хельсинкской «Диаконисе». Аврора хотела основать учреждение для помощи страдающим тогда, когда беда была тяжелее всего. Раз Иисус Христос помогал страдающим, то задачей «Диаконисы» было проявить действительную любовь к ближнему. В 1867 г. при основании «Диаконисы» в Хельсинки во всей Финляндии был голодный год. Нищета и голод были главным злом. Распространялось много болезней. Была основана скромная больница, где вначале было только несколько лежачих мест. Женщинам, нуждавшимся в больничном лечении, приходилось брать ребенка с собой в больницу. Следующим шагом было создание больницы для детей, а затем детского дома. В то время инвалидов скрывали за дверьми домов. Во многих домах царили нищета и голод. «Диаконисы» стали распределять приготовленную еду для инвалидов, заботясь о домашнем лечении больных. В 1927 г. «Диакониса» начала работать среди инвалидов. Постепенно расширялась и больница, и учреждение прославилось уровнем лечения. В учреждении работали одни из лучших врачей столицы.

Но пришли новые времена и новые проблемы. Сегодня государственное здравоохранение и социальное обеспечение в Финляндии решают эти задачи. Но и в современном обществе многие не находят соответствующего лечения. Поэтому учреждение Авроры продолжает создавать новые проекты помощи. Сегодня деятельность общества осуществляет уход за стариками, защиту детей, людей, которые лишились своего крова и средств к существованию. Здесь особый подход к больным ВИЧ-инфицированным, проституткам, а так-

же людям с тяжелым прошлым, иммигрантам и всем тем, кто подвергался серьезным физическим и психологическим стрессам. Продолжая деятельность Авроры Карамзиной, здесь по-прежнему стремятся помочь людям, оказавшимся в тяжелом положении.

¹ *Stadsmuseum E. Aurora Karamzin. Ett aristokratiskt liv. Keuruu 2006; Hurskainen E. Aurora Karamzin. Pietarin hovista köyhien auttajaksi. Hämeenlinna 2002; Mikkanen R. Aurora. Keisarinnan hovineito. Keuruu 2006; Qvarnström I. Ett legendomspunnet liv. Helsingfors 1937.*

М. В. Васильева

ИЗ ИСТОРИИ ФИНСКОЙ КЕРАМИЧЕСКОЙ ФИРМЫ «АРАБИЯ»

Современный коллекционер Кюести Какконена пишет: «Я заметил, что финская художественная керамика XX века это неоткрытое сокровище. Оно осталось в тени. Художественное стекло у нас ценится больше, чем керамика»¹.

Тем не менее художественная керамика достаточно хорошо описана искусствоведами Финляндии. История фирмы «Арабия» наиболее полно изложена в монографии автора Марьют Кумела. Завод внес большую лепту в развитие финской художественной промышленности. Историк финской керамики Хейкки Хювенен в свое время писал: «Производство фарфора и фаянса “Арабия”, дочернее предприятие шведского головного предприятия “Рерстранд”, пользовавшееся его поддержкой, вскоре после своего основания стало ведущей фирмой в отрасли по производству керамики»².

Начало заводу в Хельсинки было положено в 1873 г. Британский исследователь керамики Карен Мак Криди, также считающаяся «Арабия» ведущим предприятием Финляндии в сфере керамики, называет 1916 г. точкой отсчета истории этой фирмы: «...“Арабия” получает независимость и начинает создавать свой собственный стиль»³. Финские искусствоведы считают, что это произошло гораздо раньше. Так, Леена Маунула называет в качестве переломного момента 1893 г.⁴ Именно тогда директором фирмы был назначен Густав Херлитц, деятельность которого

была направлена на обеспечение высокого художественного уровня продукции.

Следует отметить, что в тот период примерно треть всех изделий экспортировалась в Россию. Специально для российского рынка предназначался сервиз «Нева» (1893–1895 гг.). Большой заказ был выполнен для гостиницы «Европейская» в Санкт-Петербурге.

Ранний период деятельности «Арабия» был отмечен стремлением к национальной самобытности, воплотившемся в разработке серии ваз «Фенния», в создании керамических изделий с декором по мотивам пейзажей Финляндии, а также начиная с 1906 г. в создании собственных форм и моделей. После того как Карл Густав Херлиц сменил своего отца на посту директора, началась широкомасштабная техническая реконструкция предприятия, в результате чего в 30-е гг. «Арабия» стала крупнейшим в Европе заводом в данной отрасли. Сменился и ее владелец. В конечном итоге завод стал финским.

Поворотным моментом для художественной керамики стало назначение на должность руководителя завода по творческим вопросам Курта Эххолма. По его инициативе при заводе был создан отдел, в котором скульпторам предоставлялась возможность заниматься «чистым искусством». Эта студия существовала в «Арабия» начиная с 1932 г., здесь создавались уникальные произведения искусства. Профессор Кай Франк в своей статье «Художественный отдел “Арабия”»⁵ упоминает о том, что Эххолм целенаправленно проводил линию на создание в Финляндии высокохудожественной керамики, считая естественным, что в этом должно участвовать крупнейшее предприятие отрасли. От соединения творческого потенциала художников с возможностями высоких технологий, имевшихся в «Арабия», выигрывал не только завод, но и искусство керамики. Эххолм видел свою задачу в том, чтобы обеспечить художников всеми необходимыми техническими средствами, предоставляя им полную творческую свободу. «Эра Эххолма», закончившаяся в 1948 г., была настоящим «золотым веком» финской керамики. Неудивительно, что «Арабия» стала в тот период своего рода «Меккой» талантливейших керамистов Европы, а их имена, навсегда связанные с заводом, способствовали росту его престижа.

Помимо прочего, даже эпизодическое участие крупных мастеров в разработке моделей рядовой посуды обогащало ассортимент и поднимало художественный уровень изделий на самый высокий уровень⁶. Как правило, художники студии практически не имели дела с производством как таковым и не занимались разработкой моделей для массовой продукции. Кай Франк считал, что это в конечном итоге привело к перекосу: уникальные работы появлялись в изобилии, тогда как в производстве посуды длительное время не происходило ничего нового. Фактически, заводской художественный отдел был подобен учреждению культурной сферы. Он оказал влияние на развитие керамики в стране в целом, придав ей характер эксклюзивности.

Останавливаясь на структуре предприятия, Пиркко Аро⁷ сообщает о том, что все художники на заводе были заняты в трех отделах: отдел подарочных и сувенирных изделий, отдел рядовой посуды и художественная студия.

Отдел разработки подарочных изделий связан с именами Хилкка-Лииса Ахола, Свеа Гранлунд, Май-Бритт Хейлимо, Аниikki Ховисаари, Гунвор Олин, Олга Озол, Эстери Томула. Были и «анонимные» разработки. Так, имя автора ваз серии «Фенниа», экспортировавшихся в США, не называлось. Отличительной чертой продукции было применение для декоративного эффекта глазури — матовой полихромной, блестящей черной и «кракле». В подразделении «Ара», просуществовавшем до 50-х гг., применяли красную глину с опакровой глазурью.

К высочайшим достижениям в области декоративной керамики в этом отделе «Арабия» относится производство «рисового» фарфора. Фридль Хольцер-Челберг, получившая художественное образование у себя на родине в Австрии и проработавшая в «Арабия» всю жизнь, сумела восстановить технологию, применявшуюся в Китае с конца XVIII в. В стенках подвального изделия вручную выполнялись прорези в форме рисовых зерен, затем в них затекала прозрачная глазурь. «Рисинки» можно располагать по-разному, достигая желаемого художественного эффекта. Впоследствии эта технология была усовершенствована с целью снижения доли ручного труда и успешно применяется в наше время.

Ручную роспись выполняли такие художники, как Н. Вафин, Л. Ларсен, Г. Аккола, О. Буткевич, А. Перомо, П. Форсиус, а разработкой художественных кукол занимались А.Л. Вайнио, А. Кууск, К. Роос. В 60-е гг. были популярны плакетки. С 1979 г. под руководством Ричарда Линда выпускались изделия на основе разработок художников Франческа и Ричард Линд, Биргер Кайпийнен, Гунвор Олин-Гренквист, Хэля Лиукко-Сундстрем.

Другой отдел (в России его назвали бы «образцовый») разрабатывал исключительно модели рядовой посуды. В нем работали Каарина Ахо, Кай Франк, Аня Ююриккала, Улла Проккопэ, Райя Уосиккинен.

По инициативе Кая Франка в конце 40-х гг. произошел поворот в сторону функционализма в серийном производстве посуды. Необходимость обновления была вызвана послевоенной ситуацией: дефицитом посуды, стесненными жилищными условиями людей. Тем не менее не все художники безоговорочно принимали функционализм. Это был своего рода переворот, сопровождавшийся ломкой привычных представлений о том, какой должна быть посуда, и потребовалось немало усилий, чтобы сломить глухое противодействие. Новый путь в моделировании выпало проторить Каю Франку, Каарине Ахо и Улле Проккопе.

Кай Франк разработал набор посуды «Килта» («Гильдия»), который сразу же стал олицетворять новую линию в производстве посуды. Сам он никогда не называл «Килта» «сервизом». Входящие в него предметы многофункциональны, имеют множество вариантных сочетаний, благодаря лаконичному дизайну хорошо сочетаются с другой посудой. Это классика современного дизайна, ставшая народной и не утратившая своих позиций и в наши дни. Эта линия получила продолжение в дальнейшей продукции «Арабия». Какими бы непривычными ни казались тарелки прямоугольной формы, а также сплошная заливка глухим черным цветом посуды комплекта «Корпи» («Ворон»), они доказали свое право на существование в век автомобиля, компьютера, мобильного телефона.

В «Арабия» придерживаются принципа: «Для дизайнера, занятого в промышленности, самое главное в его устремлениях не изделие, а человек. Дизайн — это совершенствование отношений между человеком и вещью, это учет при разработ-

ке изделия с точки зрения людей на эту вещь. Это не просто придание форме какого-то модного вида без учета удобопользования, эргономики, техники безопасности и технологичности. Промышленный дизайн не имеет права играть роль индустриальной косметики, которая лишь “прихорашивает” изделие, чтобы привлечь покупателя. Его задача в разработке продукции высокого технического уровня и качества, соответствующей назначению, служащей человеку наилучшим образом и при всем этом обладающей красотой»⁸.

В художественной студии, где создавались уникальные изделия, работали Рут Брюк, Лиса Халламаа, Биргер Кайпийнен, Фридль Хольцер-Челберг, Франческа Линд, Ричард Линд, Тойни Муона, Кюллики Салменхаара, Михаэл (Михаил Николаевич) Шилкин, Карл Хайнц Шульц, Ауне Сиимес, Ойва Тойкка, Райя Тууми, Сакари Вапаавуори.

Многие художники «Арабия» приобрели международную известность. Так, французские исследователи керамики XX в. упоминают Михаэла (Михаила) Шилкина Тойни Муона, Петера Винквиста, Рут Брюк и Франческу Линд-Маскитти⁹.

Кай Франк отмечает, что в деятельности художественного отдела было три основных направления: скульптура, изготовление ваз и блюд, а также декоративная керамика¹⁰. В скульптуре работал Михаил Шилкин, Фридль Челберг и Тойни Муона предпочитали работу с гончарным кругом. Ф. Челберг создавала чаши с селадоновой глазурью и поливой «Санг де бёф» («Бычья кровь»).

Визитная карточка Тойни Муона — это сильно вытянутые конической формы вазы «Хэйня», которые в вольном переводе можно назвать «Дудками». С годами она создавала все более вытянутые вазы и все более крупные блюда, используя разные виды глазури. Отпечаток ладони в глине поддал ей мысль использовать для декорирования керамических блюд оттисков растений. С годами ее стиль приобретал черты лаконичности и большей обобщенности. Цветовая гамма стала ограничиваться белым, черным и ярко-желтым. Строгость формы еще больше подчеркивал золотистый, серебристый или платиновый блеск.

Ауне Сиимес-методом послойного нанесения массы создавала необычайно хрупкие фарфоровые чаши толщиной с яичную

скорлупу, непревзойденные по своей легкости и прозрачности. Ее незаслуженно мало знают, возможно, из-за ее уединенного образа жизни. Ауне Сиимес из бедной семьи, часто переезжавшей с места на место. Шансом в ее жизни стала возможность получить художественное образование. В начале своей творческой карьеры она расписывала в «Атенеуме» изделия Греты-Лисы Ядерхолм-Снеллман, своей наставницы. Первый этап работы в «Арабия» был связан с фаянсом и шамотом, но впоследствии Ауне Сиимес переосмыслила опыт древнекитайских мастеров фарфора, применявших уже в XII в. послойную заливку белой фарфоровой массой. Художница применяла монохромные и полихромные массы пастельных тонов в разнообразных сочетаниях. Также она разрабатывала линию ваз с геометрическим прорезным декором. Бесконечно требовательная к себе, Ауне Сиимес никогда не была вполне довольна достигнутым. По этой причине в ее доме не было собственных работ¹¹. Вся ее короткая жизнь — 55 лет — была отдана искусству, ради которого художница не щадила своего здоровья. Несмотря на силикоз, вызванный вдыханием керамической пыли, Ауне Сиимес работала до последних дней в мастерской, находившейся на девятом этаже «Арабия».

Признанный мэтр финского искусства Биргер Кайппайнен принадлежит к более молодому поколению «арабистов». Посвятивший детство музыке, он не стал профессиональным музыкантом, но сформировался как рафинированный эстет, подчас эксцентричный. Он работал в технике «сграффито», в живописной майолике, а также разрабатывал собственные методы декорирования керамики. Для его работ характерна высокая эмоциональная насыщенность и фантазия. Его композиции кажутся сотканными из грез. Один из любимых образительных мотивов этого керамиста — женские фигуры с вытянутыми пропорциями.

Биргер Кайппайнен разрабатывал также и посуду. Сервиз «Тапетти» расписан луговыми цветами в виде свободной асимметричной композиции. При этом художник игнорирует пластическую форму предмета, как если бы это было не блюдо, а, скажем, лист бумаги. «Аатами» и «Паратииси» — сервизы более позднего периода творчества Кайппайнена. Впечатляет сам размер посуды: блюдо 310 x 355 мм. Формы предметов

геометризованы. Высокие крышки по очертаниям стремятся к полусфере, прочие предметы подобны цилиндру. Зато декор! На одной ветке «растут» фиалки, тяжелые гроздья винограда, спелые персики, крупные яблоки, иллюзорно написанные кисточки ягод черной смородины. Может показаться, что кто-то положил на край тарелки настоящие ягоды. Художник удивительно свободно располагает их на поверхности, идя не от формы изделия, а подчиняя ее декору. Если «ягодка» не «поместилась» на крышке, ее изображают на ручке. Глубокие тарелки декорированы изнутри и снаружи. Удивительно мощно звучит в этой композиции черный цвет. «Паратииси» существует в полихромном и монохромном вариантах. Воображение Б. Кайпийнена питали воспоминания о лете, проведенном им в детстве у родственников в Сортавала. М. Берг сообщает, среди прочего, что «Паратииси» вызвал восхищение королевы Бельгии Фабиолы, пожелавшей приобрести его для себя¹².

Визитная карточка этого художника — это настенные панно, богато орнаментированные, и трехмерные «Птицы» с часами на груди, всегда показывающими одно и то же время: четверть первого... Одно из самых знаменитых произведений Б. Кайпийнена — «Море фиалок». Панно размером 4500 x 9000 мм было создано к международной выставке 1967 г. в Монреале. Оно находится в городе Тампере. Морские волны изображены в виде керамических фиалок. Биргер Кайпийнен не был «узким специалистом». За что бы он ни брался, все у него выходило талантливо. Символично, что именно Кайпийнену пришлось работать в мастерской, ранее принадлежавшей М. Шилкину.

Успеху керамистов «Арабия» на международных выставках способствовало разнообразие их работ. Даже война не смогла помешать этому. Беженцам нужна была посуда, поэтому завод расширялся. Новые корпуса завода были построены еще в военные годы, и на наружной стене был смонтирован керамический рельеф на тему вазописи работы Михаила Шилкина, получившего художественное образование в Финляндии и создававшего скульптуру среднего и крупного размера. Он много работал в анималистике. Его многофигурные композиции из шамота с полихромной поливой изобразительны и пове-

ствовательны. Отличительной чертой его творчества всегда оставался юмор. Шилкина большинство исследователей считают реалистом. Следует отметить, что он был художником монументального мышления, причем в последние годы его жизни и творчества это проявлялось все сильнее. Долгое время творчество Михаила Шилкина оставалось малоизвестным; в 1996 г., наконец, появился монографический альбом, посвященный его жизни и творчеству¹³.

Больше повезло художнице Рут Брюк, которая не была обойдена общественным вниманием. Придя в «Арабия» в 1942 г., она отдала заводу 50 лет своей жизни. Будучи графиком по образованию, она и в керамике оставалась верна себе, создавая работы с узнаваемым почерком, с ярко выраженным графическим началом. Известны и достаточно хорошо описаны ее керамические панно, как фигуративные (например, посвященное отцу, ученому-биологу, «Мужчина с бабочками»), «Мадонна с младенцем», «Стена с птицами», так и работы с геометрическим рисунком, (например, монументальный «Город под солнцем») ¹⁴. Рут Брюк выполнила монументальный декор для фирмы «Розентал», а также для административного здания в Хельсинки, для банка «Суомен панкки» и для посольства Финляндии в Нью-Дели. Кроме своих знаменитых керамических модулей, из которых составлялись ее композиции, Рут Брюк применяла кафель. Так, в 1992 г., в возрасте 76 лет она закончила свою работу «Ледяной поток» площадью почти 30 м², предназначенную для служебной квартиры президента Финляндии в Мянтьюнеми; этой работе она отдала почти три года жизни. Абстрактные композиции в керамике снискали Рут Брюк международную известность. Ее имя навсегда осталось в славной когорте мастеров художественной студии.

Трудно переоценить значение деятельности Курта Экхолма, сумевшего поднять искусство керамики в Финляндии на новую высоту, собрать и поддержать талантливых художников. «Керамика соседствует с современной скульптурой и высоким искусством; в этом контексте она обладает весомостью и глубиной, энергетический обмен между разными видами искусства особенно ярко проявляется здесь» ¹⁵.

Пятидесятые годы двадцатого века знаменовали новый этап в истории «Арабия». Участие финских керамистов в миланском триеннале 1951 г. из-за обилия наград, полученных ими, обернулось так называемым «миланским чудом» — триумфом финского дизайна. Критика отмечала, что творческий рост художников, работавших в «Арабия», в течение нескольких десятилетий был стойкой тенденцией. Этому в немалой степени способствовала открытость разного рода влияниям, ведь иностранные керамисты, работавшие в «Арабия» — Татсуми Като из Японии, Кинга Сцабо из Венгрии, Золтан Попович из США, Ричард Финч из Великобритании, — обогащали художественную палитру, принося в художественную деятельность традиции и культуру керамики своих стран.

Характеризуя особенности стиля финской керамики, К. Маккриди приходит к следующему выводу: «Философия дизайна “Арабия”, прочно основанная на функционализме, эволюционировала на протяжении 1930–40-х гг. В 1960 г. она выразилась в стиле, который сейчас принято называть “современным скандинавским”. Он уходит своими корнями в современный этос функционализма и политическую систему социал-демократии»¹⁶.

¹ Nuortio A. Glorian antiikki // Keramiikka ja Lasi. 2007, N 2. S. 33.

² Hyvonen H. Suomalaista keramiikkaa. Porvoo, 1983. S. 205.

³ Mc Cready K. Art Deco and Modernist Ceramics. London, 1995.

⁴ Maunula L. Sata vuotta Arabian astioita // Keramiikka ja Lasi. 1973, № 1–2. S. 7, 8.

⁵ Ibid. S. 11.

⁶ Franck K. Arabian taideosasto // Keramiikka ja Lasi. 1973, № 1–2. S. 47.

⁷ Aro P. Arabia Design. Hels., 1958. S. 40.

⁸ Maunula L. Sata vuotta Arabian astioita. S. 20.

⁹ Preaud T., Gauthier S. La ceramique Art du XX y siècle. Paris, 1982. P. 64.

¹⁰ Franck K. Arabian taideosasto. S. 47.

¹¹ Nevaluoma K. O. Herkkyyden ehdoilla // Avotakka. 2008. № 7. S. 110.

¹² Berg M. Kaipainen. Hels., 1986. S. 8.

¹³ Ahtola-Moorhouse L., Kalha H., Terva T. Michael Schilkin. Hels., 1996.

¹⁴ Huusko A. K. Glorian koti. Keramiikka ja Lasi. 2007, №. 4. S. 43.

¹⁵ De Waal E. Ceramics. London, 1999. P. 125.

¹⁶ Mc Cready K. Art Deco and Modernist Ceramics. P. 131.

И. В. Кириленко, Т. В. Пааскари

НОРВЕЖСКИЙ ИМПРЕССИОНИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКА ФРАНЦА ТАУЛОВА

Импессионистическое направление в живописи, не являясь значительным, тем не менее заставило художников по-новому увидеть мир, отразить в искусстве по-другому цвет и цветосочетания, дало толчок к разнообразию многих современных направлений в живописи¹. Импрессионизм зародился во Франции и явился новым этапом в развитии искусства.

С новыми открытиями в использовании цветовых эффектов связано имя очень интересного норвежского художника Фритца Таулова (1847–1906), который родился в Христиании (Осло) в семье фармацевта. Он поступил в Копенгагене в Художественную академию, мечтая стать художником моренистом. По-видимому, здесь уже проявилась его любовь к воде, которая зародилась у него с детства. Это, собственно, нашло особое видение и отображение в его работах. На его творчество оказал большое влияние родственник-антиквар, который разбирался в живописи и в различных направлениях искусства.

Ф. Таулов прошел живописный курс у известного мариниста К. Ф. Зёренсена (1818–1879), после чего продолжил обучение в Академии художеств в Карлсруе у мариниста Г. Ф. Гуде, в мастерской которого он постигал тайны цветовых эффектов изображения воды. 1874–1879 гг. для Ф. Таулова связаны с творческими сезонами в мастерских известных импрессионистов в Париже. Он долго добивается приема своих картин

в парижский Салон. В 1889 г. его картины с зимними темами заняли свое место в скандинавском разделе Всемирной выставки в Париже. Тогда же он стал членом Международного жюри изящных искусств на Всемирной выставке в Париже. Таулов активно способствовал развитию французско-норвежских творческих связей в конце XIX в.

В это время он заявил о себе как о талантливом художнике ландшафтной живописи, идеализируя природу и передавая особое настроение, полное света и воздуха. Зимние и осенние пейзажи Ф. Таулова передают впечатления поэтически тончайшего чувства природы. Одними из наиболее интересных его работ являются «Февральский вечер в Норвегии» (Мюнхенская пинакотека), «Ветлы», «Сумерки в деревне» («Le village bleu»), «Снежная метель в Норвегии», «Октябрьский дождь в Норвегии», «Нормандская ферма», «Пароходын а Сене», «Ноктюрн» и др.

Пребывая в Париже, он увлекается барбизонской школой, но при этом не разделяет многих взглядов Поля Гогена. Новое направление в работах Ф. Таулова набирает силу после 1879 г. Он глубоко чувствует природу Норвегии, что нашло отражение в его полотнах. В 1879 г. Таулов посетил Скаген — датскую колонию молодых художников, после чего провёл в Осло выставку и помогал молодым художникам осваивать школу французского реализма. Таулов восхищался творчеством Жюль Бастьен Лепажа (1848–1884) — мастера пленерной живописи и работами своего шведского современника Скенберга. Для него важны были свежие впечатления. В 1891 г. Таулов посещает Мюнхен, в 1892 г. отправляется в Лондон, в 1894 г. — Италию-Венецию, затем в Америку. В 1895 г. в зимний период Фритс Таулов со своим другом Эдуардом Мане едет в Норвегию для совместной творческой работы.

В 1895 г. с успехом проходит его персональная выставка в Санкт-Петербурге, в России он поддерживает приятельские отношения с В. Серовым и К. Коровиным. Его творчество оказало влияние на русских художников этого периода своей поэтичностью. Также известны дружественные связи Таулова и с С. Дягилевым, который поддерживал его творчество. А. Бенуа на первое место ставил К. Моне, а после него Ф. Таулова². Гордостью Фритца Таулова было основание им первой Академии

Пленера в 1880 г. в Модуме, а в 1882 г.— осеннего Салона, где демонстрировались работы художников современного направления. Последние годы жизни мастер работает над своими любимыми пейзажными мотивами: загадочными сумерками, залитыми лунным светом, замерзшими реками, сияющей радугой — все эти темы передают чистоту цвета, простор, воздух, свежесть природы³.

Его живописные работы находятся в фондах музеев крупнейших городов мира — Осло, Мюнхена, Берлина, Брюсселя, Копенгагена, Санкт-Петербурга, Москвы⁴, Киева, Одессы⁵, Венеции, Филадельфии. Искусствоведческие работы Таулова опубликованы в частных сборниках, его литературные произведения представлены в 1908 г. в книге «I Kamp og i Fest». В Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина можно познакомиться с такими живописными полотнами художника, как «Замерзающая река», «Горная речка», «Уголок Венеции». Мастерство передачи воды завораживает, особенно в картине «Уголок Венеции»: таинственные старинные здания богатой Венецианской республики, которые разрушаются со временем и хранят в себе историческое прошлое, отражение их в воде красновато-зеленоватого цвета, затерявшиеся гондолы с гондольерами, и солнечная дорожка, которая ведет к мостику, соединяющему улицы скромного уголка Венеции. В зимнее время световой день в Норвегии продолжается недолго, а после 14 часов наступают сумерки. И в этот отрезок времени он сумел запечатлеть оттенки сине-белого снега и неба в лучах солнца, прозрачность воздуха. Причем на пейзажах изображал скромные места известных городов. Картина «Утренняя река» (1891) с помощью света передает умиротворенность скромной деревенской улицы во Франции, которая залита солнцем с розово-оранжево-серым цветом воды и домами — все дышит спокойствием, медленным течением жизни. Картины «Ручей», «Вечер» находятся в Одесском музее западного и восточного искусства, а в Киевском музее им. Ханенковых хранится картина «Осенние сумерки» (ее прежнее название «Лунная ночь»).

Недолгая жизнь Фритца Таулова оборвалась в 1906 г. в голландском городе Воллендами.

¹ См.: Энциклопедия постимпрессионизма. М., 2000; Постимпрессионизм. Становление современного искусства. М., 2000.

² *Мухина Т. Д.* Русско-скандинавские художественные связи конца XIX — начала XX в. М., 1984. С. 56–58.

³ *Лясковская О. А.* Пленер в русской живописи XIX века. М., 1966.

⁴ Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Государственный Эрмитаж / Сост. Н. И. Александрова, М. А. Бессонова «Страна живительной прохлады» и др. Каталог. Издательство «Красная площадь». М., 2001.

⁵ *Живкова Е., Тимченко Т., Никифоров В.* Пейзажи Ф. Таулова в музеях України. Стоголосник — випуск присвячено Норвегії. Київ, 2000.

Ю. И. Крипотова

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ ВЫБОРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В СОСТАВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО

К началу XIX в. территория Выборгской губернии (в период с 1802 по 1811 г. она именовалась Финляндской) уже более полувека находилась в составе Русского государства, включая северную часть Карельского перешейка, Северное Приладожье и юго-восток современной Финляндии, объединив земли, отвоеванные у Швеции в результате войн первой половины XVIII в. По укладу жизни она мало отличалась от русских губерний XIX в. Несмотря на многонациональный состав, все ее городское нерусское население — финны, шведы, немцы сравнительно неплохо знали русский язык, так как он являлся административным языком в крае. Кроме того, большинство населения, за исключением немцев, в значительной степени подверглось мощному влиянию русской культуры. Большая часть населения исповедовала православие: к началу XIX в. в русской Финляндии насчитывалось 19 храмов и 27 454 прихожан, большую часть которых, правда, составляли воинские чины из русских гарнизонов¹. Самые многочисленные православные приходы были в Салминском (ок. 11 000 прихожан) и Сортавальском (ок. 3000 прихожан)² уездах.

Православные храмы Выборгской губернии со времени учреждения в 1721 г. Синода находились в ведении учреждения, именовавшегося «Санкт-Петербургская епархия Святейшего Синода»,

а с 1742 г. — Санкт-Петербургской епархии. Ближайшее управление православной церковью на этой территории (наблюдение за деятельностью благочинных, исполнение функций низшей инстанции церковного суда, взаимодействие с гражданской властью) осуществляло Духовное правление, располагавшееся в городе Выборге. Оно было создано в 1741–1743 гг., как и 7 других правлений Санкт-петербургской епархии³. В целом они оставались учреждениями весьма неопределенными по устройству и кругу деятельности и часто просто дублировали деятельность благочинных (помощников епископа, выполняющих административные обязанности по отношению к нескольким приходам отдельных округов епархии)⁴.

Выборгское Духовное правление (с марта 1805 г. оно именовалось Финляндским⁵) состояло из председателя (присутствующего), которым являлся протоиерей Спасо-Преображенского собора, и благочинных⁶. Располагалось Духовное правление «в церковном доме, на Нижней улице, под № 50», который был приобретен в 1812 г. у финляндского генерал-губернатора Винтера⁷. На содержание Духовного правления с конца XVIII в. из казны выдавалось 120 рублей в год. Однако эти деньги были настолько малы и «несоразмерны с тамошними жизненными потребностями и дороговизной»⁸, что вплоть до 1823 г. при Выборгском Духовном правлении не было ни одного канцелярского служителя и ни одного сторожа. Все дела производились самим присутствующим (председателем), а переписка велась или им, или причетниками Выборгского Спасо-Преображенского собора.

Состав и работа Духовного правления в Выборге не менялись в течение нескольких десятилетий, вплоть до 1809 г., когда в состав Российской империи в качестве автономного княжества была включена территория Финляндии. Дело в том, что находившиеся на этой территории немногочисленные православные приходы тоже необходимо было передать в ведение Духовного правления в Выборге. В отличие от Выборгской губернии, по данным еще шведской переписи 1804 г., на территории Новой Финляндии православных жителей насчитывалось не более 7000 человек (6667), которые проживали главным образом на восточных окраинах, вблизи русской границы⁹. Поэтому, чтобы увеличить количество православ-

ных приходов в крае, а также укрепить собственные позиции, российское правительство произвело в 1811 г. объединение Выборгской губернии и новоприобретенной территории княжества. К сожалению, это объединение не только не привело к желаемым результатам, но наоборот, ухудшило положение православной церкви и ослабило ее авторитет даже на территории Выборгской губернии.

Ослабление позиций православной церкви в Выборгской губернии произошло в связи с тем, что Александр I, оставляя в 1811 г. управление православной церковью «во всем на прежнем основании, под главным управлением Синода»¹⁰, унифицировал гражданское управление губернией со всем Великим Княжеством Финляндским. Основанное на старом шведском законодательстве, оно признавало за лютеранской церковью господствующее положение среди других конфессий, а православной церкви отводило место «терпимой». В связи с этим православная церковь (более 80% представителей которой проживали в Выборгской губернии¹¹) вынуждена была действовать в княжестве в несвойственных для нее условиях. Закон 1772 г., определявший форму правления Финляндией, не только ограничивал права собственности православных организаций и участие их в общественной жизни, но и создавал препятствия в культовой практике (запрет на проведение крестных ходов) и миссионерской деятельности¹². Фактически, местные законы лишали православную церковь статуса государственной. Даже конфессиональный статус Александра I являлся нарушением законов княжества (шведский закон 1781 г.), согласно которым правитель должен был обязательно исповедовать лютеранство.

Кардинальные изменения в управлении губернией повлекли за собой эмиграцию в Россию части русского населения, проживавшего здесь с XVIII в. Так, например, советники Александра I (например, Г. М. Армфельт) приложили все усилия, чтобы как можно быстрее удалить из Выборгской губернии русских чиновников¹³. Естественно, что это обстоятельство не могло не отразиться на положении православия в крае. Собственные же средства православных финляндцев были чрезвычайно ограничены. Среди православного населения Финляндии не было ни образованного дворянства, ни богатого купечества, ни круп-

ных землевладельцев, ни даже национального духовенства. Так, например, если брать соотношение сословий православных жителей Выборгской губернии, то видно, что среди них численно преобладают крестьяне, составляя в начале века более 60% от всех прихожан, а к середине — уже около 90%¹⁴. В связи с малочисленностью, бедностью и удаленностью православных прихожан от храма, особенно в сельских приходах, они не всегда могли содержать православные храмы в надлежащем состоянии и обеспечивать материально духовенство.

На материальном обеспечении православного духовенства Выборгской губернии стоит остановиться более подробно. Согласно указу 2 августа 1823 г. все духовенство губернии (как и княжества) делилось на 2 группы с различным способом содержания: городское и сельское. В Выборгской губернии к городским были отнесены 4 прихода: Выборгского Спасо-Преображенского собора, Кексгольмского Рождественского собора, Фридрихсгамской Петропавловской церкви и Вильманstrandской во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Городское духовенство княжества должно было получать из Финляндских статных сумм фиксированное жалование, прописанное в законе. Самые большие оклады были предусмотрены для причта Выборгский Спасо-Преображенского собора, в связи с тем, что фактически это был центральный православный храм края, а его служители участвовали в деятельности Духовного правления. Жалование протоиерея составляло 1285,80 руб. в год, священника — 385,80 руб.; дьякона — 300 руб., причетника — 214,30 руб., просвирни — 64,30 руб. Для остальных городских причтов губернии оклады были следующие: протоиерею — 642,90 руб. в год; священнику — 342,50 руб.; дьякону — 257,20 руб., причетнику — 171,50 руб., просвирне — 42,90 руб.¹⁵ В первой половине XIX в. этого содержания было вполне достаточно, однако уже с 60-х гг. инфляция и рост цен на самые необходимые товары, такие как хлеб, свели данное содержание к минимуму.

Содержание же сельского духовенства, согласно закону 1823 г., было поставлено в прямую зависимость от прихода, который должен был предоставить причту участки земли (пашни и луг). Решение о предоставлении такого участка принималось на «мирских сходках... в присутствии началь-

ника губернии или уполномоченного им, равно и депутата со стороны Греко-российского духовенства»¹⁶. Все решения утверждались Финляндским Сенатом. Таким образом, содержание православного духовенства в крае ставилось в непосредственную зависимость от гражданской власти. Условия обеспечения духовенства принимались по разным приходам в разное время. Так, в 1838 г. определено содержание духовенства в Салме, Корбосельках и Тиврале, в 1841 г. — в Шуэзеро, в 1851 г. — в Красном Селе, в 1863 г. — в Шуйстамо, Новой Кирхе и Палкеллах¹⁷.

С каждым годом все более отчетливо проявлялись в местной жизни православных исповедников особенности, которые необходимо было приводить в соглашение с общими русскими церковными порядками (например, штрафы православных жителей за несоблюдение лютеранских праздничных дней). В результате, чтобы защитить интересы православия, российские императоры в обход финляндскому законодательству издавали указы, направленные на расширение прав православных в княжестве. В XIX в. императорскими указами лютеранским капитулам было запрещено вмешиваться в дела православных приходов, последним дозволялось проводить публичные церемонии, в том числе крестные ходы; постепенно устанавливались правила бракоразводных процедур, деятельности церковных судов, денежных сборов с прихожан, налоговые сборы со священнослужителей и т.д.¹⁸ Всего в 1820–1870-х гг. было издано около 20 указов, регулирующих отношения православной церкви в крае и ограничивающих влияние лютеранской церкви на православное население. Однако большинство из этих указов приживались с трудом и часто игнорировались, так как они расходились со сложившимися местными традициями.

Стоит отметить, что Финляндский Сенат с опаской относился к подобной практике решений церковных вопросов при помощи «корректировки» существовавших в крае законов. Поэтому уже в 1826 г. правящие круги Финляндии поспешили представить на рассмотрение царя доклад о возвращении России ряда православных волостей вновь присоединенной Выборгской губернии¹⁹. Николай I отклонил проект. Возвращение волостей, населенных православными, означало

утрату опоры на «наиподданную» часть населения княжества и не отвечало политическим интересам России в Финляндии. Тогда Финляндский Сенат, во избежание возникновения спорных вопросов по отношению к православной церкви, в течение века пытался самостоятельно, основываясь на действующем в крае шведском законодательстве, решить вопрос управления православной церковью и регламентировать ее деятельность. Сенат предлагал выстроить отношения с православной церковью по аналогии с лютеранской, которая на основании финляндских законов находилась в полном подчинении правительству края²⁰. Лютеранская церковь Финляндии была больше государственным, нежели церковным учреждением, таким как губернские правления²¹. Игнорируя самостоятельность православной церкви, огражденную канонами, Финляндский Сенат пытался превратить и ее в служебное орудие на пользу местным интересам, наравне с лютеранской церковью. Властям края было необходимо, чтобы те гражданские функции, которые выполняло лютеранское духовенство для сельской общины и прихожан, православные причты выполняли для православных жителей Финляндии.

Одним из последних по времени узаконением, которое должно было определить задачи православной церкви в Финляндии и оградить ее права в княжестве, было постановление 5 марта 1883 г. Его созданию предшествовала многолетняя деятельность специального Комитета, учрежденного в 1866 г., под председательством бывшего обер-прокурора Синода графа Д. А. Толстого. Интересен и тот факт, что во многом инициатором являлось само Финляндское правительство в лице губернатора Антэля, отмечавшего неудовлетворительное состояние православия в крае. Комиссии должны были определить должностные обязанности церковно- и священнослужителей, их квалификационные характеристики и виды оплаты труда; решать вопросы школьного обучения православных граждан и подготовки учительских кадров; устанавливать правила взаимоотношений приходов и светских общин и т. п.²²

Однако новый закон не привел к желаемым результатам. Наоборот, его последствием было полное подчинение православного духовенства лютеранскому правительству. Все спорные вопросы, которые закон должен был урегулировать,

решались ссылкой на Общее уложение об устройстве лютеранской церкви²³, несмотря на то что в большинстве случаев оно противоречило православным церковным канонам, а многочисленные гражданские и даже полицейские обязанности священников отвлекали их от церковно-приходских дел. Более того, для правильного и разумного управления делами общины от священников теперь требовались не только богословские знания, но и юридические.

Следует отметить, что уже с 1820-х гг. начинает вырисовываться новый характер деятельности и Духовного правления в Выборге. До 1811 г. Правление было только исполнительным органом, после объединения Старой и Новой Финляндии его права и обязанности расширяются, но все также не получают четкого определения со стороны закона. Разработанная для Финляндского духовного правления инструкция позволила бы избежать недоразумений и противоречий в его отношениях с гражданской властью. Однако вместо этого российское правительство предпочло обозначать обязанности Финляндского Духовного правления отдельными постановлениями и указами, издававшимися для решения спорных ситуаций в крае.

В результате силой обстоятельств, в которые была поставлена православная церковь в Финляндии, Духовное правление в Выборге постепенно возложило на себя функции посредника между епархией, православными церквями края и гражданским начальством. Председатель (присутствующий) правления постепенно превращался, с одной стороны, в начальника православных священников, а с другой — в делегата или эксперта перед Финляндским Сенатом и другими правительственными учреждениями²⁴. Поэтому не случайно, что после переименования губернии в 1811 г. снова в Выборгскую Духовное Правление осталось Финляндским. Подобное именование ставило его на один уровень с Сенатом.

Расширение сферы деятельности Правления требовало как средств, так и рабочих рук. Благодаря стараниям председателей правления (протоиереев Спасо-Преображенского собора Федора Логиневского (1804–1828) и Павла Афанасьевича Виноградова (1828–1858)²⁵) было налажено не только содержание Духовного правления, но и проведен ремонт церковного дома, в котором оно располагалось. С 1823 г. на канцелярию,

служителей и сторожа Духовного правления из финляндской казны ежегодно выделялось 500 руб. серебром и еще 150 руб. серебром на переводчика (правление пользовалось услугами губернского переводчика Урсина)²⁶. Однако так как все письменные дела в правлении велись дьяконом и причетниками Выборгского собора, то было решено $\frac{1}{3}$ канцелярских денег выделять за труды непосредственно им²⁷. Ремонт же церковного дома и обустройство помещений для Духовного правления всем тем, что необходимо для присутственного места, проводились в 1830-е гг. на собственные средства прихода Спасо-Преображенского собора²⁸.

Для удобства управления православными церквями Выборгской губернии ее территория еще с начала XIX в. была разделена на два благочиннических округа: Выборгский и Кексгольмский (ныне Приозерск). Во главе каждого округа стоял благочинный, который избирался или назначался Санкт-Петербургской Консistorией из среды местных священников. Благочинный являлся первой инстанцией, контролировавшей жизнь приходского духовенства. Он должен был следить за правильностью ведения многочисленной документации священниками, а по окончании отчетного периода подготавливать ее для епархиального начальства. С другой стороны, именно через него до причтов доводились все распоряжения, на него же возлагался и контроль за исполнением. Раз в год благочинный должен был обязательно объехать свою территорию, проверяя на месте правильность ведения штатной документации и отправления клиром своих обязанностей, выясняя отношение прихожан к причту, проверяя состояние церковных построек и имущества²⁹. Таким образом, на своей территории благочинный исполнял роль надзорного органа.

После объединения в 1811 г. имеющиеся на территории Новой Финляндии православные приходы были переданы в ведение Кексгольмского благочиннического округа³⁰. Однако в связи с тем, что многочисленные православные приходы Финляндии были разбросаны по территории княжества на большие расстояния и для благочинных требовалось немало труда и времени, чтобы посетить их, то в 60-е гг. XIX в. для церкви Новой Финляндии был образован 3-й округ с цен-

тром в Гельсингфорсе³¹. Однако уже в августе 1864 г., в связи со строительством новых православных церквей, часть приходов из Гельсингфорского благочиния были переданы во вновь образовавшееся Куопиосское³².

В XIX в., несмотря на сложное и противоречивое положение, в Выборгской губернии все же заметен рост численности православных прихожан. К концу 80-х гг. она увеличилась более чем на 1000 чел. и достигла 23 500 чел., составляя по прежнему более 50% всех православных жителей княжества³³. Самыми многочисленными к концу века были приходы церквей во имя святителя Николая Чудотворца в селе Салма (более 8000 чел.) и погосте Шуйстамо (более 5000 чел.)³⁴.

В губернии на протяжении века также велись работы по строительству новых церквей. В шести приходах вместо обветшавших были возведены новые храмы³⁵. На протяжении века проводились и ремонтные работы в церквях, пришедших в ветхость³⁶. Во многих местах, где прежде не было храмов, построены были храмы для православных (4 новых храма)³⁷. Об устройстве и обновлении финляндских церквей прежде всего заботилось российское правительство, представителями которого были здесь финляндские генерал-губернаторы. Особую заботу об устройстве храмов проявили генерал-губернаторы А. А. Закревский, Ф. Ф. Берг и Н. В. Адлерберг. Стоит упомянуть также землевладельцев богатых купцов, которые, «заботясь о нравственном благе крестьян, живущих на их землях или работающих на их заводах»³⁸, испрашивали разрешение на постройку церкви, сами жертвовали или собирали деньги на постройку, а потом улучшали быт причта и обеспечивали содержание церкви. Так, например, баронесса Скотт перестроила прежнюю церковь в Тиврале, графиня Орлова-Чесменская в Салме, граф Салтыков в Райволове, помещик Богаевский в Красном Селе, иркутский купец Огородников в Новой Кирке, купец Лисицын отстроил собор в Кексгольме³⁹. Об обновлении и украшении храмов в карельских приходах много заботились купцы Громызы. Наконец, в погостах Корбосельском, Кидельском и Шуэзерском храмы строились самими прихожанами.

Всего в течение XIX в. из 22-х православных церквей, возведенных в Финляндии, десять было устроено в Выборгской

губернии, и все они, несмотря на бедность православного населения края, были снабжены всею необходимою утварью.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что XIX в. привнес в жизнь православных приходов Выборгской губернии много нового. Объединение губернии с новоприсоединенными землями Финляндии 1811 г. повлекло за собой кардинальные изменения в управлении православными приходами: оставаясь, с одной стороны, в полном ведении епархиального начальства и Синода, с другой стороны, они на законном основании подчинялись и лютеранскому Сенату. Это отразилось и на внутреннем устройстве приходов. В своей сельско-приходской жизни православная церковь губернии в течение века перенимала отдельные черты устройства лютеранской церкви и даже некоторые из ее традиций. В результате в губернии, как и во всем княжестве, формировалась так называемая финская православная церковь со своими национальными особенностями. Количество православных исповедников в губернии постепенно росло, хотя и оставалось незначительным по сравнению с лютеранами. Кроме того, были обновлены или отремонтированы практически все храмы губернии, возводились новые. В богослужбной и проповеднической деятельности церковь постепенно переходила на национальный финский язык, создавалась сеть православных приходских школ.

Интересно, что Синод не противодействовал изменениям, происходившим в православных приходах губернии вплоть до конца XIX в., фактически же он не обращал на них должного внимания. Даже учреждение в 1859 г. Выборгского викариата в составе Петербургской епархии не изменило ситуацию, так как епископ, занятый по званию викария митрополита Санкт-Петербургского множеством других дел, появлялся в Финляндской епископии довольно редко. Поскольку православные приходы губернии к 90-х гг. XIX в. уже сильно отличались от приходов Санкт-Петербургской епархии, а вопросы по управлению и устройству приходов в крае требовали неотложных решений и действий, то было решено организовать в 1892 г. самостоятельную Финскую православную епархию. Тем самым была начата новая страница в истории православных приходов губернии.

¹ Куркимес И. Н. Православные храмы в Финляндии // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. 5. СПб., 2001. С. 473.

² Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 4. СПб., 1875. С. 69.

³ ЦГИА Ф.19. Оп. 2. Д. 4287. Л. 15.

⁴ Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ. М., 1999. С. 84.

⁵ ЦГИА Ф.19. Оп. 17. Д. 940. Л. 2. и Д. 800. Л. 4.

⁶ ЦГИА Ф. 19. Оп. 2. Д. 4287 Л. 99.

⁷ Историко-статистические сведения. С. 87.

⁸ ЦГИА Ф.19. Оп. 17. Д. 931. Л. 6.

⁹ Финляндия за 100 лет в составе России (1809–1909). Сост. по официальным данным инженера генерала Д. С. Тризна. СПб., 1911. С. 7.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том 31. 1810–1811. С. 1025.

¹¹ См.: Православная церковь в Финляндии (по распоряжению обер-прокурора Синода). СПб., 1893. С. 69.

¹² Яровой О. А. Валаамский монастырь и православная церковь в Финляндии. Петрозаводск, 1997. С. 31.

¹³ Бородкин М. М. Краткая история Финляндии. СПб., 1911. С. 127.

Стоит отметить, что русское общество не сразу отреагировало на манифест 1811 г., однако уже во времена Николая I стал подниматься вопрос о возвращении Выборгской губернии Империи.

¹⁴ См. ЦГИА Ф. 19 Оп. 113 Д 915 ЛЛ.1–82.; Ист. Стат. С. 66–69.

¹⁵ Православная церковь в Финляндии. С. 1 (Приложение I).

¹⁶ ЦГИА Ф.19. Оп. 17. Д. 940. Л. 4.

¹⁷ Историко-статистические сведения. С. 57.

¹⁸ Яровой О. А. Указ. соч. С. 31.

¹⁹ Бородкин М. М. Краткая история Финляндии. С. 136.

²⁰ Православная церковь в Финляндии. С. 33.

²¹ Там же. С. 29.

²² Там же. С. 65, 72, 83, 91.

²³ Там же. С. 73.

²⁴ Там же. С. 163.

²⁵ За заслуги в деле улучшения положения православия в Финляндии и благоустройства вверенного ему Выборгского собора и прихода протоиерей Павел Виноградов, первый из православного финляндского духовенства, выйдя в отставку, получил от финляндского сената пенсию в сумме, равной его протоиерейскому окладу. См.: Историко-статистические сведения. С. 86–87; Церковная история Выборга и его окрестностей / Автор-составитель И. В. Трохова. С. 89.

²⁶ На 1823 год 1 серебряный рубль был равен 3 рублям ассигнациями, поэтому сумма, выделяемая на канцелярию, составляла 1500 рублей ассигнациями. Из нее 500 рублей — дьякону (333,32 рубля) и причетникам

(166,68 рублей), а остальные (1000 рублей) должен был распределить председатель правления на самые необходимые нужды.

²⁷ ЦГИА Ф.19. Оп. 17. Д. 940. Л. 33–40.

²⁸ Историко-Статистические сведения. С. 88.

²⁹ *Римский С.В.* Указ. соч. С. 83.

³⁰ В 1820-е гг. Выборгский церковный округ включал православные церкви Выборга, Гельсингфорса, Вильманстранда, Фридрихсгама, Роченсалма, Сестрорецка, Красного Села и Райволаво; Кексгольмский округ – церкви Кексгольма, Сердоболя, Самлы, Куопио, Нейшлота, погостов Тивральского, Шуйстамского, Кидельского, Карбосельского, Шуэзерского, Иломанского, Ильинского, Либелицкого.

³¹ ЛОГАВ.Ф. 394 Оп. 1 Д. 14 Л. 76. Это храмы Гельсингфорса, Або, Николайштадта, Фридрихсгама, Роченсалма, Нейшлота, Куопио, погостов Либелицкий и Иломанский.

³² ЛОГАВ.Ф. 387 Оп. 1 Д. 40 Л. 16. Это храмы Куопио, Нейшлота, погостов Либелицкий и Иломанский.

³³ Историко-статистические сведения. С. 69.

³⁴ Там же.

³⁵ Новыми храмами украсились Салма в 1825 г., Тивраль в 1832 г., Фридрихсгам в 1836 г., Шуэзеро в 1838 г., Шуйстамо в 1844 г., Кексгольм в 1847 г.

³⁶ Ремонтные работы проводились Выборгском Спасо-Преображенском соборе (в 1817 и 1865 гг.), в Кидельской церкви Архангела Михаила (1831).

³⁷ В 1811 г. построена церковь в Линдулове, после перенесенная в Райволаво; в 1853 г. в Новой Кирке, в 1865 г. в Палкеллах, в 1868 г. в Выборгском форштадте.

³⁸ Православная церковь в Финляндии. С. 130.

³⁹ См.: Историко-статистические сведения.

Т. Г. Фруменкова

**ФИНЛЯНДСКИЙ ОКРУГ
ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА
ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.**

С июня 1837 г. всех детей неизвестного происхождения, поступавших в воспитательные дома, полагалось отправлять на воспитание в деревни и оттуда в город не возвращать (исключение составляло поступление в услужение). Эти дети должны были в будущем стать государственными крестьянами.

Для размещения детей воспитательные дома еще в начале XIX в. поделили территорию вокруг обеих столиц на округа. Больше десятка округов Петербургского дома охватывали Петербургскую и постепенно разрастались на Новгородскую губернию, в них входили деревни с русским и финским населением. Каждый стабильный, старый округ Петербургского дома возглавлял окружной врач. Он жил при окружном лазарете, имел помощника и фельдшера. В обязанности этих служащих входили выдача платы за детей крестьянам-воспитателям и наблюдение за тем, как они выполняют свои обязанности, ежемесячный осмотр воспитанников, ведение книг, в которых записывались краткие сведения о детях, лечение детей по деревням и в лазарете, письменное и личное общение с начальством в Петербурге. В общем жизнь у них была весьма беспокойная.

Вновь организуемые округа возглавляли надзиратели-чиновники. Лазаретов поначалу не было. В случае крайней необходимости предусматривалась и возможность добраться

до лазарета в соседнем старом округе. Один из округов — Заречный — располагался на Карельском перешейке, на границе с Великим Княжеством Финляндским, и включал в себя больше финских, чем русских деревень. В дом принимали новорожденных детей, примерно до 6 недель их содержали в городе, а затем, после врачебного осмотра, раздавали приехавшим в деревенскую экспедицию крестьянкам-воспитательницам и на повозках развозили по деревням. Кормилиц не хватало, как в доме, так и деревенских, особенно летом, в страдную пору, и администрация дома с радостью принимала любое предложение по участию в «питомническом промысле».

Финское же население Выборгской губернии, в пределы которой входил Заречный округ, по преимуществу было бедным, и дополнительный источник доходов не мог не привлекать финских крестьян. В июле 1839 г., когда директор деревенской экспедиции Петербургского дома П. И. Мей осматривал Заречный округ, к нему обратились женщины из финских киршпилей с просьбой передачи детей на воспитание. Директор направил в финские приходы окружного надзирателя И. Ф. Лашкейта с предписанием «узнать, сколько женщин может поступить на первый случай в воспитательный дом для принятия на вскармливание грудных детей, и можно ли надеяться, что со временем число их увеличится, и благонадежно ли было бы открыть там новый округ»¹.

И. Ф. Лашкейт отпартовал, что «на первый случай нашел до 70 баб, кои охотно возьмут» детей. Если эти женщины будут удовлетворены новым промыслом, то число кормилиц возрастет. И. Ф. Лашкейт сообщил, что нашел еще один финский киршпиль в 80 верстах от Петербурга. По итогам его командировки деревенская экспедиция обратилась в опекунский совет дома с докладом, что «открытием нового округа в Финляндии» она могла бы «облегчить себя в затруднении в приискании кормилиц». Чиновники экспедиции попросили начальство открыть Финляндский округ из деревень 4 киршпилей (Сакколовского, Тюхоярвского, Валкеярвского и Кивинаского). Совет согласовал свои действия с Финляндским генерал-губернатором бароном К. Г. Котеном и 30 января 1840 г. предписал открыть округ

на следующих условиях: 1) надзор за воспитанием питомцев поручался временному помощнику окружного врача Заречного округа; в случае надобности детей следовало предъявлять местному начальству; 2) заболевших воспитанников полагалось отправлять в лазарет Заречного округа, но «лучше бы, по возможности, в лазареты Финляндского ведомства», а не воспитательного дома, что, однако, не должно «препятствовать медицинскому начальству» дома проверять их состояние; 3) свое окончательное мнение совет предполагал высказать не ранее, чем через год, когда «можно будет увидеть влияние уничтожения билетов на прием младенцев» (до конца 1839 г. каждый, кто приносил ребенка в дом, получал билет — документ с указанием имени, номера ребенка и даты поступления его в дом — по билету родители могли попытаться вернуть ребенка.— Т. Ф.). 20 января 1840 г. Николай I утвердил положение об открытии округа².

Совет утвердил И. Ф. Лашкейт в должности окружного надзирателя, приказал ему «принять постоянное жительство» в Финляндии и назначил жалование в размере 100 руб. серебром в год. Македонов сдал коллеге 108 питомцев «в Сокуловском (Сакколовском) киршпиле». В марте того же года И. Ф. Лашкейт доносил, что дети размещены в деревнях «Валимо, Козола, Кивинемя, Лабанаси, Нурмярви, Паукомяки, Педоярви, Пуйкола, Рагокюля, Рискала, Сакула, Суникала, Хорокоми, Хаисари и Ями». Четверо старших воспитанников родились в 1834–1835 гг., им было по 5–6 лет, преобладали грудные дети 1839–1840 гг. рождения. Четверо детей находились в лазарете, один питомец оказался слепым. В мае 1840 г. И. Ф. Лашкейт сообщил, что переехал из Токсова в Финляндский округ³. Начались его трудовые будни на новом месте.

Первые его сообщения в деревенскую экспедицию имели мирный, повседневный характер. Так, 6 мая 1840 г. он написал, что сакколовские крестьяне просят выдавать деньги за детей по-прежнему 5-го, а не 11-го числа каждого месяца. Однако вскоре пришлось столкнуться с проблемами, связанными с особым статусом Великого Княжества Финляндского в составе России. В феврале 1843 г. окружной врач Македонов сообщил, что крестьяне Выборгской губернии при объезде жаловались

ему, что «ленцман Раутуский стесняет их в выдаче паспортов для поездки в воспитательный дом для отвоза больных питомцев в лазарет. Отлучившихся штрафует по его представлению суд как бродяг», приговаривая к огромному штрафу в 140 руб. серебром. «Те же, кои по бедности не могут внести этой суммы (отметим, весьма значительной — жалование окружного надзирателя — 100 руб. серебром в год), отсылаются в тюрьму города Выборг, каковому наказанию присуждены уже многие женщины, прибыв из воспитательного дома с питомцами», — сообщают документы. Положение крестьянок «этим обстоятельствам весьма стесняется», — считали представители дома. Женщины просили разрешения ездить по округам и в столицу без паспорта, только по свидетельству врача, как за детьми, так и с большими питомцами в сельский лазарет, в противном случае они отказывались принимать детей.

Окружной врач Македонов специально посетил ленцман. Жалобы соответствовали истине — беспаспортных женщин действительно принимали за бродяг. На вопрос, почему подобного не случалось раньше, доктор получил невнятный ответ, что все зависело от обстоятельств. Действия местных властей мешали исполнению воли императора, и к решению проблемы пришлось привлекать исполнявшего должность генерал-губернатора. Главному представителю России в Финляндии, по мнению Опекунского совета, следовало иметь в виду, что «крестьянки там бедного состояния, являются в сей дом и берут себе на вскормление детей, жертвуя временем и материнским об них попечением за умеренную плату». Тот, в свою очередь, обратился к Выборгскому губернатору. По словам последнего, в Раутуском киршпиле якобы «раскрылись заразительные болезни, они требуют, чтобы местные жители обращали особенное внимание на женщин, отправляющихся в Петербург». По мнению Выборгского губернатора, невозможно «отпускать их в Россию без паспорта», потому что открывался бы «случай для беспутных и праздношатающихся женщин ездить в Петербург без ведома земской полиции». Позиция властей выглядела довольно оскорбительно. В приходе появились, судя по всему, венерические заболевания, и потенциальных воспитательниц дома с младенцами принимали за возвращающихся из столицы

проституток! Правда, из Выборга примирительно сообщили, что губернатор получил соответствующее предписание, и «этот паспорт можно получить и без платы» (стоил он 1 рубль 60 коп.)⁴. Ну, не хотели финляндские власти, чтобы местные крестьянки брали детей! Впрочем, во-первых, многие российские помещики тоже не хотели, чтобы «питомническим промыслом» занимались их крестьянки, а во-вторых, действительно существовала вероятность заражения женщин-кормилиц венерическими болезнями от детей, родившихся у больных матерей.

Привлекать высшее начальство пришлось и к решению еще одной странной и тяжелой проблемы. 27 июля 1849 г. священник Красносельской Сретенской церкви (это было финляндское Красное Село, располагавшееся под Выборгом) увидел на кладбище под открытым небом гробик «в аршин с мертвым телом», узнал, что видели его и днем ранее. Через три часа к нему явился крестьянин деревни Валгия-Матка Петр Пулски и заявил, что это гроб с телом его умершей грудной воспитанницы Софьи Петровой, а оставлен потому, что его срочно «потребовал староста для почтовой гоньбы». Священник постарался внушить крестьянину, что «надругание над мертвым телом» недопустимо, и сообщил о происшествии И. Ф. Лашкейту. Однако, как извещал деревенскую экспедицию надзиратель, многие воспитатели были «упрямы и непослушны», иногда они держали тело умершего питомца в доме настолько долго, что когда «везут хоронить, идет такой смрад, что священник не может исполнять обязанностей». В связи с подобными случаями надзиратель несколько раз объяснялся с крестьянами, но результата не видел. Он жаловался, что крестьяне привозят к нему на квартиру умерших питомцев и младенцев, зараженных сифилисом, и подбрасывают их к нему на крыльцо (сообщение 1844 г. еще об одном ребенке, зараженном сифилисом, обнаружено в другом архивном деле; девочку отправили в Выборгский лазарет⁵). Если он находится в разъездах, то тело может лежать до недели, затем через ленцмана приходится организовывать похороны. Местное население не в силах справиться с этой проблемой. И. Ф. Лашкейт просил, чтобы по распоряжению губернатора в церквях было сделано объявление, запрещаю-

щее «так поступать под строгой ответственностью». Было направлено соответствующее обращение к генерал-губернатору, и из его канцелярии деревенскому управлению дома написали, что предложено «подлежащим коронным служителям и пасторам» соответствующих приходов «о тщательнейшем наблюдении... дабы содержащие казенных воспитанников обыватели... объявляли сряду же оным пасторам и коронным служителям в случае смерти... детей, и чтоб отнюдь не держали у себя таковых детей, а непременно отвозили к ближайшей церкви для погребения»⁶.

Еще одной особенностью именно финнов-воспитателей было то, что они имели привычку использовать полученные ими в воспитательном доме билеты (документы, дающие право получать плату за содержание питомцев; на билете чиновник отмечал, что ребенок жив и здоров) на детей в качестве залога. Они брали у своих соседей-ростовщиков деньги в долг, а в закладе оставляли билеты. В результате возникали недоразумения и конфликты, а в Заречном округе в 1844 г. дошло даже до судебного разбирательства. В меньших масштабах, но подобные проблемы возникали и в Финляндском округе. Так, в мае 1844 г. И. Ф. Лашкейт сообщал, что крестьянин деревни Сарокси явился к нему с жалобой на крестьянина деревни Мецапирти Марту Тока. По сообщению жалобщика, «сей последний отказывался возвратить ему два билета питомцев... данные ему под заклад полученных от него денег, которые ему уже выплачены». В октябре того же года надзиратель донес, что заложенные билеты до этого времени подписаны им не были. Но теперь к нему явились оба крестьянина, и должник признался, что отдал еще не все, и чиновник подписал документы⁷. Деньги по ним, надо думать, получил кредитор. В конце 1848 г. крестьянин Петр Тукия пожаловался, что надзиратель незаконно отнял у него воспитанника. И. Ф. Лашкейт объяснил, что крестьянин не показывал своего питомца на смотрях в течение четырех месяцев, а билет его находился в той же деревне у Юхана Лелита «за купленную им лошадь, который и являлся ко мне двоекратно для подписки билета». Надзиратель, не удостоверившись, что с ребенком все в порядке, не имел права подписать документы. Он потребовал,

чтобы «явили воспитанника». Когда его требование было исполнено, он передал питомца другому воспитателю, что и явилось основанием для жалобы⁸.

Граница затрудняла передвижение не только финских крестьянок, но и чиновников воспитательного дома. И. Ф. Лашкейт еще до открытия округа был как-то задержан таможенной за перевоз ведра хлебного вина (конечно, купленного в целях чисто медицинских), а доктора Македонова впервые за 13 лет службы в 1844 г. «затормозил» вредный таможенник⁹.

В остальном ситуация в округе была сохойной. Новому округу уделялось повышенное внимание. Округ разрастался. В 1844 г. директор деревенской экспедиции дома П. И. Мей лично удостоверился, что «в деревнях Ваккиярского киршпиля младенцы воспитываются хорошо и с желаемою заботливостью», и предписал надзирателю приглашать из него в самые трудные летние месяцы кормилиц для получения детей. Кстати, в течение почти полугода, во время весенней и осенней распутицы, детей в Финляндский округ, как и в Заречный, не отправляли из-за «разлития вод»¹⁰.

Как и в других округах, в Финляндском с питомцами нередко происходили несчастные случаи, которые лишний раз показывают, что в крестьянской среде малые дети часто оставались без присмотра. Так, в начале апреля 1857 г. в деревне Саккули утонула 10-летняя воспитанница, которая гуляла по берегу реки с 6-летним сыном воспитательницы. Мальчик по требованию матери убежал домой, девочка осталась одна и, видимо, поскользнулась и упала в воду. Вытащили ее уже без признаков жизни¹¹. Кроме заботливых воспитателей, в Финляндском округе, как и в прочих, встречались и недобросовестные. В 1844 г. И. Ф. Лашкейт доносил в деревенскую экспедицию, что в ходе осмотра он заехал к крестьянину Петеру Вулли, у которого обнаружил двух питомцев, 1842 и 1843 гг. рождения, «в худом состоянии». Старшая девочка была совсем плоха, а мальчик болен. У кормилицы молока почти не было, надзиратель велел подоить корову, — та дала около чайной чашки молока, после чего ему пришлось «приискать» новую кормилицу, у которой дети уже через 8 дней выздоровели, однако прежний воспитатель требовал возвращения детей. Их передачу санкционировала экспедиция. В то же лето он

сообщил, что поменял воспитателей еще трех детей, изнуренных и воспитывавшихся «на рожке», а не грудью, и еще из одной крестьянской семьи перевел воспитанников за «грубость, непослушание и дерзость» воспитателя. В сентябре последовал еще один рапорт: крестьянин Гейко Сапсар из деревни Хорокала отдал воспитанницу Прасковью Иванову, другому крестьянину в няньки, а сам брал за нее жалование по билету. На осмотр он привел девочку «в самом худом одеянии и босую». Воспитанницу пришлось перевести в другую семью¹².

Донесения надзирателя рисуют типичную картину крестьянского быта, не слишком отличающуюся от той, что можно было наблюдать в русских селах по ту сторону границы. Впрочем, скорее всего, этим документам тоже не стоит безоговорочно доверять. Дело в том, что финнам попался весьма конфликтный, буйный, склонный к скандалам и истерикам надзиратель. Еще в декабре 1842 г. по предписанию деревенской экспедиции И. Ф. Лашкейту пришлось отдать двух отобранных ранее питомцев прежнему воспитателю, который принес на него жалобу на самоуправство. Надзиратель же по-прежнему уверял, что дети были «изнурены от скудного содержания и несмотрения, все были в болячках и коросте, что даже прочие воспитатели» жаловались на них. Оказалось, что жалоб на И. Ф. Лашкейта было немало, так что П. И. Мей в декабре 1842 г. предписал ему «к непременно исполнению нижеследующие пункты». Надзирателю запрещалось переводить детей от одного воспитателя к другому без разрешения экспедиции. Кормилиц следовало приглашать в дом во время объезда деревень, удостоверившись, что другого грудного ребенка женщина не имеет (т. е. он или подросток, или умер). Больных детей с воспитательницами следовало отправлять в сельский лазарет лишь в том случае, когда до него было не более 20 верст. Билеты полагалось подписывать ежемесячно, а раз в два месяца лично присутствовать в экспедиции (в городе) «при раздаче жалования». По всем пунктам приказа И. Ф. Лашкейт представил объяснения, оставшиеся без ответа.

Жалобы на него не прекращались и позднее. В октябре 1848 г. разгорелся конфликт надзирателя с крестьянином

деревни Карлова Александром Лебедевым, противники жаловались друг на друга в экспедицию. Крестьянин писал, что И. Ф. Лашкейт плохо исполняет свои обязанности, много месяцев не бывает во многих селах для осмотра детей и, наконец, в порыве гнева разорвал на клочки несколько билетов. В конце концов надзиратель получил новую грозную инструкцию. Ему запрещалось собирать детей «в один общий сбор», если деревня простиралась более чем на две версты. Больных детей полагалось осматривать только в домах, а в лазарет отправлять не более чем за 30 верст: «В противном случае отдаленность лазарета послужит не к спасению, а к гибели ребенка». Менять воспитателей разрешалось только в самом крайнем случае. Если надзиратель не видел ребенка три месяца, то на четвертый он мог приказать привезти его к себе. Если ребенок был довольно взрослым и не являлся «на смотр по собственному нежеланию», то можно было наказать его розгами. Инструкция заканчивалась такими словами: «Ко всем воспитателям, особенно кормилицам, предписывается вам иметь самое снисходительное внимание. В Финляндском округе мы должны приобретать к себе доверенность, а не отчуждение». Отступление от этих правил угрожало надзирателю «настрожайшей ответственностью».

После этого конфликты И. Ф. Лашкейта с крестьянами не прекратились, но в характеристиках, подписанных его начальниками, отмечалось, что «неутомимое и усерднейшее исполнение обязанностей его и знание финского языка делают его необходимым (в черновике зачеркнуто и написано: “весьма полезным”. — Т. Ф.) для службы по занимаемой должности». Он благополучно получал пятилетние прибавки к жалованью, пособия на похороны первой и второй жен, на свадьбу с третьей, детей принимали в сиротские институты и т. д. Характерная черта нашей бюрократии многих столетий¹³. Он подал прошение об увольнении в 1856 г., но еще два года исполнял обязанности окружного врача без жалования, не имея, кстати, не только медицинского, но и никакого другого образования, будучи полуграмотным.

Итак, история Финляндского округа воспитательного дома позволяет нам уточнить политику правительства по отноше-

нию к этой национальной территории Российской империи, дает определенное представление об особенностях повседневной жизни финских крестьян и, главное, позволяет понять механизм призрения детей-сирот в воспитательном доме в 1840–1850-е гг.

Отдельные высказывания надзирателя И. Ф. Лашкейта (в одном из прошений он сообщает, что живет «в глуши с чухонским населением», а его малолетние дети остаются без присмотра или на руках «невежественных и непостоянных крестьян-чухонцев»¹⁴) подтверждают, что в восприятии многих петербуржцев Финляндия в то время представлялась глубокой и отсталой провинцией.

К тому же открытие Финляндского округа помогало решить проблему вскармливания грудных питомцев, но еще больше осложняло устройство их будущей взрослой судьбы, которую с Финляндией никто не связывал. В финском окружении дети вырастали, не зная русского языка и уж тем более не умея читать и писать по-русски. После того как они подрастали, их старались переводить в русские села. Они получали дополнительную психологическую травму. К тому же предполагалось, что русскому языку они обучатся автоматически. В результате дети из чухонских деревень отставали в развитии, казались тупыми и непонятливыми. Обычно они не попадали на места, предполагавшие первоначальное обучение. В Петербург даже на Александровскую мануфактуру требовались «воспитанники из русских деревень, благовидной наружности, хорошего роста и здорового телосложения»¹⁵. В Министерстве государственных имуществ жаловались, что детей их финских деревень не могут выучить на писаря за 4 года и даже за более длительное время. Получается, даже среди питомцев воспитательного дома они были людьми второго сорта.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Ч. 2. Л. 185.

² Там же. Л. 186, 188–191 об.

³ Там же. Л. 199–202, 207.

⁴ Там же. Л. 218–236.

⁵ Там же. Д. 33. Л. 405.

⁶ Там же. Л. 211–217 об.

- ⁷ Там же. Д. 33. Л. 53, 91.
- ⁸ Там же. Оп. 3. Д. 15. Л. 95.
- ⁹ Там же. Л. 27; оп. 1. Д. 33. Л. 116.
- ¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 33. Л. 51, 272.
- ¹¹ Там же. Д. 124. Л. 32–33.
- ¹² Там же. Д. 33. Л. 359, 374, 390.
- ¹³ Там же. Оп. 3. Д. 15. Л. 51–151.
- ¹⁴ Там же. Л. 84.
- ¹⁵ Там же. Д. 129. Л. 5.

С. В. Косилов

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛАХТИНСКОЙ ЭКСКУРСИОННОЙ
СТАНЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА
В 1919–1932 гг.**

В первой четверти XX в. в Северо-Западном регионе России происходило формирование комплекса экскурсионных услуг, созданного в образовательных целях. Базировался он на опыте дореволюционной школы экскурсоводов и представлял собой централизованную сеть экскурсионных станций, расположенных в г. Петрограде и ближайших к нему населенных пунктах.

Толчком к созданию подобной сети послужила постреволюционная обстановка в стране. Новое правительство пыталось воплотить в жизнь обещанное всенародное образование и тем самым укрепить свои позиции у власти. Но в связи с разрухой и затянувшейся войной не было возможности провести масштабную школьную реформу: не было программы, новых кадров и средств. Поэтому народный комиссар по просвещению А. В. Луначарский предпринял организацию внешкольного образования на базе хорошо зарекомендовавших себя курсов по программам учителей-фронтовиков. Для поддержки курсов он вместе со своим заместителем З. Г. Гринбергом создал в 1918 г. Институт природоведения в г. Петрограде. Тогда же профессор В. Ф. Мольденгауэр сформировал проект экскурсионных станций для городов Павловска, Сестрорецка и Шувалова с центральным управлением в Петрограде¹. Проект этот не воплотился в жизнь ввиду смерти В. Ф. Мольденгауэра. С другой стороны, проект был перспективен, и не хватало только участия в нем прави-

тельства — не было инициативы. В тот момент созданный Луначарским Институт природоведения не мог стать центральным органом управления целой сети экскурсионных пунктов, поэтому она и не планировалась.

В конце 1918 г. вновь востребованный проект В. Ф. Мольденгаузера осуществил Отдел единой трудовой школы Комиссариата народного просвещения. Такие перемены были связаны с активной деятельностью известного профессора университета И. И. Полянского, пересмотревшего и усовершенствовавшего разработку сети экскурсионных станций.

Под руководством Отдела единой трудовой школы в начале 1919 г. открылись первые экскурсионные станции. Они располагались в пригородах Петрограда (Павловске, Петергофе, Сестрорецке, Детском Селе и др.) и носили естественно-историческую направленность. Это было удобно по нескольким причинам. Близкое расстояние от столицы и доступность сообщения делали посещение станций недорогим и простым как для организаторов, так и для экскурсантов. Кроме того, учащиеся могли использовать особые льготы при передвижении в общественном транспорте и посещать станции чаще.

В изучении Карельского перешейка наиболее заметную роль с 1919 г. играла деятельность лахтинской экскурсионной станции. Станция была основана по распоряжению Комиссариата Народного Просвещения (Наркомпроса) и располагалась на северном берегу Невской губы, в девяти верстах к западу от Петрограда, у селения Лахта². Проект станции и заповедника при ней разрабатывался на заседаниях Коллегии по делам научных музеев, ведавшей вопросами охраны природы³. Над созданием проекта трудились академик И. П. Бородин, профессора В. Л. Комаров, В. Л. Бианки, Г. Г. Доппельмайр, А. П. и В. П. Семеновы-Тянь-Шанские, директор Зоологического музея А. А. Бялиницкий-Бируля⁴. Работа на станции носила естественно-историческую направленность. Район деятельности станции простирался вдоль низменного берега северного побережья Невской губы, где был развит ландшафт размытых моренных отложений и видны остатки береговых валов Древнебалтийского моря⁴. Интерес представляли также отложения горных пород на реках Поповке и Тызве⁶.

19 мая 1919 г. станция открылась. На ее открытии присутствовали член Экскурсионной Секции (от Наркомпроса) профессор Б. А. Федченко и заведующий Ольгинской школой К. Ю. Обштейн (от Сестрорецкого и Лахтинского Советов), было и местное население⁷. Возглавил станцию известный исследователь Арктики, профессор Павел Владимирович Виттенбург (1884–1964 гг.)⁸. На открытии станции он отметил, что главной ее задачей будет приведение в жизнь основных принципов единой трудовой школы, изложенных в декларации наркома А. В. Луначарского, т. е. ориентация на подобные школы Европы и Америки. Она заключалась в переработке материала, собранного во время экскурсий, с материалом, полученным путем систематических занятий в лабораториях⁹. Далее профессор отметил идеи И. И. Полянского и С. П. Кравкова как основополагающие для создания станции, которую решено было открыть после совместного заседания Экскурсионной секции* и Ольгинской школы¹⁰.

Станция разместилась в бывшем Охотничьем замке особняка графа А. В. Стенбок-Фермора. Замок содержал помещения для приема и ночлега экскурсантов, для кабинетов и лабораторий и для проживания большинства служащих. В вестибюле здания помещались экспонаты общего учебного значения, карта маршрутов и расписание программ отдельных экскурсий. В нижнем этаже находилась аудитория для разбора материала. Обедали экскурсанты в большой столовой, с выходом на террасу, откуда прямая аллея вела к морскому пляжу. Рядом со столовой имелись две комнаты для ночлега приезжающих: одна для девочек, другая для мальчиков. Там же находились помещения для технического персонала станции¹¹.

В 1919 г. с целью сбора, исследования и представления материала местной природы силами станции был организован Музей природы северного побережья Невской губы¹². Он помещался на втором этаже здания станции. В каждом отделе музея висели картины архитектора и художника-акварелиста Альберта Николаевича Бенуа (1852–1936). Была здесь и по-

* Экскурсионная секция была образована в феврале 1920 г. при Отделе единой трудовой школы для руководства экскурсионным делом в Петрограде и его окрестностях.

даренная им П. В. Виттенбургу картина «Северное побережье Невской губы», которая заменила украденный большевиками гобелен¹³. На лестнице был выставлен план района деятельности и расположения станции¹⁴. Рядом находилась диаграмма числа проведенных экскурсий, дополнявшаяся графиком посещаемости¹⁵. Станция располагалась вблизи морского берега, ее окружали парк и пруды, резко переходившие в обширные леса далеко на запад и северо-запад.

Главной своей задачей Лахтинская экскурсионная станция ставила проведение экскурсий для учащихся школ I и II ступени Петрограда и его окрестностей. В этом ей помогала Экскурсионная секция сектора социального воспитания Петрогубнаробраз в лице Златы Ионовны Либиной и коллеги единой трудовой школы в лице Веры Рудольфовны Менжинской¹⁶. Не обошлось без поддержки Комиссариата народного образования, который, в частности, выступил с ходатайством «об отпуске во временное пользование для нужд Лахтинской станции 2-х коров»¹⁷. В итоге станция оказалась в состоянии проводить разнообразные однодневные экскурсии, которые преобладали и в дальнейшем, хотя совершались и многодневные экскурсии, а также двух- и трехнедельные курсовые занятия по энтомологии и кружковые занятия по природоведению. Руководили экскурсиями зоологи В. А. Линдгольм и А. Н. Рейхард, ботаник Я. И. Паусон де Монсе¹⁸.

Им помогали многие видные ученые и педагоги. Летом 1919 г. академик С. Ф. Платонов прочитал для экскурсантов курс лекций по истории заселения северного побережья Невской губы и Лахты¹⁹. В деятельности станции активное участие принимали зоолог П. А. Вельтищев, краевед А. С. Олешко, геолог В. К. Лежоев и другие научные работники²⁰. В 1919 г. программу станции составил ряд летних (по ботанике и зоологии, по геологии, почвоведению и истории) и зимних экскурсий (по ботанике, зоологии и физической географии). Было разработано восемь пешеходных маршрутов²¹:

1) Северное побережье Невской губы, прибрежная зона и море, береговые валы, малое Завигонское болото. Протяженность — 8,48 км.

2) Малое Завигонское болото, Конная Лахта, Семь Лугов. Протяженность — 10,6 км.

3) Поселок Ольгино, река Юнтоловка. Протяженность — 5,3 км.

4) Лахтинское шоссе до 11-й версты, Семь Лугов. Протяженность — 6,36 км.

5) Северное побережье Невской губы, урочище Поляны, пруды 15-й версты, Завигонское болото. Протяженность — 8,48 км.

6) Северное побережье Невской губы, урочище Поляны, местность Дубки, пересечение береговых валов Древнебалтийского моря, направленных к полотну железной дороги. Протяженность — 10,6 км.

7) Поселок Ольгино, Конная Лахта, «Три липы», Петровский пруд. Протяженность — 6,36 км.

8) Северное побережье Невской губы, урочище Поляны, Дубки и прибрежная полоса до полотна железной дороги. Протяженность — 12,72 км²².

Экскурсии заказывались заранее с помощью специального отдела Экскурсионной секции. Группы экскурсантов прибывали на станцию по Приморской железной дороге или шли пешком. Занятия начинались в 9:30. Экскурсанты получали легкий завтрак (чай или кофе с хлебом и сахаром или конфетами), затем со своим руководителем отправлялись на экскурсию. По возвращении, около 15:00, дети купались в море и занимались до обеда подвижными играми на свежем воздухе или гуляли в парке или на пляже. В 16:00 обед. Потом вместе с руководителем подводили итоги проведенной экскурсии, разбирали собранный материал и демонстрировали его в музее²³. Там же они имели возможность осмотреть ряд оригинальных гравюр, изображавших работы по извлечению и доставке в Петербург «гром-камня»²⁴.

После осмотра музея детям выделялось свободное время до отправки на вокзал, затем они разъезжались по домам.

Кроме основных экскурсий, начиная с 1919 г. раз в неделю на станции проходили занятия по метеорологии под руководством П. А. Глембоцкого, а позднее Т. Л. Ефимовой. Метеорологическая станция располагалась на лужайке перед

зданием экскурсионной станции и состояла из двух будок высотой 59 см образца Главной Физической Обсерватории. Особое внимание на этих занятиях уделялось различным способам предсказания погоды. Полученные диаграммы вывешивались в Музее в отделе метеорологических наблюдений лахтинской экскурсионной станции²⁵.

Работа на станции с начала ее основания была сопряжена с рядом трудностей. К бытовым неурядицам прибавлялось подозрительное отношение к интеллигенции со стороны новой власти. 20 мая 1919 г. был арестован и направлен в Советский Совет обороны П. В. Виттенбург²⁶. Управление Главнауки сумело убедить следственную комиссию в лояльности ученого. Однако 26 июня 1919 г. по распоряжению Чрезвычайной комиссии по революционной охране Карельского участка последовал новый арест. В этот раз ходатайство об освобождении Виттенбурга подписал академик С. Ф. Ольденбург²⁷.

В 1919 г. пик посещаемости станции пришелся на июль. Тогда здесь побывало около 519 чел.²⁸ Всего в 1919 г. станция приняла 8566 экскурсантов²⁹. В их числе, кроме учащихся школ I и II ступеней, были преподаватели и слушатели отдела внешкольного образования, комсомола и частные лица. При этом станция использовала собственные учебные пособия, изготовленные в мастерской при Музее местной природы³⁰.

В 1920 г. состоялось первое годовое собрание, на котором присутствовал председатель Экскурсионной Секции Е. К. Замысловская и профессор Б. А. Федченко. Тогда же начались курсовые занятия по изучению насекомых, с особым уклоном в область огородной культуры. К концу 1920 г. на станции были организованы энтомологическая и зоологическая лаборатории, ботанический кабинет с помещением для разбора материала и библиотека³¹. Общее число посетивших в этом году Экскурсионную Станцию несколько снизилось и составило 7354 чел.³²

Зимой 1920–1921 гг. на станции велись систематические кружковые занятия по энтомологии с детьми Лахтинской и Охтинской трудовых колоний под руководством Э. Ф. Мироли, А. Н. Рейхарда и В. Л. Попова. Весной 1921 г. экскурсии с учащимися городских школ стали проводиться для групп из восьми человек³³. Это было связано с резким сокращением штата ра-

ботников станции. Снизилось и продовольственное обеспечение станции. С мая по октябрь 1921 г. экскурсанты лишены были «интернатского пайка» и получали лишь «чайное довольствие» без сахара. С октября они должны были привозить питание с собой. Подорожало и транспортное обеспечение экскурсантов — были отменены льготы на проезд в поездах Приморской железной дороги и трамваях³⁴.

В связи с этим летние занятия велись в 1921 г. с 29 июня до 15 августа³⁵. Тем не менее администрации станции удалось избежать каких-либо сдвигов в программе экскурсий. В 1921 г. станцию посетило 7018 экскурсантов³⁶, и окончательно утвердилась структура Музея местной природы. Он состоял из:

- 1) Зоологического отдела;
- 2) Ботанического отдела;
- 3) Болотного отдела;
- 4) Почвенного отдела;
- 5) Геологического отдела;
- 6) Археологического отдела;
- 7) Исторического отдела³⁷.

В 1920–1921 гг. в работе станции принимал участие профессор Д. Н. Кайгородов как преподаватель по зоологии и ботанике³⁸.

В 1922 г. лахтинская экскурсионная станция приняла 7186 чел. Из них 5960 экскурсантов были учащиеся школ, остальные 1126 чел. — отдельные посетители³⁹. В 1922 г. на пост заведующего станцией была назначена педагог с тридцатилетним стажем Наталья Серебренникова⁴⁰.

С весны по осень 1922 г. на станции под руководством О. П. Досмановой, Т. Л. Ефимовой, Н. Н. Карасевича и С. А. Сергеева проводились кружковые занятия по изучению местной природы. В основу занятий было положено изучение путем непосредственных наблюдений и опытов. В конце мая 1922 г. образовался кружок из учащихся II ступени из двадцати человек, вскоре увеличившийся до пятидесяти человек. В распоряжении юных натуралистов была большая светлая комната, в которой велись самостоятельные наблюдения над жизнью растений и животных. Все наблюдения заносились в дневники. Два раза в неделю учащиеся собирались и обсуждали под руководством

Н. Н. Карасевича свои записи, составляли рефераты и делали доклады. За лето были основательно изучены окрестности станции. Занятия закончились в первых числах сентября ввиду начала учебного года⁴¹.

В 1922 г. станция была отделена от Отдела народного образования в другое ведомство, вследствие чего необходимая финансовая помощь, исходившая от Отдела, прекратилась. Для сбора средств осенью 1922 г. станция провела два концерта и «Утро для маленьких», на которых выступили Т. Л. Щепкина-Куперник и К. И. Чуковский. Тогда же сорок работ А. Н. Бенуа были представлены на станционной выставке. Деньги приносила и продажа билетов в кинотеатре, открывшемся в помещении бывшего Охотничьего замка. На вырученные таким образом средства станция смогла провести необходимый ремонт в занимаемом ею помещении⁴².

Несмотря на бедственное положение, станция продолжала научную работу. На Областной сельскохозяйственной выставке 1922 г. часть ее музейных экспонатов была отмечена двумя высшими наградами (почетными дипломами)⁴³. В 1923 г. силами станции был издан коллективный труд «Северное побережье Невской губы в свете естествознания и истории», который привлек внимание научной общественности⁴⁴.

В конце 1920-гг. персонал станции насчитывал пять человек под руководством П. В. Виттенбурга. Наряду с работой на Лахтинской экскурсионной станции П. В. Виттенбург с разрешения Отдела народного образования открыл в Ольгино среднюю трудовую школу с политехническим уклоном. При этом он продолжал участвовать в арктических экспедициях, читал лекции в Университете и заведовал Полярным отделом в Геологическом музее Академии наук. Ввиду своей активной деятельности Виттенбург был арестован в 1930 г. Ранее, в декабре 1929 г., в Ленинграде на конференции работников культуры лахтинской экскурсионной станции было дано предписание о необходимости изучения экономики края в связи с классовой структурой населения его, изучение форм классовой борьбы в городе и в деревне, изучение различных пережитков буржуазного прошлого, отражение в музее победоносного шествия пролетарской революции...»⁴⁵

После ареста П.В. Виттенбурга началось систематическое расформирование станции, вывоз коллекций Музея местной природы. Некоторые из его экспонатов были переданы в Сельскохозяйственный музей в Детском Селе. Археологическая коллекция переместилась в отдел первобытного искусства Эрмитажа. Судьба многих экспонатов неизвестна до сих пор. В 1932 г. Лахтинская экскурсионная станция и музей при ней прекратили свое существование⁴⁶.

¹ Полянский И.И. Опыт новой организации экскурсионного дела в школах. Экскурсионная Секция и экскурсионные станции // Экскурсионное дело. № 1. Пг., 1921. С. 3.

² Виттенбург П.В. Лахтинская Экскурсионная Станция и Музей Природы Северного побережья Невской губы // Экскурсионное дело. № 4–6. Пг., 1923. С. 228.

³ Богданов И.А. Лахта. Ольгино. Лисий Нос. СПб., 2005. С. 59.

⁴ Там же.

⁵ Виттенбург П.В. Лахтинская Экскурсионная Станция и Музей Природы Северного побережья Невской губы... С. 224.

⁶ Полянский И.И. Опыт новой организации экскурсионного дела в школах. Экскурсионная Секция и экскурсионные станции... С. 8.

⁷ Виттенбург П.В. Указ. соч. С. 229.

⁸ Богданов И.А. Указ. соч. С. 61.

⁹ Виттенбург П.В. Указ. соч. С. 229.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 231.

¹² Там же. С. 229.

¹³ Богданов И.А. Указ. соч. С. 65

¹⁴ Виттенбург П.В. Указ. соч. С. 231.

¹⁵ Там же. С. 232.

¹⁶ Богданов И.А. Указ. соч. С. 65.

¹⁷ Там же. С. 66.

¹⁸ Полянский И.И. Указ. соч. С. 8.

¹⁹ Богданов И.А. Указ. соч. С. 67.

²⁰ Там же. С. 68.

²¹ См. Приложение № 1.

²² Виттенбург П.В. Указ. соч. С. 235–236.

²³ Там же. С. 232.

²⁴ Там же. С. 247.

²⁵ Там же. С. 240.

²⁶ Михайлов Н. В. Лахта: Пять веков истории. 1500–2000: Исторический очерк, документы, воспоминания, каталог. М., 2001. С. 143.

²⁷ Там же.

²⁸ Виттенбург П. В. Указ. соч. С. 232.

²⁹ Там же. С. 233.

³⁰ Полянский И. И. Указ. соч. С. 8.

³¹ Виттенбург П. В. Указ. соч. С. 229.

³² Там же. С. 233.

³³ Там же. С. 239.

³⁴ Богданов И. А. Указ. соч. С. 66.

³⁵ Виттенбург П. В. Указ. соч. С. 239.

³⁶ Там же. С. 233.

³⁷ Там же. С. 230.

³⁸ Богданов И. А. Указ. соч. С. 67.

³⁹ Виттенбург П. В. Деятельность Лахтинской Экскурсионной Станции летом 1922 года // Экскурсионное дело. № 4–6. Пг., 1923. С. 267.

⁴⁰ Богданов И. А. Указ. соч. С. 68.

⁴¹ Виттенбург П. В. Лахтинская Экскурсионная Станция и Музей Природы Северного побережья Невской губы... С. 240.

⁴² Богданов И. А. Указ. соч. С. 70.

⁴³ Виттенбург П. В. Деятельность Лахтинской Экскурсионной Станции летом 1922 года... С. 267.

⁴⁴ Богданов И. А. Указ. соч. С. 68.

⁴⁵ Там же. С. 71.

⁴⁶ Там же.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Базарова Т. А., канд. ист. наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Барышников В. Н., д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Барышников Н. И., д-р ист. наук, профессор Северо-Западной академии государственной службы

Богков Е. А., д-р ист. наук, доцент Военной академии тыла и транспорта им. Генерала армии А. В. Хрулёва

Васильева М. В., Государственный Русский музей

Возгрин В. Е., д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Вуориярви Э., военно-научное общество Финляндии

Гаврилов С. В., канд. ист. наук, доцент Военной академии тыла и транспорта им. Генерала армии А. В. Хрулёва

Геуст Б., музей «Diakonissalaitos»

Геуст К.-Ф., д-р наук, музей авиации Финляндии

Дубровская Е. Ю., канд. ист. наук, Карельский научный центр РАН

Жаров Б. С., канд. фил. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Жуков С. А., Военная академия тыла и транспорта им. генерала армии А. В. Хрулёва

Журавлёв Д. А., канд. ист. наук, Военно-медицинский музей Санкт-Петербурга

Зернов Н. Б., Санкт-Петербургский государственный университет

Ивлева С. Е., Государственный Русский музей

Карпова Е. В., Государственный Русский музей

Кент Н., д-р наук, профессор университета Кембридж

Кириленко И. В., дизайнер

Киселёва Т. В., канд. ист. наук, Государственный музей истории религии

Ковалёв С. Н., канд. ист. наук, Институт военной истории МО РФ

Косилов С. В. Санкт-Петербургский государственный университет

Крипатова Ю. И., Санкт-Петербургский государственный университет

Кривдина О. А., канд. искусствоведения, Государственный Русский музей

Кривошеев Ю. В., д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Кротов П. А., д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Макуров В. Г., канд. ист. наук, Карельский научный центр РАН

Мусаев В. И., д-р ист. наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Петров П. В., канд. ист. наук, Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

Славнитский Н. Р., канд. ист. наук, музей истории Санкт-Петербурга

Смолин А. В., д-р ист. наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. Герцена

Таубе А., профессор университета Уппсала

Терюков А. И., канд. ист. наук, Музей антропологии и этнографии РАН

Трубникова Д. Б., Санкт-Петербургский государственный университет

Фокин В. И., д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета,

Фруменкова Т. Г., канд. ист. наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Шкваров А. Г., канд. ист. наук, директор издательств «Русская военная энциклопедия»

Шрадер Т. А., канд. ист. наук, Музей антропологии и этнографии РАН

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Bazarova T.A., candidate of historical science, Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science

Baryshnikov V.N., PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University

Baryshnikov N.I., PhD in History, professor of North-Western Academy of State Service

Botchkov E.A., PhD in History, Assistant professor of Military Academy of rear and transport named after army General A. V. Khruleyv

Vasilieva M. V., the State Russian Museum

Vozgrin V.E., PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University

Vuoriyarvi E., military-scientific society of Finland

Gavrilov S.V., candidate of historical science, Military Academy of rear and transport named after army General A. V. Khruleyv

Geust B., museum “Diakonissalaitos”

Geust K.-F., PhD., museum of Aviation in Finland

Dubrovskaya E. Y., candidate of historical science, Karelian scientific centre of Russian Academy of Science

Zharov B.S., candidate of philological science, professor of Saint-Petersburg State University

Zhukov S.A., Military Academy of rear and transport named after army General A. V. Khruleyv

Zhuravlyov D. A., candidate of historical science, Saint-Petersburg Military-Medical museum

Zernov N.B., Saint-Petersburg State University

Ivleva S. E., the State Russian Museum
Karpova E. V., the State Russian Museum
Kent N., PhD., professor of Cambridge University
Kirilenko T. V., a designer
Kiselyova T. V., candidate of historical science, State museum of History of Religion
Kovaliyv S. N., candidate of historical science, Institute of Military history Ministry of Defense of Russian Federation
Kosilov S. V., Saint-Petersburg State University
Kripatova Y. I., Saint-Petersburg State University
Krivdina O. A., candidate of historical science, the State Russian Museum
Krivosheev Y. V., PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University
Krotov P. A., PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University
Makurov V. G., candidate of historical science, Karelian scientific centre of Russian Academy of Science
Musaev V. I., PhD in History, Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science
Petrov P. V., candidate of historical science, the Central State archive of historical-political documents of Saint-Petersburg
Rayasanzeva N. B., candidate of historical science, Assistant professor of Saint-Petersburg State University
Slavitskiy N. R., candidate of historical science, Museum of history of Saint-Petersburg
Smolin A. V., PhD in History, professor of Russian State pedagogical university named after Gertzen
Taube A., professor of Uppsala University
Teryukov A. I., candidate of historical science, Museum of anthropology and ethnography of Russian Academy of Science
Trubnikov D. B., Saint-Petersburg State University
Fokin V. I., PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University
Frumenkova T. G., candidate of historical science, Assistant professor of Russian State pedagogical university named after Gertzen
Shkvarov A. G., candidate of historical science, chief editor of publishing house "Russian Military encyclopedia
Shrader T. A., candidate of historical science, Museum of anthropology and ethnography of Russian Academy of Science

**СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В VI–X СБОРНИКАХ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ»
(2005–2009 гг.)**

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

Барышников В. Н. О судьбе финского населения на занятой советскими войсками территории Финляндии в 1939–1940 гг. (2007 г.)

Барышников В. Н. Роль Э. Эркко в окончании советско-финляндской войны 1939–1940 гг. (По материалам архива Министерства иностранных дел Финляндии) (2005 г.)

Барышников Н. И. Известный финляндский общественный деятель и литератор Армас Эйкия в блокадном Ленинграде в 1941–1944 гг. (2007 г.)

Васильева М. Н. Творчество в Финляндии художника-керамиста М. Н. Шилкина. (2008 г.)

Воеводский И. Э., Лукосяк Ю. П., Мазур Т. П., Силатьева Н. А, Шрадер Т. А. Норвежцы в Санкт-Петербурге (XVIII – начало XIX в.) (2008 г.)

Вуориярви Э. Из истории одного из финских поселений на берегу Ледовитого океана (2009 г.)

Геуст К.-Ф. К вопросу о потерях советской авиации в боях с Финляндией и показаниях пленных летчиков в годы Второй мировой войны (2009 г.)

Демидов В. И., Кутузов В. А. А. А. Жданов и советско-финляндская война 1939–1940 гг. (2007 г.)

Демидов В. И., Кутузов В. А. Председатель СКК в Финляндии А. А. Жданов по воспоминаниям ее сотрудника (2008 г.)

Дубровская Е. Ю. Карельско-финляндское приграничье в исторической памяти населения Карелии (по материалам периодики начала XX в.) (2009 г.)

Журавлев Д. А. Эпизоды боя в «Долине смерти» глазами медиков (2009 г.)

Кент Н. Карл Людвиг Энгель и архитектура имперского Хельсинки (2008 г.)

Ковалевский А. В. Генерал-губернатор Платон Рокасовский в Финляндии (2005 г.)

Кораблева М. Д. Григ и Чайковский как выразители «народного духа» в музыке (2008 г.)

Кутузов В. А., Демидов В. И. А. А. Жданов и советско-финляндская война 1939–1940 гг. (2007 г.)

Кутузов В. А., Демидов В. И. Председатель СКК в Финляндии А. А. Жданов по воспоминаниям ее сотрудника (2008 г.)

Лукосяк Ю. П., Воеводский И. Э., Мазур Т. П., Силатьева Н. А., Шрадер Т. А. Норвежцы в Санкт-Петербурге (XVIII — начало XIX в.) (2008 г.)

Мазур Т. П. Вице-адмирал К. Крюйс в морских кампаниях 1712 и 1713 гг. и суд над ним (2005 г.)

Мазур Т. П., Воеводский И. Э., Лукосяк Ю. П., Силатьева Н. А., Шрадер Т. А. Норвежцы в Санкт-Петербурге (XVIII — начало XIX в.) (2008 г.)

Митюрин Д. А. Военная и дипломатическая деятельность П. К. Сухтелена в Финляндии и Швеции (2006 г.)

Митюрин Д. А. Джеймс Кейт в качестве Генерал-губернатора Финляндии (2008 г.)

Мусаев В. И. Финляндская независимость и «дерусификация» Финляндии (2009 г.)

Мусаев В. И. Константин Арабажин в Санкт-Петербурге и Финляндии (2005 г.)

Омишина А. С. Финский сибиряк художник Тойво Васильевич Ряннель (2007 г.)

Плохова К. С. «Тринадцать дней, или Финляндия»: русский аристократ П. Г. Гагарин о Финляндии (1809) (2008 г.)

Силатьева Н. А., Воеводский И. Э., Лукосяк Ю. П., Мазур Т. П., Шрадер Т. А. Норвежцы в Санкт-Петербурге (XVIII — начало XIX в.) (2008 г.)

Смирнова Т. М. Деятельность финского издательства «Кирья» в Ленинграде (2005 г.)

Смирнова Т. М. Кадры финской советской печати Петрограда-Ленинграда (2006 г.)

Смолин А. В. Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А. И. Непенина (2007 г.)

Смолин А. В. Русское дипломатическое представительство в Швеции и белые правительства России (2006 г.)

Суворова Л. В. Финский художник Юхо Риссанен в Петербурге (2008 г.)

Таубе А. Род Таубе сквозь века и события Скандинавии, Прибалтики и России (2009 г.)

Терюков А. И. Адмирал Этолин — правитель русской Америки. История финна в российском флоте (2007 г.)

Терюков А. А. Эрик Густав (Кирилл Густавович) Лаксман: судьба финна в России. (2006 г.)

Тетеревлева Т. П. Страны Северной Европы глазами русских послереволюционных эмигрантов (2006 г.)

Трубникова Д. Б. «Культурное гнездо» на Карельском перешейке в начале XX в. (2009 г.)

Шрадер Т. А., Воеводский И. Э., Лукосяк Ю. П., Мазур Т. П., Силатьева Н. А. Норвежцы в Санкт-Петербурге (XVIII — начало XIX в.) (2008 г.)

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Андреева Е. А. Местное население и гарнизоны шведской Ингерманландии и Карелии и строительство Петербурга (в 1703–1710 гг.) (2007 г.)

Базарова Т. А. Новгородские крестьяне на городском строительстве в Ингерманландии в 1702–1703 гг. (2008 г.)

Базарова Т. А. Сбор сведений о неприятеле русской и шведской армиями во время военных действий в Приневье (нач. XVIII в.) (2006 г.)

Барышников В. Н. «Кратковременная оттепель» или перспективная программа сотрудничества? (к итогам визита министра иностранных дел Финляндии в СССР в 1937 г.) (2007 г.)

Барышников В. Н. План «петсамской операции» 1940 г. западных союзников по материалам Архива Министерства иностранных дел Финляндии (2009 г.)

Барышников Н. И. Историческое значение перехода Финляндии от первой ко второй республике (2008 г.)

Барышников Н. И. Судьба Ленинграда на карте финляндского руководства (1941–1942 гг.) (2007 г.)

Богков Е. А. Транспортное обеспечение Красной Армии в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. (2009 г.)

Возгрин В. Е. Скандинавия и Австрия в политике Екатерины I (2006 г.).
Вуорисярви Э. Петсамо 1940–1941 гг.: нужен ли был России никель в действительности? (2007 г.)

Гаврилов С. В. Интендантское снабжение русской армии в Финляндии в период войны 1808–1809 гг. (2009 г.)

Геуст К.-Ф. Финские разведывательные аэрофотосъемки до «зимней войны» (2007 г.)

Геуст К.-Ф. Международная помощь финским военно-воздушным силам во время Зимней войны (2006 г.)

Геуст К.-Ф. Налеты советской дальней авиации на Хельсинки с февраля 1944 г. (2008 г.)

Дмитриев А. П. Каякисалми (Кексгольм) в 1941–1944 гг. (2006 г.)

Жуков А. Ю. Предыстория Петрозаводска: уникальные особенности территории. XII–XVII вв. (2008 г.)

Жуков С. А. Об оценке работы тыла советских войск в период «зимней войны» 1939–1940 гг. (2009 г.)

Журавлев Д. А. Взаимодействие гражданских и военных органов при создании системы медицинской помощи в Ленинграде во время советско-финляндской войны (2005 г.)

Журавлев Д. А. Обобщение опыта медицинского обеспечения Красной Армии в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. (2007 г.)

Журавлёв Д. А. Медицинские работники Ленинграда в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. (2009 г.)

Журавлев Д. А. Настроения военнослужащих и гражданского населения в период советско-финляндской войны 1939–1940 (по материалам Политического управления КБФ) (2008 г.)

Катцова М. А. К вопросу о т. н. «русской военной опасности» для Швеции накануне и в начале Первой мировой войны (2007 г.)

Кораблев Н. А. Предпринимательская деятельность выходцев из Финляндии в Олонецкой Карелии (вторая половина XIX– начало XX в.) (2008 г.)

Котакаллио Ю. Сотрудничество финских и английских спецслужб в 1918–1920 гг. (2008 г.)

Кротов П. А. «Наступающая крепость» Петра I в битве под Полтавой (к изучению инженерно-фортификационного обеспечения батареи) (2005 г.)

Кротов П. А. Рекрутский набор финнов в русскую армию в конце Северной войны (1720) (2007 г.)

Макуров В. Г. Перестройка жизни Карелии на военный лад в 1941 г. (2008 г.)

- Макуров В. Г.* Петрозаводск в оккупации 1941–1944 гг. (2007 г.)
- Макуров В. Г.* Карелия в период позиционной войны 1942–1943 гг. (2009 г.)
- Макуров В. Г.* Основные этапы и особенности Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Карелии (2006 г.)
- Макуров В. Г.* Советы Карело-Финской ССР накануне Великой Отечественной войны (2005 г.)
- Митюрин Д. В.* «Дело маузеристов»: попытка реконструкции (2005 г.).
- Мусаев В. И.* Финляндское речное пароходство в Санкт-Петербурге (2009 г.)
- Новикова И. Н.* О побегах немецких и австрийских военнопленных через Финляндию в годы Первой мировой войны (2007 г.)
- Пересадило Р. В.* Российско-норвежские экономические отношения на Русском Севере (конец XVIII — начало XX в.) (2005 г.)
- Пулькин М. В.* Карелия в русско-шведских войнах XVIII в. (2005 г.)
- Репневский А. В.* «Зимняя война» в политике Норвегии (2005 г.)
- Садова Л. В.* Российская Империя и расторжение шведско-норвежской унии в 1905 г. (2007 г.)
- Селин А. А.* Об идее строительства города в Невском устье в начале XVII века (2008 г.)
- Славитский Н. Р.* Обеспечение безопасности Санкт-Петербурга со стороны Финляндии: укрепления Выборга и Кексгольма в годы Северной войны (2009 г.)
- Степаков В. Н.* Освоение Карельского перешейка Советским Союзом в 1940-е — пер. пол. 1950-х гг. (2007 г.)
- Строгов Д. И.* Пути решения финляндского вопроса в правовомонархических салонах Петербурга-Петрограда (2006 г.)
- Тамми Э.* Почему Выборг не собирались удержать в 1944 году (2008 г.)
- Федоров И. А.* Боевые действия Германии в Скандинавии и политика Швеции (март-июнь 1940 гг.) (2006 г.)
- Фишер А. Е.* Политика Наполеона и русско-шведская война 1808–1809 гг. (2007 г.)
- Фокин В. И.* Отражение событий Северной войны в общественном сознании скандинавских стран в 20–30-е гг. XX в. (2008 г.)
- Фридкин В. Н.* Сотрудничество СССР и Финляндии в сфере безопасности в 1948–1991 гг. (2006 г.)
- Фруменкова Т. Г.* Финляндия и Северо-Запад России в планах эвакуации петербургских заведений Мариинского ведомства в 1812 г. (2006 г.)

Цамутали А. Н. Русские офицеры о совместных манёврах русских и финляндских войск (1863, 1888 гг.) (2007 г.)

Шкваров А. Г. О проблеме «геноцида и военных преступлений» казачества на территории прибалтийских провинций Швеции в ходе русско-шведских войн XVIII–XIX вв. (2009 г.)

Шрадер Т. А. Беженцы Выборгской губернии в конце XVIII века (2007 г.)

Шрадер Т. А. Северный поход адмирала 1870 г. и его значение для севера России (2005 г.)

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Базарова Т. А. Крепость Кроншлот на шведских разведывательных планах начала XVIII в. (2005 г.)

Дубровская Е. Ю. Моряки Балтийского флота о Петрограде 1917 г. (2006 г.)

Ковалёв С. Н. Страны Балтии и коллективная безопасность накануне Второй мировой войны (2009 г.)

Ковалевский А. В. Эхо Крымской войны в финских шхерах (2006 г.)

Кротов П. А. Гангутское сражение 27 июля 1714 г. в новейших исследованиях: новые сведения и перспективы изучения (2006 г.)

Кротов П. А. Феномен российского флота на Балтике при Петре Великом (2008 г.)

Кротов П. А. Шведы против шведов: служба шведов во флоте Петра Великого (2009 г.)

Лукошков А. В. Исторические памятники российско-европейских связей XVIII–XX веков на дне Финского залива (2005 г.)

Образцов В. Н. Поход русского флота по морям Северной Европы в 1769 г. (2008 г.)

Партала М. А. Радиоразведка балтийского флота в Первую мировую войну (к истории создания) (2005 г.)

Партала М. А. Радиостанции особого назначения на мысе Шпитгамн и ее место в истории радиоразведки Балтийского флота (1915–1917) (2006 г.)

Петров П. В. К вопросу о безопасности Ленинграда с моря в 1939–1941 гг. (2009 г.)

Петров П. В. Оперативно-тактические игры КБФ в конце 1930-х гг. (Итоги и уроки) (2005 г.)

Петров П. В. Советский Балтийский флот и события в Прибалтике в июне 1940 г. (2006 г.)

Подсобляев Е. Ф. Развитие планов морской обороны Санкт-Петербурга накануне Первой мировой войны (2006 г.)

Попов Ю. М. Некоторые аспекты взаимоотношений России и Швеции и взаимодействие военно-морских сил этих стран во время Семилетней войны (2006 г.)

Попов Ю. М. Русский флот в первую кампанию Семилетней войны (сотрудничество и противостояние) (2005 г.)

Попов Ю. М. О пребывании в 1757 г. эскадры адмирала З. Д. Мишукова в Швеции (2008 г.)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

Бажанов Д. А. Жизнь в столице Великого княжества Финляндского го (по материалам «Финской газеты» 1914–1916 гг.) (2008 г.)

Базарова Т. А. Шведские картографические источники по истории военных действий в окрестностях Петербурга и Кроншлота 1703–1708 гг.: По материалам Государственного и Военного архивов Швеции (Стокгольм) (2007 г.)

Базарова Т. А. Русские письма в Государственном архиве Швеции из перехваченных неприятелем пакетов в начале Северной войны (2009 г.)

Барышников В. Н. Протоколы Государственного совета Финляндии 1939–1940 гг., как источник по изучению проблемы окончания «зимней войны» (2006 г.)

Барышников В. Н. Рождение замысла финского руководства о возвращении утраченных территорий Карельского перешейка после «зимней войны» (2009 г.)

Барышников В. Н. Секретная переписка Министерства иностранных дел Финляндии с дипломатическим представительством в Москве (октябрь–ноябрь 1939 г.) как источник по изучению проблем кануна «зимней войны» (2008 г.)

Барышников Н. И. Президенты Финляндии Ю. К. Паасикиви и У. К. Кекконен об оценке проблемы безопасности Ленинграда (2005 г.)

Барышников Н. И. К 90-летию гражданской войны в Финляндии (2009 г.)

Барышников Н. И. Феномен фальши: «победа в противостоянии». Финская историография о завершающихся боях лета 1944 г. с советскими войсками (2006 г.)

Бекман Й. Психологический аспект участия Финляндии в войне в 1941–1944 гг. в работах финских историков, литераторов и публицистов (2007 г.)

Бельский С. А. Новые находки средневековой древности на Карельском перешейке (2006 г.)

Возгрин В. Е. Морские журналы Н. А. Синявина и Ф. М. Апраксина как источник по истории Северной войны (2008 г.)

Возгрин В. Е. Национальная политика в Петербурге 1730-х гг. в записках датского пастора П. Хавена (2007 г.)

Возгрин В. Е. Проблема геноцида в российской скандинавской историографии Северной войны (2005 г.)

Возгрин В. Е. Историографическая драма — датские историки до и после национальной катастрофы 1864 г. (2009 г.)

Высокотков Л. В. Император Николай I о Финляндии и о финнах (2007 г.)

Дубровская Е. Ю. Гражданская война и иностранная интервенция на Русском Севере в памяти населения Карелии (1920–1930-е гг.) (2008 г.)

Журавлев Д. А. История болезни финских военнопленных в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. как исторический источник (2006 г.)

Зернов Н. Б. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в начале 20-х годов XX в. по дипломатическим документам СССР (2009 г.)

Ивлева С. Е. Прибалтика и Финляндия в журнале «Иллюстрация» в 1847–1848 годах (2008 г.)

Ивлева С. Е. Страны Скандинавии в иллюстрированном журнале «Живописная русская библиотека» 1856–1859 гг. (2009 г.)

Киселёва Т. В. Первый научный труд А. И. Шёгрена «О финском языке и финской литературе» (2009 г.)

Косов Ю. В. Проблемы изучения трансграничных регионов Северо-Запада России (2005 г.)

Кривдина О. А. Архив семьи Клодтов фон Юргенсбург в Государственном Русском музее. Биография генерал-майора Карла Федоровича Клодта (1765–1822) (2005 г.)

Кривдина О. А. Сюжет «Полтавская баталия» в русском искусстве второй половины XVIII в. (2009 г.)

Кривдина О. А. Сюжет «Полтавская баталия» в русском искусстве первой половины XVIII в. (2008 г.)

Кутузов А. В. Советская печать о Финляндии 1941–1942 гг.: создание образа врага (2007 г.)

Лазарев А. В. Ленинградское радио в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. (2005 г.)

Марьевский М. Б. Датская пресса о советско-финской войне 1939–1940 гг. (2005 г.)

Мусаев В. И. Миграционные контакты между Петербургской и Выборгской губерниями (XIX — начало XX века) (2006 г.)

Новикова И. Н. Донесения военных агентов как источник для изучения российско-скандинавских отношений периода Первой мировой войны (2005 г.)

Новикова И. Н. Торгово-промышленная газета «Скандинавский листок» как источник для изучения российско-шведских отношений периода Первой мировой войны (2008 г.)

Смолин А. В. «Первая советско-финская война 1918–1920 гг.» историографический миф или реальность? (2009 г.)

Трошева Н. В. История мемориала «Свирская Победа» (2006 г.)

Усыскин Г. С. Терийоки 1944 года, глазами очевидцев (2006 г.)

Федоров М. В. Созыв Международной социалистической конференции в Стокгольме и «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» (март-май 1917 г.) (2006 г.)

Фишер А. Е. К вопросу об особенностях исследования партизанского движения в Финляндии в период русско-шведской войны 1808–1809 годов на примере российской историографии XIX–XX вв. (2006 г.)

Фокин В. И. Современные проблемы межцивилизационного взаимодействия на примере Скандинавских стран (2009 г.)

Фокина В. В. Стратегия и концепции региональной интеграции стран Северной Европы (2007 г.)

Халипов С. Г. Что значит Клязьма? (2007 г.)

Халипов С. Г. Финский субстрат в географических названиях Санкт-Петербурга (2006 г.)

Цоффка В. В. Финляндские страницы в путевом очерке Е. Л. Маркова (1835–1903) «По Швеции» (2007 г.)

Цоффка В. В. Российский литературовед Эйно Генрихович Карху как ученый-пушкинист (2005 г.)

Шрадер Т. А. Публикации императорской Академии наук как источник о русско-шведских войнах середины и второй половины XVIII в. (2006 г.)

Шрадер Т. А. Швеция и Норвегия в периодической печати Санкт-Петербурга (вторая половина XIX века) (2009 г.)

Яковлев О. А. Периодические издания о Финляндии в Санкт-Петербурге (1845–1910 гг.) (2005 г.)

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Андреева Е. А. Василеостровская резиденция А. Д. Меншикова — первые петербургские «дворцы бракосочетания» (по свидетельствам скандинавских источников) (2005 г.)

Балашов Е. А. Русский дачный поселок Келломяки (2005 г.)

Бурков В. Г. К истории государственных символов Дании (2007 г.)

Бурков В. Г. К истории геральдики и вексиллологии Великого княжества Финляндского (2006 г.)

Бурков В. Г. К истории государственных символов Швеции (2008 г.)

Бурков В. Г. Шведская геральдика Петербурга и населенных пунктов Ленинградской области (2005 г.)

Вавулинская Л. И. Контакты Петрозаводска и Варкауса в рамках международного движения городов-побратимов. 1960–1990-е гг. (2008 г.)

Васильева М. В. Из истории финской керамической фирмы «Арабия» (2009 г.)

Геуст Б. К двухсотлетию юбилею Авроры Карамзиной — благотворительницы в Финляндии и России (2009 г.)

Жарковская О. А. Конные монументы в странах Скандинавии: исторический образ, 2006 г.

Жаров Б. С. О роли изучения скандинавистики в университетах России (2009 г.)

Жуков А. Ю. Погост и приход — основы административного деления Северной России (на примере Карелии. XIII–XVI вв.) (2007 г.)

Иванов М. В. Финский Евангелическо-лютеранский приход Святой Марии в Петербурге (2005 г.)

Ивлева С. Е. Виды стран Северной Европы на страницах русских иллюстрированных журналов 30–50-х годов XIX века («Живописное обозрение», «Живописный сборник») (2005 г.)

Ивлева С. Е. Страны Скандинавии в русских иллюстрированных изданиях из собрания Николая Соловьева (2006 г.)

Ивлева С. Е. Эстляндия и Финляндия на страницах журнала «Иллюстрация» в 1845 г. К истории иллюстрированных изданий 1840-х гг. (2007 г.)

Карпова Е. В. К истории создания статуи Екатерины II шведским скульптором Э.-Г. Гёте (1779–1838 гг.) (2009 г.)

Кент Н. Влияние итальянской культуры в Скандинавии в XVIII в. (2009 г.)

Кириленко И. В., Пааскари Т. В. Национальные особенности дизайна изделий из стекла и керамики в Швеции и Финляндии (2007 г.)

Кириленко И. В., Пааскари Т. В. Норвежский импрессионизм в творчестве художника Франца Таулова (2009 г.)

Кириленко И. В., Папаскири Т. В. Норвежский художник Эдвард Мунк (2006 г.)

Косилов С. В. Деятельность Лахтинской экскурсионной станции по изучению Карельского перешейка в 1919–1932 гг. (2009 г.)

Кривдина О. А. Несколько портретов к иконографии императрицы Марии Федоровны (1847–1928) (2007 г.)

Кривдина О. А. Выставка «Сергель и европейская терракота» в Национальном музее Стокгольма (2004) (2006 г.)

Кривошеев Ю. В. Программа «Север Карельского перешейка в послевоенное время»: первые результаты (2009 г.)

Крипатова Ю. И. Православные приходы Выборгской губернии в составе Великого Княжества Финляндского (2009 г.)

Мусаев В. И. Карельский перешеек как центр русской культурной и духовной жизни в Финляндии (2009 г.)

Пааскари Т. В., Кириленко И. В. Национальные особенности дизайна изделий из стекла и керамики в Швеции и Финляндии (2007 г.)

Пааскари Т. В., Кириленко И. В. Норвежский импрессионизм в творчестве художника Франца Таулова (2009 г.)

Папаскири Т. В., Кириленко И. В. Норвежский художник Эдвард Мунк (2006 г.)

Плохова К. С. Взаимопроникновение русского и финского населения в первой четверти XIX в.: основные этапы (2007 г.)

Пулькин М. В. Старообрядческие поселения в Финляндии: система внешних связей во второй половине XIX–начале XX в. (2006 г.)

Рязанцева Н. Б., Фокин В. И. Участие скандинавских стран в международном гуманитарном сотрудничестве в период между двумя мировыми войнами (2008 г.)

Рязанцева Н. Б., Фокин В. И. Участие скандинавских стран в международном гуманитарном сотрудничестве в период между двумя мировыми войнами (2008 г.)

Усыскин Г. С. Усадьба «Ваза» в Куоккола как исторический памятник (2005 г.)

Фокин А. И. Ленинград — центр международных арктических исследований в 1920–1930-е гг. (2006 г.)

Фокин В. И. Образ Петербурга в духовной жизни стран северной Европы в 1920–1930-е гг. (2005 г.)

Фокин В. И., Рязанцева Н. Б. Участие скандинавских стран в международном гуманитарном сотрудничестве в период между двумя мировыми войнами (2008 г.)

Фруменкова Т. Г. Финляндский округ Петербургского воспитательного дома во второй четверти XIX в. (2009 г.)

Халипов С. Г., Цоффка В. В. О гидронимах Костромского края (2008 г.)

Хамфельд А. История и современность: развитие сотрудничества между университетом Упсала и Россией (2005 г.)

Харгенко Л. И. Финны и русские глазами друг друга (2005 г.)

Харгенкова Л. И. Сопоставительный анализ цветовой символики России и Финляндии (2007 г.)

Цоффка В. В., Халипов С. Г. О гидронимах Костромского края (2008 г.)

**ARTICLES PUBLISHED IN VI–X VOLUMES
“SAINT PETERSBURG AND NORTHERN EUROPEAN
COUNTRIES” (2005—2009)**

PEOPLE AND EVENTS
THROUGH THE PRISM OF HISTORY

Baryshnikov V.N. About Finnish population fate on Finnish territory occupied by Soviet Army in 1939–1940 (2007)

Baryshnikov V.N. The role of E. Erko in finishing Soviet-Finnish war 1939–1940 (on the materials of the Archive of Finnish Ministry of Foreign Affairs) (2005)

Baryshnikov V.N. Famous Finnish public benefactor and man of letters Armas Eikiia in besieged Leningrad in 1941–1944.

Vasilieva M.N. Creative work of artist-ceramist M. N. Shilkin in Finland (2008)

Voevodskiy I.E., Lukosyay Y.P., Mazur T.P., Silatieva N.A., Shrader T.A. Norwegians in Saint-Petersburg (XVIII-beginning of XIX centuries) (2008)

Vuoriyarvi E. Some facts about one of the Finnish settlements on the Arctic Ocean shore (2009)

Geust K.-F. On the question of Soviet Air Force loss in battles with Finland and evidence of captive pilots during the World War II (2009)

Demidov V.I., Kutuzov V.A. A. A. Zhdanov and Soviet-Finnish war 1939–1940 (2007)

Demidov V.I., Kutuzov V.A. The Chairman of SCC in Finland A. A. Zhdanov in memories of its employee (2008)

Dubrovskaya E. Y. Karelian-Finnish border zone in historical memories of Karelian population (based on periodic materials of the beginning of the XX century) (2009)

Zuravlev D. A. Fighting episodes in “Death Valley” in medicals’ view.

Kent N. Karl Ludwig Engel’ and imperial Helsinki architecture (2008)

Kovalevskiy A. V. Governor-general Plato Rokasovskiy in Finland (2005)

Korableva M.D. Grieg and Tchaikovsky as mouthpiece of “folk spirit” in music (2008)

Kutuzov V.A., Demidov V.I. A.A. Zhdanov and Soviet-Finnish war 1939–1940 (2007)

Kutuzov V.A., Demidov V.I. The Chairman of SCC in Finland A. A. Zhdanov in memories of its employee (2008)

Lukosyak Y.P., Voevodskiy I.E., Mazur T.P., Silatieva N.A., Shrader T.A. Norwegians in Saint-Petersburg (XVIII-beginning of XIX centuries) (2008)

Mazur T.P. Vice-admiral K. Kruys in marine campaigns of 1712 and 1713 and tribunal on him (2005)

Mazur T.P., Voevodskiy I.E., Lukosyak Y.P., Mazur T.P., Silatieva N.A., Shrader T.A. Norwegians in Saint-Petersburg (XVIII-beginning of XIX centuries) (2008)

Mituyrin D.A. Military and diplomatic activity of P. K. Suchtelen in Finland and Sweden (2006)

Mituyrin D.A. James Kate as Governor-general of Finland (2008)

Musaev V.I. Finnish independence and “derussification” of Finland.

Musaev V.I. Konstantin Arabazhin in Saint-Petersburg and Finland (2005)

Omshina A. S. Finnish Siberian artist Toivo Vasilievitch Raynnel’ (2007)

Plokhova K.S. “Thirteen days or Finland”: Russian aristocrat P. G. Gagarin about Finland (1809) (2008)

Silatieva N.A., Voevodskiy I.E., Lukosyak Y.P., Mazur T.P., Silatieva N.A., Shrader T.A. Norwegians in Saint-Petersburg (XVIII-beginning of XIX centuries) (2008)

Smirnova T.M. Finnish printing house “Kiria” activity in Leningrad (2005)

Smirnova T.M. Finnish Soviet printing shots of Petrograd-Leningrad (2006)

Smolin A. V. Rebellion in Gelsingfors 3–4 March in 1917 and assassination of Vice-admiral A. I. Nepenin (2007)

Smolin A. V. Russian diplomatic representative in Sweden and white governments in Russia (2006)

Suvorova L. V. Finnish artist Yucho Rissanen in Petersburg (2008)

Taube A. The Taube family through centuries and events in Scandinavia, Baltic countries and Russia (2009)

Teryukov A.A. Admiral Etolin – the governor of Russian America. The Finn’s story in the Russian Navy (2007)

Teryukov A.A. Eric Gustav (Kirill Gustavovitch) Laksman: Finn’s fate in Russia (2006)

Teterevleva T.P. North European countries in Russian post revolution immigrants’ view (2006)

Trubnikova D.B. “The cultural nest” on the Karelian Isthmus at the beginning of the XX century (2009)

Shrader T.A., Voevodskiy I.E., Lukosyak Y.P., Mazur T.P., Silatieva N.A., Shrader T.A. Norwegians in Saint-Petersburg (XVIII-beginning of XIX centuries) (2008)

ECONOMICS, WAR AND POLITICS

Andreeva E.A. Native population and garrisons of Swedish Ingermanland and Karelia and construction of Petersburg (1703–1710) (2007)

Bazarova T.A. Novgorod’s peasants at the city construction in Ingermanland in 1702–1703 (2008)

Bazarova T.A. Collecting prosecution about enemy by Russian and Swedish armies during military operations near the Neva (the beginning of XVIII century) (2006)

Barishnikov V.N. “Short time thaw” or perspective program of cooperation? (the results of Finnish foreign affairs minister’s visit to the USSR in 1937) (2007)

Baryshnikov V.N. Plan of “petsamskoy operation” 1940 of Western aliens based on the materials of The Archive on Finland’s Ministry of Foreign Affairs (2009)

Baryshnikov N.I. Leningrad’s fate on the map of Finnish leaders (1941–1942) (2007)

Botchkov E.A. Transport supply of the Red Army in Soviet-Finnish war 1939–1940 (2009)

Vozgrin V.E. Scandinavia and Austria in Katherine the I policy (2006)

Vuorisjarvi E. Petsamo 1940–1941: did Russia really need nickel? (2007)

Gavrilov S.V. Intendance supply of The Russian army in Finland in war period 1808–1809 (2009)

Geust C.-F. Finnish intelligence air photography before “winter war” (2007)

Geust C.-F. International aid for Finnish air forces during Winter war (2006)

Geust C.-F. Soviet long distance air forces boosts to Helsinki since February 1944 (2008)

Dmitriev A.P. Kyakisalmi (Keksgol’m) in 1941–1944 (2006)

Zhukov A.Y. Petrozavodsk prehistory: unique peculiarities of the territory. XII–XVII centuries (2008)

Zhukov S.A. Estimating the work of Soviet troops rear area during “the winter war” of 1939–1940 (2009)

Zhuravlev D. A. Cooperation of civil and military organizations in forming medical aid system in Leningrad during Soviet-Finnish war (2005)

Zhuravlev D. A. Generalization of the medical supply experience in the Red Army during the Soviet-Finnish war of 1939–1940 (2007)

Zhuravlev D. A. Military men and civil population spirit during the Soviet-Finnish war of 1939–1940 (based on materials of Politics Administration of KBF) (2008)

Zhuravlev D. A. Leningrad medical workers during Soviet-Finnish war 1939–1940 (2009)

Katzova M. A. On so called Russian military danger and Swedish army on the eve and at the beginning of the First World War (2007)

Korablev N. A. Business activities of immigrants from Finland in Oloznezkaya Karelia (second half of XIX – beginning of XX centuries) (2008)

Kotakallio Y. Cooperation of Finnish and English secret services in 1918–1920 (2008)

Krotov P. A. “Attacking fortress” of Peter the I in battle near Poltava (to examine engineering fortification supply of the fight) (2008)

Krotov P. A. Recruitment of Finns to the Russian army at the end of the Northern War (1720) (2007)

Makurov V. G. Reorganization of life in Karelia into military way in 1941 (2008)

Makurov V. G. Petrozavodsk occupied 1941–1944 (2007)

Makurov V. G. Karelia in positional warfare period of 1942–1943 (2009)

Makurov V. G. Main stages and peculiarities of the Great Patriotic war 1941–1945 in Karelia (2006)

Makurov V. G. Soviets of Karelo-Finnish SSR on the Great Patriotic war eve (2005)

Mityurin D. V. “Mauzerists case”: attempt of remake (2005)

Musaev V. I. Finnish river steamship line in Saint-Petersburg (2009)

Novikova I. N. On escapes of German and Austrian prisoners of war through Finland during the First World War (2007)

Peresadilo R. V. Russian-Norwegian economic relations in the Russian North (end of XVIII-beginning of XX centuries) (2005)

Pul'kin M. V. Karelia in Russian-Swedish wars XVIII century (2005)

Repnevskiy A. V. “Winter war” in Norwegian politics (2005)

Sadova L. V. The Russian Empire and cancellation of Swedish-Norwegian unia (agreement) in 1905 (2007)

Selin A. A. About an idea of building a town in the Neva firth at the beginning of XVII century (2008)

Slavnitskiy N. R. Securing of Saint-Petersburg safety from Finland pressure: Vyborg and Keksgol'm fortifications in the Northern war period (2009)

Stepakov V. N. Development of the Karelian isthmus by the Soviet Union in 1940–first half of 1950 (2007)

Strogov D. I. The ways of solution of Finnish problem in pravo monar-chic groups of Petersburg-Petrograd (2006)

Tammi E. Why Vyborg wasn't going to be hold in 1944 (2008)

Fedorov I. A. German attacks in Scandinavia and Swedish policy (March – June 1940) (2007)

Fisher A. E. Napoleon's policy and Russian-Swedish war 1808–1809 (2007)

Fokin V. I. Northern war events reflected in public consciousness of Scan-dinavian countries in 20–30s of XX century (2008)

Fridkin V. N. The USSR and Finland's cooperation in safety sphere in 1948–1991 (2006)

Frumenkova T. G. Finland and North-West Russia in evacuation plans of Petersburg institutes of Mariinskiy administration in 1812 (2006)

Zamutali A. N. Russian officers about joint maneuvers of Russian and Fin-nish armies (1863, 1888) (2007)

Shkvarov A. G. On the problem of “genocide, wholesale slaughter and war crimes” of Cossacks on the territory of Baltic provinces in Sweden during Russian-Swedish wars of XVIII–XIX centuries (2009)

Shrader T. A. Refugees of Vyborg region at the end of XVIII century (2007)

Shrader T. A. Northern Admiral's march in 1870 and its importance for north of Russia (2005)

THE BALTIC SEA: COOPERATION AND CONFRONTATION

Bazarova T. A. Fortress Kronshlot on Swedish intelligence plans at the be-ginning of XVIII century (2005)

Dubrovskaya E. Y. Baltic mariners about Petrograd 1917 (2006)

Kovalev S. N. Baltic countries and collective protection on the eve of World War II (2009)

Kovalevskiy A. V. The Crimea war's echo in Finnish skerries (2006)

Krotov P. A. Gangut's battle 27 July 1714 in modern research: new data and studying perspectives (2006)

Krotov P. A. The Russian Navy phenomenon on Baltic at Peter the Great (2008)

Krotov P. A. Swedes vs. Swedes: Swedish service in Peter the Great Navy (2009)

Lukoshkov A. V. Historical monuments to Russian-European contacts at the Finnish Gulf's bed (2005)

Obraszov V. N. Russian Navy campaign along North Europe seas in 1769 (2008)

Partala M. A. Baltic Navy Communications' intelligence in the First World War (to history of its creation) (2005)

Partala M. A. Special radio station on Shitgamm mull and its role in history of Baltic Navy Communications' intelligence (1915–1917) (2006)

Petrov P. V. On the problem of Leningrad's safety from the sea in 1939–1941 (2009)

Petrov P. V. Operational and tactic games of KBF at the end of 1930s (Results and Lessons) (2005)

Petrov P. V. Soviet Baltic Navy and Events in Baltic countries in June 1940 (2006)

Podsoblyayev E. F. The development of marine protection plans for Saint-Petersburg on the First World War eve (2006)

Popov Y. M. Some aspects of relations between Russia and Sweden and interaction of their Navies during the Seven years war (2006)

Popov Y. M. Russian Navy in the first campaign of the Seven years war (cooperation and confrontation) (2005)

Popov Y. M. About admiral Z. D. Mishukov's squadron staying in Sweden (2008)

HISTORICAL SOURCES, OPINIONS AND ESTIMATIONS

Bazhanov D. A. Life in the capital of the Grand Duchy of Finland (based on the materials of "Finnish newspaper" 1914–1916) (2008)

Bazarova T. A. Sweden cartographical sources on warfare history in Petersburg and Kronshflot area in 1703–1708: based on materials of Sweden State and Military archives (Stockholm) (2007)

Bazarova T. A. Russian papers in the Sweden State Archive from intercepted parcels by enemies at the beginning of the Northern war (2009)

Baryshnikov V. N. Minutes of Finnish State Council 1939–1940 as the way of studying the problem of finishing of the "winter war" (2006)

Baryshnikov V. N. Forming the intention of Finnish leaders concerning the return of the lost territories of Karelian Isthmus after "the winter war" (2009)

Baryshnikov V. N. Secret correspondence of Finnish Ministry of Foreign Affairs with diplomatic representative in Moscow (October-November 1939) as a source of studying the problems of pre-"winter war" period (2008)

Baryshnikov N.I. The phenomenon of falsity: “victory is in confrontation». Finnish historiography about last battles in summer 1944 with Soviet Army (2006)

Baryshnikov N.I. Finland’s presidents Y.K. Paasikivi and U.K. Kekkonen summing up the problem of Leningrad’s safety (2005)

Baryshnikov N.I. To 90th anniversary of the Civil war in Finland (2009)

Bekman Y. Psychological aspect of Finland’s participation in war of 1941–1944 in works of Finnish historians, men of letters and publishers (2007)

Bel’skiy S.A. New findings of Middle aged antiquity at Karelian Isthmus (2006)

Vozgrin V.E. National politics in Petersburg in 1730th in pastor P. Haven’s papers (2007)

Vozgrin V.E. Historiography drama – Danish historians before and after national catastrophe in 1864 (2009)

Vozgrin V.E. Marine journals by N.A. Sinayvin and F.M. Apraksin as the source on Northern war history (2008)

Vozgrin V.E. Problem of genocide in Russian Scandinavian historiography of the Northern war (2005)

Viskotchkov L.V. The Emperor Nikolai I about Finland and Finnish people (2007)

Dubrovskaya E.Y. The Civil war and foreign intervention on Russian North in Karelian people memories (1920–1930s) (2008)

Zhuravleyv D.A. Case history of Finnish captives during Soviet-Finnish war in 1939–1940 as historical source (2006)

Zernov N.B. Karelian issue in Soviet-Finnish contacts at the beginning of the 20s XX century according to the USSR diplomatic documents (2009)

Ivleva S.E. Scandinavian countries in illustrated journal “Pictorial Russian library” 1856–1859 (2009)

Ivleva S.E. Baltic countries and Finland in journal “Illustration” in 1847–1848 (2008)

Kiseleyva T.V. The first scientific work by A.I. Sh’yogren “About Finnish language and Finnish literature” (2009)

Kosov Y.V. Problems of studying transborder regions of the North-West of Russia (2005)

Krivdina O.A. The Klodt fon Yurgensburg family archive in the State Russian museum. Major-general Karl Fyodorovitch Klodt biography (1765–1822) (2005)

Krivdina O.A. Subject of “Poltavskaya battle” in Russian art of the first half of the XVIII century (2008)

- Krivdina O. A.* Subject of “Poltavskaya battle” in Russian art of the second half of the XVIII century (2009)
- Kutuzov A. V.* Soviet press in Finland 1941–1942: creating enemy’s image (2007)
- Lazarev A. V.* Leningrad radio during Soviet-Finnish war 1939–1940 (2005)
- Marievskiy M. B.* Danish press about Soviet-Finnish war 1939–1940 (2005)
- Musaev V. I.* Migrates contacts between Petersburg and Vyborg provinces (XIX-beginning of XX centuries) (2006)
- Novikova I. N.* Military agents’ informative statements as source for studying Russian-Scandinavian relations during First World War (2005)
- Novikova I. N.* Trade-industrial newspaper “Scandinavian list” as source for studying Russian-Scandinavian relations during First World War (2008)
- Smolin A. V.* “The first Soviet-Finnish war 1918–1920”: historiography myth or reality? (2009)
- Trosheva N. V.* Memorial’s “Svirskaya Pobeda/Victory” history (2006)
- Usuyuskin G. S.* Teriyoki of 1944 in the eyes of beholders (2006)
- Feydorov M. V.* Call of International socialist conference in Stockholm and “Izvestiya of Petrograd Soviet of workers and soldiers deputies” (March-May 1917) (2006)
- Fisher A. E.* On the question of some specialties in researching of guerilla movement in Finland during the Russian-Swedish war 1808–1809 based on Russian historiography XIX–XX centuries (2006)
- Fokin V. I.* Modern problems of intercivilisation interactions referring to Scandinavian countries (2009)
- Fokina V. V.* Strategy and concept of regional integration of Northern European countries (2007)
- Khalipov S. G.* What does Klayzma mean? (2007)
- Khalipov S. G.* Finnish substratum in geographical names of Saint-Petersburg (2006)
- Zoffka V. V.* Finnish pages in travel essay of E. L. Markov (1835–1903) “Round Sweden” (2007)
- Zoffka V. V.* Russian theorist of literature Eino Genrihovitch Karhu as a scientist studying Pushkin (2005)
- Shrader T. A.* Publications of Emperor’ Academy of Science as the source concerning Russian – Swedish wars in the middle and second half of the XVIII century (2006)
- Shrader T. A.* Sweden and Norway in Saint-Petersburg periodicals (second half of the XIX century) (2009)
- Yakovlev O. A.* Periodicals about Finland in Saint-Petersburg (1845–1910) (2005)

SCIENCE, CULTURE AND RELIGION

Andreeva E. A. Men'shikov residence on Basil Island – first Petersburg “wedding palaces” (according Scandinavian sources) (2005)

Balashov E. A. Russian suburban town Kellomayki (2005)

Burkov V. G. Studying emblems and promissory notes of the Grand Duchy of Finland (2006)

Burkov V. G. To the history of state symbols of Denmark (2007)

Burkov V. G. To the history of state symbols of Sweden (2008)

Burkov V. G. Sweden emblems of Petersburg and Leningrad region towns (2005)

Vavulinskaya L. I. Petrozavodsk and Varkaus contact in international movement of twinned cities 1960–1990s (2008)

Vasilieva M. V. From history of Finnish ceramic company “Arabia” (2009)

Geust B. To 200 jubilee of philanthropic Aurora Karamzina in Finland and Russia (2009)

Zharkovskaya O. A. Horsed monuments in Scandinavian countries: historical image (2006)

Zharov B. S. On the role of Scandinavian studies in Russian universities (2009)

Zhukov A. Y. Graveyard and living – basis of administrative division in Northern Russia (in terms of Karelia XIII–XVI centuries) (2007)

Ivanov M. V. Finnish Evangelic-Lutheran living of Saint Maria in Petersburg (2005)

Iyleva S. E. Scandinavian countries in illustrated periodicals from the collection of Nikolai Solov'ev (2006)

Iyleva S. E. North European countries views on pages of Russian illustrated Journal 30–50s XIX century (“Pictorial observer”, “Pictorial volume”) (2005)

Iyleva S. E. Estlandia and Finland on pages of Journal “Illustration” in 1845. To history of Illustrated periodicals 1840s (2007)

Karpova E. V. Concerning the story of creating Katherine the II statue by Swedish sculptor E.-G. Gette (1779–1838) (2009)

Kent N. The influence of Italian culture in Scandinavia in XVIII century (2009)

Kirilenko I. V., Papaskiri T. V. Norwegian artist Edvard Munk (2006)

Kirilenko I. V., Papaskiri T. V. Norwegian impressionism in works of the artist Franz Taulov (2009)

Kirilenko I. V., Papaskiri T. V. National specialties in design of items from glass and ceramics in Sweden and Finland (2007)

Kosilov S. V. Lahta's excursion centre's activity on studying Karelian Isthmus in 1919–1932 (2009)

Krivdina O. A. The exhibition “Sergel’ and European terakota” in the State Museum in Stockholm (2004) (2006)

Krivdina O. A. A few portraits to iconography of the Emperor Maria Fyodorovna (1847–1928) (2007)

Krivoshchev Y. V. The Program “North of Karelian Isthmus in postwar period”: first results (2009)

Kripatova Y. I. Orthodox parish unions in Vyborg's province as part of the Grand Duchy of Finland (2009)

Musaev V. I. Karelian Isthmus as the centre of Russian cultural and spiritual life in Finland (2009)

Papaskiri T. V., Kirilenko I. V. Norwegian artist Edvard Munk (2006)

Papaskiri T. V., Kirilenko I. V. Norwegian impressionism in works of the artist Franz Taulov (2009)

Kirilenko I. V., Papaskiri T. V. National specialties in design of items from glass and ceramics in Sweden and Finland (2007)

Plokhova K. S. Social interaction of Russian and Finnish people in the first quarter of the XIX century: main stages (2007)

Pul'kin M. V. Old rituals settlements in Finland: the system of foreign contacts in the second half of the XIX — in the beginning of the XX centuries (2006)

Raysanzeva N. B., Fokin V. I. Participation of Scandinavian countries in international humanitarian cooperation between two world wars (2008)

Usuyskin G. S. Boverý “Vase” in Kuokkola as historical monument (2005)

Fokin A. I. Leningrad — the centre of International Arctic researches in 1920–1930s (2006)

Fokin V. I. Petersburg image in spiritual life of North European countries in 1920–1930s (2005)

Frumenkova T. G. Finnish circuit of Petersburg's pedagogic house at the second quarter of XIX century (2009)

Khalipov S. G., Zoffka V. V. About hydronyms of Kostromskoiy region (2008)

Hamfel'd A. History and modern world: development of cooperation between Upsala University and Russia (2005)

Kharchenko L. I. Finns and Russians in each others' view (2005)

Kharchenkova L. I. Comparative analysis of Russian and Finland colored symbols (2007)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Preface	7
ЛЮДИ И СОБЫТИЯ	
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ	9
<i>Д. Б. Трубникова</i>	
«Культурное гнездо» на Карельском перешейке в начале XX в	10
<i>Е. Ю. Дубровская</i>	
Карельско-финляндское приграничье в исторической памяти населения Карелии (по материалам периодики начала XX в.).....	17
<i>Д. А. Журавлев</i>	
Эпизоды боя в «Долине смерти» глазами медиков.....	28
<i>А. Таубе</i>	
Род Таубе сквозь века и события Скандинавии, Прибалтики и России.....	43
<i>В. И. Мусаев</i>	
Финляндская независимость и «дерусификация» Финляндии	48
<i>Э. Вуориярви</i>	
Из истории одного из финских поселений на берегу Ледовитого океана	57
<i>К.-Ф. Геуст</i>	
К вопросу о потерях советской авиации в боях с Финляндией и показаниях пленных летчиков в годы Второй мировой войны.....	64
ЭКОНОМИКА,	
ВОЙНА И ПОЛИТИКА.....	75
<i>Н. Р. Славнитский</i>	
Обеспечение безопасности Санкт-Петербурга со стороны Финляндии: укрепления Выборга и Кексгольма в годы Северной войны	76

<i>С. В. Гаврилов</i>	Интендантское снабжение русской армии в Финляндии в период войны 1808–1809 гг.	87
<i>А. Г. Шкваров</i>	О проблеме «геноцида и военных преступлений» казачества на территории прибалтийских провинций Швеции в ходе русско-шведских войн XVIII–XIX вв.	90
<i>В. И. Мусаев</i>	Финляндское речное пароходство в Санкт-Петербурге.....	110
<i>В. Н. Барышников</i>	План «петсамской операции» 1940 г. западных союзников по материалам Архива Министерства иностранных дел Финляндии	116
<i>С. А. Жуков</i>	Об оценке работы тыла советских войск в период «зимней войны» 1939–1940 гг.....	130
<i>Е. А. Богков</i>	Транспортное обеспечение Красной Армии в советско-финляндской войне 1939–1940 гг.	140
<i>Д. А. Журавлев</i>	Медицинские работники Ленинграда в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.....	152
<i>В. Г. Макуров</i>	Карелия в период позиционной войны 1942–1943 гг.	167
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ:		
СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ.....		181
<i>П. А. Кротов</i>	Шведы против шведов: служба шведов во флоте Петра Великого	182
<i>С. Н. Ковалёв</i>	Страны Балтии и коллективная безопасность накануне Второй мировой войны	190
<i>П. В. Петров</i>	К вопросу о безопасности Ленинграда с моря в 1939–1941 гг. ...	204
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ.....		219
<i>Т. А. Базарова</i>	Русские письма в Государственном архиве Швеции из перехваченных неприятелем пакетов в начале Северной войны	220

<i>О. А. Кривдина</i>	
Сюжет «Полтавская баталия» в русском искусстве второй половины XVIII в.	229
<i>В. Е. Возгрин</i>	
Историографическая драма — датские историки до и после национальной катастрофы 1864 г.	236
<i>С. Е. Ивлева</i>	
Страны Скандинавии в иллюстрированном журнале «Живописная русская библиотека» 1856–1859 гг.	251
<i>Т. В. Киселёва</i>	
Первый научный труд А. И. Шёгрена «О финском языке и финской литературе».....	255
<i>Т. А. Шрадер</i>	
Швеция и Норвегия в периодической печати Санкт-Петербурга (вторая половина XIX в.)	266
<i>А. В. Смолин</i>	
«Первая советско-финская война 1918–1920 гг.»: историографический миф или реальность?.....	271
<i>Н. И. Барышников</i>	
К 90-летию гражданской войны в Финляндии.	279
<i>Н. Б. Зернов</i>	
Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в начале 20-х гг. XX в. по дипломатическим документам СССР	283
<i>В. Н. Барышников</i>	
Рождение замысла финского руководства о возвращении утраченных территорий Карельского перешейка после «зимней войны»	290
<i>В. И. Фокин</i>	
Современные проблемы межцивилизационного взаимодействия на примере Скандинавских стран.....	303
НАУКА,	
КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ	317
<i>Б. С. Жаров</i>	
О роли изучения скандинавистики в университетах России	318
<i>Н. Кент</i>	
Влияние итальянской культуры в Скандинавии в XVIII в. ...	328

<i>В. И. Мусаев</i>	Карельский перешеек как центр русской культурной и духовной жизни в Финляндии.	338
<i>Ю. В. Кривошеев</i>	Программа «Север Карельского перешейка в послевоенное время»: первые результаты	348
<i>Е. В. Карпова</i>	К истории создания статуи Екатерины II шведским скульптором Э.-Г. Гёте (1779–1838 гг.)	353
<i>Б. Геуст</i>	К двухсотлетию юбилею Авроры Карамзиной — благотворительницы в Финляндии и России	361
<i>М. В. Васильева</i>	Из истории финской керамической фирмы «Арабия»	368
<i>И. В. Кириленко, Т. В. Пааскари</i>	Норвежский импрессионизм в творчестве художника Франца Таулова	377
<i>Ю. И. Крипатова</i>	Православные приходы Выборгской губернии в составе Великого Княжества Финляндского	381
<i>Т. Г. Фруменкова</i>	Финляндский округ Петербургского воспитательного дома во второй четверти XIX в.	393
<i>С. В. Косилов</i>	Деятельность Лахтинской экскурсионной станции по изучению Карельского перешейка в 1919–1932 гг.	404
	Краткие сведения об авторах	414
	Information about authors	416
	Статьи, опубликованные в VI–X сборниках «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» (2005–2009 гг.)	418
	Articles published in VI–X volumes “Saint Petersburg and Northern European countries” (2005–2009)	430

CONTENTS

Preface	7
PEOPLE AND EVENTS THROUGH THE PRISM OF HISTORY	9
<i>D. B. Trubnikova</i> “The cultural nest” on the Karelian Isthmus at the beginning of the XX century.....	10
<i>E. Y. Dubrovskaya</i> Karelian-Finnish border zone in historical memories of Karelian population (based on periodic materials of the beginning of the XX century).....	17
<i>D. A. Zuravlev</i> Fighting episodes in “Death Valley” in medicals’ view	28
<i>A. Taube</i> The Taube family through centuries and events in Scandinavia, Baltic countries and Russia	43
<i>V. I. Musaev</i> Finnish independence and “derussification” of Finland	48
<i>E. Vuoriharvi</i> Some facts about one of the Finnish settlements on the Arctic Ocean shore	57
<i>K.-F. Geust</i> On the question of Soviet Air Force loss in battles with Finland and evidence of captive pilots during the World War II	64
ECONOMICS, WAR AND POLITICS	75
<i>N. R. Slavnitskiy</i> Securing of Saint-Petersburg safety from Finland pressure: Vyborg and Keksgol’m fortifications in the Northern war period	76
<i>S. V. Gavrilov</i> Intendance supply of The Russian army in Finland in war period 1808–1809	87

<i>A. G. Shkvarov</i>	On the problem of “genocide, wholesale slaughter and war crimes” of Cossacks on the territory of Baltic provinces in Sweden during Russian-Swedish wars of XVIII–XIX centuries	90
<i>V. I. Musaev</i>	Finnish river steamship line in Saint-Petersburg	110
<i>V. N. Bariyshnikov</i>	Plan of “petsamskoy operation” 1940 of Western aliens based on the materials of The Archive on Finland’s Ministry of Foreign Affairs.	116
<i>S. A. Zhukov</i>	Estimating the work of Soviet troops rear area during “the winter war” of 1939–1940.	130
<i>E. A. Botchkov</i>	Transport supply of the Red Army in Soviet-Finnish war 1939–1940.	140
<i>D. A. Zhuravleyv</i>	Leningrad medical workers during Soviet-Finnish war 1939–1940.	152
<i>V. G. Makurov</i>	Karelia in positional warfare period of 1942–1943	167
THE BALTIC SEA:		
COOPERATION AND CONFRONTATION.		181
<i>P. A. Krotov</i>	Swedes vs Swedes: Swedish service in Peter the Great Navy	182
<i>S. N. Kovalev</i>	Baltic countries and collective protection on the eve of World War II.	190
<i>P. V. Petrov</i>	On the problem of Leningrad’s safety from the sea in 1939–1941	204
HISTORICAL SOURCES,		
OPINIONS AND ESTIMATIONS.		219
<i>T. A. Bazarova</i>	Russian papers in the Sweden State Archive from intercepted parcels by enemies at the beginning of the Northern war.	220
<i>O. A. Krivdina</i>	Subject of “Poltavskaya battle” in Russian art of the second half of the XVIII century	229

<i>V. E. Vozgrin</i>	
Historiography drama – Danish historians before and after national catastrophe in 1864.	236
<i>S. E. Ivleva</i>	
Scandinavian countries in illustrated journal “Pictorial Russian library” 1856–1859.	251
<i>T. V. Kiseleyva</i>	
The first scientific work by A. I. Sh’yogren “About Finnish language and Finnish literature”.	255
<i>T. A. Shrader</i>	
Sweden and Norway in Saint-Petersburg periodicals (second half of the XIX century).	266
<i>A. V. Smolin</i>	
“The first Soviet-Finnish war 1918-1920”: historiography myth or reality?	271
<i>N. I. Bariyshnikov</i>	
To 90 th anniversary of the Civil war in Finland.	279
<i>N. B. Zernov</i>	
Karelian issue in Soviet-Finnish contacts at the beginning of the 20s XX century according to the USSR diplomatic documents.	283
<i>V. N. Bariyshnikov</i>	
Forming the intention of Finnish leaders concerning the return of the lost territories of Karelian Isthmus after “the winter war”.	290
<i>V. I. Fokin</i>	
Modern problems of intercivlisation interactions referring to Scandinavian countries.	303
SCIENCE, CULTURE AND RELIGION.	317
<i>B. S. Zharov</i>	
On the role of Scandinavian studies in Russian universities.	318
<i>N. Kent</i>	
The influence of Italian culture in Scandinavia in XVIII century.	328
<i>V. I. Musaev</i>	
Karelian Isthmus as the centre of Russian cultural and spiritual life in Finland.	338

<i>Y. V. Krivosheev</i>	
The Program “North of Karelian Isthmus in postwar period”: first results	348
<i>E. V. Karpova</i>	
Concerning the story of creating Katherine the II statue by Swedish sculptor E.-G. Gete (1779–1838).....	353
<i>B. Geust</i>	
To 200 jubilee of philanthrop Aurora Karamzina in Finland and Russia	361
<i>M. V. Vasileva</i>	
From history of Finnish ceramic company “Arabia”	368
<i>I. V. Kirilenko, T. V. Paaskari</i>	
Norwegian impressionism in works of the artist Franz Taulov.....	377
<i>Y. I. Kripatova</i>	
Orthodox parish unions in Vyborg’s province as part of the Grand Duchy of Finland	381
<i>T. G. Frumenkova</i>	
Finnish circuit of Petersburg’s pedagogic house at the second quarter of XIX century	393
<i>S. V. Kosilov</i>	
Lahta’s excursion centre’s activity on studying Karelian Isthmus in 1919–1932.....	404
Information about authors.....	416
Articles published in VI–X volumes “Saint Petersburg and Northern European countries” (2005–2009)	430

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
И
СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ
Материалы Десятой ежегодной
международной научной конференции

Редактор *В. Н. Подгорбунских*
Художник *В. В. Третьяк*
Верстка *Т. О. Прокофьевой*

Подписано в печать с готового оригинал-макета 10.03.2009.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бум. офсетная. Гарнитура Остava.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,00. Тираж 1000 экз.
Заказ №

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15,
Издательство Русской христианской гуманитарной академии.
Факс: (812) 311-30-75; тел.: (812) 310-97-91,
e-mail: editor@rchgi.spb.ru. URL: <http://www.rhga.ru>

Отпечатано в типографии "Град Петров"
ООО ИД "Петрополис"
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная,
д. 16, офис-центр 1, пом. 12, тел.: 336-50-34.
E-mail: info@petropolis-ph.spb.ru
www.petropolis-ph.spb.ru